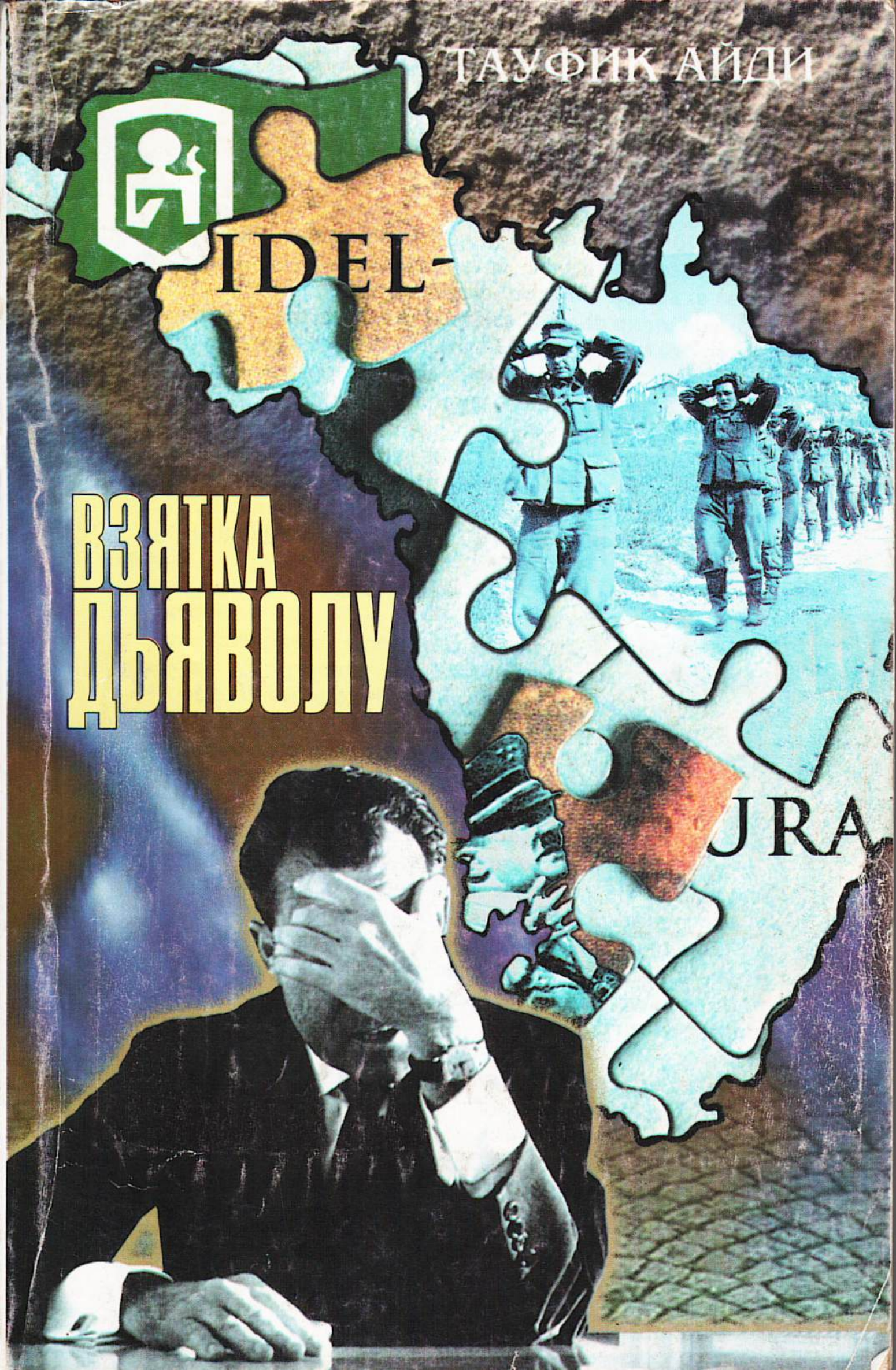
ТАУФИК АЙДИ

IDEL-

ВЗЯТКА ДЬЯВОЛУ



JRA

1

Вот уж не думала фрау Берна, что когда-нибудь пустит в свой дом, да еще на постой, какого-то азиата. Но факт есть факт: сразу же после подачи адреса в квартирное бюро этому сыну Востока предложили дом благородной тевтонки фрау Берны. Неудобно было отказывать, хотя и коробило фрау от такого беспардонного "вторжения" Азии в ее благопристойные пенаты.

Когда муж вернулся с работы, фрау Берна посчитала за должное прежде всего рассказать о постояльце.

- Фриц, а я сегодня пустующую квартиру сдала постояльцу.

- Ну и правильно сделала, дорогая. Деньги нам не помешают.

- Знаешь, кто там поселился?

- И кто же?

- Русландтюркен - российский тюрок. Представляешь, этот азиат, унтерменш, недочеловек будет валяться на нашей роскошной кровати из карельской березы!

Фриц только улыбнулся, он прекрасно знал, что жена никогда ничего не предпримет, не подумав как следует.

- И что, он с рогами? Или похож на обезьяну?

- В том-то и дело, что нет! - возмущенно воскликнула фрау. - Вот и верь после этого фюреру. Он же постоянно твердил, что все эти азиаты и африканцы суть недочеловеки, чуть ли не полуобезьяны, и что их на пушечный выстрел нельзя подпускать к Германии. Помнишь, как в книге "Майн кампф" он с негодованием написал по поводу предоставления зулусам и монголам германского гражданства? А теперь он этим азиатам предоставляет даже работу, и не где-нибудь, а в Восточном министерстве. Понимаешь, в ми-нис-тер-стве!

Фрау Берна произнесла это таким тоном и с таким выражением лица, что можно было не сомневаться во всей трагичности обрисованной ею ситуации. Однако Фриц на возмущение жены и ухом не повел.

- А я, знаешь ли, так до конца и не прочитал этот "Майн кампф". Галиматья какая-то...

- Придержи язык, Фриц! Смотри, не обмолвись кому-нибудь об этом.

- А что, так ли уж безобразен наш квартирант?

- В том то и дело, Фриц, что эта бестия едва ли не красивее нас! Удивительно! Разрез глаз, конечно, чуть-чуть узковат, но в остальном, я тебе скажу, он выглядит как истинный европеец: белокожий, высоколобый, рослый.

- Может он и по-немецки говорит?

- Представь себе, говорит! По-нашему объясняется. И, знаешь, очень воспитанный. Квартплату без разговоров за месяц вперед заплатил. В министерстве работает, понимаешь? Одет с иголочки, и манеры все как у культурного человека.

Факт работы квартиранта в министерстве был немаловажен, видимо, и для Фрица, во всяком случае он с довольным видом произнес:

- Значит, надежный господин. Может, он вовсе не из племени зулусов или монголов?

- Да я и сама засомневалась,- призналась фрау, - а его самого расспрашивать неудобно. Как будто восточного племени, но внешне от нас ничем не отличается. Впрочем, зачем нам знать, какой он расы? Для этого есть гестапо, пусть оно и проверяет. Верно?

- Я тоже так думаю. Если заметим в нем что-нибудь неподходящее, избавиться от него будет нетрудно.

Фрау Берна обрадовалась, что так быстро и легко нашла общий язык с мужем.

- Берлин сейчас вообще кишмя кишит иностранцами,- продолжала она. - Эти итальянцы, французы и еще там кто-то... Ходят толпами по улицам и лопочат по-своему. А наш квартирант все-таки по-немецки объясняется. Слух наш не оскорбляет, вроде бы как свой...

Фриц не стал больше распространяться на эту тему. Да и привык он к тому, что в этом доме последнее слово всегда за женой: что ни говори, а она коренная берлинка, и этот дом достался им в наследство от ее родителей. К городской жизни фрау Берна приспособлена как нельзя лучше, и Фриц только рад, что супруга так ловко справляется со всеми бытовыми проблемами. Ему, крестьянскому сыну, родившемуся и выросшему в сорока километрах от Берлина, повезло - обосновался в столице

благодаря именно браку с Берной. Да и Берне посчастливилось, как-никак встретила здорового, вполне трудоспособного - руки, ноги целы мужчину, в то время как сотни тысяч потенциальных женихов осталось лежать на полях сражений Первой Мировой войны, а вернулись в основном лишь инвалиды. И специальность у Фрица хорошая - производство оборудования для строительства домов. Правда, профиль завода сейчас изменился, как и везде почти, но это обстоятельство фрау Берну ничуть не смущает. Пока дети были маленькими, фрау начала подрабатывать на полставки в билетной кассе, да так и осталась там. Свободное от работы время она целиком посвящает семье, дому. Кроме того, у Фрица в деревне осталось хозяйство, которое также нужно содержать в порядке. Так что госпоже большую часть летнего времени приходится проводить на ферме. Благодаря неустанной заботе фюрера, его жесткой политике и суровым порядкам, благосостояние и жизненный уровень граждан Рейха резко поднялись, что особенно было заметно в Берлине. Однако за последние три-четыре года радость фрау по этому поводу поубавилась: ее снедала тревога за жизнь и здоровье троих мужчин в семье. Если за мужа она была относительно спокойна - вряд ли пожилого мужчину отправят на фронт, то тревога за двух сыновей, воюющих за интересы великого фатерланда, усиливалась с каждым днем. От сыновей давно нет вестей - ни с восточного, ни с западного фронтов, где они воюют. А между тем по улицам столицы расхаживают молодые люди в парадных мундирах, отнюдь не утруждая себя сидением в окопах. Конечно, это не рядовые солдаты, но разве фрау Берне от этого легче?..

Через несколько дней фрау позвала на чашку вечернего кофе госпожу Эву - родственницу по мужу. Разговор, конечно, зашел и о русландтюркене - новом постояльце.

- Такой молодой, а уже в министерстве работает, надо же! - выразила удивление и восхищение фрау Берна.

- Надеюсь, он хорошего поведения? - спросила гос-тья.

- Удивительно хорошего! Скромный, вежливый, покладистый. Возвращается домой и весь вечер то читает, то что-то пишет. Потом слушает радио.

- А что читает?

- На столе у него лежит "Майн кампф", учебники немецкого языка, словари... Ты ведь знаешь, что наш Фриц до сих пор не удосужился прочитать книгу фюрера, а этот юноша изучает ее с карандашом в руке, все время что-то подчеркивает. Знает с чего начинать!..

- Зато у нашего Фрица руки золотые, - возразила фрау Эва. - На таких как он и держится фатерланд. Они - золотой фонд Германии!

- Спасибо, Эвочка, я тоже так думаю. Слушаем мы как-то с Фрицем радио. Цитировали нашего философа Гегеля, который якобы утверждал, что война - это способ великого очищения. Мол народы, испорченные спокойной и мирной жизнью, могут очиститься только войной, как море после бури освобождается от грязи и мусора. Дескать, привычные нам понятия нравственности не должны связывать государство и его героев, им должны быть чужды такие качества, как скромность, милосердие, послушание, поэтому государство с корнем вырвет эти предрассудки... В общем, Фриц слушал, слушал эти разглагольствования, а потом не выдержал и выключил радио. "Послать бы этих болтунов хоть на один месяц на передовую!" - только и выцедил он.

- Фриц - по-своему философ, - попыталась защитить его фрау Эва. - Однажды он и мне сказал: "Когда мир беснуется, лучше переждать в укромном местечке. Что может быть лучше, чем спрятаться от бури? Нужно запастись терпением: ураган побушует и стихнет." Действительно, разумнее всего переждать бурю. Вот только вопрос: возможно ли это? В силах ли мы самоустраниться, остаться в стороне от всеобщей бури?

- Послушай, Эвочка, почему ты не пробуешь торт? Может, кофе остыл?

- Нет-нет, спасибо. Кофе еще горячий. Так я говорю, многие мечтают укрыться от бури, да не получается...

- Да-да, - закивала головой фрау Берна. - Иногда я читаю Евангелие и думаю. Господь говорит: "Не убий. Не прелюбодействуй. Не воруй. Не лжесвидетельствуй. Возлюби ближнего своего"... Ведь мы должны жить по этим принципам. Но разве мы так живем?

- По-моему, Евангелие и Библию у нас никто не читает с таким самозабвением, как ты. А если и читают, то пропускают те места, которые ты прочитываешь по

нескольку раз. Да и в церковь ходят по большей части не помолиться, а чтобы встретить своих знакомых, пощеголять в новом платье.

- А разве слова фюрера не противоречат написанному в Библии? "Если не можешь взять добром, нужно брать силой", - говорит он. И его ничуть не волнует, что при этом может пролиться море крови...

- Кажется, ты "Майн кампф" изучаешь наперегонки со своим русландтюркеном? - с улыбкой поддела ее фрау Эва.

- Да нет же, - оправдывалась фрау Берна. - Это все радио.

- Я слышала, в магазины поступила новая косметика. Аромат у кремов, говорят, бесподобный, а кожа лица после них становится гладкой как у девушки.

- А откуда привезли?

- Из Парижа. Как видишь, наш фюрер заботится и о красоте женщин Дойчланда.

- Как бы дорого не обошлась нам эта забота.

- Да что с тобой сегодня? - удивилась фрау Эва. - Все воспринимаешь в мрачном свете.

- Есть с чего. От сыновей давно нет вестей. Сердце уж изболелось. Неужели для возвеличивания Германии так нужна жизнь моих мальчиков?

- У-у... С тобой сегодня вообще опасно разговаривать. Ладно, ладно, не терзай себя раньше времени, дорогая.

- Чтобы угодить гостье, фрау Берна завела патефон. Зазвучала бравурная музыка - "Баденвейлерский марш", любимый марш Гитлера. Фрау Эва взглянула на хозяйку, и поняла, что та не слушает музыку и целиком погружена в свои мысли. Не дослушав марш, фрау Эва сменила пластинку. Зазвучал вальс. Гостья положила руку на плечо хозяйки:

- А ты, Берна, не спеши горевать. Не расстраивайся, потерпи еще немного, вот увидишь, придут письма от твоих мальчиков, обязательно придут. Война ведь: наверное, времени у них не хватает на письма... А твой квартирант что, из военнопленных?

- Точно не знаю. Как-то неудобно спрашивать обо всем сразу.

- Он христианин?

- Кажется, нет. Ведь он из страны безбожников-коммунистов.

- Эти коммунисты Маркса вместо Бога почитают, - с видом знатока заметила фрау Эва. - И у нас их много было, сама знаешь. Только фюрер их к ногтю прижал. Потом многие из них добровольно перешли на сторону Гитлера, даже в церковь стали ходить.

- Может быть, фюрер и прав, раз утверждает, что коммунизм - это новая религия евреев. Только герр Янгураз - не еврей, это я точно знаю, - сказала фрау Берна. - Он уважает нашу религию, среди его книг есть и Евангелие. И... Погоди-ка... У него ведь и Коран есть. Может он мусульманин?

- Ах, Берна! - покачала головой гостья. - Мне давно известно, что большинство русландтюркенов исповедуют ислам. Я их часто встречала, когда работала в нашем консульстве в Турции. Так что их не надо бояться.

- В конце концов Бог для всех один, - вздохнула фрау Берна. - Одного только не пойму: почему Всевышний ниспослал нам столько религий?

- Мы не в силах сегодня ответить на этот вопрос. Чего зря голову ломать?

Пластинка уже давно перестала крутиться, а новую никто не ставил. В целях светомаскировки уличные фонари не горели, окна занавешаны плотными шторами. Густой туман лишь усугублял темноту. Тусклый свет фар проезжающих автомобилей таял во мраке. В такую погоду особенно тянет к домашнему очагу. Фрау Берна вышла провожать гостью и долго стояла, глядя, как постепенно в тумане исчезает фигурка ее компаньонки.

Фрау Берна хотела услышать слова утешения от своей образованной приятельницы, но чего только та не наговорила... И вообще Эва несколько изменилась после ухода из консульства. Раньше она всегда была жизнерадостной, на любой вопрос находила точный ответ. А теперь в ее поведении появилось что-то странное. Не договаривает она чего-то, замолкает на полуслове... Да, в нынешнее время прежде чем что-то сказать, приходится как следует подумать.

Квартирант, как олицетворение незнакомого мира, конечно, интересовал хозяйку дома. Но герр Янгураз не спешил открывать перед ней ворота в свой мир. Почему?

Бог его знает. Может он еще недостаточно владеет немецким, может быть чересчур стеснительный, а может и то и другое вместе. Сам он никогда не вступает в разговор первым, хотя при встрече здоровается весьма приветливо, на вопросы отвечает почтительно, а лицо его при этом так и светится.

Фрау Берна боясь показаться постояльцу назойливой своими расспросами, терпеливо ждала, когда же, наконец, этот странный, но любезный русландтюркен разговорится сам. Своим терпеливым ожиданием она вызывала невольную улыбку Фрица. Впрочем, ждать пришлось сравнительно недолго, если, конечно, можно применить это слово в отношении нескольких недель, в течение которых фрау Берна мужественно усмиряла свое любопытство. Наконец, герр Янгураз заговорил сам.

- Фрау Берна! - обратился он. - Я так привык к вашему чудесному дому. Квартира у меня удобная и просторная. Знаете, порой кажется даже слишком просторной...

- О-о, герр Янгураз! Неужели вам не нравится? Хотя вообще-то говорят, что так бывает иногда.

- Нет-нет, фрау Берна! - успокоил ее постоялец. - Мне очень нравится. Но дело в том, что один мой знакомый, тоже русландтюркен, нуждается в жилье, и, если вы позволите, я не против, чтобы он жил со мной, тем более квартира моя двухкомнатная, а живу я практически только в одной комнате. Комнаты, как вы знаете, раздельные, поэтому мы не будем мешать друг другу.

- А где работает ваш знакомый?

- Пока на заводе, но в ближайшее время он перейдет на более подходящую работу: ведь он ученый, профессор, человек серьезный и основательный.

Янгураз назвал Рамзи профессором, потому что знал, что у немцев нет звания доцента.

Слова "ученый" и "профессор", видимо, подействовали на фрау Берну самым благоприятным образом, кроме того, она явно была довольна такой разговорчивостью Янгураза. В общем, она с улыбкой ответила:

- Ну, конечно, герр Янгураз, это даже хорошо. Вам же, я полагаю, будет веселее жить под крышей моего дома с вашим приятелем-ученым?

- Несомненно. А платить мы будем так, как вы пожелаете.

- А он такой же обаятельный и вежливый, как и вы, герр Янгураз?

- О, конечно! Вернее, он лучше меня, он чрезвычайно приятный господин!

- Что же, пусть переселяется.

Так "профессор" Рамзи Сабанчи поселился на улице Анклам, в доме гостеприимной, словоохотливой фрау Берны.

Новый постоялец, к счастью, довольно сносно владел немецким, ведь ему по роду своей деятельности приходилось читать статьи и на немецком языке, и он в какой-то мере удовлетворял любопытство фрау Берны, рассказывая ей о жизни в России. Фрау, без сомнения, импонировала общительность нового постояльца, но герра Янгураза она все же ставила выше этого профессора, и на то была своя причина. Дело в том, что не прошло и месяца со дня переезда, как герр Сабан стал приглашать в гости девушек, причем даже не немок, что было особенно возмутительным для фрау Берны. Они брали у хозяйки посуду, накрывали стол, сидели подолгу и о чем-то разговаривали, а то и пели. И все не по-немецки! Чудно как-то! И песни у них какие-то протяжные. Вообще-то в этом, если подумать, нет ничего предосудительного, но все же странно: ведь немецкая молодежь предпочитает отдыхать в кафе или пивных барах, а эти... Может у русландтюркенов денег мало? Но ведь они занимают солидные должности и работают в солидных учреждениях, и за квартиру платят вперед. Возможно, они среди немецкоязычных посетителей баров стесняются говорить на своем языке? Кто их знает... Пока, конечно, они ведут себя вполне благопристойно, не сидят допоздна, девушек на ночь не оставляют. Одно беспокоит высоконравственную фрау Берну: как бы герр Сабан вечеринками не испортил своего младшего друга. Когда герр Янгураз поступил учиться в Берлинский университет, фрау обеспокоилась еще больше, что герр Сабан будет отвлекать студента, если будет брать его с собой то в Тиергартен, то еще невесть куда. Иногда фрау Берна ловила себя на мысли, что беспокоится за этого молодого русландтюркена?.. Но тут же отгоняла эти мысли.

Как-то она своими тревогами поделилась с фрау Эвой, зайдя к ней в магазин. Впрочем, разговор начала сама фрау Эва.

- Что-то давно не видно вашего студента, - заметила она. - Уж не уехал ли куда?

- Вообще-то он уезжал в командировку, но сейчас в Берлине, - ответила фрау Берна.

- Но ведь он, должно быть, покупает продукты для дома?

- Да... В последнее время и гости не раз у него бывали... Профессор - непременный инициатор посиделок, и вообще, кажется, любитель домашних вечеринок. Как бы он не испортил нашего студента.

- Они же молодые, - успокаивала ее фрау Эва, - иногда могут и развлечься. А ты, дорогая, посоветуй-ка господину Янгуразу не забывать наш магазин: ведь он напротив вашего дома. Чего в дальние магазины ходить? Накладно небось...

- Скажу... Он вообще-то толковый и порядочный, как настоящий немец. Как-то пришли к нему гости, и я вместе с посудой занесла им кусок пирога, чтобы угостить...

- Ты обращала внимание на его гостей? - с улыбкой перебила ее фрау Эва.

- Да, а что тут особенного? - живо отреагировала фрау Берна. - И знаешь, я бы не стала утверждать, что они дурны собой. Но дело не в этом. Возвращая мне тарелки, герр Янгураз положил в них фрукты. И любезно так сказал: "Примите и от нас угощение, фрау Берна". Представляешь, какая учтивость!

- Неплохо. Только смотри, дорогая, не влюбись в него.

- Да что ты? Он же мне в сыновья годится.

- Один поэт сказал: "Любви все возрасты покорны". Разве не так?

В магазин вошли очередные покупатели и разговор двух женщин прервался.

Вечером фрау Берна поджидала возвращения своего постояльца в коридоре. На улице шел дождь со снегом, и Янгураз совсем промок, хотя был с зонтом..

-Добрый вечер, фрау Берна!

- Вечер добрый! Ах, как вы промокли! Снимите скорее одежду, а я вам сейчас приготовлю горячий кофе.

- Спасибо, не беспокойтесь, фрау, прошу вас, - сказал Янгураз, складывая зонт. - У вас и так забот хватает. А мне достаточно доброго слова или мудрого совета.

- Вы прямо как царь Соломон, - вырвалось у фрау Берны.

Янгураз с интересом посмотрел на нее:

- Это почему же?

- Потому что ни у меня, ни у кого другого вы не просите ничего, кроме мудрых советов. А мы - ни я, ни Эва не так мудры. Конечно, мы можем украсить ваш вечер, скажем, за чашечкой кофе, а что касается мудрости...

- Фрау Берна, - мягко сказал Янгураз, - вы очень добры. А для человека порой не бывает подарка лучше, чем просто сочувствие.

- Знаете, сегодня и Эва вспоминала о вас. Помните, я говорила о ней - это наша родственница, хозяйка продуктового магазина, что напротив. Я рассказывала ей о вас. Эва посетовала, что вы не заходите в их магазин. Ведь, торговец всегда заинтересован в реализации своего товара. А вы, герр Янгураз, в другом месте покупаете продукты?

- Да, по пути с работы я захожу в одну лавку. Но теперь я буду придерживаться вашего совета, фрау Берна.

- Мы же хотим создать для вас хотя бы небольшие удобства, чтобы вы чувствовали себя здесь... ну, если и не как дома, то по крайней мере не как у чужих.

- Искренне признателен вам! Я уже почти не считаю Дойчланд чужбиной. А рядом с вами и вовсе чувствую себя как дома.

- Дай-то Бог, герр Янгураз, дай-то Бог. Всевышний един, он велит нам быть милосердными друг к другу, учит, что лишь умение сострадать позволит человеку обрести вечное блаженство на небе. От добрых дел и слепой прозреет. Да, Бог велит нам любить ближнего как самого себя. А вы и стали нам близким с тех пор, как поселились в нашем доме. Близким для всех Вайзеров, в том числе, конечно, и для Эвы!

- Спасибо, фрау Берна, за добрые слова! Однако как бы вы не простудились в холодном коридоре. Вон какая непогода!

Фрау Берна очень хотела продемонстрировать перед молодым образованным постояльцем не только свою практичность, но и начитанность. Получилось ли? Во всяком случае, их отношения, кажется, еще более улучшились. Надо бы еще политику затронуть. Намекнуть, например, о величии Германии, перед которой другие народы должны преклоняться. Вот и Эва так советует. Сам фюрер не только плеткой машет, но и другие средства использует. И в этом великая тайна. С тех пор, как русландтюркены поселились в ее доме, фрау Берна стала выискивать в радиопередачах побольше информации о Востоке. Она, например, заметила, что в отношении восточных племен уже не применяется термин унтерменш - недочеловек. Действительно, может фюрер в своих ранних речах погорячился насчет этих "унтерменшей"? Вот ведь герр Янгураз и герр Сабан и их друзья вовсе не похожи на животных, напротив, они очень даже... А когда тысячи и тысячи немецких мужчин гибнут на фронте или возвращаются калеками... И если эти квартиранты вконец обоснуются здесь... Ах, Матерь Божья, страшно подумать об этом! Дай Бог терпенья всем нам, матерям... Но ведь и не думать об этом невозможно. Вон дочка Эвы Катарина, уже выросла и расцвела будто роза. А ее сверстники - десятки крепких парней - только и мечтают о том, как поскорее закончить гимназию и сломя голову помчаться на поле брани... Вот именно: сломя голову... Ищут славы, но многие из них найдут лишь смерть... Фрау Берна хорошо знает: война требует неисчислимых жертв, тем более что эта война должна быть победоносной... Но только кто знает: спустится ли неуловимый журавль победы на землю Германии? Поколение Фрица в четырнадцатом году тоже рвалось к победе, но их порывы и мечты лопнули как мыльные пузыри. О, Господи, сколько цветущих мужчин осталось тогда лежать на полях сражений и обратилось в прах!

Мужчина по вековой привычке считает себя пупом земли, для которого нет ничего невозможного, но его самонадеянность слишком часто тонет в слезах вдов и юных невест, не дождавшихся своих суженых...

Конечно, приятно ощущать себя гражданином великой державы, ради блага которой можно вынести многие

лишения и трудности. Но где предел, и когда будет конечный результат? И будет ли?

О, да - сомневаться в конечной победе в Германии просто не принято, даже запрещено. Но как же быть со свободой слова, со свободой мысли, наконец. Может ли быть счастлив человек, который не может свободно мыслить и свободно выражать свои мысли?..

Разные мысли лезут в голову по вечерам, особенно в одиночестве. Фриц предупредил, что сегодня с друзьями зайдет в пивбар. Правда, он по обыкновению звал туда и супругу, но фрау Берна знает эти заведения: вечером там такой табачный дым - хоть топор вешай, а обычно немногословные мужчины вдруг становятся ужасно говорливыми, вечно бахвалятся, травят скабрезные анекдоты и все такое... Такие сборища не для глаз и ушей почтенной фрау. Что ей там делать? Флиртовать? В этом нет надобности, да и здоровых мужчин сейчас раз-два и обчелся - все на фронте. За муженьком приглядывать? Да она и так видит его насквозь. Ни один мужчина не может похвастаться своей святостью - это факт. Впрочем, фрау Берну это обстоятельство ничуть не волнует. Пусть себе гогочут и гоголем ходят. А где-то там на кровавых полях, в кромешном аду войны бьются с врагом ее сыновья, даже не успевшие пообниматься с девушками. В бесчисленных пустых фильмах показывают, как немецкие юноши с триумфом и распевая песни проезжают на танках по завоеванным глродам и странам. "Вермахт непобедим"... "Немецкая армия самая мощная в мире". "Германский солдат сминает своих врагов"... И так далее и тому подобное...

Но фрау Берна знает, что раненые, прибывающие в последнее время с Восточного фронта, вовсе не склонны к подобной браваде, и не бьют себя хвастливо в грудь. Господи, живы ли еще ее сыновья? Что они делают в этот час, в эти минуты?

Фрау Берна вдруг вспомнила о домах, где уже давно нет хозяев и вместо них живут другие люди. Не дай Бог и ей такой участи!

Велика воля Божья, никто не может ей воспротивиться, но будет ли Он милосерден к ее детям? О, Господи, сделай так, чтобы мои мальчики вернулись! Где они? Как они? Почему молчат?..

Не отверни своего милосердия от чад моих, Господи...

Фрау Берна почти машинально повернула рожок радио. Шла передача об основателе Второго Рейха, славном герое, кумире Гитлера - Железном Бисмарке. Звучали то бравурные марши, то песни о победе, то классическая музыка... Геббельс денно и нощно заботился о поднятии боевого духа немцев.

2

Лагерь Вустрау был небольшим, но сравнительно чистым и аккуратным заведением. В нем жило около пятидесяти военнопленных, двое из которых были татары - Янгураз и Ишкай. Им, как соплеменникам, предоставили даже отдельную комнату в дощатом бараке. Питание, постель и вообще жизнь здесь была довольно сносной. Отношение немцев к военнопленным было не таким уж плохим. Не зря, видимо, это поселение назвали зондерлагерем, то есть специальным лагерем. Хотя он тоже был окружен колючей проволокой, но все-таки не шел ни в какое сравнение с другими лагерями, где Янгураз так настрадался.

Был день рождения Янгураза и он решил немного отметить его. Как раз сегодня его не послали на работу - то ли случайно, то ли знали про его маленький праздник. Да и работа, по правде сказать, была не из тяжелых: несколько раз в неделю их водили в ресторан, расположенный в городке, сначала кормили, потом давали чистить овощи, мыть посуду, прибираться в помещении. В конце рабочего дня снова сытно кормили, да еще разрешали брать с собой немного продуктов. Янгураз еще загодя припас на день рождения немного еды и даже бутылку шнапса. Чтобы стол был побогаче, Ишкай тоже напросился на работу в ресторан.

Проводив товарища, Янгураз вышел во двор погулять. Был солнечный, теплый день, снег уже растаял, на подсохшей земле появилась ярко-зеленая трава, кусты вдоль забора цвели желтыми цветками. Внешне они напоминали цветки вишни, а назывались форцисиен. Что это за цветы, Янгураз не знал, но был уверен, что у себя на родине таких цветов не видел. Они не имели запаха и

лишний раз напоминали, что ты находишься на чужбине. В памяти невольно всплыли цветущие майские сады, с густым ароматом и стали звать его на родину. Тоска по родине мешала наслаждаться красотой пробуждающейся природы здесь, на немецкой земле. Желтизна цветов вызывала тоску - ведь у татар желтый цвет - цвет печали. А у немецев? Все же интересно, что означает слово форцисиен? И почему они не пахнут даже весной?!

Впрочем, свежий весенний воздух, все же взбодрил Янгураза, придал ему то внутреннее спокойствие, которое приходит с приливом сил. Он поймал себя на мысли, что никогда еще ему не приходилось отмечать день рождения в пору тепла, солнца и цветения. Ведь в середине марта, когда он родился, на его родине еще кружат метели, щиплет мороз и в лучшем случае с крыш капает скудная капель. Не удивительно, что в этом тихом, залитом солнцем уголке земли Янгураз почувствовал необычайную тягу к жизни, в то время как почти повсюду в мире льется кровь, грохочет война, проносятся ураганы смерти.

Неизвестно еще, что ждет его впереди. Не лучше ли ценить каждый день этой мирной жизни, набираться сил, чтобы не сломаться в предстоящих испытаниях? Ему сегодня исполняется двадцать лет. Всего двадцать! Так разве не имеет он права наслаждаться жизнью, синевой неба, зеленью травы и даже желтизной этих цветов!..

Жить! Жить!

Переждав радостную дрожь в сердце, Янгураз еще раз глубоко вздохнул и зашагал в сторону читального зала. В свободное время он торчал здесь с утра до вечера, забыв обо всем на свете, даже о войне. Он листал немецкие газеты и журналы в прекрасном полиграфическом исполнении, с цветными иллюстрациями, затем принимался за чтение книг, стремясь собрать как можно больше нужной информации.

Сегодня тоже он решил посидеть в читальном зале, пока не началась подготовка ко дню рождения. Но почитать как следует не удалось - возможно именно день рождения и нахлынувшие в связи с ним воспоминания помешали.

Едва он начал листать немецкие газеты и журналы, как перед глазами всплыли блеклые черно-белые страни-

направо и налево, создав небольшую веселую сутолоку. Командиру это почему-то не понравилось. За деревней он остановил колонну, приказал киргизам выйти из строя и отчитал. "Кто,- сказал он, - позволил вам нарушать воинскую дисциплину? В только что присоединенной к СССР области вы пошли в буржуйский магазин, чтобы полакомиться белым хлебом. Тем самым вы совершили идеологическую диверсию, создав у жителей впечатление, будто славную Советскую Армию держат впроголодь. Позор! За такие действия, порочащие наши войска все будут караться самым строгим образом, как за измену родине по законам военного времени. И пусть этот случай послужит уроком всем остальным!

Все думали, что командир отругает несчастных киргизов и тем ограничится. Но вот прозвучали два выстрела из нагана, и два солдатика, даже не успев доесть вожделенный калач, рухнули как подкошенные. Вольные сыны природы, выросшие у подножия Алатау, валялись в пыли Бессарабии, а весь строй смотрел на них в полном страхе и недоумении. Никто даже не посмел или не успел выразить возмущение. Прозвучала команда продолжать марш, и ошеломленные покорители Бессарабии двинулись дальше.

Янгураз шел и растерянно озираясь, думал: "Что же это? Заслуженное наказание или просто самоуправство командира? На что расчет? Что расправа над двумя узкоглазыми чаплашками, этими советскими унтерменшами, вызовет молчаливое одобрение или оправдание у солдат, которых в роте в подавляющем большинстве русские и украинцы?

Колонна продолжила свой путь, оставив на обочине дороги тела двух своих убитых солдат, братьев по оружию, наконец, соотечественников, которые по прихоти командира враз стали самыми лютыми врагами и поплатились жизнью за ломоть съеденной булки.

"Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей!" -

рефреном звучали в голове строки из стихов известного на всю страну советского поэта.

Из кого делать гвозди? И для кого? Для таких, как этот командир-убийца? Нет, ему не нужны люди-гвозди, которыми могли стать эти несчастные киргизы. Ему нужны

слепо подчиняющиеся эдакие оловянные болванчики, чтобы за их счет выигрывать сражения. Он наверное думал,, что благодаря железной дисциплине, доходящей до умопомрачительного самодурства, он может успеть на подмогу батальону, который сейчас пытается сдерживать превосходящего по численности противника. Ротой, сжатой в единый сильный кулак, ударить по врагу!

Но солдаты не болванчики. Зверство командира не может сплотить их в единый кулак. От страха недалеко до ненависти, а от ненависти...

Янгураз, как и остальные солдаты, промолчал, подавил свой внутренний протест против такого обращения с солдатами. В душе у него все кипело: "Самое дорогое у человека - это жизнь. Самое дорогое у человека..."

Эта вечная истина почему-то осталась только на страницах советских учебников. Она не дошла до буржуазной Бессарабии. Этот благословенный край еще не освободился от проклятого капитализма. А киргизы на своей земле пытаются от ужасов феодализма прямиком перейти в блаженный социализм, минуя кошмары капитализма. Наверное, поэтому они обречены на излишние жертвы, вроде тех юных солдатиков, оставшихся лежать в пыли чужбины? В коммунистический рай, видимо, не попадешь просто так, за здорово живешь.

Рота, запе-вай!

Запевалы, шедшие впереди колонны, не заставили долго ждать. Наверняка, силы им добавили те два хлопка смерти, посланные командиром.

Широка страна моя родная...

"Да, страна становится все шире, просторнее, - думал Янгураз, тревожа сапогами пыль. - Российские земли увеличились не только за счет Бессарабии, возвращены в лоно империи прибалтийские республики, часть восточной Польши... Увы, для тех несчастных киргизских мальчиков неудержимое стремление к расширению русских земель обернулось двумя безымянными могилами.

После первых стычек с немцами, не выдержав бешеного натиска, советские части стали беспорядочно отступать. Рота Янгураза также вынуждена была оставить Бессарабию румынам и немцам. Танки вермахта, казалось, были неудержимыми: чтобы не попасть в их железные клещи, приходилось отступать, а нередко и просто

бежать во всю прыть. В конце сентября потре-панные советские части форсировали Днепр и покатились дальше на Восток, не сумев закрепиться на прибрежном плацдарме. Во время налета немецкой авиации Янгураз получил ранение и попал в госпиталь.

Едва раны зажили, его снова отправили на фронт, на этот раз под Вязьму. Увидев в Янгуразе бывалого солдата, командир роты взял его к себе адъютантом. Советские войска вели упорные оборонительные бои, хотя временами приходилось отступать.

Делопроизводство и связь - таков был круг обязанностей адъютанта. В условиях боевых действий этот круг, конечно, значительно расширялся.

В конце октября рота приняла участие в контрнаступлении. Увлекаемая командиром, рота бросилась вперед, а Янгураз в то время оставался в блиндаже у телефона. Позвонил какой-то высокий чин - командир то ли батальона, то ли полка - и срочно велел дать координаты роты, чтобы поддержать ее минометным огнем. Но Янгураз не имел ни карты, ни точного представления о месте роты. В трубке разразились грязными ругательствами:

Скотина! Ты что там ворон считаешь? Разиня! Растяпа! Да я тебя... с потрохами съем... твою мать! Чтобы одна нога здесь, другая там! Кровь из носу, но немедленно отыщи командира. Пусть срочно сообщит координаты огня!

Янгураз выскочил из блиндажа и пригибаясь побежал по позициям. Окопы пусты, спросить не у кого. Наконец, встретил нескольких раненых, от которых узнал, что рота затаилась в роще. А туда надо бежать через поле, простреливающееся вдоль и поперек. Была не была! Янгураз набрался духу и рванул что есть мочи через поле к роще. Вдруг из рощи выскочил... немецкий солдат в черной форме и ну строчить из автомата! Янгураз ничком плюхнулся на землю и замер. У него как назло не было даже пистолета, чтобы ответить огнем. Только две гранаты, прикрепленные к ремню. Хоть бы кто на помощь пришел!

Так прошло, наверное, с полчаса. Пора было ретироваться. Янгураз попробовал отползти в сторону, но тут

буквально в двух-трех шагах разорвалась мина, и все померкло в глазах.

Он не помнит, сколько пролежал без сознания. Очнулся кажется, от того, что кто-то позвал его: "Утяганов!" Или это ему только послышалось? На всякий случай надо бы ответить, но не было сил просто разомкнуть губы. И только гулко стучало сердце. Неужели его не подберут и оставят здесь умирать? О Господи!..

Целы ли руки-ноги? Приложив немалые усилия, он пошевелил пальцами рук и ног. Слава Аллаху, целы. Интересно, сможет ли он встать на ноги? Надо попробовать. Ага, кажется, получается...

И тут в спину что-то ткнулось, над головой раздалось властное "Хенде хох!" Немецкий солдат указал ему стволом автомата в направлении рощи. Пошли! С советской стороны вдруг заухали минометы. Пленный и конвоир прыгнули в воронки от снарядов: каждый в свою. Тут бы и угостить фрица гранатой, перекинув ее в соседнюю "квартиру". Но... Словно какое-то затмение нашло на Янгураза. То ли контуженная голова плохо соображала, то ли пожалел он немца - тот все же не убил его на месте, хотя запросто мог бы. Тоже, небось, не по своей воле на фронт попал. Да в любом государстве маленький человек испокон веков был жертвой, а в лучшем случае - винтиком в большом механизме политики.

А может быть, в памяти Янгураза внезапно всплыли те киргизские мальчики, расстрелянные своим ротным ни за что, ни про что, и вскипела в его душе ненависть к командирам.

Что бы там ни было, но что-то сковало волю Янгураза. А может он подспудно понимал, что уничтожив своего конвоира, все равно не сможет уйти отсюда живым и невредимым. Должно быть, в роще уже полно немцев. Даже если он каким-то чудом прорвется к своим, ему живо напомнят, как он красовался с поднятыми руками под дулом вражеского автомата. Чтобы советский солдат сдался в плен и покорно брел "в гости" к фашистам?! Да за это такого перцу зададут...

И он снова вспомнил тех киргизов, поплатившихся жизнью за ломоть белой булки...

Медленно, спотыкаясь текли его мысли. Тем временем минометная канонада начала утихать, и шествие

конвоира с пленным продолжилось. Немец почему-то не забрал у Янгураза гранаты, их отняли уже в штабе. Впрочем, Янгураз, даже если бы захотел, не смог бы по дороге взорвать конвоира. Расстояние между ними было таким, что при взрыве неминуемо погибли бы оба.

В проклятой роще и обнаружилась почти вся рота Янгураза, аккурат угодившая в лапы немцев. Оказалось, что доблестные советские артиллеристы после обстрела вражеских позиций почему-то перенесли огонь на рощу, где затаилась рота Янгураза. Отступать было нельзя, стоять равносильно смерти, и рота двинулась вперед. Немцы хладнокровно наблюдали за контрнаступлением русских, а когда те приблизились к их позициям, внезапно обрушили на них смертельный огонь. Потом также внезапно прекратили и закричали:

"Рус, сдавайс! Хенде хох!"

Для Янгураза и его товарищей начались страдания в концентрационных лагерях. Голод, холод, болезни... Люди умирали как мухи. Но уже тогда начал действовать изданный в августе 1942 года приказ Гитлера о создании легиона "Идель-Урал". Из всех лагерей стали собирать пленных из числа народов Поволжья и Приуралья, в основном татар и башкир. Для них начали строить особые лагеря, где жизнь была более-менее сносной.

Так Янгураз стал бойцом легиона "Идель-Урал". Добровольно? Вопрос этот сложный.

В конце концов, стоит ли удивляться тому, что девятнадцатилетнему пареньку страстно хочется жить? Единственным спасением от смерти в концлагерях было вступление в легион. Прежде всего надо было выжить. И тогда, и много позднее Янгураз вступление в легион не считал изменой родине. Он угодил в плен из-за головотяпства командиров, так разве может он считаться изменником? Может быть, настоящими изменниками были те артиллеристы, которые лупили по своим же? Ошибка? Кто знает, может они ошиблись намеренно, чтобы выгнать пехоту в заведомо безнадежную атаку?

Жизнь пленного, конечно, не сахар, даже в привилегированном лагере. Он полностью подчинен руководству той или другой воюющей стороны. И Сталин, и Гитлер расширяют "жизненное пространство". Для этой цели они готовы привлечь на свою сторону кого угодно: кир-

гиза и татарина, венгра и румына, или еще кого... Все эти потуги сдабриваются лошадиной дозой пропаганды. Гитлер, скажем, еще что-то обещает взамен за верность. А что может обещать Сталин? Когда-то он обещал всем народам целые джомолунгмы счастья. А в итоге нерусские народы так и остались второсортными,"унтерменшами", более того, их стали подавлять за родной язык, религию, образ жизни... Репрессии унесли сотни, тысячи жизней. Так что же еще может обещать Сталин?..

До зачисления в легион нужно было пройти карантинный лагерь. В один из таких лагерей, расположенный возле небольшого польского городка и был привезен Янгураз. Было это зимой 1942 года. Здесь собирали более-менее образованных, во всяком случае имеющих не меньше, чем среднее образование, людей. Конечно, и тут находились ловкачи из числа полуграмотных, но их немцы быстро вычисляли, куда-то увозили, а вместо них привозили других.

Питание здесь было вполне приличное, жилье теплое. Каждому было выдано по соломенному тюфяку, ватной подушке и добротному одеялу. Потом стали выдавать еще и по три сигареты в день.

Вскоре в лагере начались занятия по национальному воспитанию будущих легионеров. Во время этих занятий и познакомился Янгураз с астраханским парнем Ишкаем и подружился с ним. Ишкай Баттал к началу войны успел закончить институт и был молодым врачом. Этот здоровый парень с круглым лицом никогда не унывал, политикой особенно не увлекался, с людьми сходился очень быстро, словом, был компанейским. Янгуразу импонировало и то, что Ишкай не пресмыкался перед немцами, держался с ними свободно.

Наконец, в лагерь из Берлина для выяснения благонадежности будущих бойцов "Идель-Урала" прибыла комиссия в составе высокопоставленных чиновников. Руководил комиссией высокий, худощавый светловолосый немец в штатском. Он вовсе не походил на военного, но перед ним все ходили на цыпочках - и сами немцы, и прибывшие в составе комиссии деятели татарского эмигрантского движения.

Этот немец поговорил и с Янгуразом, что поселило в его душе надежду на лучшее будущее.

Несомненно, немцу понравилось, что Янгураз может изъясняться на немецком. От его внимания не ускользнула и обходительность собеседника. Янгураз ничего не скрыл, рассказал все - как служил, как попал в плен и то, как ротный командир на глазах у солдат расстрелял двух киргизов...

"Как? - потрясенный услышанным, переспросил его собеседник.- Только потому, что они зашли в магазин?"

"Насколько я знаю, другой причины не было", - ответил Янгураз.

" Неслыханная чудовищность! - продолжал возмущенный немец. - Поверьте, я хорошо знаю положение национальных меньшинств в Русланде, и со всей ответственностью заявляю, что советские пропагандисты лгут, утверждая, что немцы признают только немцев и игнорируют другие народы. Это не так. В Рейхе уважают тех, кто борется против большевиков, независимо от национальности."

Ни до начала, ни во время разговора Янгураз не мог понять что эта за комиссия, кто этот человек, представившийся господином Унгляубе, но по тому, как почтительно к нему относились все члены комиссии,понял, что с ним разговаривает очень важная персона! И тогда Янгураз решил рассказать ему о жизни в СССР, о жестокой политике большевиков, об их отношении к тем, кто честно трудится.

"Стало быть в СССР не нужно хорошо и много трудиться. Это и есть политика большевиков?"- заключил немец.

"А вы сами трудолюбивый человек?"- неожиданно спросил он.

"Не знаю,- искренне признался Янгураз.- Я хотел стать богатым, но не знал, как это сделать, а точнее боялся получить ярлык классового врага и не быть сосланным в Сибирь".

"Где вы выучили немецкий?"

"В пединституте, хотя рано говорить, что выучил."

"Почему выбрали именно немецкий?"

"Потому что это язык великих Маркса и Энгельса,- оттараторил Янгураз и тут же поправился:- Это я раньше так думал".

"Зер гут!- улыбнулся господин.- Но почему вы не выбрали иврит - родной язык этого великого еврея Маркса-Мардухая?"

"Иврит?- растерялся Янгураз.- Простите, я впервые слышу, что... Но ведь Маркс и Энгельс говорили и писали по-немецки?!"

"Они знали и другие языки",- снова улыбнулся немец.

"Майн герр,- извиняющимся тоном промолвил Янгураз. - Вы же понимаете, такое уж воспитание мы получили. Нас побуждали изучать немецкий за то, что это язык Маркса, а русский за то, что это язык Ленина. Нам не объясняли, что эти господа могли говорить и на других языках. Мы просто обязаны были изучать русский и немецкий пусть даже в ущерб родному языку. Конечно, в открытую не говорилось, но большевики все больше и больше склонялись к этому... Много воды утекло с тех пор, прошла эпоха фараонов, пришла эпохп эпоха Маркса-Ленина. А значит мы им должны поклоняться!"

Господин усмехнулся и обронил:

"Зер гут. Вы, кажется, юморист".

А при расставании он почти по-дружески пожал Янгуразу руку и сказал:

"Мы еще встретимся".

Когда Янгураза перевели в зондерлагерь Вустрау он ничуть не сомневался, что это результат их дружеской беседы с господином Унгляубе.

Во время учебы в институте одна девушка написала в записную книжку Янгураза полушутливое пожелание:

Янгуразик, милый! Жизнь - море,
А ты - кораблик в нем вроде.
До берега чтобы дойти,
Верных друзей найди.

Хорошее было пожелание. Возможно, эта хитрунья хотела привлечь его внимание? Но только Янгураз не торопился искать друзей, а со всем своим упорством учил язык Маркса, словно предчувствовал, что еще он ему ой как пригодится.

В читальном зале Янгураз просмотрел газеты "Освобождение" - на русском, "Идель-Урал" - на татарском. В последней была напечатана его статья о бесчинствах в Советской Армии. Он описал тот дикий случай с расстрелом двух киргизов. Как бы там ни было, а Янгураз в

своей публикации не грешил против истины, описал только то, что сам видел и знал. Тем не менее он не стал подписываться своим именем - не за себя он боялся, боялся репрессий в отношении своей семьи и родственников.

Пока Янгураз сидел в читальном зале, пришел часовой и сказал, что его спрашивают.

Кто бы это мог быть? Может кто-нибудь с воли?

У ворот лагеря его поджидали двое мужчин в ярко-желтых беретах, такого же цвета брюках, светло-коричневых ботинках, в куртках из толстого зеленого сукна в черную крапинку. Янгураз знал, что эта форма досталась немцам в качестве трофея от разгромленной французской армии. Что ни говори, а красивая была форма.

Один из мужчин, среднего роста и с тонкими усиками, с искристыми глазами цвета спелой черемухи, первым подал руку Янгуразу и пронзив его своим колючим взглядом, представился:

- Шамсир Карагаев. Из фрайлагеря.

Вустрау состоял из двух частей: в зондер, то есть, специальном лагере проходили еще один карантин перед переводом в свободный-фрайлагерь, который находился в километре от зондерлагеря. Лагерь вполне оправдывал свое название, Янгураз слышал, что там разрешалось уходить в любое время и даже ездить в Берлин.

Шамсир попытался растопить холодность Янгураза:

- Ну, чего нахохлился? Встречай гостей. Мы прочитали твою статью о бесчинствах в славной Советской Армии. Нам понравилась. Автора разыскать не составило труда: помогли знакомые в Берлине.

- Вот как? - оживился Янгураз. - Не думал, что так быстро стану известной личностью. Гм-м...

- Здорово ты их отчехвостил! Молодец! Нас всю жизнь потчевали жвачкой из лжи и лицемерия. Пора, пора, наконец, рассказать миру всю правду!

Услышав их оживленную беседу, часовой пригласил гостей внутрь лагеря, предварительно ознакомившись с документами. Троица пошла к бараку, где жил Янгураз. Шамсир представил своего рослого широкоплечего спутника:

- Этого господина зовут Рамзи Сабанчи. Ты только взгляни на его руки. Не ладони, а лопаты. Если его ма-

лость откормить, такой богатырь получится, что семерых за пояс заткнет. Не зря его фамилия Сабанчи - пахарь. На нем пахать да пахать. А знаешь, кто он по специальности?

Янгураз запросто мог представить Рамзи в образе, скажем, кузнеца или грузчика. Но Шамсир несколько огорошил его:

- Он самый настоящий буквоед!

- Кто? - с улыбкой переспросил Янгураз, невольно замедляя шаги.

- Червь бумажный. Другими словами, ученый, доцент, из самой Казани. А здесь - мой заместитель, кстати.

- Да подожди ты, Шамсир,- заворчал его спутник. - Я своего согласия не давал. И вообще... не успел из огня выйти, как меня в полымя бросить норовят.

И тут Карагаев неожиданно серьезным тоном отрубил:

- Уже все решено. Баста. Я тут, понимаешь, со своим незаконченным высшим исполняю обязанности главного пропагандиста, а ты, будучи доцентом, собираешься отлынивать. Не выйдет, дорогой. Да и немцы нас могут неправильно понять.

- Да ведь сколько еще народу сюда прибудет, Шамсир. Непременно найдутся и такие, у кого к этой работе будет лежать душа. А меня уж ты, ради Бога, не впутывай в политику. Я же по техническим наукам.

- Посмотрите-ка на этого господина, - насмешливо протянул Шамсир. - Ему бы найти тихое место в хозяйстве какого-нибудь немецкого фермера, и до конца войны оттуда не вылезать. А если к тому же какую-нибудь вдовую фрау подцепить, вообще как сыр в масле можно кататься. Ну и ну. Хорош гусь...

Янгураз, понаблюдав за ними, понял, что к нему приехали далеко не простые военнопленные. Шамсир держался просто и свободно, словно у себя дома. Рамзи вел себя более сдержанно, как подобает настоящему ученому.

За разговорами мужчины не заметили, как дошли до барака. Войдя в комнату, Янгураз немного поколебался, а потом все же выставил на стол припасенные ко дню рождения кушанья. Все же не простые гости, да и приехали издалека.

Увидев это Шамсир удивился:

- О-о-о! Что за праздник у тебя сегодня? Говори-говори, мы же знаем, что в [illegible]дерлагере так не пошикуешь.

А Рамзи добавил:

- Друг мой, это лишнее. Мы не голодны. Ты, наверное, готовился какое-то событие отмечать? Скажи, если не секрет.

Пришлось рассказать.

- Сегодня у меня день рождения. Я жду товарища с работы.

- Да ну! Значит, тут еще есть татары.

- Нас двое.

- Тогда спешить не следует. Пусть вернется твой товарищ, тогда и посидим. Не возражаешь? - спросил Шамсир и тут же поинтересовался: - А кто твой товарищ? Надежный он человек?

- Ничего сказать не могу. Знаю только, что он отзывчивый, открытый. Собой напрасно жертвовать не станет.

- Значит, умный, - подытожил Рамзи.

- Может, он себе на уме, а? - усмехнулся Шамсир. - Только учтите, ребята, немцы не станут нас кормить только за то, что мы умные. У них своих умных хоть пруд пруди. Им солдаты нужны, бойцы легиона. А ежели мы, такие умненькие, будем отсиживаться в разных там фрайлагерях или немецких поместьях, кто же большевикам зубы крошить будет? Кто освободит наш народ от векового русского ига? Или мы, татары, обречены на вечное рабство и медленное вымирание?

Янгураз осторожно вставил:

- Но ведь нельзя сказать, что в нашей стране вовсе нет никакой свободы.

Шамсир поморщился:

- Ну да, у нас полным-полно свободы, но только на бумаге. А такая свобода порой хуже всякой несвободы.

- И когда ты пришел к такому выводу? - спросил Сабанчи, глазами ища поддержки у Янгураза. - Так ли уж несвободны люди в нашей стране, как ты говоришь?

Шамсир вспыхнул:

- Ну хватит играть в кошки-мышки! Мы здесь не для этого. Не по своей воле мы покинули родину. Назад пути нет, и вы это прекрасно понимаете. В ногах у них валяться будем, но ничего кроме тюрем и лагерей не по-

лучим. А советские лагеря пострашнее немецких! Надо смотреть правде в глаза. Что касается свободы, тут и думать нечего: каждый здравомыслящий человек понимает, что у нас правде путь заказан. Наша хваленая свобода яйца выеденного не стоит. Это факт. Вот ты, Янгураз... Погоди, как твоя фамилия?

- Утяганов.

- Ах, да, верно... Вот ты, уважаемый Янгураз Утяганов, смог бы у себя на родине опубликовать статью, подобную той, что вышла в "Идель-Урал"?

Янгураз ничего не имел ни против него, ни против Шамсира. Просто ему хотелось получше узнать, "пощупать" нового знакомого, да и осторожность Рамзи ему импонировала. В конце концов, разве не в спорах рождается истина? На прямой вопрос Карагаева Янгураз и ответил прямо:

- Разве я о двух головах, чтобы на родине такую статью писать?

- Как будто здесь лояльно относятся к критике гитлеровской политики, - язвительно вставил Рамзи. - Не заблуждайтесь, ребята, политикой могут заниматься лишь сильные мира сего, а нам, простым смертным, следует держаться от нее подальше.

- Один большой-большой умник, - начал Шамсир тоном сказочника, - очень боялся смерти. Все чудилось ему, что она с косой стережет его прямо за порогом. По-тому этот умник был очень-очень осторожным, боялся даже из дома выходить, чтобы не простыть ненароком. Лежал себе на печи, полеживал, пузо грел и в потолок плевал. Но вот кончились дрова, вышла вся еда. Хочешь не хочешь, а надо шевелиться. Свесил он ноги с печи, хотел слезть, да вдруг - бац! - так и грохнулся на пол. Оказывается, пока лежал, тело его обессилело. Так и умер, бедненький. Большой умник был!.. А вот у татар есть герой по имени Исхаки. Он ничего и никого не боялся. И где бы не находился - в Польше, Германии, боролся за свободу татарского народа. Поэтому большевики запретили даже упоминать его имя.

Янгураз слышал о белом эмигранте, писателе Гаязе Исхаки, но ничего толком о нем не знал, поэтому и спросил:

- Кто же он такой?

- Это великий татарский писатель. Когда-то его превозносили больше чем Габдуллу Тукая. Да что там - сам Тукай преклонялся перед ним. Говорят, он настолько боготворил Исхаки, что даже сомневался: ест ли пищу он, как простой смертный? Журналист, писатель, общественно-политический деятель, Исхаки еще в годы гражданской войны понял бесчеловечную сущность большевизма. Осознав, что на родине он не сможет бороться за право своего народа, Исхаки эмигрировал, чтобы в эмиграции продолжить борьбу.

- А вы у себя на родине читали его произведения?

- Читал. До глухих таежных уголков не сразу дотянулись руки большевиков. В народе знают его произведения. Его книги прячут, хранят как зеницу ока, перечитывают по многу раз. К сожалению, нам неизвестны его труды, написанные в эмиграции. Их, с подачи одного умника, назвали черными маяками. Правда, этот умник скоро сам попал в жернова репрессий как враг народа. Не зря говорят: не рой другому яму...

- Схожу-ка я на кухню, - поднялся Янгураз, - приготовлю чай. Соловья, как говорится, баснями не кормят.

- Пойдем вместе, - отозвался Сабанчи Оказавшись наедине, Рамзи сказал:

- Ты еще молод, браток, и умом, я вижу, Бог тебя не обделил. Конечно, когда весь мир пришел в движение, парни вроде тебя не будут сидеть на печи. Но ведь еще неизвестно куда это движение приведет. И все же я посоветовал бы тебе быть более осторожным в высказываниях о советском режиме. Твоя статья в "Идель-Урал" очень зло написана.

- Но ведь я ничего не преувеличил, - возразил Янгураз.

- Так-то оно так. Однако кто знает - возможно, нам еще придется вернуться на родину. Один Бог знает, кто победит в этой ужасной войне. Просто я хотел напомнить тебе, что осторожность и предусмотрительность никогда не помешают. Понимаешь? А Шамсир горячий,, отчаянный и даже чересчур. Вон какая энергия в нем!

- Сразу видно.

- Но отвага - ничто без силы и поддержки. Как показывает опыт всего человечества, отвага, не подкрепленная

ничем, может привести подобных нам с тобой людей к преждевременному и бесславному концу. Понял?

- Понял. Спасибо за предупреждение, Рамзи абы.

Пока они священнодействовали над чаем, вернулся с работы и товарищ Янгураза с "подкреплением" для праздничного стола. Ресторанные кушанья были дополнены двумя бутылками шнапса. Шамсир выставил принесенные с собой две бутылки пива

Обязанности тамады, конечно же, взял на себя Шамсир Карагаев.

- Друзья! - воскликнул он. - Я необычайно рад знакомству с вами. Очень знаменательно, что наш приезд совпал с таким радостным событием. Попав, как говорится, с корабля на бал, мы празднуем день рождения такого замечательного татарского джигита. Все мы прошли, что называется, семь кругов ада, прежде чем смогли встретиться вот так, в дружеской обстановке за праздничным столом в мирной обстановке. Что ж, отметим наше избавление от страданий, как отмечают правоверные мусульмане гаит-байрам после длительного изнурительного поста. Знаю, нелегко пришлось и Янгуразу эфенди, трудно шел он к сегодняшнему дню - дню своего рождения. Но хорошо все, что хорошо кончается. Трудности и горести позади. Забудем о них, вкусим прелесть безмятежного времени. Поднимем бокалы, друзья, может быть, вместе со шнапсом в нас вольется и энергия немцев. Не забывайте, друзья, что мы находимся в центре Европы!

Веселье разгоралось. Каждый по обыкновению поздравлял Янгураза, желал ему всего-всего... После первого круга поздравлений поднялся слегка захмелевший Ишкай.

- Эх, ребята, какой у нас богатый стол! Какая чудесная компания! Лучшие представители татарской нации! Жаль только, нет рядом с нами тонкостанных красавиц, чтобы поворковать с ними, песни попеть. Но ничего, придет время, будут у нас и прекрасные подруги. А сегодня посидим в честной мужской компании, чтобы дым коромыслом!..

И тут он затянул на мотив мунаджатов:

Апокалипсис что несет нам? Грустно,
Что в этом мире от несчастий пусто.
Пусть кто-то выбрал чарку и распутство,

Пусть о таких и слава пойдет густо...

Его слушали с улыбкой. Затем он воскликнул:

- Эх, ребята, да тут полно красоток, жаждущих оказаться в наших объятиях! Нам бы только выбраться из этого зондерлагеря, пристроиться в хозяйство к какому-нибудь местному фермеру, уж тогда можно будет пощипать здешних курочек, а? Да и русские бабы-остарбайтеры здесь такие аппетитные и резвые, что только тронь их за титьки, мигом тебя оседлают, ха-ха!

Рамзи, видимо, почувствовал в Ишкае родственную душу и поддержал:

- Вот и я говорю: дождаться бы этого дня. Пусть хоть конец света наступит, пусть хоть весь мир перевернется, если на то пошло. Но зато порезвимся напоследок от души.

Тут Ишкай, понизив голос, заговорщически спросил:

- А вы знаете, чем отличаются ляжки немецкой бабы от ляжек немецкого мужика?

- Ну... Толщиной, наверное.

- Не-а.

- Длиной?

- Да нет же, нет. Тем, что между ляжками!

Все разразились смехом. Но Ишкай принял наисерьезнейший вид и продолжил:

- Знаете, мне отец когда-то говорил: "Если Китай и Россия начнут воевать между собой, наступит конец света". Может, так оно и будет, кто знает. Поэтому, Рамзи эфенди, надо побыстрее приступить к усиленной эксплуатации этой самой разницы между ляжками. Поспешим же, друзья!

Рамзи, раздосадованный тем, что не отгадал такую простую загадку, старался не подавать виду:

- Видимо, наши предки верили в то, что Китай способен победить Россию. Дескать, как только развалится Россия, так и конец света наступит. Думали, что Россия настолько могуча, что ее конец сопоставим разве что со светопреставлением. А тут маленькая Германия дубасит эту могучую Россию вдоль и поперек!

- Если Китай двинется, нам, татарам-мусульманам, придет конец, потому что сражения наверняка пройдут через наши земли.

Янгураз, потчуя гостей, снова наполнил стаканы.

- Спасибо, конечно, за угощение, - сказал ему Ишкай. - Но когда на душе неспокойно, не до веселья. Отец мой был человеком малограмотным, но очень набожным. Когда в конце двадцатых большевики стали издеваться над ним, обозвали нэпмановским прихвостнем, он вообще отгородился ото всех в буквальном смысле слова: перегородил избу и на своей половине стал усердно молиться Аллаху. Он так самозабвенно молился, что однажды даже строки из стихов Тукая прочитал на манер суры из Корана, нараспев:

"Чем темнее ночь, тем ярче светит в небе звезда,
Чем чернее доля моя, тем чаще вспоминаю Бога я!".

- Быть может, и нам надо почаще обращаться к Аллаху? Пусть и тебя, Янгураз, не оставит милость Божья!

- После таких слов грешно и к спиртному притрагиваться, - заметил Рамзи.- Какова сила слова у Тукая, братцы!

- Я думаю, когда Тукай писал эти строки, он предвидел нашу судьбу, - сказал Шамсир. - Действительно, будущее наше неопределенно, и это волнует каждого здравомыслящего татарина.

Строки Тукая всех задели за живое. Молодые люди повторили их еще и еще раз, чтобы запомнить, а потом нацарапали на стене.

- А эти две строчки стоят целого романа, - задумчиво произнес Янгураз. - Стихи других поэтов прочитываешь и забываешь, но эти никогда не сотрутся из памяти. Я помню еще одно стихотворение Тукая:

Если он не настоящий, просто бумажный цветок,
Он дождя устрашится - час смерти его недалек.
Ну а цветок не фальшивый, благоуханный, живой
Еще ярче зацветает под влагою дождевой.

-Замечательное стихотворение! - воскликнул Шамсир. - Оно про нас. Алмаз и в навозной куче не перестанет быть алмазом, а в золотой оправе еще больше засверкает всеми своими гранями. Конечно, лучше бы он был в золотой оправе... Друзья, поклянемся всегда оставаться сверкающими алмазами своего многострадального народа, куда бы нас не забросила судьба! Именно своего народа!

- На драгоценные камни и другие народы могут позариться, это правда, - с улыбкой заметил Ишкай.

Помня о своем дне рождения, так сказать под занавес, Янгураз решил сказать свое слово:

- Никогда не думал, что свое двадцатилетие буду отмечать здесь, в кругу таких замечательных людей. О таких Тукай говорил: "Как тигры смелы мы в тревогах войны, как лошади трудимся в мирные дни". Сыны такого народа при любых обстоятельствах должны найти свое достойное место в жизни. Да, в этой войне нам, кажется, не пришлось проявить отвагу. Да и ради кого, во имя чего мы должны были ее проявлять: ради советского режима? Во имя Сталина? Миллионы людей не пожелали жертвовать собой ради Сталина, в их числе оказались и мы. Подумать только, "у нас нет военнопленных, есть только предатели"! Какое лицемерие! Можно подумать, мы по своей воле поспешили сюда, в плен, чтобы поскорее познать все прелести концлагерей. Теперь нам остается только одно: самим решать свою судьбу. Все равно, рано или поздно мир успокоится, а все, кто стремился к свободе, обретут ее. И мы будем среди этих борцов за свободу своего народа. Мое самое сильное желание - дождаться этого дня свободы, всем нам четверым, и победителями вернуться на родину, к своим семьям и близким. Вот за это я и предлагаю тост!

Когда стаканы опустели, Шамсир похвалил виновника торжества:

- Спасибо, хороший тост сказал. Я бы добавил еще такие слова Тукая:

На счастье с народом любым наравне -
Имеем мы право на родимой земле!

Только на родимой земле не дали нам наших прав ни Романовы, ни большевики. А значит для обретения свободы мы должны будем опираться на другие силы извне.

Застолье близилось к концу. Курящие вышли покурить, а неугомонный Ишкай отвел Рамзи в сторону и заговорщически затараторил:

- Эх, браток, девушек не хватает за нашим столом, это факт. Что ни говори, а со слабым полом настолько приятно! М-м... Тронешь ее, скажем, ненароком за мягкое место, и тебя словно волной горячей обдает. Да-а-а...

Слушай-ка, браток, вот скажи, чем отличаются трусы немецких мужчин от трусов немецких женщин, а?

Рамзи, опасаясь снова попасть впросак, сделал вид, что не расслышал. Но Ишкай не унимался. Пришлось отвечать:

- Ну, ясно, что женские трусики изящней.

- Ах, ты - Дон Жуан, честное слово! Развратник! Изящные, говоришь? Да не в этом разница, а в том, что в мужские трусы влезаешь ногами, а в женские - руками!.. Ха-ха-ха! Нет, посмотрите-ка на него!

Услышав конец разговора, к ним присоединился Шамсир:

- Друзья, все равно лучше наших татарских девушек нет никого. Они такие чистенькие, такие опрятные, к тому же деликатные.

- Значит, ты уже можешь сравнивать их с немками? Попробовал, значит, тевтонских баб, а? - съязвил Ишкай. - Не зря говорят: старый конь борозды не портит.

Рамзи поспешил сменить тему разговора:

- Говорят, что после Вустрау легче устроиться на работу. Я уже попросил устроить меня на фабрику или к фермеру. Вот только Шамсир хочет из меня пропагандиста сделать. Какой из меня к черту пропагандист? Я и на родине далек был от политики. Техник я, технарь.

Шамсир обратился к подошедшему Янгуразу:

- Через своих знакомых в Берлине я узнал кое-что важное для тебя. Оказывается, твоя статья понравилась шефу по связям с татарами Хайнцу Унгляубе. "Очень способный парень, - сказал он про тебя. - Долго в Вустрау держать его не следует". Так что, вполне возможно, что ты махнешь в Берлин напрямую, минуя фрайлагерь.

Для Янгураза это действительно было важное сообщение.

- Я тоже скоро уеду отсюда. Наверное, мы встретимся уже в Берлине

- Спасибо, что нашли меня! - поблагодарил его Янгураз. - По правде говоря, я даже и не мечтал о таком приятном вечере. Вы вернули мне радость бытия.

- Нам тоже понравился вечер. Особенно твой тост. Да, мы должны, просто обязаны уцелеть в этом кошмаре. В огне не сгореть, в воде не утонуть!

- Послушайте, - спохватился вдруг Янгураз. - За разговорами мы совсем позабыли спеть песню. Какое же татарское застолье без песни? Пойдемте в комнату, затянем одну из наших самих протяжных песен.

Молодые люди снова расселись. Наполнили стаканы пивом, потому что чай уже остыл, а шнапс кончился.

- Ну, какую будем петь?- спросил Ишкай.

- Дай-ка вспомнить, - попросил Шамсир.

И тут Янгураз, видимо, на правах имениннника, запел негромким, но приятным бархатистым голосом:

Тоскую, друзья, тоскую, друзья,
Тоскую по родимой сторонушке.

Гости один за другим присоединились к нему, подхватили песню:

Вместе с родиной тоскую я
По любимой моей зазнобушке.

Родная мелодия переполняла их души, с каждым куплетом набирала силы, так что конец прозвучал, казалось, даже чересчур громко. А короткая пауза лишь усилила тоску, и вот уже зазвучала другая песня - "Хафизаля, милая", а потом и третья, четвертая... И каждая последующая песня звучала все лучше и лучше...

Позднее Янгураз узнал, что Рамзи Сабанчи устроился чертежником на один из заводов Берлина, а Ишкай Баттал уехал в Баварию и устроился рабочим в фермерское хозяйство.

3

В Берлин Янгураз ехал в радужном настроении, переполненный надеждами. Вустрауский лагерь с его щадящим режимом и хорошим питанием оказал на него самое благотворное действие. Он окреп физически, продолжал совершенствовать немецкий, помимо уроков занимался самостоятельно в читальном зале. Именно там он прочитал о национальных комитетах, созданных в Берлине, о Татарише лейтштилле, то есть о Бюро по связям с татарами. На занятиях им уже объясняли, что созданные при Восточном министерстве национальные комитеты занимаются организацией национальных легионов, в число задач которых входит и защита интересов Третьего Рей-

ха. Разворачивалась идеологическая и культурно-просветительская работа. Татарский комитет выпускал газету "Идель-Урал", вел радиопередачи на татарском языке, готовил к изданию журнал, проводил в легионе культурные мероприятия. По мнению Янгураза, в условиях, когда немецкие войска уже вышли к Волге, татарским военнопленным не оставалось ничего другого как сотрудничать с немцами. И дело было не только в том, чтобы сохранить свою жизнь и выжить любой ценой. Нет, это было бы слишком упрощенным пониманием проблемы. Многие татары, оказавшиеся в Германии, полагали, что сотрудничество с немцами в конечном счете может если не решить, то хотя бы улучшить судьбу татарского народа. А о том, что фюрер поддерживает национально-освободительную борьбу малочисленных народов, можно было судить по его отношению к финнам.

Янгураз, уже фактически освобожденный, получил от коменданта Вустрауского зондерлагеря удостоверение личности и отправился в Берлин, правда, в сопровождении немецкого солдата.

В Берлине они прежде всего явились в Бюро генерала Крейгски, который занимался вопросами военнопленных. Здесь проверили удостоверение Янгураза, занесли его данные в какую-то книгу и дали сопровождавшему немцу адрес, по которому им предстояло явиться.

Адрес привел их в казармы французских военнопленных. Здесь Янгураз должен был искупаться в бане, пройти осмотр у врача и ждать дальнейших указаний Бюро. Сопровождавший его солдат объяснил все это Янгуразу и дежурному по казарме, а затем распрощался и ушел.

- Рашен, мосье?

На вопрос француза Янгураз решил ответить утвердительно. Иначе понадобилось бы много усилий и времени, чтобы объяснить какой национальности он на самом деле.

Француз показал Янгуразу его койку, выдал полотенце, мыло, мочалку и проводил в баню. Хорошо, что Янгураз сумел хотя бы поблагодарить его по-французски: "Мерси!"

В бане Янгураз обомлел: это была настоящая баня с паром! И все это для военнопленных?..

С удовольствием искупавшись, попарившись и пройдя медицинский осмотр, он начал знакомство с жизнью лагеря. И все больше и больше удивлялся. Французские военнопленные могли играть в шахматы, читать газеты и журналы, слушать радио, заниматься спортом на оборудованной спортплощадке. Через общество "Красный крест" они регулярно получали письма и посылки от родных. В большом зале могли слушать лекции по истории и политической ситуации в Германии, получать уроки немецкого языка.

Питание здесь было хорошее. Вся несвобода заключалась лишь в том, что для выхода в город требовалось специальное разрешение. А как ты проводишь время в казарме - это уже твое личное дело. Желающих водили на экскурсии по Берлину.

Во время первой же экскурсии Янгураз поразился красоте столицы и обилию богатых магазинов. Изобилие товаров буквально шокировало молодого человека, прибывшего сюда из страны, где даже соль и спички выдавались по карточкам. Зачастую Янгураз даже не знал для чего предназначен тот или иной товар. Везде чистота и порядок. Аккуратность, основательность, чувство вкуса - отличительные черты немцев. Всюду цветы - на улицах, площадях, балконах, окнах домов. Все это невозможно было объяснить лишь тем, что Гитлер ограбил пол-Европы. Россия веками грабила как Европу, так и Азию, но так и осталась нищей, убогой и грязной. Нет в России ни одного города, по красоте и благоустроенности равного Берлину. А ведь в Германии городов, подобных Берлину, много, и большинство прекрасных зданий в них построено, конечно, задолго до рождения Гитлера.

Если народ ленив и не способен созидать, на одном награбленном далеко не уедешь. Именно к такому выводу и пришел Янгураз после этой экскурсии.

Хорошая еда, ежедневные прогулки, физические упражнения и размеренный образ жизни уже через две недели дали свои результаты. Янгураз окреп физически, а настроение его улучшалось изо дня в день. Хотя он и заинтересовался французским языком, все же больше внимания продолжал уделять немецкому. Он попрежнему много читал, слушал радио. Когда ему помогли со словарем - спасибо приехавшему в лагерь сотруднику

Татарского комитета - дело пошло еще быстрее. Благодаря тому же сотруднику Янгураз вскоре получил и немецкий паспорт, приобрел за счет комитета превосходную штатскую одежду. Теперь он выглядел настоящим франтом! А когда ему предложили переехать на квартиру и даже дали адрес, Янгураз и вовсе почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Давно ли он кормил вшей в окопах и умирал в бараках концлагерей?!

Но еще большую радость принесла ему встреча с Хайнцем Унгляубе.

- Ну, поклонник языка великих личностей, как твои дела? - встретил его шеф Бюро. - Выглядишь, должен заметить, очень даже хорошо.

- Спасибо, майн герр, здешняя еда в Советской Армии даже в мирное время не снилась.

- Гм-м... Голодный солдат - не может воевать. Держать солдат впроголодь у нас считается преступлением.

- Большевики так не думают. Для них важнее коммунистическое воспитание. Они считают, что если солдата напичкать марксистско-ленинскими догмами, то он и голода не почувствует, смело кинется на врага и уничтожит его,- сказал Янгураз.

Унгляубе улыбнулся и перевел разговор на другое.

- Говорят, что вы уже познакомились с нашей столицей. Какие впечатления?

- Весьма впечатляет, майн герр. Я предполагал, что это величественный и красивый город, но то, что я увидел, превзошло мои ожидания. Москва по сравнению с Берлином кажется огромной неблагоустроенной деревней. Грязь, неразбериха... А Берлин - словно музыка в камне. А эти бульвары, скверы, газоны!..

- Да... Ваше умение ценить красоту похвально. Кстати, ваш немецкий стал лучше со времени нашей первой встречи, времени вы даром не теряли. Что читали на немецком?

Еще у себя на родине я учил наизусть стихи Гейне, а "Фауста" Гете и "Разбойников" Шиллера прочитал на русском. Здесь изучаю "Майн кампф".

Унгляубе снова улыбнулся, кивнув головой.

Хорошо. Но для освоения языка есть книги более подходящие.

Что вы можете мне посоветовать?

Ну, я не филолог. Возможно, следует остановиться на книгах Мартина Лютера, который заложил основу литературного немецкого языка. Это он четыреста лет назад перевел на немецкий Библию. Вы этого не знали? Ах, да, вы же атеист!

Нас так воспитали, майн герр.

Знаю, знаю.- сказал Унгляубе вытянув под столом свои длинные ноги. - Но у Лютера есть и басни, и песни, написанные на языке, близком к народному.

А фюрер его признает? - поинтересовался Янгураз.

Унгляубе усмехнулся, но тут же снова принял серьезный вид.

Не только признает, но и черпает из его книг вдохновение. Лютер - гордость немецкого народа. Но вы можете совершенствовать немецкий и по книгам Гете, Ницше. Фюрер восхищается Ницше, любит посещать его музей и фотографироваться рядом с его памятником.

О-о, это интересно!

У немецкого народа много интересных писателей, великих мыслителей, вы можете приобщиться к их творчеству, было бы желание и время.

О, конечно, я хотел бы... Значит, Библия, "Майн кампф", произведения Лютера, Ницше...

Если вы хотите поближе познакомиться с немецкой литературой - в добрый путь! Кстати, для вас у меня кое-что есть.

Унгляубе достал из книжнего шкафа одну брошюру и протянул ее Янгуразу.

Не читали?

Это была работа Герхарда фон Менде "Дер национале кампф дер русландтюркен". Янгураз видел ее впервые.

- Нет, майн герр, - ответил он.

- Ознакомьтесь с этой книгой. Хорошо бы ее не просто прочитать, но и перевести на татарский. Вашу статью в "Идель-Урал" хвалят. Раз вы так хорошо владеете пером, вам и карты в руки. Попробуйте силы в серьезном деле.

Янгураз слышал, что фон Менде работает советником в политическом отделе Восточного министерства. Надо во что бы то ни стало перевести его книгу! От этого будет зависеть многое.

- Спасибо за доверие, майн герр!

- Ну, тогда будем считать, что определили вас на работу, - с довольным видом подытожил разговор Унгляубе. - Могу заверить сегодня же, что не прогадаете, если сделаете хороший перевод этой книги. Мы умеем ценить людей за их деловые качества!

* * *

Янгураз понравился фрау Берне, как говорится, с первого взгляда. Когда он пришел с намерением поселиться, она задала ему лишь несколько вопросов: кто, откуда, где работает... Фрау выделила ему просторную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами и с радиоточкой, на втором этаже своего трехэтажного дома. И квартплату назвала весьма умеренную. Отсюда до работы Янгуразу было минут двадцать езды на трамвае.

Обходительность Янгураза и приятные манеры пришлись по душе фрау Берне. Вскоре она призналась постояльцу:

- Я рада, что вы поселились у нас. Мне кажется, будто один из моих сыновей вернулся домой.

- А где он?

- На фронте, где же еще.

- Вы не волнуйтесь, - мягко сказал ей Янгураз, - даст Бог, ваш сын вернется живым и невредимым и заключит вас в свои объятия.

- Спасибо за добрые слова. Мы и сами живем надеждой. Отдыхайте. Мы будем добрыми соседями. Может, вам кофе приготовить?

- Нет, спасибо, фрау, не беспокойтесь. Мне еще кое-какие вещи нужно привезти.

Вот так сразу между ними установились добрососедские отношения.

Не прошло и месяца, как Янгураз почувствовал, что хозяйка интересуется им и не просто из праздного любопытства... Опасаясь занять в ее душе значительное место, он делал вид, что не понимает некоторых ее намеков. Но так же, как нельзя личной осторожностью и осведомленностью предотвратить землетрясение, так нельзя было уклониться от налаживания отношений на новом месте. Во многом из-за этого Янгураз и решил зайти в тот магазин, который порекомендовала ему фрау.

Магазин госпожи Эвы был виден из окна квартиры Янгураза - только улицу перейти. Улица здесь тихая, дома невысокие, народу сравнительно немного. Может, поэтому и в магазине почти никого не было. Покупатели в основном были одни и те же, они заходили то один, то другой, делали покупки и уходили. Янгуразу почти не пришлось ждать своей очереди. Он протянул миловидной продавщице свои продовольственные карточки, заказал двести граммов сливочного масла, банку повидла, пять булочек и поллитра молока. Хозяйка отрезала положенное количество карточек и спросила с улыбкой:

- Вы, наверное, новый человек в нашем квартале? Кто вы? Наверное, студент?

- Да, - ответил Янгураз. - Я недавно поселился в доме господина Фрица Вайзера.

Тут женщина просияла:

- Правда? Значит, это вы! Я о вас уже слышала. Ведь мы с Фрицем родственники, мы тоже Вайзеры. Берна вчера только о вас говорила.

В магазине в эти минуты никого кроме них не было и Янгураз решил получше разглядеть миловидную хозяйку. Это была женщина лет сорока, русоволосая, среднего роста, в меру полная. Ее синие глаза смотрели ласково, а яркая помада на губах красиво оттеняла пухлые щечки.

- Значит, мы заочно уже знакомы, - сказал Янгураз. - Очень рад. Меня зовут...

- Ах, я знаю ваше имя! - воскликнула продавщица и несколько смутилась. - Мне Берна сказала.

Щеки ее порозовели, губы снова раздвинулись обнажив белые зубки, глаза полыхнули синевой. Она проворно упаковала продукты и запросто, почти по-свойски сообщила:

- А я Эва. Думаю, мы еще встретимся. Заходите еще, эфенди!

В магазин вошли новые покупатели и Янгураз, не желая мешать хозяйке, поспешил откланяться.

По дороге он вдруг вспомнил, что фрау Эва на прощание сказала ему по-татарски "эфенди" - господин. Он даже замедлил шаги от запоздалого удивления. Откуда ей известно это слово? Странно...

Дома, развернув пакет, он удивился еще больше: к заказанным продуктам добавилась еще одна банка по-

видла, три булочки и два куриных яйца! Исключено, чтобы продавщица ошиблась. Это не в духе немцев. Но тогда с какой целью? Чтобы привлечь его как клиента? Или чтобы проверить его? Но что проверять?

Он еще раз вспомнил, что фрау Эва обратилась к нему по-татарски "эфенди".

Может, все это делается специально? И квартира подобрана ему с умыслом, чтобы держать его под наблюдением. Прямо таки в стиле НКВД? Непонятно. Впрочем, дополнительные продукты пригодились, когда в воскресенье пришел в гости Рамзи Сабанчи. Было что подать к чаю.

Рамзи добился своего - устроился чертежником на один из берлинских заводов. Конечно, для доцента это не ахти какая должность, но для военнопленного очень даже неплохо. Ведь выбирать не приходится. Для Рамзи, не отличавшегося к тому же знанием немецкого языка, такая работа была просто находкой.

- Слава богу, не пришлось быть у Шамсира на побегушках, - поделился с Янгуразом Рамзи. - Какой из меня пропагандист. А тут все же оплачиваемая работа.. Сначала я опасался, что немцы будут относиться ко мне чересчур строго, станут придираться, но все обошлось. Работу я выполняю добросовестно и в срок, а для немцев это самое главное. Еще ни разу не получил. выговора. Может, они знают, кто я такой?

- Ладно, пока работай, а там видно будет.

- Со временем и в немецком поднатореем, и к здешней жизни привыкнем, опыта наберемся.

На столе Янгураза лежали кипы исписанной и чистой бумаги. Работа над переводом книги профессора Менде кипела. Узнав над чем работает Янгураз, Рамзи обрадовался:

- Да-а, как пригодилось знание немецкого языка! Дали серьезную работу. Квартира у тебя хорошая. Остается только обзавестись семьей и растить детишек.

Янгураз лишь присвистнул:

- Да у меня и девушки-то знакомой нет. С немками заводить знакомство рискованно, как бы впросак не попасть. Сам знаешь, расписку дали...

- Это так. А вот я на заводе познакомился сдевчатами-остарбайтерами. Среди них есть полячки, украинки. Я для

них вроде начальника. Некоторые из девушек загляды-ваются на меня.

- О-го, да ты, Рамзи абы, всем нам фору дал!

- Хочешь, и для тебя девушку найдем. Сегодня выход-ной. Поехали в Тиергартен? По выходным девушки там собираются. Может и татарок встретим среди остарбай-теров с Донбасса.

- Хорошо бы встретить своих.

Сказано - сделано. Быстро допив чай, друзья собра-лись в дорогу.

Был солнечный апрельский день. В воздухе пахло тра-вой, молодой листвой. От плодовых деревьев, росших вдоль улиц, шел аромат. Всюду гуляли разодетые люди. Даже не верилось, что в эти минуты Германия ведет жес-токую широкомасштабную войну.

Уже в вагоне метро Рамзи сказал:

- Слушай, Янгураз, я и несколько ребят живем в тес-ной квартирке. Парни-то хорошие, но мне хотелось бы более спокойной обстановки. Больше свободы. А ты жи-вешь один в двухкомнатной квартире. Может, пустишь меня в одну из комнат?

- Надо подумать. Мне, действительно, вполне хватает и одной комнаты. Просто сдавалась вся квартира целиком, и я вынужден был согласиться.

- И завод, где я работаю, находится недалеко от тебя. И потом вместе, думаю, и жить будет веселее. Возможно, и я в чем-то смогу быть тебе полезным.

- Попробую поговорить с хозяевами.

Когда они доехали до Тиергартена было около двух часов дня. Как и договаривались сразу пошли к площадке возле ресторана "Ам цоо", где собирались работники из Польши и Украины. Молоденький паренек наяривал на аккордеоне, и на помосте, сбитом из нескольких десяток досок, кружились танцующие пары. Парней было мало, что в условиях войны неудивительно. Однако слабый пол не был этим огорчен. Девушки, собравшись в группки, пели песни на своем языке, о чем-то судачили, слышалась также и немецкая речь.

- Ну как, тебе нравится здесь? - спросил Рамзи.

- Ничего себе... Все выглядят веселыми, смеются, шу-тят.

- А ты думал, они собираются здесь чтобы поплакать? Жизнь идет, и надо радоваться ей. Разве мы с тобой не для этого пришли сюда?

- Думаю, для уверенности нам нужно пропустить рюмочку-другую. Зайдем в ресторан?

Рамзи мгновенно принял серьезный вид и как ученый-первооткрыватель, подняв указательный палец, назидательным тоном произнес:

- Человечеству свойственно употреблеение алкоголя в минуту веселья!

Засмеявшись, друзья направились в ресторан. Найдя свободный столик, Янгураз усадил товарища, а сам пошел к стойке. Когда вернулся, застал Рамзи в окружении девушек - друг времени даром не терял!

- Девчата, познакомьтесь - это мой товарищ, такой же рабочий, как и вы.

- Заливай, - сказала одна из девиц. - Думаешь, мы вообще не соображаем? Посмотри на его нежные руки, разве такие бывают у тех, кто работает на заводе?

- Скажу, что министр - опять не поверите, - подзадорил их Янгураз.

- А галстук тебе к лицу, - не унималась девушка. - А коли ты начальник, сможешь быть полезным для нас?

Тут на помощь слегка растерявшемуся Янгуразу пришла одна бойкая украинка - черноволосая, голубоглазая, пышногрудая, словом, настоящая хохлушка.

- Ну, чего разгалделись, будь он начальник, купил бы шнапс или шоколад. Не видите что ли их скромный стол?

И тут же подсев к Янгуразу заявила:

- Дружок, а Лиму чем ты собираешься угощать?

- Посмотрите-ка на Лиму! - засмеялись девушки. - Она уже отхватила этого парня себе! Может у него денег нет, чтобы тебя угощать?

- А может, он хочет меня угостить?

- Ха-ха-ха!...

- Присаживайтесь, девушки, - пригласил их Янгураз. - Сейчас я пирожное принесу. Может, и ром не помешает?

- Ого!

- Нам и шоколада достаточно. Ждем вас у танцплощадки! Принесете шоколад туда!

Одна из девиц чмокнула Рамзи в щеку, а потом послала воздушный поцелуй Янгуразу:

- И тебе один поцелуй!

Снова раздался девичий смех. Когда веселая компания вышла из ресторана, Янгураз, не переставая восхищался:

- Отчаянные девушки, горячие, как самовар! Наверное, не так уж им плохо здесь.

- Видел ту, что меня поцеловала? Красивая? По-моему, у нас с ней все будет зер гут, дело к этому идет.

- Та светленькая? Хороша. И фигурой, и лицом...

- Ты серьезно? - обрадовался Рамзи. - Она из Западной Украины. Подруги с Лимой. Они знали, что в Тиергартен, возможно, приду с тобой. Ты, кажется, понравился Лиме.

- Бойкие девушки, - повторил Янгураз. - И красивые. Они сюда каждый выходной приходят?

- Не знаю. На этот раз они сами пригласили меня.

Друзья пошли к танцплощадке. Найдя знакомых девушек, предложили им шоколад. Озорницы подшучивали над Янгуразом:

- Дай нам и долю Лимы, а вместо шоколада мы тебе ее саму отдадим.

- Верь вам! - задиристо вставила Лима.. - Сначала шоколада захотите, потом чего-нибудь подороже. Нет уж, пошли отсюда, герр Янгураз!

Они вышли почти на середину танцплощадки и закружились в вальсе. Девушка танцевала легко, непринужденно, красиво. Янгураз решил польстить ей:

- Вы превосходно танцуете, будто всю жизнь только этим и занимались.

- Вроде того. Я получала призы на конкурсах художественной самодеятельности.

Янгураз танцевал не ахти как, но перед Лимой старался не подкачать. Скоро танцующих стало так много, что они уже не могли кружиться быстро, и перешли на медленный вальс.

Обняв девушку за гибкую талию, Янгураз ощутил невиданное доселе блаженство. Дыхание участилось. Кажется, девушка испытывала то же самое - ее полная грудь вздымалась. Наконец, Лима подняла голову, обожгла кавалера своим взглядом и звонко засмеялась.

- Что случилось?- спросил Янгураз.

- Да так... Интересно! - ответила девушка. - В талии щекотно. И... приятно.

- И мне.

- Вы тут в каком качестве? Свободная птица или...

- Можно сказать, что свободная. Я - переводчик.

Они и второй, и третий танец танцевали вместе, держась подальше от подружек. Вдруг Лима подняла на него кокетливый взгляд и спросила:

- А вы не боитесь потерять меня?

Вот-те на! Янгураз улыбнулся девичьей хитрости: Лима не стала спрашивать прямо, хочет ли Янгураз встретиться с ней снова, а задала эдакий обходной вопрос. Хитра плутовка!

- У нас же есть связной. Мы с Рамзи живем вместе. А если скука заест, мне и позвонить можно.

- Да ну?! Как здорово! Теперь у меня в Берлине будет знакомый с телефоном.

- Вы давно здесь?

- С полгода. Привезли на год, неизвестно только, сдержат ли слово. Обещади по истечении года дать вольную и предоставить возможность работать на общих основаниях.

- Пойдем, погуляем немного?

Девушка охотно согласилась. И он, взяв ее под руку повел по аллеям, вдоль которых росли березы, распустившие свои зеленые кудри, тополя, акации. Пели птицы, порхали бабочки - лето уже вовсю заявляло о себе.

- Какая прелесть, как здесь хорошо! - восхищалась Лима. - И все это фашистам, надо же?!

- Разве они не люди? Разве не ими создана эта красота?

Лима как-то странно посмотрела на Янгураза и промолчала. Потом тихо спросила:

- Скажите, а вы довольны жизнью здесь?

- Пока не могу пожаловаться. Вот даже на танцы начал ходить, могу обнимать красивую девушку. А?..

Лима не торопилась принимать шутливый тон Янгураза. Она еще раз взглянула на него с какой-то искоркой тревоги в глазах, покачала головой и протянула:

- Ну-у... И поверить трудно. Впрочем, у свободной птицы свободный полет.

- Не всегда. Есть дела, ограничивающие твою свободу.

Янгураз привлек к себе девушку, но Лима выскользнула из его объятий.

- Пойдем к нашим. А то нехорошо как-то... Они, небось, уже потеряли нас.

Янгураз вырвал из блокнота листок и написал номер телефона:

- Звоните. Пока я работаю дома.

- Спасибо.

- В следующее воскресенье встретимся здесь же?

- Ого, да вы, как я погляжу, быстрый! Куете железо, пока горячо?

Янгураз улыбнулся:

- Напротив. Меня разве что ваша красота заставит спешить.

Лима покраснела:

- Ой, какая же я дурочка! Это у себя на родине спешить некуда, а здесь, на чужбине, когда не знаешь, что будет с тобой завтра... Знаете, сначала я и сама удивлялась, как здесь быстро знакомятся и сближаются наши соотечественники. А потом поняла: что это естественно. Нельзя нас за это осуждать.

Янгураз подождал, пока пройдет встречная парочка и обнял девушку. Они долго целовались. Наконец, вырвавшись и стыдливо опустив глаза, Лима спросила:

- Я, кажется, и в самом деле дурочка?

- Такая дурочка, что умнее всех остальных.

- Правда?

Янгураз хотел подтвердить ответ поцелуем, но не успел: появились новые парочки влюбленных, и Лима испуганно отпрянула от него. А чем ближе они подходили к танцплощадке, все больше становилось прохожих.

Когда Лима присоединилась к подружкам, Янгураз подумал: "А не слишком ли я форсирую события? Не лучше ли искать девушку из других кругов? Здесь, в Германии, следует держаться ближе к немцам, если беспокоишься о своем будущем. Здесь нельзя потакать своим чувствам, а тем более быть рабом страстей. Это опасно..."

И все же он не жалел о своей вылазке в Тиергартен. Эта хорошенькая хохлушечка Лима, несмотря на всю комсомольскую наивность, может ему еще пригодиться.

Надо привлечь ее на свою сторону, во имя ее же красоты", - усмехнулся про себя Янгураз.

4

Рина крутилась перед зеркалом, со страдальческим лицом исследуя свои прыщики, снова так некстати высыпавшие на ее нежном подбородке. Какими только кремами, мазями, порошками не пробовала она вывести эти противные прыщики, да все без толку. Выдавливать их она не решалась, ведь тогда могли остаться шрамики, пусть даже совсем крохотные. Нет уж, ей не хотелось становиться рябой! Ее лицо должно оставаться гладким, как персик, чистым и свежим, как утренняя роса.

Сказать, что эти прыщи следствие простуды? Однако в последнее время ей не приходилось переохлаждаться. В прошлом году зимой, катаясь на лыжах, она основательно продрогла и даже слегка заболела, но и тогда обошлось без прыщей, хотя от холода уши и пальцы ныли целый день. Ну, провалялась Рина несколько дней в постели, пропустила несколько уроков, быстренко выздоровела, и хоть бы один прыщик выскочил! Может, Пауль прав, называя ее прыщики вестниками любви? Впрочем, этот Пауль глуп как пробка, только и знает, что пялит на нее глаза и хихикает со своими противными дружками. Ни ума в нем, ни такта!

Вот уже четвертый год сидят они с Паулем за одной партой. Поначалу их отношения были чисто товарищеские. Рина относилась к Паулю также, как к своим многочисленным подружкам, да и Пауль не выделял ее особо среди своих дружков-сорванцов. Они даже некоторыми секретами делились. Роста они были одинакового, учились примерно одинаково. В восьмом классе Рина, уступая полупросьбам, полутребованиям матери, больше стала уделять внимания учебе. И именно в восьмом классе она вытянулась, как подсолнух под теплым солнцем. И не просто вытянулась, но одновременно стала округляться. Пауль же в физическом развитии явно отставал. Теперь уже Рина смотрела на него свысока и в прямом, и в переносном смысле. Ей стало как-то неинтересно поддерживать прежние доверительно-дружеские отношения

с ним. Прохладное отношение Рины Пауль почувствовал сразу, и это задевало его. Несколько раз, словно дурачась он задел Рину за торчашие груди, что страшно взволновало его. Он стал сам не свой и уставился на свою соседку по парте, словно видел ее в первый раз.

Особенно расцвела Рина после летних каникул. Она стала выглядеть настоящей барышней. Пауль, из-за своего мальчишества, никак не мог смириться с этим, вернее не знал, как приспособиться к меняющейся на глазах Рине. Впрочем, он тянулся за Риной, изо всех сил старался походить на эдакого бывалого парня. Он усиленно занимался спортом в летнем лагере гитлерюгенда, участвовал в различных соревнованиях, а друзьям говорил, что после окончания гимназии намерен посвятить себя военной службе. Однажды, когда их класс в полном составе пошел смотреть спектакль, Пауль купил в театральном буфете плитку шоколада и изображая из себя галантного кавалера, вручил ее Рине. А Рина в это время заглядывалась на высоких широкоплечих офицеров, прохаживающихся в фойе и, естественно, не собиралась одаривать своей благосклонностью неказистого Пауля. И тогда оскорбленный в своих лучших чувствах, шоколадный кавалер напыщенно сказал:

- Мне бы побыстрее гимназию закончить, а потом я на офицера пойду учиться!

Рина, насмешливо прищурившись выпалила:

- Тогда уже и война кончится!

Не зная, как отомстить насмешнице, обозленный Пауль прибег к нечестному приему. Он сделал недостойный, грубый жест, заявив:

- А у меня есть средство, чтобы тотчас вывести твои прыщи! Если хорошо попросишь, может быть, помогу.

Рина не сразу поняла намек, а когда до нее дошло, она от смущения и негодования залилась краской. В ее глазах сверкнули молнии гнева, и она с презрением воскликнула:

- Смотри, какой деловой! К тому же умный, как крышка унитаза!

И бросилась стремглав. Толлко и видели ее. Чувство омерзения не покидало Рину. Ее уже не интересовали красавцы-офицеры. Прошел всякий интерес и к спектаклю.

Придя домой, она тут же стала жаловаться матери:

-Знаешь, мам, что предложил мне этот пиявка Пауль?..

Фрау Эва успокаивала дочь:

- Да, дикая яблоня и в райском саду не станет давать ананасы. Вот и показал себя твой одноклассник. Но ведь прежде ты, кажется, не жаловалась на него?

- Раньше он все время лип ко мне, как железо к магниту. Не знаю, что сегодня на него нашло? Таким грубым я его еще не видела.

- Может, он влюбился в моего ангелочка?

- Влюбился? В меня?

- Может он приревновал тебя к офицерам, на которых ты заглядывалась, ты же сама сказала, что заглядывалась?

- Глупости. Хочу - и заглядываюсь. Тоже мне кавалер! Ох, и глупые эти мальчишки! Неужели я должна с ним сюсюкаться только потому, что он, видите ли, подарил мне целую плитку шоколада?! А я угостила его коктейлем. Вот мы и в расчете!

- Правильно сделала, доченька.

- Ну, посуди сама,- продолжала Рина,- разве не глупо, что этот коротышка Пауль липнет ко мне? Представляю, как он изо всех сил будет тянуться на цыпочках, чтобы поцеловать. И смех, и грех!

Фрау Эва улыбалась, качая головой. Рина возмущенно продолжала:

- А мне нравятся только высокие!

Передразнивая Пауля, она напыжилась и прогудела в нос: "Мне бы гимназию закончить, а потом на офицера пойду учиться!" Фу! По мне пусть хоть генералом станет!

С девичьей непосредственностью она резко переменила тему разговора:

- Мам, когда же исчезнут эти проклятые прыщи?

- Не беспокойся, в твоем возрасте это обычное дело. Пройдут.

- Говорят, это прыщики влюбленных. Но ведь я пока не влюблена ни в кого и не собираюсь влюбляться!

Фрау Эва тихо засмеялась и обняла дочку за плечи:

- О, святая наивность! Это же возрастное, просто их так называют, но они не имеют никакого отношения к чувствам. Просто организму временно чего-то не хватает, ведь ты растешь не по дням, а по часам. Вот увидишь:

пройдет немного времени и твои прыщики исчезнут бесследно. А с юношами ты будь все же повежливее, доченька. Не отталкивай их. Не сюсюкайся с ними, конечно, но и не отвергай их сразу - держи их на определенном расстоянии. Чем больше будет виться молодых людей вокруг тебя, тем легче будет выбрать более достойного. Поэтому улыбайся мило, разговаривай с ними, пусть они тянутся к тебе, как мотыльки на огонь, пусть нуждаются в твоем обществе, стараются во всем тебе угодить, навязаться в друзья. А ты оставайся всегда немного таинственной, загадочной, не открывай свою душу до конца. Мужчины любят недосказанность, любят открывать тайны, твоя загадочность будет пуще прежнего разжигать интерес у поклонников.

Фрау Эве хотелось бы подольше поговорить с дочерью, наставить ее по части женских хитростей, но ей было некогда, неотложные дела звали ее в магазин. В голове уже привычно вертелись цифры, суммы, проценты. На ней лежала доставка товаров, их сортировка, оформление витрин, обслуживание посетителей, составление заказов. Муж и дочь могли помогать лишь изредка.

Рина еще долго вертелась перед зеркалом, колдуя над своими прыщами. Совершив все мыслимые и немыслимые процедуры со множеством кремов и мазей, она, наконец, немного успокоилась и предавшись сладким грезам села рассматривать альбом с картинками. Ей особенно нравились произведения Карла Шпицвега. Она даже собрала целую коллекцию репродукций его картин. Его герои - одухотворенные, живые, интересные личности - занимали воображение Рины. Она верила, что они живут и чувствуют также, как она сама. Казалось, что на картинах Шпицвега были запечатлены люди, которых Рина привыкла видеть изо дня в день где-нибудь по соседству. Ей казалось, что стоит ей захотеть и эти персонажи найдутся в любом доме, на любой из близлежащих улиц. Рина даже специально ходила по улицам города, пытаясь найти в прохожих черты героев Шпицвега. Но вот что интересно: эти герои были одновременно и похожи, и не похожи на людей, с кем привыкла общаться Рина. Взять, к примеру, картину "Вечная любовь" - молодой человек дарит цветы своей возлюбленной. Он настолько ласков, деликатен и внимателен к ней, на-

столько поглощен созерцанием своей любимой и нежным разговором с ней, что совершенно не замечает соседей и зевак, собравшихся вокруг них, чтобы поглазеть и посудачить. А картина "Письмо плененной любви" даже приснилась Рине: парень, живущий на верхнем этаже, на веревечке спускает любовное письмо девушке, живущей на нижнем этаже. Однако письмо - о ужас! - берет не возлюбленная, а ее мать, которая от удивления долго не может прийти в себя. Какой курьез? Смех, да и только! Архитектура старинных зданий, щегольской наряд влюбленного юноши, наконец, какой-то неуловимый, но явственно ощущаемый истинно немецкий дух картины - все это, конечно, очень впечатляет. Любуясь картиной, Рина представляет себя на месте девушки, которой адресовано письмо. Но в ее мечтах письмо попадает не к матери, а к ней самой, и она с благоговейным трепетом прочитывает его, а потом встречается с благородным юношей. Он, конечно, не станет грубить ей, как Пауль, а нежно обнимет ее, будет целовать, ласкать, шептать ласковые слова. А Рина, то есть Катарина, положит свою прелестную головку на могучую грудь юноши и будет слушать биение его страстного сердца. А потом... Потом? Ну, конечно, начнутся ласки по-взрослому, по-настоящему. Рина не знает, как это бывает, она даже стыдится представить ласки "по-настоящему", но она хочет их и чувствует в них такую тайну, которую ей еще предстоит открыть. Тогда она, наверное, и познает секрет превращения девочки-подростка в зрелую женщину, постигшую прелесть мужской ласки. При мысли об этом у Рины начинает гулкр стучать сердце и появляется напряженная дрожь в теле... Она смотрит то на картину, то на свое отражение в зеркале, и вновь погружается в мечты, сладкие и дерзкие.

Нужно приготовить уроки, потом помочь мате-ри, но Рине так не хочется покидать мир мечтаний! И все же она пересиливает себя: нехорошо, надо хотя бы часа два помочь матери в магазине. Скоро люди пойдут с работы домой и по пути могут зайти в магазин. Работы прибавится. Не разрываться же маме на части.

Магазин находится на первом этаже их дома. Это обычная, не очень большая лавка, но там есть все, что нужно на каждый день. Просторный склад и огромный

холодильник позволяют загодя запасаться необходимыми продуктами.

Мать обрадовалась приходу Рины и попросила ее пополнить изрядно опустевшие полки кондитерскими изделиями со склада.

Рина хорошо знает эту работу: каждый продукт надо выставлять отдельно, пачка к пачке, банка к банке, коробка к коробке. Здесь - мармелад, дальше маргарин, потом пряники, конфеты, печенье... Один к одному, красиво и вместе с тем просто, и чтобы ценники были видны... Рина, если надо, и продавать может, но только тогда, когда народу немного: при наплыве покупателей мать берет торговлю в свои руки, оберегая дочь от сутолоки и, самое главное, от ошибок, неизменных при отсутствии расторопности. Хотя сама Рина вовсе не считает себя нерасторопной. Она бы справилась и с большим количеством покупателей. Ей вообще нравится торговать, это ее поднимает в собственных глазах. Покупатели обращаются к ней почтительно и вежливо: "Фройлейн", "геррин"... А некоторые откровенно льстят: "О-о, у фрау Эвы растет достойная смена. Да хранит тебя Господь от сглазу!" Обычно в их магазин заходят люди, живущие по соседству, и редко кто не знает хозяйку и ее прелестную дочь.

Фрау Эва и сама многих знает, и чтобы сделать посетителям приятное, порой называет их по имени, справляется о здоровье. Комплименты в адрес дочери ее нисколько не трогают. Конечно, она улыбается и рассыпается в благодарностях, но про себя думает: "Нет уж, моя Рина должна закончить университет и выбиться в люди. Она не должна повторить ошибку матери".

Чтобы помочь матери побыстрее обслужить покупателей, Рина сама складывает яйца в пакеты, взвешивает пудинги и рулеты, вытаскивает на свет божий те или иные товары из известных только матери закутков. И во время такой суеты Рина не сразу заметила, как мать жестами стала намекать дочери посмотреть в торговый зал и даже наступила ей на ногу. Девушка бросила взгляд в зал и увидела за прилавком высокого черноволосого молодого человека, с широким лбом и овальным лицом. Одет он был весьма прилично: добротный коричневый костюм, белая рубашка, галстук цвета какао. Он терпе-

ливо ждал, пока ему упакуют покупку. Рина перевела взгляд на мать, пытаясь понять ее намеки, но фрау Эва уже была поглощена обслуживанием этого молодого человека: положила в пакеты кекс, яйца, взвесила конфеты, сложила все это в большой пакет, куда доложила пышные булочки и бутылку молока.

- Заходите к нам почаще, герр Янгураз, - ворковала она. - Не пропадайте, я всегда рада видеть вас.

Янгураз скромно улыбнулся:

- Спасибо за доброе слово, фрау Эва.

- Передавайте нашим привет!

- Непременно!

Рина не могла не обратить внимания на этого молодого человека со странным именем. К тому же мать разговаривала с ним слишком уж приветливо. Любопытство буквально съедало девушку, но она не спешила рас-спрашивать мать, прекрасно зная, что та при первом же удобном случае расскажет ей об этом покупателе с греческим профилем. Так оно и получилось. Едва схлынул поток покупателей, как фрау Эва повернулась к дочери:

- Ну как, ты обратила внимание на того молодого человека?

- Греческий профиль, лоб с футбольное поле...

- Вот-вот, - подхватила фрау Эва, довольная наблюдательностью дочери. - Широкий лоб говорит о большом уме. Это тебе не Пауль, у которого ветер в голове.

- Может, он глупее Пауля, откуда ты знаешь?

- Этот господин недавно поселился у твоего дяди, герра Фрица. Это уже кое о чем говорит. Если хочешь знать, фрау Берна очень хорошего мнения о своем постояльце. А она, как тебе известно, редко ошибается.

- Ну и что?

- А то... Это воспитанный, образованный, вежливый и культурный человек. Несмотря на молодость, уже работает в министерстве, параллельно учится в университете.

- Я бы не сказала, что он такой уж молодой.

- Глупышка. Ну, конечно, не моложе тебя. Но жизнь его уже потрепала. Господин Янгураз успел повоевать,, был ранен... Он из Русланда.

- Как это?

- Видимо, попал в плен, а потом перешел на сторону наших.

Гм-м... Вот это уже никак не укладывалось в прелестной головке Рины. Из Русланда... Бывший пленный... Студент Берлинского университета и сотрудник Восточного министерства Рейха. Как это понять? Кто он? Чудак, шпион, авантюрист?.. Может, он был в Русланде немецким шпионом? Ценой измены родине купил сытую жизнь в Германии? Или он искренне ненавидел большевиков?

- Знаешь, он ведь не русский, - продолжала фрау Эва. - Он из русландтюркенов, то есть, народа, родственного туркам. А согласно легендам, он потомок древних гуннов.

- Но почему ты решила его мне показать?

- Если он зайдет в магазин в мое отсутствие, будь с ним непременно вежливой и приветливой. Ведь он, повторяю, живет у герра Фрица, значит, наш сосед и хороший знакомый. Может быть, нам еще предстоит более близкое общение с ним. Ты ведь знаешь, я когда-то изучала историю восточных народов, это очень интересная область, а герр Янгураз весьма интересная, на мой взгляд, личность. В общем, если он зайдет за покупками, не стой как истукан, обслужи его самым лучшим образом, не пересчитывай его продовольственные карточки. Аппетит в молодости бывает хороший, почему бы немного не помочь ему? Возможно, вы будете учиться вместе, если ты, даст Бог, поступишь в университет. Ну, скажи, разве он не красив?

- Мам, он такой черноволосый... Явно не из истинных арийцев.

Фрау Эва недоуменно посмотрела на дочь: шутит, жеманится или вполне серьезно говорит? Хорошо, если первое. Кто знает, может, бедняжке уже так заморочили голову во всех этих гитлерюгендах, что она действительно прониклась идеей так называемой "расовой чистоты"? Не дай Бог! Во всяком случае, еще не поздно прочистить ей мозги, пока еще молода и находится под крылом матери.

- А фюрер, стало быть, из истинных арийцев, да? Ты посмотри на него: даже усы и брови его словно сажей вымазаны. Тоже мне ариец... Только не вздумай болтать об этом с кем попало, а особенно с сыном блоклейтера Паулем. Упаси тебя Бог проболтаться и о французских корнях твоей бабушки, что была родом из Эльзаса. Знай, но помалкивай.

- А что, если расскажу?

- Тогда накличешь беду не только на себя, но и на всех нас. И вообще, не об этом тебе надо думать, а об учебе, о поступлении в университет. А герр Янгураз - такой обаятельный, обходительный. Он как будто даже немного стеснительный. Словом, гораздо деликатнее, чем твой оболтус Пауль.

- Мам, а что это за народ - гунны?

- В древности жили в Азии. Потом под руководством своего царя Аттилы завоевали всю Европу. Говорят, что в окрестностях Кельна они предали смерти саму британскую принцессу Урсулу и 1100 девушек вместе с ней. После этого многие из них осели на берегах Дуная, постепенно перемешались с другими народами...

- А наш учитель истории о древних народах почти ничего не рассказывает. Знай себе твердит: "Главная задача немецких девушек - рожать и растить для Рейха смелых солдат". Советует нам прочитать книгу "Маяк в океане жизни", считает что жить нужно так, как там написано.

- О-о, майн Гот! - раздраженно воскликнула фрау Эва. - Не было печали, да черти накачали!

- А вот Пауль хвалит романы Карла Мая, взахлеб рассказывает мне о разных экзотических восточных странах, где доблестные немецкие солдаты попадают в разные переделки и с честью выходят из них, совершая великие подвиги...

- Знаешь, Рина, ведь в нас, немцах, тоже течет немало восточной крови. Подумай, разве случайно, что такие лидеры нашего народа, как Гитлер, Геринг, Гиммлер родились и выросли именно на берегах Дуная? Не говорит ли это о том, что героический дух гуннов нашел свое продолжение в лучшей части немецкого народа?

- Но нам-то с тобой что от этого?

- Глупышка! Ведь получается, что этот русландтюркен в историческом плане родственен нашему фюреру. Как ты думаешь, почему герр Янгураз, прибыв сюда из чужой страны, смог сразу же пойти вверх и даже устроиться на работу в министерство?

В магазин вошли новые покупатели и беседу пришлось прервать.

Разговор с матерью захватил воображение Рины и придал ее мыслям какое-то свежее, даже экзотическое направление. Внешне она никак не проявляла интереса и нетерпения, но внутри ждала, что мать расскажет что-нибудь еще об этом русландтюркене и вообще о гуннах. Надо же, легендарные, давно исчезнувшие гунны, и их живой, реальный потомок Янгураз, делает покупки в магазине Вайзеров! Как интересно!

О гуннах что-то было написано в учебниках, но Рина решительно ничего не помнила. Давно, очень давно нагрянули в Европу эти племена. Их следы занесло песком. И надо же - сегодня один из потомков гуннов живет в доме их родственников и ходит в их магазин! Может уже завтра Рине придется обслуживать этого гунна. Чудеса, да и только!

Казалось, фрау Эва напрочь забыла о той беседе с дочерью, и с головой окунулась в свои торговые операции. В действительности же она, как женщина умудренная жизненным опытом, выжидала, пока в дочери разгорится любопытство, возникнет желание поближе узнать о Янгуразе. "Пока что одной беседы вполне достаточно, рассуждала фрау Эва, - на молодежь нельзя слишком давить. И потом: она сама еще недостаточно хорошо знает герр Янгураза, хотя и доверяет мнению Берны. Пусть сначала те Вайзеры приглядятся к своему постояльцу, понаблюдают за ним. Потом видно будет..."

А Рина сразу же по возвращению домой стала искать старые учебники истории чтобы прочитать что-нибудь о гуннах. Но учебники были давно прочитаны, прочно забыты и по большей части потеряны или закинуты в такие углы, что их и через десять лет не найти. Справочники, оказавшиеся под рукой, тоже почти ничего не сообщали о гуннах. Словом, налицо существовала лишь сказка о каких-то могущественных гуннах. Ладно, сказка есть сказка, легенда есть легенда. Но ведь молодой человек по имени Янгураз, живущий по соседству, у дяди Фрица, был не сказкой, а реальным, живым человеком, и притом - потомком этих гуннов. Герр Янгураз намного выше Пауля, да и телосложением его Бог не обидел. Рина уже давно равнодушна к разным замухрышкам, типа Пауля, а юноши постарше почти все на войне. Иных, особенно сильных и рослых, берут на фронт даже из старших

классов. Большинство одноклассников Рины мечтает после окончания гимназии посвятить себя военным подвигам. Они не пропускают ни одного фильма или кинохроники о войне, на уроках и переменах до хрипоты спорят о преимуществах тех или иных родов войск, о тактике и стратегии и тому подобных военных хитростях. Парни постарше успели вернуться с фронта домой, залечивают раны. Скоро они снова уйдут на фронт. А Курт из соседнего дома никуда не пойдет, потому что лишился на фронте руки. Он ходит мрачный, засунув пустой рукав в карман, и с соседями здоровается сдержанно, даже нехотя.

На Рину еще совсем недавно никто из парней и не заглядывался - ведь она и похорошела лишь за последние несколько месяцев, ну пусть год. Гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя, но теперь почти не осталось кавалеров, которые могли бы обратить на нее внимание и приласкать ее - кто воюет в Европе, кто в Африке. Третий Рейх расширяет свои границы, и ему понадобится еще много солдат. Учитель истории говорит, что они воюют ради того, чтобы такие, как Рина, жили счастливо и безбедно. Девушки соглашаются с учителем: действительно, ради чего еще воюют их славные парни? Тем более. что почти у каждой девушки кто-нибудь да воюет - отец, брат, дядя... Фюрер правильно думает: не одним же зулусам и монголам должны принадлежать те диковинные и сказочно богатые страны, где весь год длится благодатное лето! Нет-нет, девушки отнюдь не против, чтобы их мальчики и впредь расширяли границы Третьего Рейха.

Снова разглядывая в зеркале свои противные прыщики, Рина вспомнила случай, произошедший недавно на уроке литературы. Учительница задала выучить стихотворение Фридриха Шиллера "Немецкое величие". С творчеством Шиллера они уже знакомились в прошлом учебном году, но учительница почему-то снова решила обратиться к этому поэту. Впрочем, Шиллер был любимым поэтом многих учеников, поэтому никто не выразил никакого недовольства. Почти все хорошо помнили это стихотворение. Рина вдохновенно продекламировала:

Доблесть немца и величье -
Не в неправде ратных дел...

Мир духовных обольщений -
Вот достойный нас удел...
Правды молнией разить.
Разуму снискать свободу -
Значит, каждому народу
И грядущему служить!*

Она ни разу не сбилась, не ошиблась, и с пафосом прочитала финал стихотворения. И тут одна из учениц задала вопрос:

- Геррин, после этого стихотворения создается впечатление, что Шиллер одинаково искренне желал свободы и счастья всем народам, будь то, скажем, поляки или чехи, французы или же немцы. Так? Или я, возможно, неправильно поняла произведение? Скажите, если взгляды Шиллера не совпадают со взглядами фюрера, так ли уж нужно учить это стихотворение?

Весь класс замер в ожидании ответа. Воцарилась мертвая тишина. Все ждали ответа, потому что этот вопрос, похоже, волновал каждого. Десятки пар глаз смотрели то на дерзкую ученицу, то на слегка смущенную учительницу.

- Кто хочет ответить на этот вопрос? - спросила, наконец, учительница.

Тут вскочил из-за парты сосед Рины Пауль:

- Попробую я... Мне кажется, Шиллер был хитрым и дальновидным человеком. С одной стороны он старался успокоить соседей, чтобы сдержать их агрессию, пока немецкий народ слаб. С другой стороны, он стремился избавить наш народ от комплекса неполноценности, от рабской психологии. По-моему, это ясно видно из следующих строк:

Тем из нас позор навеки,
Кто чужим кумирам служит, -
Кто с казной британца дружит,
Галла мишурой пленен.

- Совершенно верно, Пауль, спасибо! - одобрила его учительница. - Дело в том, что Шиллер противоречив в своем творчестве, это свойственно гениям, и его произведения не лишены некоторых спорных моментов. Бесспорно лишь одно, что он хотел видеть свой народ великим, сильным, с богатой и оригинальной культурой,, славными традициями.

Нельзя сказать, что ответы удовлетворили учеников, но заострять проблему никто не решался. Рина, вспомнив этот случай, поймала себя на мысли: а не посчитают ли крамольным ее интерес к русландтюркену? Узнай об этом Пауль, обязательно обвинит Рину в том, что она осмелилась отдать предпочтение какому-то азиату! Он не смог простить ей интереса даже к немецким офицерам, на которых она заглядывалась в фойе театра. А тут какие-то гунны, о Боже!

И все же ее интерес к русландтюркену не только не угасал, но, напротив, разгорался. Вероятно, этому способствовало то, что Янгураз происходил из чужого, неизвестного ей племени. Так привлекает к себе внимание свет далекой звезды или какое-то таинственное существо. Хочется узнать суть загадочного явления, вникнуть в его природу.

К сожалению, в последующие несколько дней Рина так и не смогла увидеть русландтюркена, хотя ежедевно подолгу простаивала за прилавком. В магазине герр Янгураз не появлялся целую неделю, во всяком случае, при ней.

Наконец, терпение девушки лопнуло, и она решила сама зайти к тетушке Берне в гости.

- 0-о, Рина, радость моя, как ты похорошела! Настоящая красавица! - радушно встретила ее хозяйка. - Ну, проходи, будь гостьей, сейчас я тебя чем-нибудь вкусненьким угощу!

Рина обняла родственницу, чмокнула ее в щечку и уселась в одно из мягких кресел. Похвала тетушки немного смутила ее - ведь именно сегодня Рина впервые в жизни накрасила губы помадой и припудрила щеки и подбородок с предательскими прыщами. Не на этот ли макияж намекнула тетушка своей похвалой?

- Чем же мне тебя угостить, красавица? Ты любишь какао с бисквитом?

- Вы же знаете, тетушка, что люблю.

- Знаешь, милая, ведь вкус у человека может и измениться, особенно в столь юном возрасте.

- А я вам французский шоколад принесла.

- Вот спасибо, детка. Когда имеешь магазин, всегда есть под рукой подходящий гостинец.

Фрау Берна, вырастившая двоих сыновей, любила Рину, как родную дочь, и с детства всячески ее баловала. Она позвала ее на кухню, и, готовя угощение, стала приговаривать:

- Уж такая ты пригожая стала, доченька, такая пышечка! Кавалера еще не завела?

- Где же найдешь сейчас кавалеров, тетушка. Все по фронтам разбежались.

- И то верно. Впрочем, все, да не все. Вот я недавно двух симпатичных холостяков на квартиру пустила.

Рина обрадовалась, что разговор сразу же принял нужное ей направление. Стараясь не выказывать своего любопытства, она внимательно слушала разглагольствования тетушки. Фрау Берна нарезала бисквит, а сама, готовя какао, болтала без умолку, нутром чувствуя интерес девушки к одному из ее постояльцев. Кто как не кавалеры могут быть на уме у девушки в этом возрасте!

- Они, правда, не немцы, но люди очень даже порядочные, - продолжала фрау Берна. - По-немецки говорят довольно бойко, разве что с акцентом. Оба - важные господина, а тот, который помоложе, работает в министерстве, а по вечерам учится в университете. Зовут его Янгураз. Он мне особенно нравится. Такой деликатный, почтительный, и такой скромный. Он так мило улыбается... Ой, что это я разболталась? Угощайся, милая, угощайся. Нравится бисквит? Бери еще.

Рина испугалась, что разговор может перейти в русло кулинарии и стать неуправляемым, поэтому поспешила сразу же ответить:

- Очень вкусно, тетушка! А почему, скажите, эти холостяки не на фронте?

- Кажется, для них война уже закончилась. И потом, министерству, видимо, тоже нужны работники, особенно такие обаятельные и серьезные, как герр Янгураз. Я только хочу сказать тебе, дорогая, держись подальше от дураков и учись распознавать людей умных и серьезных. Таких, например, герр Янгураз. Весьма образованный молодой человек. Постоянно что-то пишет или читает. То "Майн кампф", то учебник немецкого языка, то другие книги, которые приносит из университета. Такой усидчивый! Далеко пойдет...

- Он и так, тетушка, далеко ушел... от своей родины!

- Ах, не говори так, детка. Что лучше - приютившая тебя чужбина или родина-мать, ставшая злой мачехой? Сколько немцев в свое время переехало в Америку... Поток эмигрантов прекратился лишь тогда, когда фюрер принялся возрождать Германию.

- А теперь они возвращаются назад.

- Да, хвала Господу. Кстати, мои квартиранты частенько заходят в ваш магазин. Ты встречала их?

- Я же не знаю их в лицо.

- Ах, да... А вот мать твоя знает. Их можно узнать по своеобразному акценту. Говорят они мягко и чересчур старательно выговаривают каждое слово. Да ты подожди, я схожу, посмотрю, не вернулись ли они. Глядишь, и познакомишься с ними. Весьма достойные молодые люди.

Фрау Берна выпорхнула в коридор, и вскоре оттуда донеслось ее щебетание. Кажется, она кого-то уговаривала. Действительно, через две-три минуты фрау Берна чуть ли не за руку привела с собой смущающегося молодого человека, того самого, у которого нос с горбинкой и широкий лоб.

- Герр Янгураз! Попробуйте этот бисквит, он со вкусом лимона, прошу, попробуйте хоть кусочек. Так вкусно - язык можно проглотить!

- Спасибо, фрау Берна. По правде говоря, ваше внимание мне дороже всякого бисквита!

Янгураз выходя из своей комнаты, успел только повязать галстук поверх светлой рубашки, но при виде незнакомой девушки садиться за стол не решался. А фрау Берна все ворковала:

- Этот бисквит Эва отобрала специально для меня. Он, оказывается, особенно быстро раскупается. Когда в следующий раз будете приглашать гостей, герр Янгураз, имейте ввиду. А то ведь мужчины обычно ничего не смыслят в этом деле. Вы только попробуйте... Что же вы не присаживаетесь, герр Янгураз?

Янгураз все еще сияя лучезарной улыбкой топтался на месте. Фрау Берна, наконец, спохватилась:

- Ах, да, извините, ведь я не представила вас. Рина, этот господин - наш квартирант, герр Янгураз. А Рина, герр Янгураз, моя племянница, дочь известной вам фрау Эвы.

Рина приподнялась, сделала изящный реверанс и протянула ему руку. Янгураза этот жест несколько обескуражил, но он не подал виду и произнес:

- Рад познакомиться!

- Рина нынче заканчивает гимназию и будет поступать в университет. Кто знает, может, вы будете встречаться в университете.

- Что ж, мне будет очень приятно.

- Она иногда за прилавком заменяет свою мать, фрау Эву. Так что вам не помешает ближе познакомиться. Ведь всегда удобнее иметь дело со знакомыми.

- Вы совершенно правы, - согласился Янгураз. - Фрау Эва всегда такая предупредительная, приветливая, обходительная, совсем не похожа на российских продавщиц.

- Так и должно быть. Германия - страна высокой культуры.

- Я скажу еще больше: вряд ли даже в Германии найдется такая миловидная и приветливая продавщица, как фрау Эва. Такая... милая!..

- О-о, герр Янгураз! Не забывайте, что у фрау Эвы есть взрослая дочь, и она перед вами!

Молодой человек тут же покраснел до корней волос, а фрау Берна, заметив его смущение, довольная засмеялась. Рине стало жалко его, но в то же время ей понравилось, что он способен смущаться - стало быть порядочный.

- Ладно-ладно, герр Янгураз, не принимайте все мои слова всерьез. Посидите немного с нами. Сейчас я и вам приготовлю какао. Отдохните, а то все читаете или пишете, устаете, наверное.

- Нет-нет, фрау Берна, не надо какао... И я вовсе не устаю, правда. Наоборот, хочется работать все больше и больше.

Прислушиваясь к его речи, Рина поняла, что он немного "глотает" суффиксы и смягчает некоторые звуки. Янгураз еще не владел в совершенстве немецким языком, но его произношение, выдававшее в нем чужака, было тем не менее чем-то приятно. Немного смешно, но приятно.

Его карие глаза мягко светились, но в этой мягкости таилось пристальное внимание, с которым он наблюдал за своими собеседницами.

Как ни упирался Янгураз, но под мощным натиском хозяйки не устоял и вынужден был отведать угощение.

Рина исподтишка наблюдала за ним, стараясь отыскать в нем черты легендарного Аттилы - этого могущественного азиатского кагана, державшего под пятой всю Европу. Однако ничего необычайного, выдающегося найти не смогла. Наконец, она не выдержала и прямо задала давно беспокоивший ее вопрос:

- Скажите, герр Янгураз, что в свое время привело Аттилу в Германию?

Янгураз чуть не поперхнулся от удивления и поставил чашку с какао на стол.

- Извините, но кто такой Аттила?

- Как, вы не знаете?

- Жаль, но ни разу не слышал о нем.

На этот раз опешила Рина. Она замешкалась было, а потом недоверчиво спросила:

- Но... гуннов-то хоть знаете?

- Нет, фройлейн, не знаю.

- И откуда у тебя такие мысли? - вмешалась фрау Берна. - Спроси лучше о большевиках или колхозах - он расскажет. Или поинтересуйся, какие девушки больше нравятся герру Янгуразу. А ты про гуннов каких-то. О, майн Гот!

Янгураз виновато улыбнулся:

- Я могу рассказать о Бисмарке, Гете, Шиллере. Или Сократе, Ньютоне, Наполеоне... О Ходже Насретдине. Но гунны...

- Вот-вот! - поддержала его хозяйка. - А она голову морочит какими-то гуннами.

- Да ведь гунны - это исторические предки русландтюркенов, а значит, и герра Янгураза! - не выдержала Рина. Молодой человек растерянно взглянул на Рину и беспомощно развел руками:

- Увы! К сожалению, русские не позволяли нам изучать историю своих предков. Мы изучали российскую историю, историю других народов, но никак не свою собственную. Печально, но это факт... Нас потчевали историей царей: Петра Первого, Карла Великого, историей Римской империи, но к истории наших предков не подпускали.

- Вы не любите русских? - также прямо спросила Рина.

- О, майн Гот! - всплеснула руками фрау Берна. - С каких это пор, Риночка, ты стала интересоваться политикой? Не девичьего ума это дело!

Но Янгураз с серьезным видом ответил:

- Дело в том, что мы обязаны были любить русских. Нам просто-напросто было приказано любить русских, украинцев, белоруссов, грузин, ну, еще некоторые, указанные "сверху" народы. А любить нас, тюрко-татар, приказа не было. Вот так... Ни одному народу...

- Странно, - задумчиво произнесла Рина. - Разве в Русланде любят только по приказу?

- Рина! - снова укоризненно воскликнула фрау Берна. - Герр Янгураз, слава Богу, сейчас живет в Германии и волен любить кого захочет. У нас свобода!

Молодой человек улыбнулся, обнажив ровные белые зубы, и подтвердил:

- Верно. И в Германии есть что любить и есть кого любить. И я рад, что могу общаться с такими хорошими людьми, как вы. Однако я вынужден просить прощения у милых дам, так как мне нужно отлучиться на некоторое время. Не буду мешать вашей беседе.

Он откланялся и вышел. Но не прошло и пятнадцати минут, как в дверь позвонили. Фрау Берна пошла открывать и с кем-то оживленно стала разговаривать, приглашая на чашку кофе.

- Спасибо, фрау Берна, - послышался знакомый голос. - Пусть эти цветы украсят ваш стол.

- О-о, благодарю вас! Идите же к нам!

- Большое спасибо за гостеприимство. Если эти цветы украсят ваше милое общество, я буду так рад! Считайте, что вместе с ними среди вас нахожусь и я!

- О, вы так любезны!

- До свидания!

Фрау Берна вернулась с букетом флоксов.

- Это подарок герра Янгураза, - объявила она, ставя цветы в хрустальную вазу с водой. - Не правда ли, он истинный джентльмен? Рыцарь! Такого приятного молодого человека и на немца не променяешь. Ты только понюхай, как пахнут эти цветы! И как это он успел так

быстро сбегать за цветами, да еще выбрал такие чудесные флоксы. Вундербар!

Рина склонилась над букетом белых и лиловых цветов, обвитых нежными вьющимися веточками спаржи:

- Действительно, какой аромат! Чудо!

- Чует мое сердце, - улыбнулась фрау Берна, - что он выбирал цветы для тебя, Риночка. Шустрый молодой человек.

- Скажете тоже, - смутилась Рина, млея от удовольствия. Она уже ничуть не раскаивалась, что так неожиданно нагрянула к тетушке в гости.

Фрау Берна тоже осталась довольной и непринужденно болтала обо всем, что приходило на ум.

- Знаешь, дорогая моя Риночка, - ворковала она. - На свете достаточно много дураков, но к сожалению многие из них и не догадываются, что они дураки! Если бы время от времени мне не встречались такие интересные люди, как ты, как герр Янгураз, не знаю, куда бы я делась от тоски! Послушай, Риночка, что ты так плохо ешь? В твои годы не надо ограничивать себя во всем вкусненьком. Наслаждайся! В молодости всякая еда идет только на пользу, это я по себе знаю. Может быть, кофе приготовить?..

Так и сидели они мило болтая, пробуя то одно, то другое кушанье. Незаметно для себя фрау Берна стала жаловаться на второго квартиранта, друга Янгураза герра Сабана.

- Мужчина он видный, но, похоже, слаб до женщин, - уверяла она собеседницу. - Так и стреляет глазами... Представляешь, приглашает к себе в гости девушек из Русланда, они сидят вместе, разговаривают, пьют чай, поют песни. Их бывает слышно даже в коридоре, правда, слова песни непонятные, чужие. В итальянском или, скажем, французском языке можно найти немало общих с немецким языком слов. Даже шведов можно немного понять. А у этих, право же, ни слова не поймешь. Иногда они умолкают. Не знаю: то ли целуются, то ли... Хорошо, конечно, что герра Янгураза тянет к нам, но я боюсь, как бы его герр Сабан не испортил. Вообще-то у герра Янгураза на девушек и времени нет. Днем работает, вечером учится.

- А что это за девушки?

- Остарбайтеры, из Русланда. В Германии сейчас так много разного люду, что просто диву даешься. Для мусульман даже мечеть построили.

- А может герр Янгураз мусульманин?

- Вообще-то он и Ветхий завет читает, и Коран. Не могу понять. И знаешь, он ужасный чистюля, моется, словно кот, хи-хи! Почти ежедневно принимает ванну. Так что с ним и поцеловаться, и пообниматься наверное приятно - весь такой чистый и благоухающий!

Фрау Берна засмеялась, заговорщически подмигнув девушке. Рина невольно улыбнулась в ответ.

Они открыли окно: воздух был теплый, свежий, но деревья на улице Анклам уже были тронуты желтизной. Осень. Она нынче теплая и сухая. Дыхания войны в столице Третьего Рейха пока не ощущалось.

Провожая гостью, фрау Берна сунула ей в руки букет:

- Держи! Ведь это тебе. Ах, где мои годы, когда я принимала десятки букетов от моих воздыхателей... А эти флоксы так благоухают...

Рина почему-то постеснялась на прощание поцеловать тетушку. Но цветы она приняла - букет и ей понравился. Казалось, что эти флоксы источают не только аромат, но и передают тепло рук дарителя, тепло его дущи. Несомненно, этот русландтюркен, не знающий своих древних корней и не успевший приобщиться к немецкой культуре, обладает какой-то странной привлекательностью...

5

Господин Хайнц Унгляубе не переставая интересовался своим подопечным Янгуразом. Он тщательно изучал каждую главу переводимой им книги, сверял переводы с оригиналом, пока не понял, что работа его подопечного достойна всякой похвалы. Словом, он был доволен. В свою очередь Янгураз понял, что организованный при Восточном министерстве Татарский комитет будет играть решающую роль в судьбе его соплеменников-военнопленных. Господин Унгляубе дал понять Янгуразу, что за симпатию к некоторым малочисленным народам Русланда он вовсе не удостоился похвалы со стороны властных структур Рейха. Впрочем, возможно он сказал

это преднамеренно, чтобы заручиться доверием Янгураза. Как бы там ни было, но оба они могли пригодиться друг другу. И потом, не столько господин Хайнц нуждался в Янгуразе, сколько Янгураз в нем. Работа в Министерстве восточных земель, что ни говори, была для Янгураза буквально ниспослана с неба, она дала какую-то определенность и покой в бешеной круговерти жизни.

Дней через десять после переезда на улицу Анклам Янгуразу позвонил Шамсир Карагаев. Поздравив с новосельем, он предложил:

- Поехали со мной, я поведу тебя в редакцию "Милли юл", ты сможешь ознакомиться с наследием Исхаки.

- Разве он в Германии? - удивился Янгураз.

- Нет, но остались его архив и библиотека. Я поговорил с хранителем архива, он не против, чтобы ты там поработал.

Встретившись в условленном месте, они направились в Шарлоттенбург. Хранитель архива, из старых эмигрантов, встретил их у здания редакции, которая размещалась в двух больших комнатах. Одну комнату занимала типография, в другой хранились газеты, журналы, книги. Янгураз, бегло осмотрев все это богатство, присел за стол и принялся листать подшивку "Милли юл".

- Да, каких титанических усилий стоило Гаязу Исхаки организовать в центре Европы выпуск татарского журнала! - заметил Шамсир.

- Прямо как Ленин, выпускавший в Женеве "Искру".

Шамсир тут же вспыхнул:

- Да ты что! Нашел с кем сравнивать! С Лениным, в руки которого текли деньги российских бандитов, грабивших банки и убивавших людей. Да Ленин как сыр в масле катался и проводил время в любовных утехах. Исхаки не имел ничего похожего.

Янгураз растерянно посмотрел на товарища:

- Я не знал этого.

- А жаль. Надо бы знать. Мы всегда заблуждаемся, преклоняемся перед кем угодно и не замечаем дос-тойных людей своей нации. Вот Гаяз Исхаки не заблуждался. Где бы он ни находился всегда возвеличивал свой народ. Более того, вдали от родины он смог продолжить борьбу за национальную идею.

Прочитав несколько аналитических статей Исхаки о ситуации в СССР, Янгураз укрепился в мысли, что защита национальных прав своего народа должна стать естественной потребностью каждого здравомыслящего человека и поклялся всю свою жизнь посвятить борьбе за интересы своего народа. Продолжая работать над переводом книги профессора фон Менде он еще больше убеждался в правильности своего выбора.

Читая то один номер журнала, то другой, Янгураз с Шамсиром долго просидели в библиотеке Исхаки. Потом они пошли в ближайшее кафе. Потягивая свое любимое пиво, Шамсир сказал:

- Ну, теперь понял, почему на родине запрещено имя Исхаки?

- Да...Удивительно!

- Что удивительного?

- Как мы жили не зная всего этого? А почему Исхаки уехал из Германии?

- Кислорода, видимо, не стало хватать. Фюрер своими повадками напоминает Сталина, все свое гнет, никого не слушает. А Гаяз эфенди не хотел быть рабом ни у русских, ни у немцев.

- А путь Исхаки не приведет нас к национальной катастрофе?

Шамсир с ухмылкой посмотрел на него:

- Вот как? А какой путь предложишь ты, светлая голова?

-Наверное путь Исхаки верен. Однако вряд ли немцы позволят нам следовать этому пути.

- Браво! Соображаешь. Но на сегодняшний день наша главная задача - выжить во что бы то ни стало, выжить в любых условиях и не допустить, чтобы фюрер использовал наших соплеменников как пушечное мясо, мы должны сохранить их жизнь.

- Немцы ведь не дураки, понимают, что к чему. Они хотят использовать нас для своей победы и использовать как можно эффективнее.

- Правильно. Но кто нас заставляет раскрывать перед ними все карты? Нужно действовать хитроумно. В крайнем случае добиться отправления легионеров на сравнительно безопасный фронт. Вон, на Западном фронте, говорят, тишь да гладь. И потом... Мы и после победы

нужны будем немцам. Германии, чтобы сохранять свое первенство на континенте целесообразно на территории разгромленной российско-советской империи создать ряд буферных государств из нерусских народов. Вот тогда-то и может пригодиться легион "Идель-Урал"... Именно эту мысль и нужно внедрять в сознание руководства Германии.

Янгураз и соглашался, и не соглашался с Шамсиром. Он считал, что как-то изменить, поколебать железную волю гитлеровцев невозможно. Легионы должны как можно быстрее начать приносить пользу фашистам, иначе зачем вообще нужно было их создавать? Когда арийцы тысячами, если не миллионами гибнут на фронте, стоит ли держать в запасе для еще неизвестного будущего целые полки чужеземцев? Шамсир, конечно, верно рассуждает о защите национальных интересов, но осуществить это на деле - ох, как непросто!

- Ты говорил об этом другим? - поинтересовался Янгураз.

- Говорил. Например, господину Хайнцу. "Мы, татары - малочисленная угнетенная нация, - сказал я ему. - И мы не можем немедленно отправить на фронт свои легионы. Они понадобятся нам, когда немецкие войска вступят на земли тюрко-татар. Только тогда легионеры, поддерживаемые местным населением, смогут воевать эффективно."

- Ой-ей! И что он ответил?

- Этот вопрос, - сказал он,- будет рассматриваться наверху. Большевиков уже сегодня, сейчас надо заставить плясать на раскаленной сковороде.

И как только Шамсир до сих пор не попал в немилость немцев за такие смелые высказывания? Есть видимо в нем что-то такое, что боятся его трогать,- думал Янгураз. И все же это игра с огнем! Так можно вызвать подозрение у немцев. Но когда на весы поставлена судьба твоего народа, негоже оставаться безропотным и безучастным.

Когда Янгураз втянулся в перевод, герр Унгляубе посчитал не лишним познакомить его с автором книги профессором фон Менде. Ученый встретил их приветливо. На вид ему было лет сорок пять - высокого роста, широколобый, светловолосый, с бровями-метелками.

- Так-так, это и есть наш неутомимый труженик, талантливый переводчик? - поздоровался профессор.

- Да-да, майн герр, он самый.

- Нет-нет, - поспешил возразить Янгураз. - Я не труженник, тем более неутомимый, и вовсе не талантливый.

- Почему? - удивился фон Менде.

- Потому что тружеников в наших деревнях лет двенадцать тому назад назвали кулаками и отправили в Сибирь, а на талантливых навешали ярлык врага народа или националиста и лет пять тому назад сослали в районы Крайнего Севера.

Фон Менде расссмеялся:

- А вы находчивый, зер гут!

Унгляубе счел нужным уточнить:

- Но в то время вы, герр Янгураз, были еще совсем юным.

Фон Менде, все еще находясь в веселом настроении, поддел Янгураза:

- И все же вы не можете обижаться на своих "красных фашистов", ведь они сунули вас прямиком в объятия "коричневого дракона" - к фашистам!

Надо было ответить остроумно и на эту реплику профессора. Но недостаточное знание немецкого языка чуть не подвело Янгураза. Однако он сумел найти вполне подходящий ответ:

- Я, Бог даст, вернусь домой живым и невредимым, а вот тем "кулакам" и "врагам народа и националистам", боюсь, никакой Бог уже не поможет, наверное, их кости уже давно сгнили благодаря "красным фашистам".

Ответ Янгураза, видимо, пришелся по душе профессору, потому что он с довольным видом улыбнулся.

Зазвонил телефон. Хозяин кабинета со всей деловитостью поговорил с кем-то, и снова обратился к Янгуразу, протягивая ему пачку дорогих сигарет.

- Закуривайте, пожалуйста. Думаю, не откажетесь и чего-нибудь выпить? Что предпочитаете? Кофе, чай?

Видя нерешительность Янгураза профессор поспешил ему на помощь:

- Знаю, что казанские татары любят чай. Я ведь бывал в Татарстане. Значит, один чай и два кофе, - сказал он техническому секретарю.

Господин Хайнц с удовольствием закурил сигарету и выразительно посмотрел на Янгураза: дескать, видишь, какое нам почтение оказывают!

Янгуразу, конечно, хотелось быть более раскованным, но подумав, что скромность не будет лишней, на повторное предложение закурить ответил:

- Спасибо. Господа, я все еще не освободился от привычки думать, что курение - занятие для богатых. И в студенчестве, и в плену я не курил, что позволяло мне экономить деньги и есть больше хлеба и таким образом поддерживать силы.

- Интересно.

Фон Менде задал Янгуразу еще несколько вопросов относительно его политических взглядов и жизни вообще, и остался довольным его ответами. А при расставании подарил Янгуразу свою книгу "Дер национале кампф дер русландтюркен".

- Надеюсь, - сказал он, - что в скором времени эта книга с вашей помощью увидит свет на татарском языке.

Янгураз переводил усердно - дни и ночи напролет сидел над книгой Менде. Хорошо осведомленный о ходе перевода, профессор в следующий раз пригласил Янгураза к себе одного, как старого знакомого. Конечно, они встречались до этого в Татарском комитете и на радио, и в штабе легиона, но это были встречи на людях, когда нельзя было поговорить с глазу на глаз.

Расспросив Янгураза о его делах, фон Менде сделал неожиданное предложение.

- Трудно сказать, чем завершится война, и кто в ней победит, - задумчиво начал он. - Но о будущем надо позаботиться уже сейчас. Думали ли вы о том, чтобы овладеть какой-нибудь мирной профессией?

- Конечно, было бы хорошо заранее подготовиться к послевоенной жизни, - ответил Янгураз. - Но как? С чего начинать эту подготовку?

- Ведь ваша учеба на родине прервалась, так? Почему бы вам не попробовать поступить в Берлинский университет?

Янгураз от таких слов несколько опешил.

- Да, но... Ведь для этого, наверное, нужны документы, удостоверяющие мою личность, документы о моем образовании? Как вы знаете, их у меня нет.

- Ну, эти мелочи я беру на себя. Если не ошибаюсь, ы в СССР вы изучали немецкую филологию?

- Да, майн герр.

- По-моему, здесь вам нужно начать изучать историю народов Востока. При Берлинском университете есть Научно-исследовательский институт зарубежных стран. Вам нужно поступить туда. Со временем неплохо бы освоить еще одну какую-нибудь специальность. Итак?

- О, я благодарен вам, майн герр!

- Сегодня же я подготовлю ходатайство от руководства министерства. Благодаря ему в университет вас примут безоговорочно. За вашу учебу будет платить Татарский комитет. Если возникнут какие-то затруднения, сразу же обращайтесь ко мне. И вообще захаживайте ко мне почаще.

- Понял. Премного благодарен вам, герр Менде!

Вскоре обещанное профессором ходатайство было в руках Янгураза. Руководство Восточного министерства просило принять Янгураза в университет. Оставалось только отвезти документ по адресу, что и было сделано. Бумага из министерства сразу же возымела действие, несмотря на не очень хорошее знание немецкого языка, Янгураза приняли в университет. А вскоре вышел приказ о его зачислении а ему выдано соответствующее удостоверение. Надо ли говорить, что Янгураз был на седьмом небе от счастья: еще бы, ведь он стал студентом Берлинского университета, да еще в середине учебного года! Для бывшего военнопленного это было что-то невероятное! В то время, как тысячи молодых немецких парней гибли на фронтах войны, простой татарский парнишка из глухой деревни стал студентом известного на весь мир университета. Янгураз был безмерно рад такому повороту в своей судьбе. По поводу такого знаменательного события он решил непременно устроить вечеринку и купил много разнойы еды и напитков.

Тогда, весной 1943 года Янгураз ни на йоту не сомневался в конечной победе Германиии и скором освобождении всех тюрко-татар от большевистского ига. Сталинград? Да, было сражение, в котором победили советы, но в большой войне такие случаи почти закономерны, и временные победы большевиков, конечно, возможны. Так думает и Шамсир. Вот с кем, кстати, хорошо

было бы посидеть сегодня в дружеской обстановке. Но, увы, он пока в отъезде: отправился к легионерам в Польшу, в город Радом. Может пригласить Лиму? Нет, не годится, вряд ли эта гостья понравится фрау Берне. А с какой стати эта фрау оказывает ему знаки внимания? Янгураз не знал этого. Но во всяком случае, он хотел сохранить дружеские отношения с ней. Тем более, что она заинтересовала его своей родственницей, фрау Эвой, которая работала в германском консульстве в Турции. Возможно, ему предстоит узнать еще массу интересного, конечно, если будет проявлять максимум осторожности...

Но как бы там ни было, Янгураз в ближайшее же воскресенье решил встретиться со знакомыми девушками. Рамзи, естественно, только обрадовался этому. Поселившись с другом в одной квартире он вообще пребывал в приподнятом настроении.

- Слушай, Янгураз, - говорил он, - у себя в Казани я, даже будучи доцентом, не мог жить в таких условиях. А здесь, надо же: высоченные потолки, огромные окна, добротная мебель, ванная с горячей водой!

В воскресенье они вышли из дому, чтобы ехать в Тиергартен, и почти сразу же встретили хозяйку магазина фрау Эву. Она была с мужем и дочерью.

- Добрый день! - поздоровалась первой фрау Эва.

- О-о, день добрый! - ответил Янгураз.

Остановились, чтобы поговорить.

- Далеко ли направились? - поинтересовалась фрау Эва. - В кино, наверное?

- Нет, в Тиергартен.

- Знакомьтесь, это - мой муж. А с дочкой вы, кажется, уже знакомы?

Янгураз представил друга:

- Это - мой соплеменник, доктор Сабан.

- А вы кто? - спросил господин Вайзер.

- О, я пока лишь студент. Зовут меня Янгураз.

Он специально не стал говорить где и кем работает, поскольку был уверен, что фрау Берна им уже давно рассказала. Ведь теперь он знал, что немцы, особенно их жены и дочери, прежде всего интересуются местом работы своих знакомых.

Рина внимательно слушала разговор старших, но не вмешивалась, хотя Янгураз чувствовал, что ей тоже хочется вставить свое словечко, да только подходящего момента не было.

Поговорив минут пять, они попрощались и разошлись. Рамзи тут же начал подшучивать над другом:

- А ведь верно говорят, что в тихом омуте черти водятся. Просишь меня познакомить с девушками, а сам в это время цепляешь таких красоток! Золотоволосые, голубоглазые: чуть ли не за версту с тобой здороваются!

- Сегодня утром ты отведал гостинцы этой фрау Эвы,- перевел разговор Янгураз.

- Приятная женщина. А дочь ее - просто красавица, цветок Венеры! За такой хоть на край света побежишь! Счастливчик ты!- не унимался Рамзи.

- Да ты что, она ведь почти ребенок! Я ее, можно сказать, совсем не знаю, и вижу чуть ли не в первый раз.

- Ничего себе - в первый раз. Мамаша, кажется, сказала, что вы знакомы. И этот, как ты сказал, ребенок с тебя глаз не сводил. В первый раз... А на меня даже и не взглянула.

- Да хватит тебе, говорю же, она еще ребенок.

- Думаешь, я слепой? - воскликнул Рамзи. - Она такая пышечка. Так и хочется обнять ее да зацеловать. Неужели ты не заметил ее страстного взгляда? Уверяю тебя, эта ягодка более чем поспела!

- И богатая же у тебя фантазия!

- Эх, друг ты мой сердечный. Как хорошо, что человек наделен чудесной способностью любить! Без любви жизнь была бы скучной до невозможности...

Вообще-то Янгураз и сам понимал, что в этом сверхнормативном отоваривании продовольственных карточек в магазине Вайзеров кроется какая-то тайна. Немцы, даже самые добрые, не станут торговать в ущерб себе, пусть это и касается одного-единственного клиента. Да, тут определенно что-то есть... Встретив госпожу Эву с дочерью, Янгураз, кажется, почувствовал, что в шутках друга есть доля правды. Во всяком случае, прибавился еще один вариант для разгадки тайны. К тому же неугомонный Рамзи ненавязчиво, будто мимоходом, но так часто разглагольствовал по поводу красоток, которые якобы готовы пасть к ногам друга, что Янгураз невольно

проникся этим настроением. Сказал же один мудрец, что мысли, высказанные вслух оседают в памяти, как пыль в квартире. Словом, Янгураз иногда стал думать: "Не из-за дочери ли, действительно, Вайзеры проявляют ко мне повышенное внимание?"

Однако вслух он говорил совершенно другое:

- Да с этими немецкими девушками опасно связываться. Вон как их воспитывают в гитлерюгенде! Какие гордые и высокомерные! Весь их облик, все поведение так и говорит: "Нет на свете народа более великого, чем немцы!"

- Но с японцами они, по-моему, считаются.

- Японцы нужны им как военная сила. А вообще... попробуй в Германии нарушить закон о чистоте арийской расы - дорого заплатишь! Забыл, какие обязательства мы подписали при выходе из лагеря Вустрау? Они до сих пор в силе и строго контролируются, кроме того, есть еще целый ряд подобных законов...

- Об этом пока забудь, браток. А то еще откажешься от общения с нашими красотками в Тиергартене. А они ведь надеются на нас, понимаешь?

Янгураз не стал возражать другу, но после встречи с семьей фрау Эвы начал раскаиваться, что согласился идти в Тиергартен. Его уже не тянуло к девушкам-остарбайтерам. Он и сам как следует не встал на ноги, да еще свяжется с этими девицами...

Да, рискованно заглядываться на немецких девушек. Вольнонаемные работницы, приехавшие из западных стран, более доступны, но и с ними Янгураз не решается заводить знакомство. Остарбайтеры - те сами готовы на тебе повиснуть, только позови. Это Янгураз понял уже после первой поездки в Тиергартен. Да что толку любезничать с этими, по сути, несчастными созданиями? А с другой стороны, Янгураз так сильно устает от своей работы над переводом, что хочется и отдохнуть. Еще и Лима позвонила ему, вот и решил Янгураз сегодня поехать в Тиергартен.

- Послушай, что за планы у тебя в отношении этих девушек? - спросил Янгураз. - Сам же говорил, что им разрешается выезжать в город только по воскресеньям, да и то лишь группами.

- Можно и в рабочие дни, да свободного времени у них мало. Впрочем, скоро режим у них должен измениться. После года работы они будут считаться вольнонаемными, им уже сейчас стали повышать заработную плату.

- Разве нельзя уже сейчас найти свободных?

- Можно, но... любовь, мой друг! Моя подружка из состоятельной семьи. После войны хотим вместе выбрать какое-нибудь место и свить уютное гнездышко.

- Ты хочешь жениться на этой украинке?

- А где ты здесь найдешь татарку?

- А Лима, наверное, на меня имеет виды?

- Что поделаешь, любая девушка мечтает о замужестве. А почему ты сам не спросишь у нее об этом?

- До этого еще не дошло. Когда ты заговорил о девушках, я же подумал, что ты имеешь ввиду татарских девушек.

В воскресенье в метро обычно бывает много народу, поэтому друзья стояли вплотную к двери, держась за поручни. Казалось, что к их разговору прислушиваются.

Янгуразу не хотелось выделяться в этой массе людей. Он даже начал подумывать, не вернуться ли лучше домой. Не нужны были ему эти девицы-остарбайтеры, гуляющие группами по Тиергартену, как в детском саду. Может, и с Лимой встречаться не следует. Лучше пусть она не отделяется от своих. Что нового она может дать Янгуразу? Да его вообще не интересуют ни украинки, ни сама Украина, хотя там и встречали советских солдат более чем с хлебом-солью. Много украинок дарили свои ласки солдатам. Янгураз и сам ночевал в объятиях одной пылкой хохлушки. Но сейчас его интересует только Германия, ее культура и образ жизни. Возможно, стоит поближе узнать и другие западные, а то и южные страны. Без этого ему нельзя расчитывать на лучшую долю. Янгураз сыт по горло полунищей жизнью в России и всем, что ее напоминает...

Кто знает, может после окончания Берлинского университета ему понадобятся и дружеское отношение фрау Берны и знакомство с фрау Эвой и ее дочерью? Правда, Рина совсем юная, избалована сытой и вольной жизнью. Возможно, она успела, как ее подружки, проникнуться расистской идеей и думать не хочет о каких-то там рус-

ландтюркенах. Подчеркнутое внимание к нему фрау Эвы тоже кажется не совсем понятным, в чем-то даже подозрительным. Она изучала историю восточных народов, работала в консульстве и после этого вдруг превратилась во владелицу заурядного магазина. Странно... И уж вовсе непонятен этот неожиданный интерес ее дочери к истории древних племен, которые к тому же оказались предками тюрко-татар - эти... как их - гунны. Вопросы Рины сразу насторожили Янгураза. Не-ет, немецкая девушка, тем более воспитанная при гитлеровском режиме, так себя не поведет. За этим что-то кроется.

- Может, пригласить девушек домой? - прервал его мысли Рамзи.

- Как же пригласишь, когда им разрешается ходить лишь группами?

- Для нас главное - пригласить. А принимать приглашение или нет - их дело. Зато это поднимет им настроение. Они будут рады возможности пойти в гости. Как ты не поймешь, Янгураз, что они сыты по горло жизнью в тесных бараках!

- Ну так пригласи.

- А ты?

- Не знаю еще...

- Боишься, что твоя немецкая краля приревнует?

- О Аллах, ты опять!

- И побоишься, - повторил Рамзи. - Она по сравнению с нашими остарбайтерами все равно что белый калач рядом со ржаным хлебом. На фабрике не горбатилась, как сыр в масле катается, одевается с иголочки. Да-а... Но я вряд ли смогу пригласить только одну девушку. Может, мне пригласить обеих? Если что, свалишь на меня!

Рамзи продолжал свои разглагольствования, а Янгураз всерьез стал сожалеть о знакомстве с Лимой, особенно о том, что дал ей свой телефон. Глупец, едва успел поцеловаться, наобещал черт знает чего. Утопил свой разум в мягких грудях украинки, расстаял.

Она, конечно, очень мило щебечет по-украински своим певучим голосом, заслушаешься. Некоторых слов Янгураз не понимал, но все равно слушал с удовольствием. И все же... Язык, который дорог кому-то и который радует чей-то слух в Тиергартене, на улице Анклам может кое-кому не понравиться. Янгураз заметил, как внима-

тельна и наблюдательна фрау Берна, но если в ее дом все время водить чужеземцев, ее благожелательное отношение к постояльцам может измениться. Конечно, мир от этого не рухнет, но Янгуразу следует поддерживать с хозяйкой дружеские отношения, они могут пригодиться в будущем. Говорят же, что свет дружбы никогда не гаснет.

Словом, Янгуразу нужно держаться подальше от остарбайтеров и порвать отношения с Лимой. У каждого куста - свой соловей, в каждом саду - свой цветок. Янгураз должен проявить выдержку и терпение, по крайней мере до тех пор, пока действительно не найдет свою суженую.

К тому же он хорошо помнит наставления матери: "Невесту бери только из своего рода-племени". Однако ему вообще пока не до невест и со знакомствами надо быть разборчивее, неизвестно, к чему они могут привести.

В Тиергартене жизнь кипела вовсю. Далеко разносились звуки аккордеона, остарбайтеры как всегда, собравшись группками, пели что-то, галдели на разных языках и наречиях. Янгураз и Рамзи попытались найти своих соплеменниц, прислушиваясь к разговорам, но их тут же отыскали сами девушки.. Посыпались приветствия, расспросы... Лима сразу же отвела Янгураза в безлюдное место, а когда они пошли по тихой аллее, она с оттенком обиды в голосе сказала:

- Вам-то хорошо, вы можете приезжать в Тиергартен хоть семь раз в неделю. Когда захотите! Поэтому и не цените воскресенье. Приезжаете сюда будто из одолжения, да еще заставляете ждать.

Янгураз посмотрел на ее милое лицо с веснушчатым носиком и невольно усмехнулся. Какая же она непосредственная, наивная! Кстати, глаза ее, оказывается, вовсе не голубые, а зеленоватые. Или их цвет зависит от настроения? Глаза искрятся, это, наверное, от искренности чувств. Тонкие губы поджаты, что придает ее лицу детское выражение. А ведь они видятся всего второй раз, и ее обида по меньшей мере неуместна. Знакомство не скоро перерастает в дружбу, но эта девушка ведет себя как давнишняя знакомая. Спешит она, явно спешит!

- Да ведь еще не поздно. День длинный, впереди целый вечер,- сказал Янгуураз.

- Мы не можем оставаться здесь до самого вечера. Это ты можешь ходить по Берлину когда захочешь, наверное, и город хорошо знаешь?

- Времени нет разгуливать по городу.

- Ты, оказывается, очень деловой. Может такому человеку под силу и паспорт сделать?

- Зачем он тебе?

- Вот сказал так сказал! Да ведь без паспорта я в Германии никто, ноль! А если будет паспорт, я смогу одна к тебе в гости приходить.

- Пошли ко мне сейчас?

- Ты что, хочешь, чтобы я беду на свою голову накликала?

"Слава Аллаху, - подумал Янгураз. - Пока еще можно разыгрывать роль гостеприимного кавалера".

- Да, здесь законы об остарбайтерах строгие.

- Что толку от твоих слов? Скажи, хочешь мне помочь?

- От моего желания здесь мало что зависит.

- А мне говорили, что ты лицо влиятельное! Значит, времени у тебя в обрез, а ответственной работы по горло?

- Днем я действительно загружен работой, а вечерами учусь в университете. Изучаю язык, готовлюсь к экзаменам, да и других обязанностей полно. Может быть, мне со временем придется вообще отказаться от поездок в Тиергартен. Не успеваю...

Но тут Лима повернулась к нему лицом и на чистейшем татарском языке спросила:

- А на татарских девушек-то у тебя время остается, наверное?

От удивления и неожиданности Янгураз оторопел и остановился как вкопанный.

- Ну-ка, ну-ка, повтори!

- А если не повторю? - опять же по-татарски спросила Лима.

Янгураз развел руками:

- Вот это комедия! Одно дело, если бы ты по-русски болтала. Но ведь ты шпаришь по-украински, как истин-

ная хохлушка!.. Да, кто бы мог подумать. Субханалла![1] Из Донбасса что ли?

- Да.

- А как твое настоящее имя?

- Халима.

Янгураз порывисто обнял соплеменницу:

- Удивительно!

Взявшись под руку и без умолку разговаривая на родном языке они пошли дальше по аллее. Янгураз подробно расспрашивал Халиму о ее судьбе, а потом сказал:

- Да, такому человеку хотелось бы помочь. Попробую поговорить с влиятельными людьми.

- Здесь человек с паспортом - это вольная птица. Если бы ты знал, как я устала жить, словно собака на привязи, в каком-то дурацком бараке. У кого есть паспорт - и зарплата выше, с ними и парни не боятся знакомиться.

- Не бойся... Как говорят у нас, татар, на всякое ведро найдется крышка.

- Мне нужна крышка получше! - запальчиво заявила Халима.

- Ого!.. Так ли уж нужны парни?

- А как же? Без парней и жизнь не жизнь, а так... словно пища без соли!..

- Ай-яй-яй! - засмеялся Янгураз. - Многое в тебе от украинок. Как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься.

- А ты, если хочешь знать, скрытный парень!

- С чего ты взяла?

- У меня все расспросил, а о себе ничего не рассказал!

- Как же не расспросить, если ты просишь меня сделать паспорт?

- Ты тоже из военнопленных?

- Да.

- Повезло тебе. Счастливчик! Большинство наших военнопленных давно превратились в прах. А ты не только живой и невредимый, но еще и разгуливаешь по вражеской столице. На ответственной должности, да еще

---

[1] Субханалла - возглас удивления (араб.).

учишься в университете... Странно все это. И... и подозрительно!

- Только некому меня в НКВД сдать.

Халима сделала вид, что не расслышала и пролжила:

- Вот я, к примеру, ни одной пули во врага не выпустила и тем не менее живу здесь на положении полураба. Ты, наверное, не раз стрелял в немцев, а живешь в апартаментах с телефоном, как у Бога за пазухой. За что тебе, спрашивается, такое счастье? Об этом, конечно, тоже нельзя спрашивать?

- У каждого своя судьба. Что на родине, что здесь... По правде, я и сам не понял, вернее, не заметил, как из военнопленного превратился в свободного человека.

- Сказки!

- Может, мне помогло знание немецкого языка?

Халима подождала, не скажет ли он еще что-нибудь, но Янгураз, видимо, не склонен был к излишним откровениям, а она не решалась продолжать расспросы, резонно полагая, что глупо было злить человека, обещавщего ей паспорт.

- Кстати, у нас на фабрике обнаружили листовки на русском языке, - сказала она. - В них призывают не сотрудничать с фашистами, всячески мешать им, саботировать и так далее. В противном случае нас будут считать изменниками родины.

- И кто же их распространял?

- Их, кажется, еще не поймали.

- Ну, а ты как, намерена вредить немцам?

- Пока у меня с головой все в порядке. Мы же с немцами работаем бок о бок, так что надзор за нами самый пристальный.

- А если допустить брак таким образом, чтобы никто л не заметил?

- Как это?.. Несколько русских девушек за умышленный брак уже поплатились головой.

- Гм-м...Есть, оказывается, у вас отчаянные девчата!

Халима так и не поняла - то ли Янгураз восхищается ими, то ли осуждает. Сама она ненавидеда немцев за то, что насильно увезли ее на работы в Германию и вынашивала план, чтобы как-нибудь навредить им, и только страх перед наказанием сдерживал ее. Поначалу многие, пригнанные в Германию остарбайтеры, среди которых

была и Халима, вынашивали планы различных диверсий и саботажа. Некоторые даже чуть ли не в открытую делились своими планами. Таких решительных, но неосторожных, вскоре стали переводить на другую работу в другие места, откуда они уже не возвращались и писем не присылали. Возможно их уже давно нет в живых. Видимо и среди своих были стукачи. Но только после этих случаев желающих навредить поубавилось.

За разговорами Халима с Янгуразом не заметили как подошли к площадке с каруселями, качелями, чертовым колесом, откуда можно было как с высоты птичьего полета созерцать весь город. Халима сразу загорелась

- Пойдем, на качелях покачаемся!

Янгураз направился к кассе, возле которой толпились в основном подростки и дети, подвижные, шумные. А родители и не пытались урезонивать своих неугомонных отпрысков.

Поднявшись на качели, Халима так энергично принялась раскачивать лодку, что Янгураз невольно подумал: "Ну и прыть у этой девушки!" Впрочем, он и сам приложил усилия для раскачивания лодки и вскоре они все стремительнее и стремительнее стали взмывать вверх. Ногами они упирались друг в друга. Руки напряглись, пальцы вцепились в тросы лодки, сердца гулко стучали. Вскоре Янгураз, почувствовав, что у него начинает кружиться голова, перестал раскачивать лодку, но Халима, в которую, казалось, вселился бес, рвалась все выше и выше. Летя вниз, она изо всех сил упиралась в дно лодки, а вздымаясь вверх, почти прижималась к лодке спиной, стараясь таким образом уменьшить сопротивление ветра. В ушах свистел ветер, который при полете вниз бесцеремонно задирал девичье платье аж выше колен. Но Халима словно не замечала оголенных бедер, и лишь с восторгом смотрела на раздувшиеся от ветра рукава.

- Хэер унд хэер! - кричала она. - Выше, выше!

Янгураз постеснялся сказать, что ему плохо. Ведь надо было сохранить выдержку джигита! Но его колени стали словно ватные: оказывается, Янгураз был не в ладах с высотой. Зато девушка совсем разошлась: лицо ее раскраснелось, волосы растрепались, на веснусчатом носу выступили капельки пота. Когда они нависали друг над

другом, Янгураз близко-близко видел ее восторженное лицо, а и их горячее дыхание почти соединялось.

- Еще, еще! - кричала сумасбродная Халима.

Их лодка вздымалась выше всех остальных, так что даже ноги оказывались выше головы. От напряжения руки стали едва ли не тверже стальных канатов и с таким же свистом рассекали воздух.

"Еще немного, и я свалюсь на помост", - испуганно подумал Янгураз и, желая как-то урезонить подругу, крикнул:

- Смотри, как бы ветер твои трусы не унес!

И тут произошло нечто странное. Халима, летевшая в этот миг над Янгуразом, вдруг упала ему на грудь и крепко обхватила его за пояс. Чтобы не упасть, кавалер изо всех сил уперся в борт и хотел обнять девушку, но побоялся, что одной рукой он не удержится, и тогда они наверняка упадут.

Халима, наконец, оторвала лицо от груди Янгураза, и тут он увидел слезы в ее глазах.

- Что с тобой?

- Мне захотелось спрыгнуть с качелей и улететь на родину. Или же разбиться о землю и умереть, мне казалось, что душа моя летит далеко-далеко, и только тело остается на этой проклятой германской земле. Ах, как надоело жить в плену!

- Тихо, успокойся!

- Никто не хочет мне помочь: ни Бог, ни люди. Да и ты пообещал, чтобы только успокоить меня, как маленького ребенка. Я же чувствую, что ты не рвешься помочь мне с паспортом. Ладно хоть на качелях меня подхватил...

- Глупенькая! А если бы выпала?

- А может, я тебя проверяла: удержишь или нет? Надежная ты опора или только видимость джигита?

Увидев жуткую тоску в ее заплаканных глазах, Янгураз невольно замолчал... "О, этот язык! Он может оросить тебя благостным дождем и он же способен сжечь дотла!.."- пронеслось у него в голове.

Удаляясь от качелей, они даже не заметили на себе любопытных взглядов отдыхающих. Волнение еще не улеглось. Как сквозь туман проглядывалась красота парка. Уши их были заложены и не слышали радостных голосов вокруг. Но вдруг Халима звонко засмеялась.

- Ты что?

- А я выше тебя поднималась! Хорошо быть птицей, а? Расправишь крылья и паришь в синем-синем небе куда хочешь. Выберешь себе красивую тихую поляну, опустишься на нее. Представь себе: на этой поляне только мы с тобой и больше никого, ни души, никто не может нам помешать! Никто-о!..

- Тихо!

Девушка, не понимая почему Янгураз вдруг остановился, недовольным голосом спросила:

- Ты чего?

- Прислушайся: что это за стук?

- Стук? Да это же дятел! И что тут особенного?

- Правильно, дятел. Но что удивительно - он стучит в самом центре многомиллионного города! И никто его не трогает. Значит в Берлине достаточно чистый воздух, раз здесь гнездятся птицы.

- Да что ты все преклоняешься перед этими немцами? А ты подумал о том, что благодаря этим немцам, любителям природы во многих наших городах не то что дятлу, даже воробью жить стало невозможно? Ни домов, ни деревьев не осталось, все разбомблено и везде руины?

- Война есть война, - вздохнул Янгураз, признавая правоту девушки. - И все же нельзя отрицать и положительное в немцах.

Халима снова вспылила:

- Поработал бы ты на нашем заводе. Не так запел бы!

- Как будто на родине люди только и делают, что сидят на завалинке и лузгают семечки... Здесь ты по крайней мере сытая, а там хлеба и того не хватает...

- Зато там - свобода.

- Свобода? Какая и где? В городах она немного вроде бы имеется, а в деревнях народ по-прежнему бесправен, живет без паспортов. Советские крепостные! Без специального разрешения в гости куда-нибудь съездить не могут, живут, словно псы на привязи. И это ты называешь свободой? После войны, я думаю, в Германии жизнь будет совсем другая.

- У нас тоже.

- Возможно. Если Германия победит, и в СССР могут произойти изменения.

- Мне бы побыстрее на родину вернуться! Пусть будет со мной что угодно, пусть! Лишь бы домой! Ах, мама не зря тосковала по родине, помню, как запоет:

Все золото дальней чужбины
Не стоит и пяди родной земли...

Мама почему-то не любит Донбас...

- Вполне понятно, - ответил Янгураз. - Ведь Донбасс никогда не был для татар родной землей. Наша родина - это просторы Поволжья и Приуралья, и это понимает каждый татарин, в ком не угасло еще чувство национального самосознания. Не удивительно, что татарин на чужбине тоскует по родной земле. Судьба часто заставляет человека покинуть землю своих предков. Бывает и так, что родина превращается для тебя в мачеху, а чужбина, наоборот, дает приют и возможность жить по-человечески. Особенно когда родина сама томится под пятой захватчика...

- По-твоему, Советский Союз для татарина - не родина?

- Не вся, а частично. Завоеванные когда-то русскими земли Волго-Уральского региона - это и есть наша отчизна. Во всяком случае, бывшая отчизна. Все остальное, в принципе, для нас чужбина: что Украина, что Германия, что Грузия - все равно...

- Странно... Это мне как-то и в голову не приходило.

- А вот мне кажется странным, что ты считая Германию чужбиной, тоскуешь по Украине как по родине.

- Но ведь фашисты напали на нашу страну?

- На какую нашу? У татар есть свой Татарстан. Было - Казанское Ханство, Волжская Булгария... Немцы воюют с Советским Союзом, то есть Российской империей, а не с Татарстаном.

Халима вконец растерялась от таких слов. Ей хотелось что-то возразить, но она промолчала, снова вспомнив об обещанном ей паспорте.

Они подошли к чистому пруду, на аккуратных бережках которого весело галдели дети, кормили булками уток и лебедей. Вокруг них стайками вились проворные дрозды-рябинники. Словом, такая идиллия, что кажется нет никакой войны, нет концлагерей, нет остарбайтеров и все это только выдумки.

На этот раз Янгураз повел Халиму к танцплощадке по людным аллеям. Девушка быстро справилась со своей грустью - ведь она была так молода! - и потянула Янгураза в круг: на фокстрот, краковяк...

Кавалер взмолился:

- Да не танцую я эти танцы!

- Подумаешь! Кто на тебя будет смотреть в такой толпе? Научишься, пошли!

Действительно, копируя танцующих, и прежде всего Халиму, Янгураз вскоре довольно сносно танцевал незнакомые ему прежде танцы. Да и Халима заставляла его вертеться: она не только бойко стучала своими каблучками, но и не забывала показывать Янгуразу танцевальные движения. За этим занятием и застал их Шамсир. Халима испугалась: Шамсир был в офицерской форме. Аккуратно подстриженные усики придавали ему щегольской вид. Янгураз тоже удивился, впервые увидев своего друга в форме.

- Уезжаю в Радом, - сообщил Шамсир. - Меня туда определили на службу в легион.

- А я думал, ты давно уже в пути, чтобы поскорее встретиться со своими единомышленниками и окунуться в любимую работу.

- Вообще-то мне и в Берлине нравится, но что поделаешь: надо и с легионерами поработать.

- Может, сможешь вернуться сюда?

- Не исключено.

Тут Шамсир перешел на русский:

- Извините, кто же будет эта барышня?

Халима ответила с украинским акцентом:

- Остарбайтер Лима, батя.

- О-о, прекрасно. Мой земляк очень воспитанный человек. Вы уж не обижайте его.

- Что вы! Я его сегодня съем.

Но Халима вновь испугалась: поймет ли ее шутку этот серьезный военный?

Шамсир в свою очередь пошутил:

- А я не подойду в качестве гарнира?

- Для вас мы найдем более зубастую акулу.

- Договорились! - засмеялся Шамсир. Он перешел на татарский, обращаясь к другу: - Янгураз, тебя тоже скоро отправят в Радом с лекциями.

Это не было для Янгураза новостью. Но откуда узнал об этом Шамсир? Ну все он знает!

Шамсир пояснил:

- Мне бы не сказали. Но я сам предложил твою кандидатуру. Предстоит усердно потрудиться, чтобы очистить мозги легионеров от большевистской скверны. Нам нужны надежные, знающие пропагандисты. Я же знаю, что с такими, как Сабанчи, каши не сваришь. Даром, что имеет звание доцента! Приезжай как-нибудь, будем вместе воспитывать легионеров.

- Хорошо, если я сумею оправдать твое доверие.

- Не шути! - погрозил пальцем Шамсир. - Я знаю, с кем имею дело... Слушай, а вы сегодня уже пили пиво?

- Еще нет. Впрочем, кажется девушек провожать пора. Вы, Лима, когда возвращаетесь?

- О, наше время уже вышло.

Шамсир попрощался и направился в ресторан, а Янгураз пошел провожать девушек до метро. Расставаясь, Халима пожаловалась Рамзи:

- Твой друг сегодня даже не поцеловал меня.

- Это ответственное дело он доверяет мне. А может быть, он и сам одумается?

Янгураз улыбаясь покачал головой: да, эта Халима не девка, а огонь.

6

Янгуразу пришлось ехать не в Радом, а совсем в другую сторону: во французский город Ле-пюи.

Он обрадовался командировке, потому что именно по его совету Татарский комитет обратился в Восточное министерство с просьбой не посылать новый формируемый батальон легиона на советский фронт. Он, сделав вид, что не знает об этом обращении, такое же предложение сделал Хайнцу Унгляубе и фон Менде.

Как показывает опыт, - мотивировал он свое предложение, - в ближайшее время вряд ли удастся очистить мозги легионеров от коммунистической заразы. Об этом говорит и тот факт, что первый же батальон легиона перешел на сторону партизан. Пока фронт не дошел до Волги, может, лучше использовать легионеров на запад-

ных участках Рейха? По крайней мере, там можно будет шире развернуть воспитательную работу.

Наверху эту мысль нашли, видимо, вполне оправданной, и новый батальон легиона решили отправить на гарнизонную службу во Францию. Действительно, пока не открыт Западный фронт, почему бы не закрыть национальными легионами те участки, откуда немецкие дивизии отправляются на Восточный фронт? Не зная французского языка, национальные легионеры не смогут общаться с местным населением и не поддадутся пропаганде маки - французских партизан. А Бюро по связям с татарами пусть заранее изучает место будущей дислокации легионеров.

Янгураз был рад, что хотя бы одно формирование легиона отправят в относительно безопасное место. Конечно, это временный успех, но даже один спокойный день в разгар войны на вес золота. Бережного отношения к легионерам из малочисленных народов удалось добиться во многом благодаря деятельности Бюро по связям с татарами, а также стараниям его официального переводчика Янгураза, ибо вермахт поначалу не хотел принимать это предложение.

В столицу Третьего Рейха Янгураз возвращался в экспрессе "Париж-Берлин" и был чрезвычайно доволен тем, что легионеры будут нести службу так далеко от фронта, в тихом уютном уголке Франции, почти в комфортабельных условиях. Господин Унгляубе, ознакомившись с городом, с тамошней немецкой комендатурой, казармами и выяснив интересующие его вопросы, приказал Янгуразу возвращаться, дав понять, что сам задержится в Париже.

Поезд мчался в ночи. Окна были занавешаны плотными шторами. Жаль, что мягкий свет ночной лампочки не давал возможости читать. Ведь Янгураз всегда в походной сумке возил томик Шиллера и Немецко-русский словарь.

Янгураз специально выбрал ночной поезд: днем участились бомбежки. К тому же нужно было пройтись по магазинам, чтобы выбрать Вайзерам подарки, ведь эти две немецкие семьи так хорошо к нему относятся. Даже если они это делают по чьему-то приказу, Янгуразу негоже превращаться в потребителя. Неплохо бы и самому проявить щедрость. Через игольное ушко проходит нитка,

а через подарки - слово... Дело, конечно, не в расчете. Когда к тебе относятся с открытой душой, ты должен относиться также. И все же хорошо было бы узнать: наблюдают Вайзеры за Янгуразом по чьему-то приказу или на самом деле он им нравится? Если что - Янгураз ни за что не попадется в их ловушку.

С такими мыслями бродил он по магазинам, выбирая Рине дорогие французские духи, фрау Эве - легкий газовый шарфик, фрау Берне - редикюль из крокодиловой кожи. Присматривал он подарок и для Халимы, но денег уже не оставалось. Кажется, получалось как в известной поговорке: когда солнце восходит, луны не видно.

Да, стоило проявить уважение к Вайзерам. За несколько месяцев соседства любого можно проверить. Дружба с этими семьями еще более укрепилась после того, как Янгураз сходил с Риной в театр.

Билеты Янгураз купил в Государственный театр, что в районе Шарлоттенбурга. Из рекламных газет он узнал, что в этом храме искусств, ранее носившем имя Шиллера, постоянно показывают пьесы великого драматурга.

В театр Рина оделась с иголочки: песцовый полушубочек, модное кепи с широким козырьком, белые ботинки на высоком каблуке. Янгураз не удержался от восхищения:

- О-о, какая ты сегодня красивая!

- Только сегодня?

- Прошу прощения, дорогая, ты всегда красивая, но сегодня - особенно.

- В этом и заслуга фюрера. Благодаря его политике и Норвегия, и Австрия вошли в состав Рейха, так что немецкие женщины могут позволить себе красиво одеваться.

- Особенно единственная дочь своих родителей!

При входе в гардероб, Янгураз поймал себя на мысли, что думает о Халиме. Ведь она тоже живет и работает в Германии, однако не может одеваться как Рина. Она ходит в какой-то грубой суконной куртке, похожей на матросский бушлат, а о театре и мечтать не может, потому что работает по десять часов в сутки и не может одна выйти в город. Впрочем, куда пойдешь после изнурительной работы?

Чтобы выбить паспорт для Халимы Янгураз обратился с просьбой к господину Унгляубе, однако шеф вовсе не спешил исполнять его просьбу.

"Она с высшим образованием?" - спросил он. "Нет". "На заводах и фабриках Германии не хватает рабочих, сейчас мы ищем рабочую силу даже во Франции и в Италии. А человек с паспортом может и уйти с завода. И вообще, мало ли чего он захочет? Фатерланду нужны прикрепленные к определенному месту остарбайтеры". "Среди остарбайтеров татарских девушек наверняка по пальцам можно пересчитать. Думаю, было бы оправданным облегчить их жизнь хотя бы во имя восточной политики Рейха".

Герр Унгляубе посмотрел на помрачневшее лицо переводчика и немного смягчился: "Пусть Татарский комитет поднимет этот вопрос".

Янгураз немедленно довел слова шефа до сведения нужных людей. Что ж, все как в самой природе, где свой порядок - вода течет, ветер дует, но никак не наоборот...

Ведя тогда под руку Рину к гардеробу, Янгураз опять невольно подумал: "А ведь такая одежда пошла бы и Халиме"...

Эта мысль молнией пронеслась у него в голове, но в следующее мгновение он заставил себя вернуться в реальность. Не каждому коню быть скакуном, и не каждая птица - ястреб...

Все Рине было к лицу: костюм цвета какао с длинной юбкой, вьющиеся золотистые волосы, ниспадающие на плечи. Вполне возможно, что прелесть Рине придавало одухотворенное юностью лицо. А голубые, с чуть зеленым оттенком глаза, тонкие изогнутые брови, пухлые розовые губки говорили о пробуждающейся чувственности. Янгураз был рад, что ему довелось пойти в театр с такой обворожительной фройлейн, и с удовольствием рассматривал вместе с ней скульптуры, картины, фотографии известных артистов. У бюста Шиллера он сказал:

- Его пьесы ставятся и в наших, татарских театрах.

- Как? - удивилась Рина. - У вас и театры есть?

- Больее десяти. А пьесы Шекспира и Шиллера ставятся довольно часто. Но поскольку я жил в деревне, об этом узнавал лишь из газет. Помню, как хвалили

Шиллера. Но, мне, видимо, было суждено увидеть его пьесы в Берлине на его родном языке...

Во время спектакля Рина больше смотрела не на сцену, а на своего кавалера. Заметив это, Янгураз осторожно сжал ее ладонь в своей, однако вскоре совсем забыл о существовании спутницы, ибо театральное действо полностью захватило его. Игра артистов была настолько естественной, отображаемые события близкими и понятными, что Янгуразу показалось, что пьеса написана не двести лет назад, а только вчера. Особенно ему понравились слова одного из действующих лиц: "Герой всегда может проявить себя". Да, так и должно быть!

Поразила его еще одна мысль: "Честного человека можно сделать и из полена, но чтобы сотворить лгуна, нужен особый материал".

Восхитительная мысль!

Да, среди соратников Янгураза было много честных и они первыми погибли в боях, исчезли в концлагерях. А ловкие, хитрые, изворотливые, умеющие приспосабливаться, выжили. Правда, таких мало, очень мало, и их знают в лицо. Хитрость не свойственна полену. Если мужчина состоит из десяти частей, то девять из них - хитрость, она невозможна без обмана...

В антракте они пошли в буфет и Янгураз купил Рине шоколадку. Не желая оставаться в долгу, Рина угостила своего спутника каким-то вкусным газированным напитком. Находясь под впечатлением спектакля, Янгураз мало разговаривал и только на улице воскликнул:

- Удивительно! Просто удивительно! Как хорошо, что мы с тобой решили пойти в театр. Разреши за это поцеловать тебя!

Рина не была против этого намерения Янгураза. Но не позволила вот так, сразу! Иначе какая она фройлейн?

Она была рада, что Янгуразу спектакль понравился и с гордостью произнесла:

- Вот какой наш Шиллер! А кто тебе из героев больше понравился? Шпигельберг интересный персонаж, не правда ли?

- Несомненно. А еще я понял, что для усвоения немецкого языка недостаточно только чтения книг. У театра особый язык, мощный, яркий, ласкает слух также, как

драгоценные камни радуют глаз. Игра артистов надолго остается в памяти.

После метро они пошли пешком самой длинной дорогой. У ворот дома тоже не спешили расставаться. В этот вечер Янгуразу Берлин показался давно знакомым, и родным городом. Это ощущение усиливалось, когда Рина дурачась то прислонялась к нему спиной, то облокотившись на его руку начинала розовым язычком ловить колючие снежинки, а чтобы не мешал козырек, поворачивала его набок. Семнадцатилетней девушке все было к лицу, особенно кокетство.

Видимо, Рина в тот же вечер рассказала родителям и тете о том, какое впечатление произвел на Янгураза спектакль, потому что наутро фрау Берна спросила:

- Вы ходили на пьесу Шиллера? Понравилось?

- О-о, конечно, очень.

- Тогда вам интересно будет посмотреть "Коварство и любовь". На молодых людей этот спектакль производит сильное впечатление. Веселые приключения, замечательные герои, а какие страсти!

- Раз вы советуете, обязательно посмотрим...

Некоторое время спустя фрау Берна оказала еще одну любезность - она позвала своего жильца в коридор и торжественно вручила ему бутылку с яркой этикеткой и фольгой на горлышке:

- Сегодня у нас праздник, и у немцев принято дарить подарки. Пусть этот благородный напиток украсит ваше застолье.

- Большое спасибо вам, фрау Берна! Вы так добры...

- Мы ведь живем здесь одной семьей. Словом, приятного вам вечера!

- Благодарю!

- Праздник лучше всего проводить за хорошим столом. Мои сыновья всегда с нетерпением ждали праздники. Я в тревоге за них от того, что до сих пор нет вестей. Если они попадут в беду, пусть им поможет какой-нибудь добрый человек. Бог есть, надеюсь, он не оставит своим милосердием наших близких, за которых я молюсь.

- Да будут услышаны ваши молитвы, фрау Берна.

Вечером позвонила Рина. Янгураз в это время из открытого окна любовался прекрасным осенним пейза-

жем, деревьями, тронутыми желтизной. А Рамзи колдовал на кухне - готовил какое-то особое блюдо..

- Ты не хочешь куда-нибудь меня пригласить? - спросила Рина.

- Куда же?

- Ну, скажем, в кафе или бар.

- Я как-то не подумал об этом. Мы с герром Сабаном собирались провести вечер дома за чашкой чая.

- А на улице так хорошо, тепло, все люди гуляют. Может, к вам сегодня девушки-землячки в гости собираются?

- Мы никого не приглашали и к нам никто не напрашивался.

- А вы не сможете попить чай после кафе?

- Понял. Через пятнадцать минут буду на нашем перекрестке, ладно?

Поздней осенью днем еще бывает тепло, но по вечерам все же прохладно. Янгураз поверх пиджака надел коричневый плащ, причесался перед зеркалом, надушился одеколоном - праздник всетаки. На случай, если они с Риной пойдут в ресторан, захватил продовольственные карточки. Другу пообещал не задерживаться.

- Конечно, нехорошо отказываться, когда тебя приглашает девушка. Но может, ты приведешь ее к нам?- спросил Рамзи.

- Немцы не очень любят ходить в гости, они предпочитают проводить вечер где-нибудь вне дома, в кафе или баре.

- А ты объясни ей наши обычаи. Тем более, она придет не куда-нибудь, а в дом своей тети.

Рина пришла к условленному месту раньше Янгураза. Она была с непокрытой головой, в голубом плаще нараспашку и с голубым кашне на шее.

- Ты замечаешь во мне что-нибудь необычное? - спросила она.

- Я уже не удивляюсь каждой твоей обновке.

- Не-ет, дело не в одежде, посмотри же повнимательнее.

- Постой, ты покрасила ресницы?

- А щеки?

- Тебе идет. Только, по-моему, тебе рано краситься.

- Почему?

- Ты и так красива. Пусть красятся те, кто постарше.

- Но ведь я сделала это в честь праздника, не более того. А это тебе.

И она протянула сверток.

Янгураз опешил: почему же эти Вайзеры так благосклонны к нему? И с расспросами не приставали.... Может, Янгураз в своих сомнениях исходит из советской шпиономании? Или в Германии воцаряется атмосфера всеобщей доброты и искренности?

- Спасибо, конечно, но не стоило так стараться,- сказал Янгураз, принимая подарок.

- Таков обычай, традиция. Я хотела купить что-нибудь из одежды, но не знала твоего размера.

- Не следует этого делать. Послушай, может быть, посидим сегодня у нас? Герр Сабан готовит что-то очень вкусное, а фрау Берна подарила бутылку превосходного вина.

- Мне хочется подышать свежим воздухом. Сегодня пришлось целый день стоять за прилавком, поэтому нам лучше погулять.

Янгураз с Риной несколько часов бродили по улицам, заглянули в ресторан, попробовали итальянское вино. А потом гуляли по парку. Рина притворившись захмелевшей, дурачилась, висла на его руке. Потом заявила:

- Знаешь, предстоящие праздники я собираюсь провести еще лучше, еще веселее.

- А меня пригласишь?

- Может и приглашу, если не выйдешь из доверия. И если не уедешь из Берлина.

- К сожалению, в жизни мало праздников.

- А ты сделай так, чтобы их было больше! Многое зависит от самих мужчин. Не жди, когда праздник тебе устроит девушка.

- Понял! - улыбнулся Янгураз и поцеловал Рину в губы. - Хотя ты у меня и маленькая, голова у тебя работает замечательно! Ведь каждая встреча с тобой для меня праздник, маленькая моя.

- Вовсе я не маленькая!

- О том, что ты уже не маленькая, говорят твои прелестные губки!..

Дома Янгураз развернул сверток. О, это был сборник избранных произведений Шиллера и дорогой галстук. Умела же Рина выбирать подарки!

* * *

...В купе вместе с ним ехали два раненых немецких офицера и француженка, направлявшаяся в Кельн к мужу. При проверке документов офицер военного патруля узнав, что Янгураз является сотрудником Восточного министерства и обладает правом свободного передвижения по странам германского протектората, козырнул и с почтением вернул паспорт.

Попутчики с подозрением и неприязнью смотрели на щеголеватого молодого человека, явно не немца, хотя и говорившего по-немецки. Его сверкающие лакированные туфли, дорогой светлозеленый костюм, безупречно белая рубашка, роскошный галстук, фетровая шляпа, вероятно, не могли не вызвать внутреннего негодования фронтовиков: вот, дескать, тыловая крыса! Однако Янгураз быстро придал своему лицу самое благодушное выражение и принялся расточать любезности, великодушно предложил одному из офицеров свое нижнее место, потом купил в передвижном буфете пиво, арахис в пакетиках, сок манго и начал потчевать соседей. Немцы, предпочитавшие даже в более благополучное время подкрепляться в одиночку, удивились непривычной для них щедрости и не спешили отведывать угощения. Хотя их отношение к Янгуразу явно стало меняться.

- Господа, фатерланд силен только такими героями, как вы. Прошу вас, перекусим, чем Бог послал, глядишь, это даст облегчение вашим ранам.

Наконец, офицеры согласились, тем более, они как истинные немцы, обожали пиво. А какое пиво без беседы? Слово за слово, и полилось... Янгураз заливался соловьем:

- В Африке доблестные германские войска дали по зубам англо-американцам, которые теперь побоятся высадить десант на Атлантическом побережье. Там у нас мощные укрепления. Пусть только сунут свой нос и мы быстро скинем их в море!

Офицеры, иронично улыбаясь, переглянулись. А Янгураз не унимался:

- У них, конечно, большое войско, может, и техники хватает, но англо-американцы не могут сражаться так храбро, как германские солдаты. У них нет такой выдержки, как у немцев, словом, кишка у них тонка против тевтонского солдата.

- Хоть и тонка у них кишка, но они пока наступают, - заметил один из офицеров.

Второй добавил:

- И в Италию они вторглись.

- Да, итальянцы слабоваты. Это из-за них Дойчланд попал в трудную ситуацию. Но все это временное явление, скоро враг сам поспешит заключить с нами сепаратный мир, - продолжал Янгураз.

- Может и заключит, - снова усмехнулся первый офицер, - только все равно силы у них больше. Автомобилей в США в расчете на душу населения производят в десять раз больше, чем в Германии. Значит, и оружия у них достаточно.

- Но ведь и мы постоянно увеличиваем производство оружия - не унимался Янгураз.

- Это верно, - подтвердил все тот же офицер, - но усиливают натиск русские, добиваются успеха на финском фронте.

Второй раненый мрачно заметил:

- Мы, военные, свое слово, кажется уже сказали. Теперь очередь за политиками. Пусть ломают голову, как добиться выгодного мира и закрепить наши успехи.

-Тут свет в купе погас, и пассажиры стали готовиться ко сну. Уставшие с дороги офицеры уснули быстро, а Янгураз еще долго размышлял над словами офицеров, вышедших из фронтового пекла. Только такие боевые офицеры, прошедшие через огонь и воду, могут смело говорить правду в глаза. Они уже давно не верят в речи Геббельса, хотя открыто об этом не высказываются. Если эти боевые офицеры настроены так пессимистично, на что же тогда надеяться Янгуразу и его товарищам?

"Военные уже свое слово сказали?" Неужели их песенка спета? Янгуразу еще ни разу не доводилось слышать от немецких офицеров таких пессимистических слов. И ведь не боятся агентов гестапо или других карательных органов. С огнем играют. Или те, кто вышел из огня, уже ничего не боятся? Но кому-кому, а Янгуразу

нельзя отличаться подобной смелостью, ему хочется жить, а значит он должен быть готовым к любому повороту в войне.

Долго он не мог заснуть, одолеваемый разными мыслями. По всей вероятности в случае беды Янгураза могли спасти только надежные друзья. Но кто же эти друзья, равные по положению, но более могущественные? Хайнц Унгляубе с Герхардом фон Менде или Рина со своими родителями и родственниками? Они выручат Янгураза в минуту опасности или кто-то другой? Нельзя забывать и того, что он должен заботиться и о судьбе легионеров "Идель-Урала". Разве Янгураз не приложил усилия к тому, чтобы многие его соплеменники окаались в одном лагере с немцами? Конечно, радужная была мечта вернуться на родину вместе с победителями Советов. Но оставаться в стане побежденных - это резко меняло ситуацию. Янгураз и его товарищи не хотят быть размолотыми жерновами войны, и у них есть полное право искать выход из создавшегося положения. Да, у них есть такое право - право на жизнь!

Экспресс "Париж-Берлин", разрывая мрак ночи, мчался на восток. Никто не мешал нескончаемым думам сотрудника Бюро по связям с татарами Третьего Рейха Янгураза Утяганова.

"Не надо поддаваться панике, - думал он. - Может, настроение этих офицеров упало из-за полученных ран. Германия еще сильна, очень сильна, она произведет новое грозное оружие и покажет всем кузькину мать! Да, покажет!

Когда француженка сошла в Кельне, Янгураз открыл дверь, чтобы хоть немного проветрить купе. Утолив жажду соком манго, он решил немного вздремнуть. Немецкие поезда идут ровно, вагоны не раскачиваются, как на родине, колеса на стыках рельсов не мучают тебя надоедливым перестуком. Укройся чистым одеялом в белоснежном пододеяльнике и почивай себе, как будто и нет войны. Янгураз так и сделал. Закрыв глаза, он старался заснуть, но сон все равно не шел. Вспомнив советы опытных людей, Янгураз принялся считать...

Проснулся он от паровозного гудка и громкого голоса из репродуктора: "Приближаются вражеские самолеты, возможна бомбардировка. Всем быстро в укрытие!" Сос-

тав остановился, началась паника. Пассажиры лихорадочно одевались, толкаясь и спотыкаясь выскакивали из вагона и рассыпались в разные стороны. Брезжил рассвет. Янгураз соскочил со своей полки. Офицеры, бывалый народ, в мгновение ока выпрыгнули из вагона. Пролетая по коридору, Янгураз заметил в одном из открытых купе застывшую в шоке женщину. Не теряя времени, он подскочил к ней, схватил ее за руку и заорал: "Шнель!" Вдвоем они выскочили из вагона и спрятались за высоким раскидистым деревом. Молодая женщина была настолько напугана, что бросилась чуть ли не в объятия своему спасителю, лишь бы как-то укрыться от огня английских самолетов. С самолетов начали пускать осветительные ракеты, и вся округа озарилась каким-то странным светом. Взрывались бомбы, стрекотали пулеметы - целый час длилась эта вакханалия. Янгураз старался успокоить женщину, дрожащую, как осиновый лист, поглаживая ее округлые плечи, спину... В другой обстановке ему, конечно, и в голову не пришло бы так откровенно обнимать молодую красивую немку, но сейчас... Фрау, спрятавшая свое лицо у него на груди, даже после отбоя не сразу оторвалась от спасителя, видимо все еще находилась в шоковом состоянии.

Вскоре отовсюду стали появляться люди, вагоны вновь начали заполняться пассажирами. Проводив женщину в купе, Янгураз увидел на ее полке нечто, похожее на кровь. Сосед, успевший уже забраться на свою полку, пояснил:

- Саквояж, видимо, насквозь пробило пулей. И там что-то разбилось, банка с компотом что ли...

Поезд серьезных повреждений не получил, но среди пассажиров оказались и убитые, и раненые. Спасенная Янгуразом фрау, наконец, успокоилась, переставила свой пробитый саквояж на пол, прибралась на полке. После чего принялась рассыпаться в благодарностях, приглашая Янгураза в свое купе.

До Берлина больше воздушной тревоги не было. Янгураз вышел на перрон вместе со спасенной им женщиной.

- А сейчас прошу к нам в гости! - сказала она.

- Спасибо, фройлейн, но, к сожалению, меня ждут неотложные дела. Нужно прямиком идти на службу.

- Если бы не вы, я могла погибнуть. Вы же видели, пули пробили мой саквояж, который стоял на том самом месте, где сидела я. В такие минуты от испуга просто рассудок теряешь, право, не знаешь, что и предпринять. Крыши вагонов хотя и кажутся прочными, но от пуль не защищают. А вы, сразу видно, отважный мужчина, готовый всегда прийти на помощь человеку, попавшему в беду - настоящий рыцарь.

- Ну, вы преувеличиваете.

- Нет, нисколько. Послушайте, может быть, по телефону предупредите своих сослуживцев, что задержитесь? Согласитесь, после такой бомбежки немудрено опоздать.

Янгураз, наконец, осмотрел свою спутницу повнимательней. Это была красивая женщина лет тридцати, белокожая, чуть выше среднего роста. Лицо немного удлиненное, а под правым ухом у нее приютилась симпатичная родинка.

- Я, фройлейн, весьма польщен вашим сердечным приглашением, очень рад, что встретил такую гостеприимную спутницу. Но будут ли в вашем доме рады чужому человеку, тем более мужчине?

- Вы же меня от смерти спасли!- воскликнула она. - Хватит с меня того, что муж на фронте погиб. Отец сейчас, вероятно, собирается на работу, он будет рад отблагодарить моего спасителя. А сестре, конечно, приятно будет познакомиться с таким отважным мужчиной.

- О-о, лиибе фрау, - только и сказал Янгураз, не зная, что и предпринять.

- Знаете Гросбанк, что на улице Унтер ден Линден? Мы живем по соседству, совсем рядом, и отсюда недалеко.

Янгураза, конечно, интересовала возможность познакомиться с еще одной немецкой семьей, но принять приглашение сразу, значит несколько уронить свой авторитет. По крайней мере так ему казалось. Поэтому он решил не торопиться.

- Ничего не поделаешь, отечество требует от нас самопожертвований. Мне все-таки придется идти на службу.

- Женщина быстро вынула из маленького ридикюля листок бумаги и написала адрес и номер телефона:

- Вот, хотя бы позвоните как освободитесь, хорошо? Я буду ждать. Так кому же я обязана своим спасением?

Янгураз представился и добавил:

- Извините, я тоже дам вам номер телефона.

Дав адрес, он дружески улыбнулся:

- Опасность миновала. Рад, что наша поездка закончилась благополучно. До свидания, фрау Софи!

- Данке шен! Аллес гуте, герр Янгураз!

7

Когда стало известно о командировке в Радом, Янгураз прежде всего решил узнать, что больше всего волнует легионеров. Оказалось, что многих интересует книга фюрера "Майн кампф". С началом войны именно эту книгу порочили и поносили направо и налево советские политруки. "Неужели эта книга и в самом деле настолько враждебна и утверждает бесчеловечные отношения?"- спрашивали легионеры.

Янгураз снова перелистал книгу фюрера, которую он уже основательно проштудировал и подчеркнул красным карандашом наиболее интересные места. Значит с легионерами нужно будет поговорить об этой книге. Изложить взгляды фюрера будет нетрудно. Но как быть с его расистскими идеями? Не обратят ли на него внимание агенты абвера? Легионерам, конечно, следует говорить правду, ведь среди них есть и офицеры с высшим образованием. Правда, они не владеют немецким в совершенстве, книгу Гитлера не читали и знают о ней только со слов советских пропагандистов. Стало быть Янгураз может держаться уверенно.

Хотя Янгураз и пытался создать о себе мнение как о человеке искренне преданном немцам, в целом этот труд Гитлера не принимал. А если все же довести до легионеров все идеи, взгляды и помыслы Гитлера?..

Ведь в книге есть такие доводы, которые можно использовать и для разоблачения порочной национальной политики Советов. Можно намекнуть и на политику Германии по отношению к татарам, о коварных поворотах в этой политике. Здесь, конечно, нужно быть бдительным и осторожным, чтобы агенты абвера ничего не

заподозрили... А раз так, далеко от "Майн кампф" уходить не следует. Если Янгураз о Гитлере будет отзываться уважительно, то на его горькую иронию и не обратят внимание. Во всяком случае он всегда сможет перед абвером доказать свою преданность Гитлеру.

Янгураз и во второй раз прочитал "Майн кампф" с большим интересом. Из этой книги он почерпнул столько новой информации, идей, которые раньше и в голову не могли прийти. Теперь он автора книги никак не мог назвать ни "сумасшедшим", ни "недалеким". Конечно, гуманисты не примут его взгляды, более того, признают их враждебными. Но это уже другой вопрос.

Прочитав книгу в первый раз, Янгураз некоторые отрывки перевел на татарский язык.

"Только личность, приобщившаяся через систему школьных знаний к культурным ценностям своего народа, к его экономическому и, прежде всего, политическому могуществу, может гордиться принадлежностью к этому народу. Сам я могу бороться только за то, что люблю. А любить я могу только то, что уважаю, а чтобы уважать, я должен хотя бы знать это".

Интересно. "Разговаривать на родном языке - священное право каждого",- утверждает фюрер. Или: "Самое безобразное, что может быть в жизни человека - это рабство". Нужно будет эту мысль постоянно внушать легионерам,- думал Янгураз,- здравомыслящие поймут в каком рабстве находились и находятся татары...

Читая "Майн кампф" Янгураз поражался глубокому смыслу слов фюрера: "Сила народа не в оружии, а в его воле к борьбе... Трусу хоть десяь винтовок дай, он и из одной не выстрелит. Храбрый с палкой в руке намного сильнее труса с десятком ружей... Народ, сильный духом, найдет тысячи способов обрести оружие"...

Янгураз всем сердцем и всей душой поверил в справедливость высказываний фюрера... Да, вполне естественно, что личность, вдохновившая своей уверенностью и убежденностью миллионы соотечественников, смогла стать вождем своего народа. Слова Гитлера поучительны не только для немцев, но и для татар,- считал Янгураз. Если бы татары взяли на вооружение его идеи, то смогли бы подняться на борьбу за облегчение своей участи...

Он перевел новые отрывки и стал большими буквами переписывать их в блокнот. Если он положит перед собой тезисы выступления, то сможет говорить не заглядывая в текст, а переведенные отрывки зачитает вклинивая в свое выступление.

"Вопрос восстановления политической мощи нашего народа - это прежде всего вопрос сохранения его как нации, оздоровления его национального инстинкта". Вон как рассуждает автор! "Ценность того или иного народа, как возможного союзника на международной арене определяется тем, насколько пламенна и сильна его воля к самосохранению, насколько жив в нем дух борьбы... Сила моральной стойкости народа, его политическая мощь зависят от степени распространенности национальной идеи в широких слоях народа"...

Этот отрывок Янгураз перевел не дословно, а сохранив смысл постарался привязать его к татарам. Потом, обдумывая очередную мысль, принялся ходить по комнате. Что в свете этих высказываний фюрера можно будет сказать легионерам? Если все высказывания привязать к татарам, не вызовет ли это недовольство или, не дай Бог, гнев немцев? Не посчитают ли они Янгураза опасным человеком для Рейха? Ведь "Майн кампф" насквозь пропитан духом возвеличивания Германии, немецкой нации.

Национальные легионы также созданы с целью увеличения мощи Рейха. Увлечение татарским национализмом опасно и в Дойчланде: того и гляди накинут петлю на шею.

Автор "Майн кампфа" уводит читателя в далекое прошлое немецкого народа, знакомит его с историческими личностями, политической борьбой народа, что вызывает совершенно противоречивые чувства, в особенности у представителей другой национальности. Ведь так оно и бывает - нектар одного и того же цветка для кого-то бальзам, а для кого-то - яд...

Немного успокоившись, Янгураз снова сел за стол и стал выискивать новые отрывки.

"Историю мы должны изучать не только для того, чтобы знать события прошлого, а для того, чтобы извлекать из нее уроки и использовать их на пользу народа".

"Наше народное государство может и науку использовать для воспитания национальной гордости... Мы возве-

личим изобретателей не только в этой ипостаси, но и как славных сынов своего народа. Мы всех научим уважать каждую нашу выдающуюся личность не только как великого творца, но и как национального героя. Выбрав среди многочисленних деятелей в германской истории несколько наиболее выдающихся, мы сделаем их кумирами нашей молодежи. Опираясь на эти немногочисленные, но величественные столпы, мы построим грандиозное здание национального возрождения".

Янгураз не мог не восхищаться этой программой развития немецкой нации. Наверное, так оно и бывает: сначала народ рождает героя, который призывает соотечественников к борьбе за независимость и лучшую долю, а потом идет за ним в огонь и воду, разворачивая кипучую деятельность.

Однако татарам такой крайний националист как Гитлер не нужен. От его политики беспощадного угнетения других народов, скажем, евреев, холодеет кровь. Именно для оказания сопротивления этой политике Янгураз старается принять в легион под видом крещеных татар как можно больше еврейских парней. Опасное это дело, но гуманное,благородное.

Развернуть бы его еще шире, но возможности ограничены. Почему же татары до сих пор не могут родить хотя бы одного героя? Почему никак не могут объединиться, чтобы создать, наконец, бурный всплеск национального возрождения? Почему татары не знают своих великих личностей? Как получилось, что Янгураз имя грозного Аттилы, слава которого до сих пор не померкла в Европе, впервые услышал из уст обыкновенной немецкой девушки-гимназистки? А ведь Янгураз не самый невежественный, напротив, кое в каких вопросах он превосходит многих своих соплеменников. Что же тогда говорить о других?..

Перелистывая "Майн кампф", он, кажется, нашел ответы и на эти вопросы.

"Человек идет на смерть за идею... Если нет великой объединяющей идеи, не будет и достаточных сил для безоговорочной ее защиты... Только борьба за сохранение жизни, родного очага, родины, государства дает человеку силу и отвагу, чтобы он как лев мог броситься на врага."

Нет, не зря Янгураз перечитывает эту книгу. Сколько созвучного своим мыслям нашел он в ней, сколько открытий, откровений, осветивших его разум!..

"Соберите вместе сто дураков, и не сумеете сделать из них ни одного умного. Соберите то трусов - и не создадите ни одного храбреца". Значит, не всегда целесообразно какой-то вопрос решать простым большинством голосов!

"Для трусливых народов нет места на земле". Есть ли правда горше этой?!

"Брак - не самоцель, он должен служить сохранению и умножению вида, племени, расы. Только в этом истинный смысл брака".

Значит, брак татарина, скажем, с русской или немкой означает измену своему народу? Гм-м, прочитать бы этот отрывок Рамзи, который считает себя ученым, имеет звание доцента, а сам собирается жениться на украинке. Но ведь их дети уже не будут татарами! Он лопочет о возвращении на родину, а сам совершает измену своему народу, который, по сути, должен быть дороже родины. Тогда какой смысл сохранять ему жизнь?

"Врагу всегда угодны люди покладистые, покорные, слабые, ограниченные".... А разве не таких татар во все времена Москва стремилась назначить в Казань разного рода руководителями? Таких всегда хвалили, награждали орденами, медалями, почетными званиями. Янгураз сам был свидетелем этому!

Наряду с поучительными местами в книге было и такое, чего Янгураз не принимал вообще. Например, Гитлеру ничего не стоит растоптать даже общечеловеческие законы нравственности, если они не соответствуют его целям. Яркое свидетельство тому - его отношение к евреям.

Гитлер утверждает, что учение Моисея не что иное, как учение о сохранении еврейской расы. Поэтому, считает он, оно втягивает в свою орбиту все необходимые ей науки, в том числе социологию, политологию, экономику... И марксизм - политика евреев... "Из ста тысяч немецких рабочих едва ли сто читали "Капитал", - пишет фюрер. - Лишь образованная интеллигенция, в частности, евреи изучают этот труд... Он написан не для широких масс, а для еврейских руководителей. Марксизм признает

любой способ борьбы, лишь бы он гарантировал успех... Когда я узнал, что вождями социал-демократии являются евреи, с моих глаз окончательно спала пелена. Мировое еврейское сообщество в настоящее время держит Россию в своих руках. Умело используя трагические события, евреи прибрали к рукам огромную страну, истребили миллионы передовых, интеллигентных людей и теперь, вот уже на протяжении десяти лет, проводят самую страшную тиранию, которую когда-либо знало человечество..."

Воспитанный на советской прессе, прославлявшей Маркса, Ленина и их соратников, Янгураз испытывал сильную растерянность. Допустим, фюрер правильно разоблачает этих деятелей. Но почему же он сам встает на путь тирании? Как согласиться с его стремлением возвысить немцев над всеми народами мира и готовностью применять любые средства для достижения этой цели? На последних страницах книги есть и такое: "Мы ни в коем случае не станем исполнять роль защитников и полицейских в отношении несчастных малочисленных народов с испорченной репутацией."

От этого утверждения Гитлера Янгураза словно обдало холодом. Во имя чего тогда легионеры должны проливать свою кровь? К чему Янгураз должен призывать их? Если они скажут, что не хотят лезть из огня да в полымя, что он им ответит? Есть ли у них возможность определить свою судьбу?

Принимая в свои ряды евреев, легионеры шли на большой риск. Если абвер разоблачит, то кое у кого полетят головы. В первую очередь поплатится жизнью Янгураз, ведь это он поклялся в случае угрозы вместе с руководством Татарского комитета защищать эту затею Татарише лейтштилле. Пришлось даже обратиться за помощью к профессору Менде. К счастью, он не был нацистом, слепо поклоняющимся фюреру.

Янгураз выключил настольную лампу, подошел к окну и отогнув край занавески выглянул на улицу. Темно. Тихо. Берлин погрузился в сон.

Янгураз через открытую форточку хотел вдохнуть прохладный воздух, но тщетно: в Берлине, несмотря на осень, все еще было тепло. Он бросил взгляд на темные окна дома напротив - за одним из них спит девушка по

имени Рина. Вот для кого "Майн кампф" - священная книга, не вызывающая, наверное, ни недоверия, ни сомнения. Может ли Янгураз эту девушку назвать своей? Впрочем, он еще не знает ее истинного отношения. Возможно, она оказывает внимание потомку гуннов за неимением истинного арийца. Если так, то нужно поторопиться с паспортом для Халимы...

Чтобы как-то развеять свои сомнения, привести в порядок мысли, Янгураз решил перед отъездом сходить к профессору Менде, посоветоваться с ним насчет предстоящего выступления. Янгураз считал, что советник политического отдела Восточного министерства фон Менде сможет оказать ему большую помощь, чем шеф Бюро по связям с татарами господин Унгляубе. Будучи ученым-востоковедом, государственным деятелем, прекрасно осведомленный о политике Германии по отношению к восточным народам, профессор, несомненно, может лучше разобраться в проблеме Янгураза. Кроме того, визит к профессору явно пойдет на пользу Янгуразу.

Профессор, хотя и одобрил его старания, тему будущей беседы воспринял с удивлением.

- Майн юнге фройнд, - любезно обратился он к Янгуразу, - может и нужно обсудить эту книгу, ведь сознание легионеров отравлено сталинской антифашистской пропагандой. Важно, конечно, открыть им глаза, разъяснить, что ругать немецких фашистов бессмысленно, по крайней мере неуместно. К тому же в самом Советском Союзе вовсю процветает фашизм. Господин Муссолини не зря сказал: "В России большевизм сошел с арены, и на смену ему пришел славянский вариант фашизма". Несколько лет назад на банкете, устроенном членами советского Политбюро в честь Риббентропа, сам Сталин сказал, что знает, как немецкий народ крепко любит своего фюрера, и поэтому поднял тост за его здоровье. Вернувшись из Москвы, господин Риббентроп заметил: "Я чувствовал себя как среди своих давнишних товарищей по партии". Если легионеры не верят Риббентропу и Муссолини, пусть почитают "Большую Советскую Энциклопедию". Там нет ни строчки о таких "верных ленинцах", как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, но зато даны сведения о Гитлере и Муссолини. Как вы думаете, почему?

Услышав это, Янгураз опешил:

- Почему же?

Профессор довольно улыбнулся:

- Да потому, что Сталин хорошо знает, что и сам является фашистом. Поэтому и оказывает уважение близким по духу людям, и стремится познакомить советских читателей с их биографиями. Только наш фашизм, майн фройнд, резко отличается от сталинского. Фюрер заботится не о себе, а о народе. С его приходом к власти шесть миллионов безработных получили работу, шестьсот тысяч девушек справили свадьбы за государственный счет и умножили число счастливых германских семей. Кроме того, ежегодно по сто тысяч рабочих бесплатно отдыхают и поправляют свое здоровье за границей. Фюрер распорядился, чтобы хорошим работникам всего за одну тысячу марок выделяли автомобиль "Фольксваген", который стоит восемь тысяч марок. Для рабочих построены дома, квартиры, словом, много чего хорошего сделано фюрером. Однако это еще не значит, что легионерам следует рассказывать только об этой книге и ее авторе. В книге ощущается и германский эгоизм, возможно, излишне слишком поклоняться ее автору. Стоит подумать и об этом. Может лучше обрисовать то, что натворил тиран Сталин за двадцать лет своего владычества?

- Отнял у людей земли, имущество, а самих рассовал по тюрьмам, заставил задарма работать в лагерях или просто уничтожил, - с печалью в голосе добавил Янгураз.

- Вот именно! Если вы сравните действия Гитлера и Сталина, может быть, легионеры поймут, где ложь, а где правда, где демагогия, а где истина.

Фон Менде с удовлетворением смотрел, как Янгураз записывает его слова в свой блокнот. Беседа продолжалась, и Янгураз не мог нарадоваться, что решил встретиться с профессором - столько полезного, нового и интересного услышал он, кроме того нигде еще не опубликованного. Особенно его поразили две новости.

-Сез, яш дустум[2], - обратился к нему по-татарски профессор, - обратили внимание на то, что в "Майн

---

[2] Вы, мой юный друг.

кампф" с неприязнью написано о христианстве, о сопутствующем ему духовном терроре, о христианских священниках?

- Да, конечно.

- Пик яхши[3]! А знаете, почему? - Видя, что Янгураз затрудняется ответить, он улыбнулся и продолжил: - О-о, потому что из всех религий фюреру импонирует только ислам, потому что он наиболее близок его духу. Да-да, майн фройнд, только ислам!

- Трудно даже поверить.

- Тем не менее это так и я хорошо это знаю, - сказал фон Менде, следя за реакцией Янгураза. - И еще одно приятное для вас сообщение: фюреру близка Болгария. И знаете, почему? Потому что он болгар считает не славянами, а тюрками, потомками гуннов. А гунны, должно быть вам известно, оставили в германской истории незабываемый след. В наших жилах течет частица крови этих степных рыцарей. Вы знаете, что из всех деятелей фюрер больше всех уважает Муссолини и Ататюрка? Обратите внимание - Ататюрка! Думаю, об этом должны знать и легионеры.

- Удивительно! - воскликнул Янгураз.

- В "Майн кампф", конечно, много написано о чистоте немецкой расы, об упрямстве евреев, о ленности славян. Но из этого ни в коем случае не следует делать вывод, что фюрер не признает другие народы, кроме немецкого. В книге многое написано специально, с целью пропаганды, для того, чтобы сплотить немцев, надломленных после Первой Мировой войны, поднять их дух, воспитать в них национальную гордость, вдохновить на великие свершения во имя светлого будущего. А вообще, фюрер с уважением относится и к англичанам, и к итальянцам, и к финнам и туркам, венграм, японцам... Если говорить о культуре, майн фройнд, фюрер всегда выискивает молодые таланты и помогает им. Он даже согласен освобождать молодых талантливых людей от прохождения воинской службы. "От 500-600 "броней", выданных молодым талантам, Рейх не рухнет, - говорит он. - Что может делать на фронте художник? А ведь не ровен час,

---

[3] Очень хорошо (искаженно по-татарски).

убьет его какой-нибудь идиот, и нет таланта! Талант нельзя заменить, его нужно сохранить". А что делает Сталин? Сколько татарских писателей, композиторов, художников, ученых отправил он на передовую?! Даже председателя писательской организации Татарстана! А мы, как вы знаете, проявляем снисходительность и милосердие к талантливым людям из числа военнопленных.

- Верно, майн герр, - подтвердил Янгураз, подумав, что слова профессора, возможно, относятся к нему. - Данке шен! Доказательством тому - ваша помощь и доброе отношение ко мне.

Фон Менде кивнул со снисходительной улыбкой. Потом он посмотрел на часы и стремительно встал:

- О-о, майн юнге фройнд, я должен закругляться. Не забудьте прочитать рекомендованные мной статьи - не сомневаюсь, ваше выступление в Радоме будет интересным. Желаю успехов!

Сообщив по телефону о времени своего прибытия, Янгураз отправился в Радом, в город на востоке Польши, где и дислоцировался один из полков легиона "Идель-Урал". К приезду Янгураза в штабе легиона уже был созван весь актив пропагандистов, о чем сообщил ему встретивший его командир легиона майор фон Секендорф. Поблескивая золоченой оправой очков и поглаживая лысеющую голову, майор раговаривал с Янгуразом на хорошем русском языке. Видимо, удивляясь молодости берлинского гостя и в то же время понимая чрезвычайную важность его миссии в Радом, Секендорф задал Янгуразу несколько уточняющих вопросов. Оказалось, майор в свое время не обратил на него особого внимания, поскольку Янгураз тогда, в апреле приезжал в лагерь в составе целой группы. Узнав о характере его задания и выяснив некоторые подробности, майор приказал своему адъютанту проводить гостя в столовую и показать его комнату.

- Приходите сюда в восемь часов вечера, герр Янгураз, подведем итоги.

В коридоре штаба Янгураза заключил в объятия Шамсир Карагаев:

- А я тебя ищу. Из-за неотложной работы не смог встретить тебя.

- Не беда. Радом для меня уже не чужой город. Встретились же.

Объяснившись с адъютантом майора, Шамсир принял на себя его обязанности. Оставшись вдвоем с Янгуразом, он сказал:

- А берлинский климат тебе на пользу пошел. Поправился. Выглядишь хорошо. Элегантный. Ну, какие там новости?

Янгуразу не хотелось сразу же по приезду встречаться с Шамсиром, который нередко отличался резкостью суждений, какой-то излишней смелостью, что-ли... Не дай Бог, ляпнет что-нибудь не то, а коситься будут на обоих. Однако, увидев, что адъютант охотно оставил его на попечение Шамсира, Янгураз успокоился: значит, авторитет друга в штабе достаточно высок.

- Новостей я знаю не больше чем ты, - спокойно ответил Янгураз. - Сам-то ты как? Растишь боевой и национальный дух легионеров в Седльце и Демблине?

- Ращу, - хмуро обронил Шамсир. - После февральских событий внимания к нам стало больше. Питание улучшилось, развлечений прибавилось. Только в сознание татар слишком глубоко проник яд коммунизма. Нашлись и такие, кто радовался: "Скопытился Муссолини - одна из надежд Гитлера!" Где, от кого они это услышали - ума не приложу. Слушай, а что про Италию говорят в Берлине?

- Ничего не говорят. Кажется, внимание Рейха целиком направлено на бои под Курском.

- Около ресторана "Ам цоо" все по-прежнему?

- Об этом лучше спросить у Сабанчи, он каждое воскресенье там ошивается. Во всяком случае, любвеобильных русских баб там должно быть предостаточно.

За разговорами они расправились с обедом, потом пошли в комнату Янгураза. Шамсир был чем-то обеспокоен и поэтому хмур, с одного разговора переключался на другой, ни на чем не мог сосредочиться. Беспрестанно курил. Не привыкший к такому количеству дыма, Янгураз настежь распахнул окно.

- Похоже, мы будем выглядеть как охотники, которые охотились на медведя, а поймали зайца,- сказал Шамсир подойдя к открытому окну.- Легион распадается на глазах. Как только легионеры набираются сил и выучи-

ваются обращению с оружием, их батальонами отправляют в разные места.

- Положение Рейха осложнилось и, естественно, на подавление врага бросают все силы.

- Знаю, но легионеры еще не готовы броситься за Германию в огонь. Они чувствуют себя так, словно спасшись от собаки, попали в лапы волка. Многие все еще считают, что в рядах Советской Армии защищали родину. Не понимают, что татары столько веков находились под пятой у русских и ими же были выпинуты на фронт защищать их же, русских, о Аллах! Конечно, по ту линию фронта остались родная земля, родственники, друзья. Поэтому время от времени легионеры и перебегают к польским и белорусским партизанам.. Долго ли вермахт будет терпеть это?

- Постараемся принять меры, - сказал Янгураз и поведал о своей поездке во французский город Ле-пюи.

- Там спокойнее, и на воспитательную работу времени будет больше.

На этот раз в штабе легиона собрались агитаторы вновь организованного батальона. Большинство из них офицеры. В небольшой зал заседаний Янгураза привел пожилой немец - сотрудник штаба.

- Господа,- начал он, - сегодня и завтра перед вами будут выступать прибывший из Берлина представитель Бюро по связям с татарами Восточного министерства и командиры легиона. Они познакомят вас с политическим и военным положением Рейха, расскажут о немецкой культуре, а также о проблемах татар. Ответят на все ваши вопросы. Это чрезвычайно важное занятие начнет сотрудник Восточного министерства Рейха господин Янгураз Утяганоф. По вашей просьбе он на вашем родном языке расскажет о книге фюрера "Майн кампф". Желаю вам успехов!

Шамсир сидел в последнем ряду, рядом с ним - немецкий переводчик. Оба наготове держали блокноты и карандаши.

- Уважаемые соплеменники! - начал Янгураз. - Думаю, каждому из вас известно, что татары в течение нескольких веков являясь жертвой российской империи, никогда не мирились со своей горькой судьбой и при каждом удобном случае поднимались на освободитель-

ную борьбу. Когда-то мы были независимы и наше государство было могущественнее русского. После потери независимости и жестоких репрессий, татар стало гораздо меньше. Хотя в нас и не угасло стремление к свободе, но все длительные войны за независимость до сих пор не дают нужного результата. Коммунисты и советское правительство, укрепив свою власть, сразу после победы революции напрочь забыли о своих обещаниях дать татарам свободу и право на самоопределение. Их шовинистическая политика оказалась более губительной чем даже царская. Теперь мы поняли, чтобы вырваться из цепких лап большевиков, нам нужна помощь большого и сильного народа. Свобода, как известно, не падает с неба, за нее надо бороться, и в этой борьбе опираясь только на помощь Германии и сотрудничая только с немцами мы можем войти в союз свободных народов Европы. А для того, чтобы удостоверить-ся в возможности этого, нам нужно прежде всего поближе познакомиться с духовным и экономическим потен-циалом Германии, побольше узнать о фюрере и его знаменитой книге "Майн кампф", что в переводе означает "Моя борьба"...

Бархатисто-мягкий голос Янгураза звучал убедительно. Глаза всех слушателей были устремлены на него, и весь их вид говорил о предельном внимании к выступающему. Обрадованный этим, Янгураз начал разговор на тему: "Фюрер и немецкий народ", которую знал как свои пять пальцев. Он рассказывал о кумирах Гитлера - германских императорах Фридрихе Великом и Карле Великом, в период правления которых немецкое общество пережило удивительный подъем, оказавших прогрессивное влияние на всю Западную Европу, заострил внимание слушателей на том, что в России очень мало, а главное, тенденциозно и однобоко освещаются эти периоды в истории Германии.

- Русские историки, - продолжал он, все больше воодушевляясь, - идеализируют даже самых мерзких, самых отвратительных по своей сути деятелей российской истории, делают из них кумиров... Я уже не говорю о сумасбродствах Петра Первого, этого самодура и тирана. Вспомним Суворова и Кутузова, этих "выдающихся полководцев", которых советская историография, и особенно военная наука, превозносят до небес... После

взятия города-крепости Измаил по приказу Суворова город на три дня был отдан солдатам на разграбление. Одним разграблением не обошлось. Озверевшая от крови и пьянства солдатня изнасиловала все женское население этого тридцатитысячного цветущего города, от малолетних девочек до седых старух. А чтобы не осталось свидетелей этого варварства, всех пленных изрубили саблями. Вот какую вакханалию устроил генералиссимус Суворов. Заводилой в унижении и избиении измаильских мусульман был "славный полководец" Кутузов. Привыкшие обожествлять подобных тиранов, палачей, мы с удивлением узнаем о том, что в летопись человечества навечно вписаны бессмертные имена Баха, Бетховена, о которых мы почти ничего не знаем. Еще меньше или вообще ничего не знаем о таких великих личностях, как Вагнер, Кант, Ницше, Фихте, Гегель и другие. Не знаем потому, что они - немцы. Если мы хотим занять достойное место в зарождающейся в муках новой Европе - а ведь только так можно чего-то достичь - мы свою судьбу должны связать с Рейхом, приобщиться к достижениям его славных сынов, проникнуться их идеями. Появление фюрера на арене не случайно. А его "Майн кампф" - это своеобразный итог духовного развития германского народа. Не зря эта книга вошла практически в каждую немецкую семью и стала настольной.

Заранее подготовленные цитаты из "Майн кампф" помогли Янгуразу лучше раскрыть содержание книги фюрера, а выдержки из статей, рекомендованных профессорм Менде настолько обогатили выступление, что легионеры выслушали его на одном дыхании, сделав всего два коротких перерыва.. Затем посыпались вопросы.

- Сколько экземпляров "Майн кампф" напечатано?
- На сегодня восемь миллионов.
- Почему Германию называют "Третьим Рейхом"?
- Рейх - по-немецки означает империя. В истории Германии известны три империи. Первая существовала в 962-1806 годах и называлась Священной Римской империей . Вторая была основана Бисмарком в 1871 году и распалась вследствие Первой Мировой войны. Адольф

Гитлер основал империю, которая и называется Третьим Рейхом.

- Вы сказали, что фюрер с уважением относится к другим народам. Тогда почему допустил гибель миллионов советских военнопленных? Ведь татары не по своей воле участвуют в войне с Германией.

-Я бы сказал, что потеряв голову, по волосам не плачут. Ситуация здесь гораздо сложнее. - Янгураз снял свои очки в золоченой оправе и достав белоснежный носовой платок, протер и без того чистые линзы. Вообще-то зрение у него было хорошее, но в очках он выглядел немного старше и солиднее. - Дело в том, что уже в первый год войны число советских военнопленных достигло четырех миллионов, а фюрер не ожидал такого. Германия имела запас продовольствия в основном для своей армии. Кроме того, она не могла в короткий срок перебросить продовольствие на столь большое расстояние, потому что транспорт был задействован в первую очередь для доставки войск и вооружения. Однако это обстоятельство все же не дает нам повода обвинять Германию в бесчеловечном отношении к советским военнопленным. К тому же Советский Союз в свое время не подписал Гаагские конвенции и потерял права и гарантии на питание, лечение своих военнопленных, то есть фактически обрек их на трагическую гибель. Когда фюрер через общество "Красного креста" обратился к Сталину о необходимости помощи военнопленным, Сталин цинично ответил: "Русские в плен не сдаются". Да, от недойной коровы молока не дождешься. Зато последовал приказ - партизанам и диверсантам безжалостно взрывать немецкие эшелоны, подвозившие провизию и советским военнопленным...

Верно ли, что фюрер симпатизирует мусульманам?

Да. Однажды он сказал, что ислам, возможно, смог бы приблизить его к Богу, подтолкнуть к поклонению Всевышнему. Но не нужно забывать, что Гитлер - вождь немецкого народа, а немцы - издревле исповедуют христианство. Поэтому фюрер и в религии не должен отдаляться от своего народа. О его симпатии к исламу красноречиво говорит факт строительства в Берлине большой мечети, а также создание условий легионерам для отправления мусульманских обрядов.

- Вы упомянули, что фюрер якобы сказал, что добровольно подчинившись врагу, наивно расчитывать на его милосердие? Если говорить о русско-татарских отношениях, то действительно это так, но если о германско-татарских, то правомерно ли высказывание фюрера?

- Интересный вопрос, - Янгураз опять снял и надел очки. - Не зря говорят, для глупца везде рай. Но мы с вами здравомыслящие люди. И как бы я не ответил на ваши вопросы, каждый из вас волен оставаться при своем мнении. Однако давайте не будем уподобляться некоему чудаку, который вместо червя умудрился выкопать змею. Нас поработили не немцы, а русские, и русские погнали нас в пекло, чтобы мы их же, русских защищали. Если бы отказались идти на фронт, с нами расправился бы НКВД, да и нашим семьям, родственникам тоже не поздоровилось бы - вы это прекрасно понимаете. Немцы же обеспечили нам безопасность, дали нам возможность бороться за свои национальные права. Теперь нас с немцами связывают общие интересы, общая судьба.

Вопросы продолжали сыпаться. Легионеров интересовала биография фюрера, его привычки и вкусы, его соратники и друзья. Спрашивали о его отношении к известным политикам, в том числе и враждебным Германии, о его интересе к архитектуре, скульптуре, театру, и еще о многом другом. Создавалось впечатление, что сам Янгураз был одним из друзей Гитлера, не раз хлебал с ним из одной чашки, раз так уверенно рассказывает о нем!

Наконец один из агитаторов спросил:

- Как фюрер объясняет приход к власти в России большевиков?

Перед октябрьской революцией рабочий класс в России составлял всего лишь одну сороковую часть от общей численности населения, поэтому у пролетариата не было никакого морального права менять судьбу всего народа, считает фюрер. И все же в России установилась диктатура пролетариата. По мнению фюрера, это можно объяснить тем, что, во-первых, подавляющее большинство населения России было безграмотным или малограмотным, следовательно, обладало низким уровнем сознания. Во-вторых, большинство образованных людей России не были русскими, они даже не были славянами. В то

время между образованной частью населения и народными массами почти не было соединяющего звена, нити, носителя определенных знаний, выражающего определенную идеологию. Поэтому оказалось очень легко натравить толпу на малочисленную прослойку аристократии - с этой задачей превосходно справились еврейские революционеры, потчевавшие народ баснями про марксизм и в конечном итоге, оставив русский народ без "головы", сами сели ему на плечи. Действительно, большинство "ленинской гвардии" составляли евреи. Ленин же сам был агентом германской разведки, враждебной России...

- А вы верите в это?

- Друзья, вы спросили о точке зрения Гитлера, вот я и постарался ответить вам.

- Разве вы сторонник окончательного уничтожения России?

- Поймите меня правильно: я против только шовинизма. Но русские имеют полное право создать свое государство на своей этнической территории, с которым мы могли бы жить по-добрососедски.

Возможно, вопросы еще продолжались бы, но тут с места поднялся Шамсир:

- Господа!- обратился он к собравшимся в зале.- Из выступления Янгураза эфенди Утягана я почерпнул много интересных и прежде неизвестных мне сведений о книге "Майн кампф" и о ее авторе. Услышанное сегодня заставило меня по-новому взглянуть на Германию и на немецкий народ. Высказывания фюрера вполне поучительны и для татар. Удивительно! Бесспорно одно - все, что мы здесь услышали, поможет нам лучше осознать стоящие перед легионом задачи. Тех, кто со мной согласен - прошу выразить господину Янгуразу благодарность от имени всех легионеров.

Раздались дружные аплодисменты - аплодировали даже те, кто сидел молча и не задавал вопросов.

За ужином майор фон Секендорф поднял наполненный до краев бокал и произнес:

- Такой глубокий и профессиональный анализ книги фюрера, сделанный на татарском языке, является, по-моему, большим вкладом в развитие татарско-немецких отношений. Я высоко ценю вашу работу, герр Янгураз, и

рад, что в Восточном министерстве есть такие способные сотрудники. Надеюсь, что вы выступите и перед легионерами и агитаторами на острове Узедом. За ваши успехи!

Утром Шамсир провожал Янгураза на поезд. На вокзале он завел разговор о вчерашнем дне:

- Ты, кажется, старался не упоминать неприятные для нас места из книги "Майн кампф"?

-Да. Там есть разные мысли. Если не хотим нелепой смерти, лучше не замечать некоторых неприятных для нас вещей. Только так мы сможем помочь здесь друг другу.

- Это верно, на чьей земле живешь, того песню и поешь. Мир несправедлив: коровы только потрутся, муху раздавят.

- Может не такие уж мы и мухи? Наши предки сотрясали всю Европу так, что до сих пор некоторые смотрят на нас с уважением как на потомков грозных завоевателей, от которых, правда, осталась одна тень, тень великой славы, падающая и на нас.

- Верно. Твое выступление в целом было очень интересным. Многие, кто слушал, терзались муками за свой народ. Задел ты их за живое. Я по их глазам видел, что они задавались вопросом: а что, татары хуже немцев или русских? Вот так нужно просвещать наших парней!

- Спасибо, Шамсир абы, за добрые слова. Кажется, и майору кто-то вчера успел сообщить о реакции слушателей на выступление?

- В армии, в легионе тоже, это в порядке вещей. У абвера всюду свои глаза и уши.

Янгураз запрыгнул в вагон перед самым отправлением поезда. Он был чрезвычайно доволен результатами своей поездки...

8

Рамзи встретил Янгураза шутливыми упреками да намеками:

- Пропадаешь где-то, а тебя тут все ищут, найти не могут...

- Кто ищет?

- Еще спрашивает, хитрец! Кто же, кроме девушек?! Все красавицы по тебе сохнут. То Халима тебя спрашивала, то Риночка, а то и вовсе какая-то загадочная Софи! Надо же! Ни один мужик тобой не интересовался. Правда от Ишкая письмо пришло. Адреса твоего он не знал и написал в Татарский комитет, там я его послание и получил.

Прежде всего Янгураз прочитал письмо Ишкая. Он писал, что довольно сносно обосновался в Баварии, восхищался местной природой. Жаловался, что не с кем поболтать на своем языке, что рукой подать до границы со Швейцарией, звал друга в гости: "Познакомлю тебя с такой немочкой - пальчики оближешь! Тем более ты по-ихнему тараторишь, а это в любовном деле в наших условиях большой плюс..."

Янгураз усмехнулся: шутник, однако!.. И вдруг вспомнил слова тех раненых офицеров-попутчиков и задумался: "Ишкай пишет, что граница со Швейцарией недалеко. Возможно, это путь к отступлению в случае поражения вермахта? Во всяком случае, надо съездить к Ишкаю...

Рамзи прервал его мысли:

- Знаешь, честное слово, больше я в магазин Вайзеров ногой не ступлю!

- Почему? - спросил Янгураз. - Говори яснее. Продовольственных карточек не хватило, что ли?

- Наоборот. С карточками все в порядке. Протянул я их фрау Эве, а она их обратно сует, да еще пакет с продуктами вручает. Как это понимать? Где ты видел такое? Просто в голову не лезет!

- Зато в горло полезет... Значит, ты этому удивился?

- Ну, да. Ты ведь знаешь, недавно уменьшили норму продуктов, выдаваемых по карточкам, а между тем эта госпожа... Слушай, может она не в курсе, что нормы уменьшили...

Янгураз усмехнулся:

- Нам же лучше. Еды побольше будет. Говорят, гостинец живот не оттягивает.

- Это, конечно, хорошо, слов нет. Но мне стыдно как-то, понимаешь, за тебя стыдно. Только зашел в магазин, как фрау Эва начала расспросы: "Почему герр Янгураз не появляется? Он вернулся из командировки? Не заболел ли?" Только отвертелся. как ее муж начал...

- Ну и ?..

- Ну, и снова я изворачиваюсь, вру как не знаю кто, надо же тебя выгородить.

- Зачем врать-то? Ведь меня действительно не было в Берлине.

-Кто тебя знает? Ты, оказывается, и находясь в городе не заходишь к ним. Нельзя же, в конце концов, обманывать их надежды... Ты посмотри, что в этом пакете - гора продуктов!

- Прекрасно! - улыбнулся Янгураз.- Значит, ты преодолел все трудности.

- Не ухмыляйся, слушай дальше. Не успел я отстреляться с папашей, как из задней двери появляется обворожительная Рина. Как назло, в магазине ни одного покупателя. Само собой, Риночка - это небесное создание - спрашивает таким ангельским голосом: "А почему господина Янгураза не видно? Где он? Не болен ли?"...

- Смотри-ка, как внимательны к нам эти Вайзеры, - сказал Янгураз. - Они не похожи на татар. Однако как стараются прикрепить нас к своему магазину! Настоящие торговцы!..

Убирая провизию в шкаф, Рамзи благодушно ворчал:

- И за что только тебя девушки любят, парень? Что в тебе такого особенного, завораживающего, а? Не сходишь прямо таки у них с уст. Да-а, теперь я понимаю, почему ты не торопишься приглашать сюда Халиму. Слушай, ты хлопочешь насчет паспорта для нее? Моя зазноба уже вольный человек, отработала год. Теперь она без всякого разрешения может приходить к нам и даже оставаться ночевать.

- Добыть паспорт нелегко, - ответил Янгураз. - Но можно. Только не надо суетиться, торопиться как Халима.

- Кажется, между вами Рина встала?

- О Боже! Вы даже не представляете, сколько у меня забот - голова кругом идет! Дело не в одной Халиме. Нужно будет позаботиться обо всех татарах-остарбайтерах.

Янгураз сунул руки в карманы брюк и встал возле окна. Невольно он стал наблюдать за людьми, которые входили в магазин Вайзеров. А мыслями он был внутри магазина. Янгураз уже не мог отрицать, что Рина тянется

к нему. Она оказалась настолько смелой, что превзошла ожидания Янгураза.

Однажды в конце июня Янгураз зашел в магазин, за прилавком как раз стояла Рина. Время было послеобеденное, стояла жара. На Рине был красивый голубой халат с отложным воротником, вышитым канителью. На голове красовался голубенький беретик.

Рина обслуживала двух старушек и не сразу заметила Янгураза. Увидев его, она просияла радостной улыбкой и, едва старушки ушли, заговорила:

- Добрый день! Вас давно не видно, вы уезжали из Берлина?

- Да нет, я был в Берлине, просто в магазин посылал своего друга.

Тут Янгураз заметил в ушах девушки красивые сережки и не удержался от восхищения:

- О-о, какая вы сегодня красивая! Как вам идут эти сережки! Шен уурин!

- Спасибо! - поблагодарила Рина и, не удержавшись, рассмеялась. - Вы... вы очень внимательный. Только надо говорить "оорин", а "уурин" это вот что! - И она показала на свои наручные часики. - Извините, что поправила вас. И это не важно, я все равно вас поняла.

Янгураз покраснел от досады и смущения. Надо же: вместо "ухо" сказать "часы"! Но он старался не выдавать своего смущения, тем более что Рина сама поспешила ему на помощь:

- А сережки - это подарок в честь окончания гимназии.

- О-о, вы уже закончили гимназию? Поздравляю!

- Спасибо! А тех, кто поздравляет меня, я обычно угощаю. Какой напиток вы предпочитаете?

- О, нет-нет! Спасибо!

- Не принимая его возражений и извинений, Рина достала из холодильника апельсиновый сок и разлила его по бокалам.

- Сегодня жарко, - констатировала она, протягивая ему бокал с соком. - Айн оранженсафт, ладно? А тетя Берна права, вы действительно такой внимательный и любезный. Другие даже не заметили сережки!

- За успешное окончание гимназии!

Зря он отказывался: в такую жару прохладный апельсиновый сок оказался как нельзя кстати.

Но Рина опять смутила его своим вопросом:

- В магазин отправляете товарища, а сами в это время развлекаетесь в Тиергартене, да?

Янгураз улыбнулся в ответ:

- Только по воскресеньям.

- А мне по воскресеньям надоело ходить в церковь,- пожаловалась Рина. - Хочется пойти куда-нибудь в другое место... А в Тиергартене весело?

Янгураз понял намеки девушки и тут же поклялся себе впредь ногой не ступать в этот Тиергартен и не встречаться с остарбайтерами, которые могли запросто скомпрометировать его. Правда, Тиергартен огромный. И если не крутиться возле танцплощадки и ресторана "Ам цоо", вероятность встречи со знакомыми очень мала.

- В Берлине и кроме Тиергартена много мест, где можно отдохнуть,- сказал он. - Негоже отмечать окончание гимназии стоя у прилавка. Если не возражаете, я приглашаю вас в воскресенье сходить куда-нибудь.

- Не возражаю! - воскликнула Рина. - Я согласна!

В магазин уже кто-то входил, и Рина проворно, как ее мать, положила в пакет продукты, совершенно не обращая внимания на карточки Янгураза.

- Об остальном договоримся по телефону. Я сама позвоню, - сказала она на прощание.

- Янгураз невольно залюбовался легкими, ловкими движениями продавщицы Рины. Вот тебе вчерашняя гимназистка! Да она по торговой части еще превзойдет свою мать. А как улыбается! Правда, она немного посмеялась над Янгуразом, но не для того же, чтобы поиздеваться, просто ей было смешным как он разговаривает по-немецки. Может, такие поправки помогут Янгуразу усовершенствовать немецкий? И еще Янгуразу хотелось бы выяснить: кого же она видит в нем? Потомка экзотических гуннов? Или потенциального жениха?

После их первой встречи Янгураз попытался найти в библиотеке какую-нибудь литературу о гуннах. Справка в энциклопедии еще более разожгла его любопытство. Хотя там и были упоминания о великом рыцаре Аттиле, завоевавшем земли современной Германии и близлежащие территории, о знаменитой Каталонской битве, все

же связь гуннских племен с татарами не прослеживалась. Откуда же совсем юная немецкая девушка знает об этой исторической связи? Большинство татарских девушек ее возраста заняты вышиванием, вязанием и прочими женскими делами, но никак не изучением исторических событий.

И все же поиски не пропали даром. В одном из книжных магазинов Янгураз купил книги Лютера и Ницше, именно те, которые советовал его шеф, господин Унгляубе. В университете начались летние каникулы, так что времени для чтения будет предостаточно. Безусловно, эти книги помогут познать немецкий дух. Их можно будет использовать и в подготовке радимопередач для татар. Его старания не должны остаться незамеченными влиятельными лицами Германиии. И его взаимоотноше-ния с Риной будут выглядеть не как флирт, а как стремление к познанию германского духа, и никто уже не сможет обвинить русландтюркена в развращении немецкой девушки.

Рина позвонила уже в субботу и сообщила, что сможет пойти с Янгуразом только после возвращения из церкви.

Первое воскресенье июля выдалось теплым и солнечным, поэтому Янгураз удивился, увидев Рину в белой блузке с кружевным воротником и атласных шароварах желтого цвета. Наверное, во всем Берлине не было девушки, одетой столь оригинально. Талию Рины туго обхватывал белый пояс, отделанный серебряной нитью, на пальчике красовалось кольцо, в ушах - серебряные сережки.

В ответ на удивленный взгляд Янгураза Рина, довольная засмеялась:

- На свидание с русландтюркеном я решила прийти одетой в восточном стиле. Нравится?

- Бесподобно! На тебя, наверное, все оглядывались?

- Всю дорогу, - с удовлетворением констатировала девушка. - Мама смеялась мне вслед: "Настоящая Шахерезада!" Теперь осталось найти своего султана!

- Я сегодня попробую исполнить эту роль. Ладно?

- Постарайся! И куда же мы пойдем?

- Погуляем вдоль Шпрее, а потом посидим в одном из ресторанов на Унтер ден Линден.

- Зер гут. В Тиергартен, стало быть, не пойдем?
- Я думаю, ты бывала там не раз.
- Но с тобой ни разу!..

Перейдя с одной линии метро на другую, они вышли на станции Фридрихштрассе. Это был центр города, потому улицы и дома здесь были особенно красивы. Янгураз не переставая восхищался архитектурой театральных зданий, учебных заведений и церквей, общественных зданий, а также уютными скверами и старинными площадями, скульптурными памятниками и яркими газонами. В выходные дни уличное движение здесь утихает, в ресторанах и пивных барах народу бывает мало. Рину не особенно интересовала архитектура, она шла размахивая маленьким белым ридикюлем и больше глазела на катера и лодки, сновавшие по Шпрее. Молодые люди лакомились мороженым, крем-содой и, наконец, вдоволь нагулявшись, зашли в ресторан, расположенный в одном из узких переулков Унтер ден Линден. Пол ресторана был выложен белым мрамором, потолок отделан зеркалами, а стены выкрашены в белый цвет. Легкие белые столики отличались друг от друга только украшающими их букетиками цветов. Стеклянные витрины заставлены вазами с фруктами, бутылками с золотистыми этикетками, яркими коробками с кондитерскими изделиями.

Официант приветливо поздоровался и принял заказ. Через пару минут на столе уже красовался трофей из Франции - бутылка шампанского, а также фруктовый сок, ваза с апельсинами. Рина пожелала отведать и пилц-рагу, но Янгураз не знал, что это за блюдо. Оказалось,, кушанье из грибов. Заказали также две порции тушеной капусты с жареной индейкой.

Этот ресторан, приютившийся чуть в стороне от шумной улицы, был наполовину пуст. Тихо играла музыка, что лишь располагало к задушевной беседе. Рина опять удивила Янгураза: заказала турецкие сигареты.

- Разве ты куришь?

- А что? Я теперь совершеннолетняя и могу делать все, что захочу!

- Янгураз не стал спорить и выполнил просьбу девушки. А чтобы сделать ей приятно закурил и сам. С тонким ароматом, турецкая сигарета была совершенно некрепкой. И тем не менее у Рины выступили слезы.

Вынув носовой платочек, она сделала вид, что хочет чихнуть. Потом с виноватым видом сказала:

- От нее, оказывается, в горле першит. А я хотела до конца сыграть роль...

Янгураз не скрывая улыбки разлил по бокалам фруктовый сок, подоспевший официант, ловко открыл шампанское и наполнил фужеры:

- Угощайтесь, господа!

- Ну, - поднял фужер Янгураз, - поздравляю тебя со вступлением в мир взрослых!

- Бокалы зазвенели. Холодный напиток приятно разлился по жилам, расслабил тело. Рина повертела наполовину пустой фужер:

- Как вкусно! Смотри, со дна поднимаются золотистые искорки, будто внизу горит крохотный костер.

- Это лучи солнца, превращенные сначала в виноград, а затем в напиток, в энергию, обладающую способностью продлевать нашу жизнь, и пока эта энергия не вышла, надо выпить его!

Рина опустошила фужер и глубоко вздохнула:

- О, кажется, голова кружится! Что, если я захмелею?

- Отнесу тебя на руках домой!

- На руках? - прыснула девушка. - До дома же далеко, рыцарь!

- Не беспокойся, остановлю такси.

- А-а... Послушай, почему ты не отпустишь усы?

- Тебе нравятся усатые?

- Нет. - Рина замялась. - Но усы вроде бы говорят об удальстве мужчины. Может, только у отважных мужчин растут усы?

- Тебе нравятся удалые и отважные?

- Да. Но только не такие как Пауль.

- А кто этот господин?

- Господин? Хи-хи-хи!.. Это один молокосос, учились вместе в гимназии. На выпускном вечере он полез ко мне целоваться, глупец. Я, конечно, не позволила.

- Почему?

- Не нравится он мне. От горшка - два вершка, а все туда же... Да и достоинств у него никаких.

Выпуская колечки дыма и продолжая слушать Рину, Янгураз с интересом осматривал зал. Потом снова наполнил фужеры.

- Мне хочется выпить,- призналась Рина, - но я боюсь... А здесь так интересно.

- Что именно?

- Стены такие... Смотри: мы отражаемся и там, и там. Однако мне становится жарко. Интересно, как в жарких странах ходят в таких шароварах?

- В Африке не просто жарко, а очень жарко. Тамошним унтерменшам, наверное, и стыд неведом.

- Ну уж... Мама говорила, что мусульманки так одеваются. А как одеваются ваши девушки?

- Так же, как здешние.

- А тебе нравится наш Рейх?

- Очень. Особенно такими девушками, как ты.

- Тогда почему встречаешься с остарбайтерами?

- По долгу службы. Я же работаю в Восточном министерстве, дорогая. А домой их приглашает мой сосед.

- Рина, кажется, не поверила, но виду не подала и продолжала задавать вопросы. Янгураз удивился ее осведомленности. То ли она сама каким-то образом увидела, то ли фрау Берна передала?

-А у себя на родине ты чем занимался?

- Учился.

- Где?

- В институте, в Татарстане.

- А где этот город?

- Это не город, а республика на берегу Волги. Река Волга по-татарски называется Идель. Мы, татары, относимся к русландтюркенам, хотя в действительности Россия к нам не имеет никакого отношения, когда-то она сама называлась Татарией.

- Тартарией?

- То есть Татарстан.

- Интересно. Там есть большие города?

- Есть.

- А такие рестораны?

- Да.

Рина некоторое время сидела молча, не сводя глаз с Янгураза. А Янгураз, словно желая удивить ее еще, продолжил:

- Знаешь, Идель - самая длинная и широкая татарская река, длиннее и Эльбы, и Рейна, и даже Дуная. И самая глубоководная. А по берегам ее растут густые леса, тя-

нутся зеленые луга, возделанные поля. Эти земли историческая родина татар.

- Тебе хочется туда вернуться?

Янгураз не зная, как ответить, сначала не торопясь потушил в пепельнице сигарету. Потом с грустью в голосе спросил:

- А ты хотела бы, чтобы я вернулся туда?

- Не-ет!

- Спасибо! Тогда я постараюсь остаться в Германии.

- Сказал так Янгураз, а сам с тоской вспомнил Агидель, свой родной аул, молодежные посиделки с гармонью, костры на берегу, купания нагишом... Словно вчера только он любезничал с девушками в тени раскидистой черемухи, веселился вместе с парнями возле клуба, где раньше была мечеть, у которой потом снесли минарет. В один из теплых летних вечеров провожал он самую красивую девушку аула, и возле ее дома, под кудрявой березой спросил шутя: "Когда же мы с тобой вместе попаримся в баньке с веником из этой березы?" "Бесстыдник!" - воскликнула она рассердившись. Может, она и не сердилась вовсе. Во всяком случае, в темноте он не видел ее лица и не знал, как подействовали его слова. Кажется она не обиделась, а только сделала вид. Может быть, в этот момент ему нужно было обнять и поцеловать ее? Но Янгураз на это не отважился, ведь ему тогда было всего восемнадцать лет и в душе он был робким юношей, хотя был уже студентом Казанского института и любая девушка его аула посчитала бы за счастье позволить ему проводить себя до дому! Кто знает, может и та красавица вовсе была не прочь попариться с ним в баньке? Но только теперь об этом даже мечтать не приходится. С кем лю-безничает сейчас под той березой красавица, с которой Янгуразу никогда уже не попариться в жарко натопленной бревенчатой баньке? Остались ли в деревне парни, с кем могли бы посекретничать девушки? Почти все, наверное, на фронте, кто-то уже погиб, кто-то, как Янгураз, пропал без вести. Вместо того, чтобы вместе с той красавицей, растить детей и выращивать хлеб, или учить детей после института, Янгураз вынужден сидеть здесь, среди этих каменных стен, за тысячи километров от родной Агидели. Стены здесь крепкие, дома красивые, только Янгураз чувствует себя как соловей в золотой

клетке, как птица, вынужденная петь в чужих садах чужие песни. Сможет ли он петь в этих садах, и какие песни польются из его уст?..

Сердце Янгураза сжалось от тоски, и он на какое-то мгновение забыл, что сидит рядом с Риной в одном из берлинских ресторанов.

- О чем ты задумался?

- Что? Да так... Думаю, зачем красивой немецкой девушке Рине хочется, чтобы я остался в Германии?

- Тетя Берна хвалит тебя, говорит, что ты хороший парень.

- И ты веришь ей?

- Д-а-а.

- Интересно. Но... я же не немец.

- Янгураз хотел сказать : "Не ариец". Но сдержался. А Рина подняла бокал с вином и сказала:

- А я тебя... Я из тебя, если хочешь, сделаю настоящего немца!

Снова зазвенели бокалы. Потом принесли горячие блюда, и Янгураз с Риной не торопясь принялись за еду.

Янгураза поразила такая самоуверенность юной немки. Откуда это? Шампанское в голову ударило? Или это от осознания принадлежности к великой нации? Из чего сделана эта девушка? Кем взращена?

- Чьи произведения тебе больше нравятся?

- Не ожидавшая такого вопроса Рина посмотрела на него чуть удивленно, отложила вилку, глотнула сок, вытерла губы салфеткой и ответила:

- Шиллера. И маме он нравится. А отец, - тут она перешла на шепот, - признает только Грасиана. Он - космополит!

- Какого Грасиана?

- Ну, есть такой мыслитель. То ли испанский, то ли итальянский. Дядя Фриц, кстати, тоже им зачитывается. А тетя Берна смеется: "Для Фрица "Oraculo" Грасиана все равно что Библия для верующего".

- Чем же он интересен?

Сама не знаю. Ну, пишет, например, что гнилое дерево даже если и зацветет, плодов дать не сможет. Так это же любому известно! "Каждый находит то, что ищет, - пишет Грасиан. - Пчела - мед, змея - яд". Отец читает и восхищается им. Странно! Как будто нужно быть вели-

ким, чтобы написать это! И еще: "Лучше искать мед, чем тлетворный яд". Подумаешь!

- Ценные мысли.

- Ценные, но ведь и яд иногда бывает полезен. Для одного он яд, а для другого - лекарство.. Почему змея символ фармацевтики?

И вновь Янгураз удивился, оказывается, девушка, способна еще и самостоятельно мыслить. Но больше он удивился, когда хотел расплатиться с официантом. Рина захотела заплатить за себя сама. Видя их тщетные споры, официант улыбнулся и поддержал девушку:

- У нас так принято.

- Видимо из их разговоров он понял, что Янгураз не немец.

После этого вечера у Янгураза одна за другой начались командировки. В перерывах между ними он успевал лишь заскочить в магазин, чтобы немного поболтать с Риной. Девушка как всегда была приветливой, но Янгураз ограничивал общение с ней. То ли его настораживала ее самонадеянность: "Я из тебя сделаю настоящего немца!", то ли из-за последних событий на фронтах у него просто не было настроения. Но как бы то ни было, Янгураз не забыл выразить своего почтения - привез из Парижа подарки Рине и другим Вайзерам.

Начало 1943 года для Германии оказалось тяжелым: привыкшие только к победоносным наступлениям, германские войска начали сдавать одну позицию за другой, хотя в январе и призвали в армию два миллиона новых солдат, а в мае взяли на фронт тридцать пять мужчин из каждой сотни и поставили под ружье даже часть квалифицированного персонала военных заводов. Англо-американский десант вытеснил немцев из Северной Африки. После Сталинградской битвы была прорвана блокада Ленинграда, наступление на Курской дуге захлебнулось и в довершение всему почти вся Украина ушла из рук немцев. Если неудачи в Африке объясняли слабостью итальянцев, то чем можно было объяснить поражение отборных немецких дивизий, даже таких, как "Адольф Гитлер" и "Мертвая голова" на Восточном фронте?

Янгураз понимал, что такие события на фронтах не принесут радости Германии, но старался не падать духом и верить, что его активная деятельность принесет свои

плоды и откроет перед ним новые возможности. Человек никогда не может знать, где он выиграет, а где проиграет, но он никогда не должен прекращать своей активной деятельности.

Вернувшись с такими мыслями домой, он решил, что пора позвонить спасенной им женщине - фрау Софи.

- Алло, фрау Софи? Это вы? Рад, что застал вас дома, это ваш попутчик Янгураз... Мне передали, что вы звонили. Спасибо. Я только сегодня вернулся из очередной командировки... Пока все хорошо... Думаю, что и вы оправились от стресса после той бомбежки....В гости? Может нам встретиться в каком-нибудь кафе? Скажем, в следующее воскресенье. Вы знаете кафе возле сада Халлешестор? Там очень уютно и музыка играет. Там мы могли бы хорошо посидеть, отдохнуть. Значит, в шесть часов вечера? Договорились. Спасибо, буду ждать!

Следующее воскресенье выдалось теплым. Сад Халлешестор благоухал. Солнце еще не село, весело порхали бабочки, щебетали птицы, у ног отдыхающих пенсионеров ворковали голуби. Фрау Софи шла светясь радостью и издали приветливо поздоровалась с Янгуразом. Одета она была в белую блузку и белую юбку, в руках держала маленький белый ридикюль. Весь ее вид - тщательно уложенные густые каштановые волосы, кожа лица говорили о том, что она следит за собой и не по одному часу просиживает перед зеркалом...

Поздоровавшись они заняли один из свободных столиков на открытой площадке перед кафе.

- Вы настолько заняты, герр Янгураз,- посетовала фрау Софи,- не позвони я сама, мы так и не встретились бы...

- Извините, фрау, положение теперь такое - ни минуты свободного времени.

- Да-да, понимаю, но ведь человеку и отдых необходим. Не так ли? А вы, кажется, не берлинец?

- Вы правильно угадали.

- Значит, вы здесь гость. Тогда я, как коренная берлинка, смогу познакомить вас с нашим городом.

- О, несомненно, фрау Софи.

- Сначала я подумала, что вы грек, но когда назвали свое имя, я, право, оказалась в замешательстве.

- О, какие романтичные предположения! - улыбнулся Янгураз. - Все гораздо проще: я из России, точнее русландтюркен.

- Вирклих? Никогда не подумала бы! - искренне удивилась она.

- Вы разочарованы?

- Нет-нет, что вы! Спасителя не выбирают, его посылает Бог, а я могу быть только благодарной ему.

- Увидев приближающегося официанта, Янгураз спросил даму:

- Чем же угостить вас?

- О, нет! Сегодня я угощаю! Раз вы не приняли моего приглашения домой...

- По-моему, у немцев не принято принимать гостей дома.

- Но ведь я сама вас приглашаю. И причина для этого достаточно веская. Я и мои родные очень хотим видеть вас у себя дома.

- Спасибо! В будущем, возможно, приму ваше приглашение, если вы не передумаете.

- Вы чересчур осторожный,- с улыбкой заметила дама.

В эту минуту к их столику подошел пожилой мужчина.

- Добрый вечер! - поздоровался он. - Не возражаете, если я сяду за ваш стол?

- Несмотря на теплый вечер, этот широкоплечий, плотный мужчина был в пиджаке и при галстуке. Янгураз несколько удивился его просьбе, так как вокруг было много свободных столиков. Но фрау Софи сразу просияла:

- О, пожалуйста! Господин Янгураз, познакомьтесь: это мой отец, герр Бранд. Он всегда случайно может встретить меня в любой точке города.

Янгураз встал, представился и дружелюбно поздоровался с отцом Софи. Господин Бранд окинул взглядом пустой стол и усмехнулся:

- Однако, небогато!

Сделав подоспевшему официанту заказ, герр Бранд заметил:

- Дочка, этот господин может неправильно понять.. Случайно я могу встретить тебя только в центре города и нигде больше. Я же не виноват, что шел мимо.

- А мы тебе очень рады, папа,- сказала Софи. - Я ведь просто пошутила.

- Скоро стало ясно, что здесь герр Бранд свой человек, потому как к их столику подошел не только официант, но и сам хозяин заведения, почтительно справившись, не желают ли гости пересесть в более удобное место.

- Спасибо, майн герр, но я не собираюсь сидеть здесь долго, оставлю молодых наедине.

- Принесли напитки и кушанья. Герр Бранд поднял бокал с пивом:

- Как я понял, герр Янгураз, вы и есть тот рыцарь, который спас мою дочь от гибели. Итак, за знакомство и за ваше здоровье!

- Не стоит преувеличивать мою заслугу, - скромно ответил Янгураз.

- Нет уж, мой господин, в данном случае Софи права, она все рассказала. Мы, естественно, никогда не забудем это. Данке шен!

Фрау Софи с благодарностью посмотрела на отца и сказала:

- Кстати, в этом вагоне было много боевых офицеров, бывалых воинов. Истинных арийцев! Но как только объявили тревогу, они со всех ног бросились бежать, даже не посмотрев в мою сторону. А герр Янгураз вынес меня чуть ли не на руках...

- Вот, вот! Однако в минуты опасности и рассудок может помутиться, в глазах потемнеть, так что не будем осуждать их. Господин Янгураз, видимо, другой породы. Хвала и честь ему. Вы, кажется, работаете в Восточном министерстве?

- Да.

- Остается только благодарить рейхсминистра Розенберга за таких сотрудников, как вы.

- Герр Бранд посматривая поверх своего бокала вел себя так, будто давно был знаком с Янгуразом. Однако по его испытывающему взгляду Янгураз почувствовал, что герр Бранд появился здесь далеко не случайно. Янгураз поднял свой бокал:

- Я рад знакомству с коренными берлинцами! За ваше здоровье!

- Значит, вы - русландтюркен, азиат?

- Да, герр Бранд, в Германии нас называют русландтюркенами. Но я принадлежу к татарскому народу, а это один из европейских тюркских народов.

- Тартар?

- "Русландтюркен" - это общее название более двадцати тюркских народов. Большинство из них действительно азиаты. Но татары уже более двух тысячелетий живут в Европе.

- Зер гут. Значит фюрер хорошо к вам относится?

- Да. Фюрер намного умнее Наполеона. Если бы Наполеон в свое время пообещал свободу угнетенным Россией народам, ему бы не пришлось оставлять Москву.

- Вирклих! Зер интересант! А чем отличаются тартары от русских?

- Извините, майн герр, мы не тартары, а татары. Мы от русских отличаемся и происхождением, и языком, и вероисповеданием, и культурой.

- Татары до сих пор едят сырое мясо?

- О, Боже! Насколько у западноевропейцев искажено представление о нас! - воскликнул Янгураз, качая головой. - Герр Бранд, может быть, где-то и едят сырое мясо, но татары испокон веков его жарят, варят..., готовят из него разные блюда. И вообще... если бы вы могли знать, какую огромную роль сыграли татары в истории России!..

- Правда? Какую же?

Господин Бранд задавал вопрос за вопросом, не забывая, впрочем, и о грибном салате, а фрау Софи пила только кофе и слушала разговор мужчин. Она не ожидала, что он примет столь оживленный характер. Так интересно и так странно, что этот молодой человек, представитель неведомого им доселе племени сидит в центре Берлина и буквально пичкает ее отца, известного банкира, невероятно интересными фактами из истории.

- Возможно вам трудно поверить, но русские распространяют неслыханную ложь о покоренных ими народах, представляют их дикарями, а себя - цивилизованной нацией, несущей культуру отсталым народам.

- Этим они хотят оправдать себя в глазах всего цивилизованного мира за свои злодеяния и создать мнение, что они охраняют Европу от вторжения дикарей.

Господин Бранд слушал внимательно, не выдавая ни своего согласия, ни несогласия. Он только повторил свой вопрос:

- Возможно. И все же какую роль сыграли татары в России?

- В России нет ни одной сферы жизни, где не прослеживалось бы влияния татар, будь то государственное строительство, военное дело, дипломатия, язык, культура. Вы, наверное, не знаете, что русские писатели Достоевский, Толстой, Тургенев имели татарские корни. Да и не только они, но и многие государственные, военные, общественные деятели. Кроме татар, на развитие России большое влияние оказали и немцы, но гораздо позже. Это, если хотите, наша общая с вами гордость и общая боль, трагедия.

- Ого! - герр Бранд удивленно посмотрел на Янгураза. - Конечно, трудновато вам поверить. Но если хотя бы часть из сказанного вами правда, татары должно быть культурный народ.

- Мне нет нужды обманывать вас. Ведь ложь всегда разоблачается.

- Но это спорный вопрос. Хотя, если верить вам, до сих пор лжи русских верило пол-Европы.

- В Германии есть специалисты, знающие всю правду. Ваши ученые, исследователи истории татар, опубликовали достаточно много трудов.

- Разговор коснулся и других тем. Спрашивал в основном господин Бранд. Янгураз лишь отвечал. Он воздерживался от расспросов о служебном положении или месте работы герра Бранда, полагая, что он сам расскажет, если сочтет нужным. Хотя, может быть, завесу поднимет его дочь. Янгураз не ошибся. При расставании господин Бранд сказал:

- Я очень рад знакомству со спасителем моей дочери. Надеюсь, мы еще встретимся у нас дома. Вот моя визитка. Если возникнет необходимость, можете рассчитывать на мою помощь.

Оказалось, что герр Бранд является директором банка, о чем свидетельствовали его адрес и телефоны на визитке.

Почему-то этой встрече больше радовалась Софи. Хотя она похоже и огорчилась, что ее спаситель не потомок

эллинов, но почувствовала, что Янгураз сразу понравился отцу. Иначе стал бы банкир давать свою визитку!.. А возможно он по имени и номеру телефона уже давно все разузнал о личности Янгураза.. Фрау Софи облегченно вздохнув, словно гора свалилась с ее плеч, закурила тонкую сигарету, пуская кольца ароматного дыма.

- Герр Янгураз, сегодня вы мой гость, - напомнила она. - Мы еще не заказывали горячих блюд. Может закажем что-нибудь и из крепких напитков? Вы что предпочитаете: коньяк?

- А может, нам пересесть куда-нибудь подальше, в более укромное место, пока поздние посетители не заполнили кафе?

Они перешли в уютную двухместную кабинку. Мягкие полукресла, обитые розовым бархатом, низкий столик, на столике маленькая лампа в виде свечи, излучающая мягкий свет, создавали какую-то интимно-романтичную обстановку.

- Весь последний год я была в трауре по погибшему мужу,- с грустью сказала фрау Софи. - Нынче опять с фронта поступают безрадостные вести. Кажется, спокойная жизнь кончается: вражеские самолеты начали появляться над Берлином. Я очень переживаю.

Янгуразу поневоле пришлось взять на себя роль утешителя.

- Это не более чем временные опасения, - заверил он. - Героический немецкий народ несомненно разобьет врага.

- И я так думаю и все же падает настроение когда видишь в небе над германской столицей вражеские самолеты.

- А мы сейчас поднимем настроение!

- Принесли крепкие напитки, горячие блюда. Янгураз поднял тост сначала за Софи, потом за ее отца. Даме пришлись по душе его слова:

- Да, мой отец весьма уважаемый человек, - сказала она. - Всегда очень занят и все же находит время, чтобы уделить внимание и нам. Их в семье было четверо братьев и ни одной сестренки. Родителям так хотелось дочь, а братьям - сестренку. Поэтому, когда родилась я, и отец, и его братья были очень рады. Меня все баловали, любили, лелеяли. Но когда появилась на свет

моя младшая сестра, отцовскую любовь пришлось поделить. Такая вот история, интересно, правда?

- Очень!

- Любовь отца ко мне распространяется и на моих друзей.

- Я и сам это заметил! Иначе стал бы он, такой высокопоставленный господин, уделять внимание рядовому сотруднику какого-то министерства? Никогда! Он это сделал из любви к вам, верно?

- Да, верно. Но и вы сами понравились отцу. Он никогда раньше так живо не интересовался моими друзьями. В вас есть какой-то особый шарм, способный заворожить собеседника! Вы необычный человек. Давайте выпьем за вас!

- О, спасибо!

- Когда я дома рассказала, что один рыцарь спас меня от верной гибели, сестренке тоже очень захотелось познакомиться с вами. Она может и влюбиться в вас!

- Вы преувеличиваете, фрау Софи. Я скоро опьянею, но не от коньяка, а от ваших комплиментов!

- А я, кажется, уже опьянела. После траура я впервые чувствую себя легко и отдыхаю в такой теплой, непринужденной обстановке. Спасибо вам! Рядом с вами я как за каменной стеной. Интересно, а что вы думаете обо мне? Я не утомила вас своими разговорами?

- О нет, нисколько. Мне приятно ваше общество, - признался Янгураз. - Я редко бываю в таком прекрасном настроении. Хорошо бы такой вечер устроить, скажем, еще лет через десять.

- Прекрасное желание. Но почему нужно ждать целых десять лет? Не пойму. Так долго!

- Действительно... Я подумал лишь о тех временах, когда закончится война, утихнет боль, тогда и радость встреч будет несказанно большей. А вообще-то... если у вас найдется свободное время...

- Поскольку у меня ребенок, я работаю на полставки в отделе снабжения Восточного министерства. И мне не трудно будет найти время чтобы встречаться с вами. Может я в чем-то смогу быть вам полезной, потому что один из братьев моего отца очень влиятельное лицо в нашем министерстве.

Когда они вышли из кафе, в небе уже мерцали звезды. Из-за опасений фрау Софи возможности налета вражеской авиации беседу пришлось прервать на самом интересном месте. Но оба были довольны встречей. Янгураз радовался, что сблизился с одной из влиятельных семей Германии, а Софи радовалась, что смогла выразить почтение своему спасителю. А еще оба почувствовали, что в их сердцах произошло что-то другое, очень важное, что зерна взаимной симпатии уже дали всходы, и только трудно было сейчас угадать, какой урожай они соберут.

Утром, придя на работу, Янгураз нарочно, словно невзначай, уронил перед Хайнцем Унгляубе заложенную между страницами блокнота визитку господина Бранда. И сделав вид, что не заметил, покинул кабинет. Но через некоторое время шеф снова пригласил его:

- Не вы обронили эту визитку?

- Ах, да, извините! Действительно, я...

Господин Унгляубе удивился:

- Вы знакомы с господином банкиром?

- Да, - и Янгураз рассказал о происшествии в поезде и вечере, проведенном в кафе.

- Это очень хорошо, что так получилось. Ведь один из Брандов занимает высокую должность в отделе снабжения Восточного министерства, и может нам очень пригодиться. Ваше знакомство с фрау Софи, надеюсь, перерастет в дружбу и оправдает себя во всех отношениях. Не вздумайте обрывать с ней связь!

9

После этого Янгураз решил, что будет часто встречаться с фрау Софи. Однако заботы, хлопоты об издаииманско-татарского бюллетеня", редактором которого был назначен Янгураз, не давали такой возможности. Нужно было набирать сотрудников, готовить материалы, ездить с шефом в командировки, в результате свободного времени оставалось очень мало. Именно в такое напряженное время и позвонил ему, приехавший в Берлин Шамсир. Оказалось, что он привез с собой и материалы для будущего бюллетеня. Они договорились встретиться в центре города в пивбаре "Бисмарк".

После дневной жары приятно посидеть в пивбаре. Толстые стены и мощный вентилятор в окне-иллюминаторе создавали живительную прохладу.. На столиках высокие фирменные бокалы с холодным пивом. Отхлебывая пиво и рассматривая полногрудых золотоволосых красавиц, изображенных на стенках бокала, Шамсир комментировал:

- Посмотри-ка на этих гурий. Можно подумать, что мы не пиво пьем, а целуемся с ними. Надо же: простую вещь создать как произведение искусства.?

Янгураз, наблюдавший за товарищем, выросшем в глухой сибирской тайге, усмехнулся. Шамсир Карагаев все еще не переставал восхищаться атрибутами городской жизни. При упоминании о пиве он забывает обо всем на свете. Пивом Шамсир не просто утоляет жажду - в нем он черпает энергию, вдохновение. Пиво он может пить всегда и везде. Насколько он был непривередлив в еде, настолько постоянен в любви к пиву. Вот и сейчас этот любитель пива, прежде чем прийти сюда, побывал, вероятно, не в одном пивбаре города.

- Мы тоже пожили на свете, называется, а? - усмехнулся он с горечью. - Как пожили-то? Разве можно назвать это жизнью? Помню, в детстве после жатвы всех заставили собирать по краям поля колоски и сдавать их в амбар. Трудодни не выдают, а все голодные. Поэтому выполнив норму мы крадучись снова отправились собирать колоски, на этот раз для себя. Но однажды нас выследили и заявились домой с обыском. Я отвечал, как мама научила: "Ничего не знаю". Так они все-таки нашли за печкой полтора килограмма колосков. Отец в это время находился на лесозаготовительных работах, поэтому арестовали маму и повели ее в контору. Стали угрожать: "За посягательство на колхозное добро посадим тебя на семь лет!" Хорошо добрые люди нашлись, сказали председа-телю: "Сажай, если возьмешься кормить ее семерых детей!" После этого председатель был вынужден отпустить маму... Да... Когда я вырос, отучился в Тюмени и вернулся в село, выбрали меня секретарем комсомольской организации. Однажды получаю указание из райкома: очистить ряды комсомольцев от чуждых элементов, то есть от детей кулаков, духовенства, как политически незрелых. Знаю, если не выполню приказ,

упекут меня самого туда, где Макар телят не пас. Собираю бюро, скрепя сердце составляем список этих чуждых элементов - таких оказалось двадцать семь из пятидесяти. Ну, думаем, дальше Сибири их не пошлют, а мы и так в самой что ни на есть Сибири живем... Не стоит особенно переживать. Смотрим - наутро всех их погнали куда-то на лесозаготовки! Мать честная! Загоревали мы, принесли из соседнего русского села самогонку и давай свое горе заливать, товарищей оплакивать. Тут я хмельной и крикнул во все горло:

Жить стало лучше,
Жить стало веселей!

Кто-то, естественно, донес: Карагаев, мол, издевается над политикой партии. Приехали разбираться, собрали всех комсомольцев. Я не выдержал, рассердился и говорю: "Что сказал нам товарищ Сталин? Что нужно радоваться достижениям социализма. И сказал, что жить стало лучше, жить стало веселей. Вот мы, молодежь, и живем, как учит Сталин, радуясь, празднуя наши успехи!"

В общем, после моей речи дело быстро замяли, а доносчика самого увезли в НКВД.

- Сухим из воды выбрался,- улыбнулся Янгураз.

-Дальше еще интереснее. Я ведь в действительности те слова с издевкой выкрикивал. А энкэвэдэшники, видимо, доложили в районе по всей форме, так, мол, и так, и районное начальство приняло меня за ученика самого вождя и давай звать на руководящие должности. Представляешь?

- Согласился?

- Упаси Аллах! У них чистки еще чаще производили, съели бы меня в мгновение ока. К учителю не так цепляются, да и среди сельчан уважением пользуешься... Однажды собрали отменный урожай: его делили по семь килограммов за трудодень! Невиданное дело: личные закрома колхозников, наконец, наполнились зерном, народ даже стал отказываться от лишнего, и так все под завязку! А я думаю: Россия прожорлива и ненасытна, если мы все излишки сдадим государству, с чем останемся в случае неурожая на следующий год? Нельзя жить одним днем! Начал я ходить по избам и уговаривать: запасайтесь, насыпайте зерно куда угодно, за печку, в баню, в

чулан, куда хотите. Удачи за удачей не бывает. Подумайте о будущем...

- И тебе, наверное, кое-что перепало в тот год?

- Все мое богатство - ветер в рюкзаке да луна в кармане... А следующий год, действительно, выдался неурожайным, и сельчане были очень благодарны мне.

Шамсир снова отхлебнул пива

- Однако я не всегда был таким прозорливым. Когда с началом войны призывников собрали в городе Ишиме, кто-то из толпы крикнул: "Германия сильна, оружия у нее много. Раздавит она Советы". Тут я как коршун налетел на кричавшего: "Если будем едины, никакой враг нам не страшен, свернем шею фашистской гадине!" А теперь вот сижу здесь, комсомолец хреновый. Хорошо еще, что немцы к пленным милосердны.

Шамсир говорил, беспрестанно отхлебывая пиво и дымя сигаретой. Янгураз недовольно заметил:

- Зачем так много куришь?

- Так, если не курить, сигарета погаснет, - нашелся Шамсир.

- Янгураз улыбнулся находчивости друга. А Шамсир посмотрел на черепичные крыши домов, видневшиеся в окне и вздохнул:

- Ты посмотри, какие красивые крыши! Словно рыбья чешуя!

- Янгураз осмотрев зал, добавил:

- Такие вот мастера, трудолюбивые люди и гибнут на фронте. Посмотри по сторонам: сидят в основном старики да юнцы, а те, кто одного с нами возраста, обычно уже комиссован по ранению или инвалид.

Шамсир в это время осматривал стены бара, где были изображены события времен Бисмарка.

- Батыр без ран - не батыр, - отозвался он. - а Германия - страна батыров. Русские тоже горазды биться, зато в мирное время они отъявленные лентяи, неумехи, растяпы. А немцы очень трудолюбивы. Посмотри, какие они строят дома!

Стены бара были расписаны маслом, простенки украшены барельефами, подпиравшие потолок резные колонны - фигурками ангелов.

- Москва, говорят, тоже красивая. А особенно хвалят Ленинград.

- Что такое два красивых города для такой огромной страны? Да и там лучшие здания выполнены чужеземными архитекторами. А разве наши предки не принимали участия в возведении Петербурга? Татар десятками тысяч гнали на строительство этой северной столицы. Тысячи наших предков покоятся под сводами петербургских дворцов. Да и немцы участвовали в возведении Петербурга. Вспомни российских цариц, принцесс и их приближенных, они все были выходцами из германских земель.

- Сейчас потомки этих принцесс живут уже в своем фатерланде, выращивают хлеб, разводят скот, производят оборудование и оружие.. Но живут намного лучше нас.

- Зал почти полон любителями пива. Проворные кельнеры снуют с подносами.. Десятки отдельных голосов сливаются в один неровный гул. Кажется, что здесь никто никого не слушает, а норовит говорить только сам. Для любителей уединения вдоль стен отдельные кабины, в одной из них и сидели друзья.

Янгураз не теряя времени повернул разговор в нужное ему русло.

- В Радоме ты жаловался, что легионеры все еще не освободились от пут коммунистической идеологии. А я сейчас как раз занят вопросом издания такого журнала, который поможет воспитанию легионеров.

- Слышал.

- Я расчитываю и на твою помощь. Он будет издаваться на двух языках, ведь нужно и немцев начать знакомить с историей и культурой нашего народа, а легионеров с успехами германского народа, с политикой Рейха. У тебя большой жизненный опыт, острый язык...

- Ни по-немецки, ни по-русски я хорошо писать не могу.

- Напиши по-русски как можешь. Все равно мы будем переводить. Фрау Вишневская хорошо владеет немецким. Хотя эта особа не лишена великорусских амбиций, пришлось взять ее на работу.

- Что это за особа?

- Она из первой волны эмигрантов, дочь одного белого генерала. Если ее шовинизм будет проявляться, пресечем

в корне. Может ты напишешь что-нибудь уже в первый номер? Что тебе стоит, бывшему политруку?

- Надо подумать.

И Шамсир на самом деле стал думать: что бы такое написать, чтобы задеть за живое легионеров, да и немцев тоже?

Перед Шамсиром, получившим образование в учебных заведениях Тюмени и Свердловска, работавшим учителем и директором школы, участвовавшим в комсомольском и колхозном строительстве, и на фронте очень быстро открылись возможности для карьеры. Хотя его немного недолюбливали за острый язык и ершистый характер, все же его решительность, находчивость, смелость, умение выйти из любой трудной ситуации сделали свое дело: авторитет его неуклонно рос. Может, на это повлиял и недостаток в армии опытных кадровых офицеров, которых изрядно "почистили" перед войной. Однажды, было это на Украине, его подозвал к себе старший офицер и спросил: "Сержант, какой вы национальности?" "Гражданин СССР!" - ответил Шамсир. Полковник усмехнулся: "Очень хорошо. Для такого сознательного солдата как вы как раз есть одно ответственное дело. Вы понимаете языки народов Туркестана?" "В какой-то степени да." "Дело в том, что узбеки, туркмены, киргизы и некоторые другие азиаты не понимают многих приказов, потому что плохо знают русский. Не можем же мы, как в анекдоте, привязать к их ногам сено и солому, и на их языке командовать, куда поворачиваться, "сено" - значит налево, "солома" - направо. Нужно научить их говорить по-человечески, по-русски, чтобы понимали команды. Вы бывший учитель, думаю, с заданием справитесь?" "Надо попробовать". "Начинайте сегодня же!"

Так он получил новую должность. Шамсир не стал с туркестанцами говорить по-татарски, чтобы не относились они к нему по панибратски, но объяснял им все нужные команды. Вскоре стала ощущаться польза от уроков и Шамсира назначили политруком роты. Потом он прошел краткосрочные курсы и вернулся в ту же роту младшим лейтенантом. В бой с противником он уже шел командиром роты. Немцы были превосходно вооружены, имели опыт ведения боевых действий на Западе, были

мобильны, умело маневрировали, огня в боях не жалели. Еще не успеешь выкопать окопы, немец тут как тут, вынуждает отступать. Однажды куда-то запропастилась походная кухня, и бойцы остались на сухом пайке. Разве повоюешь на голодный желудок? Пораскинув мозгами, Шамсир приказал заколоть колхозную свинью и накормить солдат. Голод не заставил повторять приказ дважды. Свинью поймали, закололи, зажарили, съели и двинулись на новый оборонительный рубеж, как вдруг нарвались на заградотряд. Семь чекистов остановили роту:

- Что, позарились на колхозное добро?

Рота молчала. Кто мог донести чекистам? Командир заградотряда спросил еще строже:

- Кто разрешил красть колхозную собственность?

Шамсир спокойно встал перед чекистом, размахивавшим своим наганом, и ответил:

- Я приказал. Походная кухня пропала, сухой паек кончился, рота второй день голодная. На голодный желудок врага не победить. Если не мы, так немцы реквизировали бы колхозный скот.

- Вот какой ты офицер,.. твою мать! Мародер! По закону военного времени за такое преступление грозит высшая мера наказания! От имени военного трибунала... на месте преступления!..

Но прежде, чем он наставил свой наган на Шамсира, раздалась длинная автоматная очередь. Старшина, не дав никому опомниться, вышел из рядов и из автомата уложил весь заградотряд. Шамсиру ничего не оставалось как приказать:

- Срочно закопать!

Никто не обронил ни слова, только слышался скрежет лопат, да летели комья земли. Немного спустя Шамсир напомнил солдатам:

- Скажем спасибо тому, кто избавил нас от штрафбата или смерти и забудем его имя! Кто проговорится, получит пулю в лоб!

Впрочем угроза была уже лишней. Солдаты, ежедневно, ежечасно смотревшие смерти в лицо, лютой ненавистью ненавидели заградотрядовцев, ошивающихся где-то во втором или третьем эшелоне фронта и при этом с презрением относившихся к простым бойцам. Вскоре ро-

та выступила в поход, оставив за собой лишь холм, покрытый зеленым дерном.

После этого Шамсир был ранен и полтора месяца пролежал в Арзамасском госпитале, откуда был направлен на Ленинградский фронт. Здесь он в звании лейтенанта принял новую роту. Когда в жестоких боях был ранен командир батальона, Шамсиру было приказано заменить его. Шел ноябрь сорок первого, ряды бойцов редели, против потрепанного батальона шли по крайней мере два полка немцев. Больше суток у бойцов не было крошки во рту. На них беспрестанно сыпались бомбы и снаряды. К вечеру стало известно, что к ним в тыл прорвались вражеские танки. Если бы батальон продержался до темноты, возможно, сумел бы отступить и избежать гибели. Но он оказался между двух огней, что приблизило трагическую развязку. Зная, что патронов осталось наперечет, Шамсир скомандовал: "В рукопашную!" Он первым выскочил из окопа. Однако не помнит, удалась ли контратака, потому что тут же получил пулю в голову и рухнул как подкошенный. Когда пришел в себя понял, что находится в плену. Фельдфебель, знавший по-русски, стал вести допрос. Майор, ходивший взад-вперед по тесной избе, внимательно слушал ответы пленного. Шамсир помнит, как на вопрос фельдфебеля, умеет ли он читать-писать, иронически ответил: "Нет".

"Идиот!" - обругал фельдфебеля майор, не отрывавший глаз от советского офицера. - Не видишь что ли, он в форме обер-лейтенанта!"

В разгар боя раненый Шамсир не успел, прежде чем потерять сознание, сорвать с воротника офицерские звездочки.

Майор сам принялся допрашивать Шамсира.

"Вы славно бились. Из каких частей?"

Вспомнив, что в батальоне было довольно много бойцов с широкими скулами и раскосыми глазами, Шамсир с серьезныи видом ответил:

"Из гуннских. Прибыли защищать землю предков". "О-о, гунны, - оживился майор. - Зер интересант! Гунны и социализм! Кем вы были до войны?" "Учителем". "Понятно. А я, камрад, профессор истории. Я знаю, что в нас, немцах, течет частица гуннской крови. Мы тоже строим социализм, но совершенно другой, не такой, как

у вас. Мы не трогаем частную собственность, не запрещаем религию, уважаем образованных. Мы несем Востоку цивилизацию. Понимаете?"

Голова раненого Шамсира раскалывалась от боли, но он все же нашел силы сыронизировать: "Нам русские уже принесли цивилизацию: пьянство, вшей, рабство. Они уничтожили наш алфавит и добрались до языка."

Майор изумленно спросил: "Скажите, до того, как попасть в плен, вы могли высказываться так?" "Смотря где и кому". "Зер интересант! Да... Но мы не будем забывать, что находимся на фронте, поэтому вернемся к делам военным. Обер-лейтенант, какие у вас силы остались в резерве?" "Откуда мне знать, я не штабная крыса. Если бы резервные силы были недалеко отсюда, они наверняка пришли бы на помощь."

Майор в задумчивости смотрел на Шамсира.

"Вы мужественный солдат. Давайте запишем, что вы сдались в плен добровольно? - Увидев недоумение Шамсира, он пояснил: - К таким в Рейхе относятся более милосердно. Дело в том, что пленных очень много, настолько много, что вы не можете себе даже представить. Астрономические цифры. Всем еды не хватает, медицинской помощи тоже. Среди остальных вы погибнете". "Не стоит,- ответил Шамсир. - Нам везде уготован один и тот же рай: голод и холод. Да здравствуют великий Сталин и великий Гитлер!"

Майор усмехнулся, потом пробежал глазами заполнен-ный переводчиком протокол допроса, и что-то дописал, поставив свою подпись. Потом еще раз добродушно улыбнулся:

- Вы должны выжить, гунн!

Хотя Шамсир и не знал, что именно вписал майор в протокол допроса, но справедливо предположил, что благодаря именно этому майору он попал в лагерь пленных офицеров под Берлином. Здесь тоже были плохие условия, мало еды, но все же можно было существовать. Именно отсюда осенью 1942 года его перевели в лагерь Вустрау.

...Все эти события с быстротой молнии пронеслись в голове Шамсира, и он решил обо всем написать в журнал.

- Я напишу, - пообещал он Янгуразу.

- Этого недостаточно. Может, найдешь среди легионеров таких, кто также умеет писать, и кому есть о чем написать?

- Поищу. Хотя успею ли? Скоро меня переведут в Берлин, в татарскую редакцию радио.

Янгураз уже слышал об этом, но не подал виду:

- Вот и хорошо. Чаще будем встречаться, советоваться. Объединив усилия, мы сможем достичь больших успехов. У меня возникла мысль: собрать в Узедоме творчески настроенных и одаренных соплеменников на отдых, и там заняться вопросами национального воспитания.

- Благое намерение. Готов присоединиться.

- Договорились!

- Что слышно о Рамзи и Ишкае?

- У них все в порядке, добились, кажется, того, чего хотели. Нетяжелая работа, хорошая кормежка, и есть даже женское окружение. Заботиться только о себе всегда легче.

- Тоже мне татарские интеллигенты!

В одном из уголков пивбара затянули песню, а за соседними столиками подхватили:

"Мальчик видел ро-озы..."

От этой песенки повеяло мирным временеми, романтическими грезами... Песня заглушила разговоры и шум в баре, а звон бокалов лишь усилил ее очарование. Шамсир обвел взглядом зал и сказал:

- Действительно, их социализм совершенно не похож на наш. Народ сытый, веселый, ошушается здоровый дух. Попробуй в СССР назвать пивнушку, например, именем Петра Первого! Побоятся. Везде двуличность.

Янгураз посмотрел на часы:

- Может, пора закругляться?

- Спешишь?

- Перед началом учебного года хотелось бы сделать как можно больше дел.

- Знаешь, плывут как-то на лодке по Оби два жителя Крайнего Севера: муж и жена. Супруга гребет, а супруг сидит на корме и трубку курит. Курит и думает: "Женето хорошо, гребет себе и гребет, а мне о будущем надо думать". Вот так и я, друг мой, посижу-ка еще, подумаю, а ты иди, иди. Спасибо за компанию.

Когда Янгураз ушел, Шамсир повторил заказ. В "Бисмарке" подавали лучшие сорта пива и сигарет здесь был большой выбор. Отчего же не посидить еще, не отдохнуть? Тем более на самом деле есть о чем подумать.

... В плену, придя в себя, Шамсир начал задумываться о своей судьбе. По категорическому утверждению Сталина, советский солдат не должен сдаваться в плен, а должен драться и побеждать, либо, пустив последнюю пулю в лоб, геройски погибнуть. В противном случае он становится изменником родины и теряет всякую возможность оправдаться. Даже если кому-то удавалось убежать, пересечь линию фронта и добраться до своих, он все равно был обречен на верную смерть, поскольку таких солдат бросали как пушечное мясо в самое пекло. Эти бедолаги шли в атаку в первых рядах и редко кто доживал до слудующей атаки... Шамсир сам видел все это своими глазами. Еще страшнее была участь тех, кто не мог бежать из плена. Родина фактически отрекалась от них, и когда освобождались территории, на которых находились концлагеря, оставшихся в живых пленных отправляли в тюрьмы, на каторгу. Кому-то из русских еще может повезти: их могут пожалеть или даже поверить, что попали в плен не по своей воле. А вот нерусским куда тяжелей. Энкэвэдэшники и в мирное время высунув язык охотились за "буржуазными националистами", а уж в военное время им ничего не стоит националистов из числа бывших пленных обвинить "в пособничестве врагу", в "попытке развала страны"... Одним словом, позади бездонная пропасть! Остается лишь одно: во имя жизни свои надежды, свои помысли связать с чужбиной, на которой ты оказался.

В лагере Шамсир стремился узнать всю правду о фашистах. В Союзе их нещадно ругали, обвиняли в шовинизме, расизме, называли лжесоциалистами... И вдруг после подписания в 1939 году германо-советского договора о ненападении Германию объявили дружественной страной, а ее руководство, в том числе Гитлнера и его национал-социалистическую партию рабочих стали представлять как защитников народных интересов. Не только Шамсир, многие недоумевали не зная кому и чему верить. Более того, когда гитлеровцы вторглись в

СССР, Советское правительство снова принялось чехвостить "коварного врага", "злостных фашистов".

На фронте не пришлось искать истину. Там все было предельно ясно: немцы - исчадие ада, наши - герои. В лагере для военнопленных времени для раздумий оказалось предостаточно. Но здесь человек больше думал о том, как выжить, как раздобыть пищу, чтобы не умереть с голоду.

...Оживленная, приподнятая атмосфера пивбара продолжала втягивать в себя его завсегдатаев. Кельнеры сновали туда-сюда, успевая разносить пиво и убирать пустые бокалы. Где-то пели, где-то беседовали, где-то и спорили. Доносились шутки, смех, обрывки анекдотов. Шамсиру, вчерашнему учителю, особенно понравилось, что за весь вечер он не услышал ни одного бранного слова, даже случайно оброненного. Даже в сугубо мужской компании! Кое-где виднелись захмелевшие лица, но в основном люди часами сидели здесь за двумя бокалами пива и вели неторопливую беседу, что считалось вполне естественным.

"Вот какие они, эти немцы",- подумал Шамсир.

Уже в лагере Вустрау он многое начал узнавать об образе жизни и привычках немцев. Иногда военнопленных водили на экскурсию, показывали как живут простые рабочие в Германии. Чтобы избежать возможных об-винений в показухе, пленным предлагалось самим выб-рать любой дом в любом рабочем квартале и осмотреть его. И везде результат был один и тот же: немое вос-хищение уровнем жизни простого немецкого рабочего. Будь то дом или квартира, со вкусом и хорошо обставлены, все удобства: электроплиты и холодильник, другое бытовое оборудование. Тогда Шамсир невольно подумал: немцы обогнали нас минимум на сто лет! Конечно, все это достигнуто благодаря прежде всего стараниям и трудолюбию самого народа, высокому уровню сознания. Впоследствии Шамсир, выступая перед легионерами в Радоме все увиденное непременно приводил в качестве примера. И когда приезжали гости из Берлина, он не упускал такой возможности.

- Уважаемые соплеменники, - говорил он. - Некоторые, возможно, надеются, что в случае победы Советов в обществе произойдут изменения к лучшему. Напрасные

мечты! Хищник он всегда хищник и не может изменить свою натуру. Горький правильно сказал: "Рожденный ползать летать не может". И еще... Созданная Татарская Республика - это бесправная псевдоавтономия, послушно выполняющая все указания Москвы. В Москве даже мысли не допускают, что какой-нибудь народ может отделиться от России. Как только в Москве узнают о появлении националистически настроенных людей, тут же начинают искать способ чтобы накинуть на них свою крепкую узду. Таким образом расправились уже со многими известными личностями татарского народа. Знаю, среди легионеров есть такие, кто не потерял надежду вернуться на родину. Только там вас ожидает не одно, а два солнца. Одно солнце - Сталин и светит оно так ярко, что от вас останутся одни лишь головешки. Внутри страны нет силы, способной затмить его. Поэтому мы и решили создать наш легион здесь, на германской земле, чтобы извне постараться помочь нашим сокрушить большевистский режим. Только с помощью вооруженных сил Рейха мы сможем возродить свое национальное государство. Фюер обещал создать Штат Идель-Урал, уравнять нас в правах с русскими и другими народами, и надо воспользоваться этим историческим моментом, чтобы потом не пришлось раскаиваться.

С установлением коммунистического режима на татарской земле не стало нам житья, день превратился в ночь, а будущее - туманно и неопределенно. Однако здесь мы можем уповать и на Бога - в Германии никто не лишает нас этого права. Мы должны донести свободу до нашей родины. Возможность обретения хоть какой-нибудь национальной свободы зависит сейчас от наших усилий, от совместной борьбы легиона "Идель-Урал" и германских войск против сталинского режима. Не отдадим наш народ в жертву коммунистической утопии!"

А когда он закончил говорить, хорошо понимающий по-татарски фон Менде поблагодарил его:

- Хорошо сказали, данке шен!

Шамсир тогда не знал, кем является этот господин с тонкими губами, большим носом и широким лбом, но тем не менее спокойно ответил:

- Сознание некоторых легионеров все еще затуманено. Они до сих пор не понимают насколько опасно сейчас возвращаться к Советам.

- Жаль.

- Один даже предупредил меня: "Не плюй в колодец, пригодится воды напиться"!

- А вы ему как ответили?- поинтересовался фон Менде.

- Ответил, что эти Советы так заплевали мой колодец, что теперь вода стала непригодной для питья.

- Пик яхши, - одобрил фон Менде. - Думаю, когда народ разойдется, нам с вами нужно будет поговорить.

Оставшись в кабинете командира легиона, фон Менде подробно расспросил Шамсира о его судьбе, жизни и работе на родине, службе в армии. Потом поинтересовался:

- Почему вы решили сотрудничать с нами?

- Русским мы сделали много хорошего, но благодарности не дождались. Подумать только: при возведении новой столицы - Петербурга погибло шестьдесят тысяч татар! И каких татар? Сильных, здоровых! Православные попы без устали твердили: "Убивать басурманина не грех"! А наши муллы: "Нации и религии разные, а Всевышный - один. Для него каждый из нас дорог". Может быть, немцы отнесутся к нам дружелюбно, с пониманием, почему бы не попробовать сотрудничать с вами?

Фон Менде кивнул головой, дав знать, что понял, а Шамсир все говорил и говорил, прямо и открыто:

- Только я не понимаю, почему вы, немцы, русских ставите выше азиатов. В лагере для военнопленных однажды нас послали разгружать топливо для станции. Ког-да русских поймали за кражу одеял, всю вину почему-то свалили на киргизов. Когда я попытался защитить кирги-зов, не понимавших ни по-русски, ни по-немецки, фельд-фебель приказал расстрелять меня. Хорошо, вовремя подоспел командир взвода. Я ему начал объяснять случившееся: "Да, киргизы голодные, да, - говорил я, - но они не едят одеял". "Правильно, - подтвердил командир взвода. А фельдфебель все грозится, тычет в меня: "Он офицер, не верьте ему!" Думаю, ему просто не по-нравились мои раскосые глаза.

- И все же, как я вижу, вас не тронули, - улыбнулся фон Менде. - Когда жизнь в Германии наладится, мы, непременно установим дружеские отношения с другими народами. Я хорошо знаю: в культурном отношении тюрко-татары ничуть не хуже русских. В последнее время русские возвысились во многом за счет тюрко-татар, которых нещадно угнетали. Мы общими усилиями прекратим этот гнет, даже заставим русских возместить нанесенный ущерб. И тогда вне всякого сомнения вы сможете создать свободное государство Идель-Урал!

Шамсир не очень то поверил словам профессора, но не стал высказывать сомнения. Почему Гитлер, утопивший поляков море крови, должен воспылать любовью к татарам или, скажем, к узбекам? Только потому, что эти народы находятся далеко от Рейха? Или потому, что сможет заручиться поддержкой этих народов для подавления враждебно настроенных соседей? Шамсир нисколько не сомневался, что татары нужны и русским, и немцам только как пушечное мясо в борьбе друг против друга. Но на горизонте не было третьей силы, на которую можно было рассчитывать. Шамсир метался между этими двумя противоположностями, чтобы не дать ни одной противоборствующей стороне раздавить татар. Для того, чтобы выжить, приходилось хитрить, ловчить, изворачиваться. Не объясняя подлинной цели, нужно было сделать все, чтобы спасти соплеменников от молота и наковальни. Что такое жизнь одного человека? Как можно уберечь бабочку, порхающую возле огня?..

Шамсир понимал, что многие нуждались и нуждаются в его способностях, в его сметливости, находчивости, проницательности. Эти способности помогали ему находить общий язык то с коммунистами, то с фашистами, и, по большому счету, в настоящее время были ценным приобретением для легиона. Шамсир не был одинок в своих тайных устремлениях. Среди единомышленников были и такие незаурядные парни, как Янгураз. То обстоятельство, что Шамсир понравился фон Менде и был переведен в Берлин для работы на татарском радио, тоже могло принести пользу общему делу, укреплению рядов единомышленников. На большее пока надеяться не приходилось.

10

Как бы ни был занят, откладывать дальше звонок фрау Софи Янгураз уже не мог. Пренадлежность ее к одному из могущественных семейств, одобрение шефом его знакомсва с ней - все эти обстоятельства развеяли его сомнения. Нет никаких опасений, что фрау Софи подружилась с ним по приказу известного ведомства с тем, чтобы наблюдать за ним. Они познакомились совершенно случайно. Дама оказалась порядочной, благородной и благодарной. Встреча в кафе с ее отцом, конечно, не была случайной, наверняка, дочь и отец заранее договорились. Значит, герр Бранд весьма серьезно относится к ее знакомству с Янгуразом. В довершение ко всему Янгураз начал испытывать серьезное влечение к Софи. Он, конечно, не такой бабник, как Ишкай, но и ему хочется окунуться в море чувств, получать наслаждение от истинной любви. Ведь он молод, энергичен, умен. А жизнь без любви все равно что угасший очаг. Янгуразу хочется любить и быть любимым. Очень вовремя встретилась на его пути фрау Софи... Халима - все равно что птичка в небе. Рина - совсем еще ребенок. С обеими опасно сближаться. Возможно, со временем и исчезнут некоторые препятствия... Кто знает. А в их романтических отношениях с фрау Софи не должно быть никаких препятствий ни сегодня, ни завтра. Кроме того, Янгураз является ее спасителем, да еще предстал перед ней в образе экзотического рыцаря. Все это еще больше усиливало интерес госпожи Софи к Янгуразу.

Фрау Софи как будто только и ждала.

- О-о, герр Янгураз! Хорошо, что вы нашли время позвонить и сообщить, что находитесь в полном здравии. Данке шен! Сама я не осмеливалась звонить, чтобы не отрывать вас от важных дел.

- Напрасно, вас, коренную берлинку, смелость лишь украсила бы. Впрочем, у вас, наверное, и без меня много друзей, знакомых, я думаю, правильно делал, что не беспокоил вас.

- Что? Ну, конечно, есть у меня друзья, знакомые. Однако я, как молодая вдова с ребенком, испытываю при общении с ними некоторый дискомфорт. Старые связи

постепенно исчезают, а новые завязывать трудно. А вы так неожиданно ворвались в мою жизнь, что я даже осталась вашей должницей.

- Вы ничего мне не должны! - ответил Янгураз. - Я сделал только то, что должен был сделать любой нормальный человек.

- Теперь, когда каждый заботится лишь о себе, такие как вы особенно в цене. К тому же вы удивили меня знанием истории, культуры Востока, умением так захватывающе обо всем рассказывать.

- Да, историю я должен был знать, но, увы, до недавнего времени не знал почти ничего. По-настоящему с культурой Востока я начал знакомиться лишь здесь, в Германии, не без помощи профессоров Берлинского университета Яшке, Шпулера, фон Менде.

- Интересно. А я еще тогда, возвращаясь из кафе, подумала: почему бы мне не помочь вам глубже узнать и культуру Запада?

- Я буду вам только благодарен!

- Кстати, у меня есть два билета на воскресенье на оперу. Вы не хотите послушать Вагнера?

Первое что подумал Янгураз: "Это любимый композитор фюрера". По радио часто звучат произведения композитора, но вообще с творчеством Вагнера Янгураз был не знаком, что было бы простительно кому-то другому, но не Янгуразу, стремившемуся познать германский дух и вообще связать свою судьбу с Германией. Это было серьезное упущение. Поэтому он только обрадовался предложению Софи.

- Фрау Софи! Будет просто замечательно послушать Вагнера. Тем более вместе с вами!- радостно воскликнул Янгураз.

- Значит, обещаете, что будете ждать меня в Штатсопере без пятнадцати семь вечера. Вы, наверное, знаете, что Штатсопера находится на Унтер ден Линден близ Шпрее?

Янгураз ничуть не сомневался, что здание Германской Государственной оперы поразит его своим великолепием. Но его удивило другое: фрау Софи, такая запуганная во время бомбежки, в театре держалась уверенно, как полновластная хозяйка - спокойная, величавая и предупредительная и в то же время утонченная светская дама.

Янгуразу, конечно, было приятно находиться рядом с ослепительной молодой женщиной в бриллиантовых украшениях. Это льстило его самолюбию. Театр, украшенный огромными зеркалами, картинами и скульптурами, конечно, никак не походил на бревенчатый сельский клуб, размещавшийся в здании бывшей мечети, где после тяжелой работы собирались кое-как одетые парни и девушки, певшие и плясавшие так, как это делали их предки много лет назад. Все эти воспоминания как-то не вязались с тем, что он видел сейчас - мраморные полы, зеркальные стены театра, нарядно одетые кавалеры и дамы. Чувствуя на себе любопытные взгляды, Янгураз говорил про себя: "Да я ничуть не хуже вас!"

Фрау Софи тоже почувствовав взгляды, сказала:

- Многие принимают вас за грека. А немцы им симпатизируют. Наверное, ваша внешность - темные волосы, орлиный нос, белая кожа не оставляют равнодушной немецких девушек.

- Я сам поддался чарам одной из таких девушек,- не преминул заметить Янгураз, прижимая к себе ее нежный локоточек.

Почувствовав, что его слова пришлись по душе госпоже Софи, Янгураз продолжил в том же духе:

- Фрау Софи, - зашептал он, - вы мне представляетесь сказочной феей, выросшей в этом прекрасном дворце. Я заметил, что в театре вы чувствуете себя, как дома.

- Действительно, ведь здесь я знаю каждый уголок, каждого артиста. Когда училась в консерватории, и до этого я часто бывала в Штатсопере.

- О-о, вот как? Вы закончили консерваторию?

- К сожалению, не успела. Вышла замуж, родила ребенка и учебу вынуждена была на время оставить.

- Не жалеете, что не вовремя вышли замуж?

- В прошлом году, когда погиб муж, я многое передумала. Во всяком случае, я намерена продолжить учебу.

Янгураз не успел заранее прочитать программку спектакля и ознакомиться с содержанием, поэтому воспринимал оперу Вагнера "Лоэнгрин" скорее как сказку. В глубине сцены изображена бурлящая река, по которой лебедь тянет лодку с благородным рыцарем в доспехах. На переднем плане могучий дуб, в тени которого собралась пестрая толпа. Все это настолько красочно и

захватывающе. Еще более сильное впечатление производит музыка - нежная и ласковая, если подразумевалась чистота и невинность, громкая и стучащая, если отражались жестокость, зло и коварство. Янгураз, всецело подав под влияние чарующей музыки, поначалу не придавал значения содержанию оперы, вернее, не вполне понимал сюжет - все же чужая музыка и чужой язык. Охваченный музыкой, он не успевал улавливать события... Хорошо еще в антракте на помощь пришла фрау Софи.

- Нравится спектакль?

- Удивительная музыка! Настоящий праздник звуков. Только простите меня, пожалуйста, - тут Янгураз понизил голос. - Я не совсем понял всю фантазию и все символы представления. Я вырос в деревне, где не было театра, я даже не учился в музыкальной школе.

Фрау Софи, кажется, обрадовалась, что может продемонстрировать свои знания и выждав, пока соседи покинут свои места, принялась объяснять:

- У Вагнера действительно много фантастики. Композитор в своем творчестве опирается на легенды. В этой опере "Лоэнгрин", созданной, кстати, на основе легенд десятого века, лодку с рыцарем тянет лебедь, в последнем действии его унесет с собой голубь. Суть в следующем: дочь герцога Брабанда Эльзу обвиняют в убийстве брата. Преследователи хотят отобрать у нее ее поместье. Король поверив в невиновность девушки, предлагает кому-нибудь из рыцарей в поединке с преследователем защитить честь девушки и доказать ее невиновность. Рыцарь, приплывший на запряженной лебедем лодке, выражает готовность защитить честь Эльзы и жениться на ней. Но у него есть одно условие: Эльза никогда не должна спрашивать, кто он такой и откуда прибыл. Эльза соглашается и клянется. В поединке рыцарь побеждает. Именно эти события мы с вами и увидели.

- Теперь понял. Если знать сюжет заранее, то спектакль становится интереснее и впечатление от музыки усиливается.

- Оперу можно слушать, если заранее знаешь сюжет. Однако это может снизить эмоциональность восприятия.

- И все же не расскажете ли содержание следующих действий?

Фрау Софи засмеялась и коротко пересказала содержание оперы. После этого Янгураз уже мог вникать в суть происходящего. Автор призывал людей к пламенной чистой любви, к установлению доверительных отношений. По его замыслу, рыцарь, прибывший в Германское королевство из Страны Справедливости, ужасается царящими в королевстве коварством, интригами, обманом, жестокостью, и спешит покинуть его.

Возвращаясь из театра, Янгураз попробовал представить себя на месте рыцаря, а фрау Софи - на месте Эльзы.

- Если бы Эльза не стала расспрашивать рыцаря, она смогла бы жить с ним долго и счастливо, - сказал он своей спутнице. - Она поступила плохо, что послушала чужих людей.

- Возможно. Но нельзя винить только ее. Ведь стремление узнать все о любимом человеке так естественно.

- Но она дала клятву не делать этого.

- Да, это так. Но не будем забывать, что Эльза боялась потерять своего рыцаря. Если его снова увезет лебедь, как она отыщет суженого? Для этого ей нужно знать хотя бы имя рыцаря и место, откуда он приплыл. Значит, она интересовалась именем рыцаря во имя любви.

- Рыцарь же предупредил, что сможет быть вместе с ней только при соблюдении его условия. А когда клятва нарушена, как можно вообще говорит о том, чтобы найти его, мечтать о совместной жизни?

- Герр Янгураз! Женщины преимущественно живут чувствами. Что делать, если Всевышний не дал нам столько ума, сколько вам, мужчинам?

- А вы - хитрунья! - сказал Янгураз с видом побежденного.

- Да нет же, что вы! Все мужчины находят нас недостаточно умными, - смеясь ответила Софи. - Они даже нас пытаются убедить в этом!

Янгураз с Софи шли по проспекту Унтер ден Линден пешком. Держа зонтик над головой фрау Софи, Янгураз думал, как бы получше ответить, чтобы она поверила, что он не похож на подобных мужчин. Дождь все еще моросил, уличные фонари не горели, окна домов были зашторены, и даже фары проезжающих мимо машин горели тускло, и только красные сигнальные лампочки горели

ярко. Хорошо, что тротуары были ровные, как зеркало - воронки от бомб заделывались в мгновение ока, так что не было никакой опасности споткнуться и тем более упасть. Стараясь уместиться под одним зонтиком, Янгураз и не заметил, как Софи почти что очутилась в его объятиях.

Наконец Янгураз придумал как ответить:

- Как же тогда эти неумные существа рожают и воспитывают мыслителей, философов, ученых? Разве Рихарда Вагнера родила не женщина?

- Сейчас вы еще раз подтвердили, насколько умны, - сказала Софи, слегка прижимая к себе локоть своего спутника. - Раньше я и сама часто думала об этом.

- А теперь?

- Теперь я рада уже тому, что иду рядом с таким замечательным человеком. Я говорю правду, не сомневайтесь! Если верить легендам и героям Вагнера, доблестные рыцари, умные и гордые, приезжают к нам из далеких стан.

- А руководители сегодняшней Германии тоже так думают?

- У фюрера нет более любимого композитора, чем Вагнер, а он выражает именно эти идеи.

- Вагнера есть за что любить,- подтвердил Янгураз, стараясь показаться перед фрау Софи человеком, разбирающимся в искусстве. - Сначала я как-то не воспринял его музыку. Потом уже понял, действительно его музыка могучая и приятная. Она полностью завладела моими чувствами. Не зря превозносят Вагнера. "Лоэнгрин" - его лучшая опера?

- Затрудняюсь ответить. Каждое его произведение неповторимо.

- А много он написал?

- О, много. Тринадцать опер. Марши, пьесы для оркестра, хоровую музыку... Много у него и статей, посвященных музыке.

- Счастливый человек! - в восхищении воскликнул Янгураз. - Вы знакомы со всеми его произведениями?

- О, нет, герр Янгураз. У нас и кроме Вагнера много композиторов.

- Вероятно, он рос в обеспеченной семье, получил прекрасное образование?

- Вовсе нет, - ответила Софи. - Его отец был простым актером в театре, мать - малообразованная женщина. Отец рано умер, оставив сиротами то ли пятерых, то ли шестерых детей, в их числе и новорожденного Рихарда. Когда будущему композитору исполнилось восемь лет, умер и отчим. Находясь в Париже, двадцатишестилетний Вагнер один месяц сидел в тюрьме за несвоевременную уплату долгов.

- Фью-ю! - присвистнул Янгураз.

- У Вагнера было немало и романтических приключений. Например, одно время он, уже будучи известным маэстро, ходил в дом знаменитого композитора, пианиста и дирижера Ференца Листа, у которого была юная дочь Козима. Но Вагнер на нее не обращал никакого внимания. Как-то Вагнер помог юному таланту Гансу Бюлю войти в мир большой музыки и стать великим дирижером. И так получилось, что ученик Листа и Вагнера Бюль женился на Козиме. Познакомившись с молодой четой поближе, Вагнер с удивлением узнает,что Козима не только красива, но и умна, образованна и хорошо разбирается в музыке. Вскоре воспылав любовью к Козиме, к тому времени имевшей уже троих детей, Вагнер в конце концов уводит ее от Бюля. Лист, считавший Вагнера другом и единомышленником, обиделся на него. Ведь Вагнер был всего на три года моложе Листа и на двадцать четыре года старше Козимы.

- И чем закончилась эта история любви?

- Хотя Вагнер невольно обидел своего друга, а также своего ученика, тем не менее считал себя счастливым человеком. Козима родила ему дочь и сына, а потом всю свою жизнь посвятила собиранию, хранению и пропаганде творчества Вагнера. Их сын Зигфрид тоже пошел по стопам отца, сочинял оперы, но не смог превзойти отца...

После рассказа Софи они долго шли молча. Наконец, фрау, видимо, почувствовав, что в душе ее спутника творится что-то неладное, сказала:

- Великим многое разрешается и многое прощается. По крайней мере так принято думать. А вы какого мнения?

- Может, и не все стоит прощать. Во всяком случае, мне эта история любви не очень понравилась. А что после этого случилось с Гансом Бюлем?

- Будучи искренним поклонником творчества Вагнера, он старался не враждовать с ним или мстить ему. Он молча переживал свое горе, но держался подальше от Вагнера.

- Несчастный! Он что - идеалист или тряпка? После вашего рассказа мое уважение к Вагнеру несколько поколебалось.

- Почему?

- Как можно для достижения своих эгоистических целей разрушать семью и наносить душевную травму троим детям и их отцу? Я...я...

Чувствуя, что он хочет сказать, Софи снова заметила:

- Видно, великие бывают и такими.

- Хорошо еще, что их мало рождается!

Фрау Софи засмеялась, ей почему-то понравилось, что Янгураз так искренне расстроился из-за этой давней истории любви одного из великих людей человеческой культуры.

У порога своего дома Софи пригласила Янгураза на чашечку кофе. Был только одиннадцатый час, и было бы неплохо согреться и обсохнуть после прогулки под дождем.

Они поднялись на второй этаж, в просторный зал. Слева горел электрокамин, справа стояло черное пианино, горшки с диковинными цветами, вьющимися до потолка... В центре зала - низкий столик, а вокруг него мягкие кресла. Стены зала обклеены обоями и в мелкий рисунок, окна от пола до потолка завешаны плотными портьерами кремового цвета. Паркетный пол из красного дерева.

Хозяйка исчезла в одной из комнат, а Янгураз пододвинул кресло поближе к камину и уселся, вытянув ноги, чтобы подсушить намокшие брюки. Он не стал рассматривать картины, висевшие на стенах - чего не бывает в домах богатеев! Впрочем, ему показалось, что эта обстановка дома для банкира была бедновата, Янгураз ожидал увидеть нечто более роскошное.

Хозяйка вкатила в зал маленький сервировочный столик на маленьких колесиках. Но не это поразило Янгу-

раза. Он не мог отвести свой взор от фрау Софи... Она успела переодеться. На ней было длинное до пят платье из мягкого велюра синего цвета. Высокие разрезы по бокам доходили чуть ли не до талии и при каждом движении обнажали белый мрамор стройных ног. Да, манящее, соблазняющее зрелище для мужчины! Зачем это? Что задумала фрау Софи? А может это просто домашнее платье... Как вести себя - выразить свое восхищение или сделать вид, что ничего не заметил?..

- Милости прошу, кофе с коньяком действует согревающе,- прервала его мысли фрау Софи.

Янгураз аккуратно откупорил бутылку и разлил золотистый напиток по рюмкам. Фрау Софи, подкатив столик ближе к камину, тоже расположилась в одном из кресел. Ее роскошные каштановые волосы крупными локонами ниспадали на плечи. Свет пламени мягко освещал ее нежное лицо придавая ему малиновый оттенок. Янгураз чувствовал как его неудержимо влечет к этой замечательной женщине...

- Фрау Софи, не могу удержаться от восхищения. Вы так прекрасны, словно только что раскрывшийся тюльпан. Желаю благополучия вам и вашей семье, чтобы вы навечно сохранили поразительную способность пленять окружающих своей красотой!

- Данке шен! Однако к чему такие дифирамбы? Ведь вы не на дне рождения у меня. Расслабьтесь, мы промокли, давайте выпьем по рюмке коньяка, чтобы никакая простуда нас не взяла.

- Это так, конечно. Но я совершенно искренне выразил свое восхищение. А еще... сидеть перед этим камином так приятно, что поневоле хочется всем на свете пожелать чего-то хорошего, а в первую очередь, конечно, хозяйке дома.

- Если так, то я рада. А вы знаете, почему мужчины ищут красоту и стремятся обладать этой красотой?

- Думаю, потому, что красота манит нас также, как цветы манят к себе пчел.

- Возможно. Но, по-моему, эта тяга больше связана с тем, что мужчины считают себя умными, рациональными. То есть они нуждаются не в том, чего у них в избытке, а в том, чего им не хватает.

Янгураз улыбнулся, а потом рассмеялся:

- Да, в этом вопросе с вами спорить трудно.

От камина исходило блаженное тепло. Потягивая кофе, Софи тоже улыбалась, лишь красноречивым взглядом отвечая Янгуразу. Гость обратил внимание на ее почти что детскую челку, лишь наполовину закрывавшую широкий лоб, и подумал: "Эта женщина не может быть не умной". Он, конечно, знал, что ум обычно зависит от количества извилин в мозгу, но из-за невозможности увидеть эти самые извилины больше судил по внешнему виду человека.

- Вы какого года? - спросила Софи.

- В этом году двадцать исполнилось.

- О-о, в таком случае понятно, почему у вас такой интерес к красоте.

- Особенность возраста? - усмехнулся Янгураз.

- Нет, дело в том, что вы родились в год Кабана. Вы человек восточный, а по восточному календарю, родившиеся в год Кабана не только преклоняются перед красотой, но и сами стремятся быть красивыми.

- Интересно, а вы и другие мои качества можете перечислить?

- Немного, - ответила Софи, посмотрев на Янгураза томным взглядом. - Хотя вы и любите красоту, но являетесь прагматиком, то есть человеком трезвого ума. Вы стремитесь узнать все тайны жизни, дойти до истины, способны докопаться до самой сути. Вы заботитесь обо всех своих друзьях и знакомых, относясь к ним с уважением, но и себя не забываете, зачастую ставите на первое место свои личные интересы. Вообще, вы, если так можно выразиться, сильно увлечены собой. Вы - человек деятельный и того же требуете от других, стараетесь знакомиться и сближаться только с теми людьми, кто обладает такими же качествами.

Янгураз сидел, пораженный услышанным.

- А я думал, что цыгане только в Венгрии, - сказал он, наконец, в шутку. - Или вы где-то в секретной организации работаете?

- О-о, герр Янгураз! - рассмеялась Софи. - Не слишком ли вы преувеличиваете мои скромные возможности? В данном случае меня не за что хвалить!

- Как же не хвалить, когда вы с такой точностью рассказали обо мне все? Словно всю жизнь были знакомы со мной. Право, я начинаю бояться вас!

- Да ну?! Зер интересант, данке шен.

- Скажите, пожалуйста, честно: откуда вы все узнали обо мне?

- Это секрет! - лукаво улыбнулась Софи. - Так мы будем пить? Или вам не нравится?

Янгураз выпил рюмку и похвалил:

- Отменный коньяк: крепкий, бодрящий кровь и пить его приятно.

Они выпили еще немного, а потом хозяйка села за пианино.

- Чью музыку вы любите слушать?

- А мы... никого не разбудим?

- Родители живут отдельно, это моя квартира.

- А ребенок?

- Он давно спит с няней на третьем этаже.

Зазвучала музыка: красивая, приятная.. Что за мелодию играла Софи? У татар подобной мелодии, кажется, нет. Даже если есть, немцам она наверняка неизвестна. Но почему так легко ложится на душу Янгураза эта музыка? Удивительно!

Когда Софи закончила игру и повернулась к камину, Янгураз спросил:

- Это немецкая музыка?

- Йа. А вы ее раньше не слышали?

- Где уж там... Напоминает наши мелодии. Это песня?

- Это знаменитая пьеса Бетховена "Элизе", написанная для фортепиано.

- Элизе?

- Йа. Людвиг Ван Бетховен всю жизнь влюблялся в красивых девушек. Некоторых из них он учил играть на фортепиано, а самым способным и симпатичным посвящал свои произведения. Эту пьесу он посвятил девушке по имени Элиза.

- Чудесная музыка. К тому же заставляет о многом задуматься.

- Я еще не очень хорошо ее исполняю. Хотите, я заведу патефон и мы послушаем другие произведения?

Она вынесла из соседней комнаты патефон с пластинками. Зазвучала музыка Карла Вебера.

- Это "Приглашение к танцу", - сказала хозяйка. - Мы можем потанцевать.

Янгураз не замедлил пригласить даму на вальс. Музыка была легкой, напоминала звон хрусталя или удары снежинок о тончайшую жесть. Звучали какие-то волшебные звуки, кажется, не способные возникнуть в природе. Ноги сами шли в такт музыке. Янгураз просто летел, парил, следуя за ловкими движениями фрау Софи. Иногда ее волосы касались подбородка Янгураза, и тогда серде его начинало биться чаще, а рука сильнее прижимала к себе партнершу. Янгураз следил лишь за тем, чтобы ненароком не поскользнуться на гладком паркете и не наступить на ногу фрау Софи.

После Вебера хозяйка хотела поставить другую пластинку, но гость остановил ее:

- На сегодня, пожалуй, хватит. Как говорится, хорошего понемножку. Пусть останется для следующего раза. Уже первый час ночи. Мне пора.

- Не беспокойтесь. Вы можете заночевать у меня. Места много.

- Спасибо, но... удобно ли?

- Друзьям удобно. А вы для меня даже ближе многих моих друзей. - Видя, что Янгураз колеблется, она добавила: - Если бы я тогда погибла под бомбами, то никогда - вы слышите? - никогда не смогла бы слушать "Лоэнгрина" или танцевать под музыку Вебера. Жизнь так прекрасна и давайте не забывать, что моя жизнь продолжается только благодаря вам.

Когда Янгураз вошел в одну из смежных комнат, постель его была готова, пижама лежала на стуле. Фрау Софи показала, где находится ванная и пожелав ему спокойной ночи, многозначительно добавила:

- Если что, я в соседней комнате.

Янгураз в этот вечер набрался столько впечатлений, и его одолевало столько мыслей, что он еще долго не мог уснуть.

Утром он проснулся позже обычного, быстро оделся и поспешил в ванную. В зале на том самом столике на колесиках его ждали бутерброды и горячий кофе в термосе.

- Вы, оказывается, привыкли жить в одиночестве, - сказала ему с укором фрау Софи после утреннего при-

ветствия. - Я вам ночью не понадобилась. А ведь дверь в мою комнату была не заперта.

- Гость не должен доставлять хозяйке излишние хлопоты.

- А я все равно долго не могла уснуть. Мне импонируют ваша воспитанность и благоразумие, я восхищаюсь вашей силой воли.

Янгураз посмотрел ей в глаза и серьезно ответил:

- Вы устроили для меня незабываемый вечер. Было так интересно и так приятно. Вы совсем околдовали меня! Я боялся, что выйду за рамки приличия, если слишком увлекусь вами не только как другом... Ведь любовь захватывает...

Фрау Софи спросила:

- На то юность и дана - чтобы увлекаться и любить.

- Но при выходе из лагеря для военнопленных я, как и другие, дал расписку, что не буду иметь связей с немецкими женщинами. Вы понимаете, какие могут быть последствия?

В эту минуту они были уже в коридоре. Фрау Софи воскликнула почти возмущенно:

- И вы думаете, что я способна выдать человека, который спас мне жизнь? Никогда! Как вы могли в этом сомневаться? Если вы только в этом видите преграду своим чувствам, считайте, что ее не существует!

Янгураз просиял, обнял Софи и крепко поцеловал ее в губы. Потом они поцеловались еще раз - страстно, горячо.

- В следующий понедельник я уезжаю по делам в Узедом. На неделю. Если хотите, поедем вместе, мы сумеем там хорошо отдохнуть, я смогу это устроить.

- Интересное предложение. Попробую что-нибудь предпринять. Если получится, то позвоню вам сегодня же.

- А вы сделайте так, чтобы получилось!

Они снова страстно поцеловались, и Янгураз, быстро попрощавшись, ушел на работу.

11

Хотя воспитательно-агитационные мероприятия для легионеров в Узедоме были организованы Татарским комитетом, идея исходила от Янгураза. Именно он сумел внушить эту мысль шефу Бюро господину Унгляубе. Не последнюю роль в принятии решения сыграло то обстоятельство, что родной город шефа Анклам находился совсем рядом с островом Узедом, поэтому герр Унгляубе мог, да и хотел, конечно, сочетать полезное с приятным - отдохнуть дома в кругу родных, особо не утруждая себя работой с легионерами. Собственно, Янгураз Утяган может ежедневно звонить ему домой и докладывать о ходе работы.

Получив согласие шефа, Янгураз начал готовиться к поездке в Узедом. Хотя его главной задачей был сбор материалов для журнала, он не упускал из виду и возможность получения пользы от бесед с легионерами. Надо будет объяснить, донести до их сознания, доказать им, что только в сотрудничестве с Германией возможно построение татарского государства с несравненно большими правами, чем в дарованной большевиками псевдоавтономии. Как сказал один из философов, народ, как и человек, всю жизнь по узкой тропинке карабкается на крутую гору, окруженную с обеих сторон бездонными пропастями. Для перевала нет ни места, ни времени: пропасть в любую секунду может проглотить тебя. Только вперед, только наверх, каждый день, каждую минуту проводя в борьбе!

Однажды Янгураз увидел на столе шефа папку с материалами, полученными из Министерства пропаганды. Заинтересовавшись, он получил разрешение на ознакомление с ее содержанием. Среди бумаг с ответами и замечаниями Геббельса на вражескую пропаганду, то есть, попросту говоря, среди контрпропагандистских документов Янгураз обнаружил весьма интересную статью, вернее, выступление французского писателя Андре Моруа, напечатанное в газете "Фигаро" и переведенное на немецкий язык. В нем содержался призыв к протесту против экспансионистской, захватнической политики Гитлера.

"Мы больше не хотим, чтобы ненависть, ложь и насилие выдавались за некую добродетель, - говорилось в нем. - Хватит! Мы любим жизнь, но не хотим жить, творить, мечтать и растить детей, когда свирепый, кровожадный хищник по два раза в год грозит разорвать своими клыками наше спокойствие. Мы должны вернуть на почетное место честь, справедливость и благородство!"

Янгураз дважды прочитал этот абзац и подумал: "А мы? Почему мы, татары, столько времени терпим лживую и двуличную политику Москвы? Потому что опустились до уровня стада? Или потому, что не осталось сил для борьбы? Или потому, что, даже собрав все силы, мы не можем как следует взяться за дело? А может, оттого, что уже погас в нас дух борьбы?"...

Было воскресенье, и Рамзи готовился к своему излюбленному мероприятию - походу в Тиергартен. Заглянув в комнату Янгураза, он спросил:

- Эй, ты готов?

- Нет. Я готовлюсь к командировке.

- А-а... Хороша командировка на Балтийское побережье в бархатный сезон. Ну а мы согласны и на парки Берлина. Что сказать, если Халима спросит?

- Подожди, я напишу для нее записку.

"Уважаемая Халима! - написал он. - Я сообщил соответствующим лицам насчет твоего паспорта. Тебе нужно как можно быстрее через Рамзи передать мне следующие сведения о себе: точное имя, фамилию, отчество, число, месяц, год и место рождения (село, район, область), указать время прибытия в Германию (месяц, год), национальность, место работы (фабрика, владелец и полный адрес). Также нужны будут фотографии для паспорта.

Если у тебя есть знакомые среди остарбайтеров уроженцев волго-уральского региона, сообщи. Возможно, получится помочь и им.

Из-за предстоящей длительной командировки встретиться с тобой пока не могу.

С приветом Янгураз. 25. VIII."

Только Сабанчи ушел, зазвонил телефон. Это была Рина. Она уже вернулась из церкви и жаждала пойти с

"гунном" куда-нибудь развеяться. Янгураз сказал ей про командировку в Узедом.

Рина прервала его на полуслове:

- О-о, какое замечательное путешествие! Сейчас там пик сезона! А меня ты можешь взять с собой?

- Я же еду туда работать. А сейчас сижу и готовлю материалы для своих выступлений.

- Очень хорошо! Пока ты будешь там выступать, я буду загорать и купаться. А после всех своих дел ты сможешь присоединяться ко мне.

- Это было бы хорошо, но пока невозможно.

- Почему?

- В военное время мне не позволят вести себя так.

- Ну почему?

- Посуди сама: ты, Рина, - вольная птица, а я - на службе, человек подневольный. Хотя и работаю в министерстве, но тем не менее являюсь солдатом. И еще...

- Что еще?

- Вряд ли родители отпустят тебя одну в такую даль.

- Я же буду с тобой. Если ты скажешь об этом родителям...

- Риночка, милая, там я почти все время буду с легионерами. В Узедом съезжаются военные, что же будет, если я оставлю тебя одну среди них? Поэтому я не хочу брать на себя ответственность перед твоими родителями. И потом...

- Что потом?

- Потом... Думаю, после командировки мы с тобой прекрасно отдохнем в Берлине. В столице Рейха предостаточно мест для приятного времяпрепровождения. Если, конечно, я хорошо выполню свою задачу в Узедоме... А для этого мне нужно как следует подготовиться к поездке.

- Ты и у себя на родине таким трудягой был?

- Конечно.

- И что же ты, интересно, там делал?

- Участвовал в строительстве социализма в Татарстане.

Рина, минуту назад готовая обидеться, рассмеялась. Янгураз тут же поспешил воспользоваться моментом и распрощался:

- В общем, по возвращении в Берлин я сам тебе позвоню, ладно? Аллес гуте!

Фрау Софи давно уже сообщила, что договорилась о двухнедельном отдыхе в Узедомском санатории Свинемюнд. И они успели даже назначить место и время встречи на вокзале. Так что Янгуразу, действительно, оставалось лишь получше подготовиться к предстоящим выступлениям.

Он чувствовал, что поездка будет удачной и приятной. Ведь его ждал отдых не с романтичным ребенком Риной и не с полусвободной Халимой, а с дочерью одного из влиятельнейших людей Рейха - фрау Софи. Конечно, что касается внешних данных, то пухленькая Рина, пожалуй, более привлекательна, но она до сих пор не освободилась от детской наивности. Стоит Янгуразу, гуляя с ней где-нибудь в укромном месте обнять ее или поцеловать, как назавтра это милое дитя природы на радостях свой секрет откроет матери или тете Берне. Как потом смотреть в глаза этим уважаемым дамам? И дело тут не столько в пресловутом приказе фюрера о чистоте расы, сколько в отношении к нему этих женщин, забота которых о нем почти сродни материнской.

Конечно, Янгураза до сих пор чуть настораживает излишне чуткое отношение к нему двух фрау, но ведь со стороны Янгураза ничего предосудительного не было. Так зачем же плевать в колодец, из которого пьешь?

Может быть он в последнее время ошибается, надеясь пустить корни в Германии? Эх, если бы только в этом было дело! В Рине сомневаться уже не приходится - Янгураз это проверил. Но если она и пылает юношеской любовью, ответить - будут ли их взаимоотношения иметь будущее, сможет только Янгураз.

Что касается Халимы, ей сначала надо обрести свободу. И потом, отчаянная она какая-то, чем-то похожа на Шамсира. Но если Шамсир его единомышленник, то головушка Халимы настолько засорена советско-большевистскими идеями. И что, если она лишь играет в любовь?

И только фрау Софи не вызывает никаких сомнений. Она уже была замужем и не побоится вступить в интимные отношения с другим мужчиной. А то, что у нее ребенок, это тоже в ее пользу - она ведет упорядоченный образ жизни. Возможно ее не беспокоит и то, что рано или поздно они могут растаться. Ведь не надо забывать,

что такая знатная дама, как она может найти себе и достойного арийца. Правда, в военное время это трудновато, может поэтому Янгураз и одержал такую легкую победу над ней? Что, если она задумала закрутить лишь легкий, недолговременный роман? И чего добивается сам Янгураз, в чем он нуждается? Ведь он до сих пор по-настоящему никого не любил, вернее, не успел. Можно ли по мелочам разменивать чувство любви, которое ему еще пригодится? Говорят, что золото малого народа имеет свойство прилипать к медякам народа крупного. Нет, только не это! Янгураз никогда не согласится на такую связь! Впрочем, его никто пока и не собирается принуждать к этому...

Утром в понедельник он тщательно побрился, надушился одеколоном, почистил и погладил свой и так безукоризненный костюм, подобрал галстук. В выборе одежды он был тщателен: во-первых, он едет к легионерам как представитель министерства. Во-вторых, он хорошо усвоил поговорку: встречают по одежке, провожают по уму. Ну, а если его из-за одежды не так встретят? Поможет ли ум потом, при проводах?..

Янгураз знал, что молодежь в Германии одевается очень просто. А в доме отдыха на острове, где всюду пляжи, и вовсе может ходить в чем угодно. Поэтому он не удивился, увидев госпожу Софи в голубых шортах, тонкой белой блузке, с разлетающимся воротничком, поверх которого был одет толстый голубой пуловер. Он взял ее удобный кожаный чемоданчик и они пошли на платформу, где должен был останавиться поезд на Анклам. Софи мило улыбалась и смотрела на Янгураза с некоторым удивлением:

- Вы выглядите как господин, собравшийся на светский бал!

- Не удивляйтесь. Мне как официальному представителю министерства предстоит выступать перед легионерами. А если я засуну свой костюм в эту сумку, он весь помнется.

И он кивнул на висевшую через плечо сумку, из которой торчал зонтик.

- Пожалуй вы правы. Для нас самое главное, чтобы в Узедоме было больше солнечных дней!

- Будем надеяться. Вы, наверное, не первый раз туда едете?

- Разумеется, не первый. Было бы, конечно, приятнее загорать где-нибудь возле Генуи или Неаполя, но что поделаешь? Теперь для отдыха приходится искать более безо-пасные места. Особенно, когда вы не можете отправиться на юг.

- Ничего, будет еще и такая возможность.

Янгураз и фрау Софи вошли в купе, и поезд через несколько минут тронулся. Их попутчиками оказались офицер и пожилой крестьянин. Крестьянин вскоре заснул сидя на полке. Видимо, намаялся от хождений по столичным магазинам. Офицер полистал газеты, журналы, пару раз взглянул на молодых, и поняв, что они вместе, вышел в коридор. Оказавшись почти наедине, Янгураз и Софи почувствовали себя немного свободнее.

Они сидели у окна друг против друга, касаясь коленями. И Янгураз мог как следует разглядеть Софи. Несмотря на то, что Софи одета была просто, она не забыла нанести румяна и яркой помадой подвести свои пухлые губки.

Янгураз теперь знал как хороши для поцелуев эти пухлые губки. А от созерцания фрау Софи он испытывал какое-то особое чувство. Оказывается она вовсе не такая уж худенькая, а просто казалась такой из-за относительно высокого роста. Пышущая здоровьем, хорошо сложенная фрау Софи сидела перед Янгуразом и он не мог отвести от нее глаз. Во время бомбежки он держал это сокровище в своих объятиях, но тогда он думал о другом - как спастись от смерти.

А за окном проплывали красивые добротные дома, ухоженные поля, сады с яблоневыми и другими фруктовыми деревьями. И во всем чувствовалась забот-ливая рука хозяина.

- В каком пансионате вы должны остановиться?

- В "Адольф Гитлер", - ответила фрау Софи.

- Какой престижный пансионат, завидую вам.

- Это мой дядя постарался, - довольно улыбнулась фрау Софи. - А вы где?

- В Семпене, доме отдыха "Инзельхоф", только я точно не знаю, где он располагается.

- Не волнуйтесь, сначала устроите меня, а потом мы найдем и ваш пансионат. Я примерно знаю, где это.

- Далеко от вашего?

- Минут двадцать ходьбы.

- Здорово!

- Почему?

- Ну как почему... Ведь я хочу более близкого общения с вами. У вас такие глубокие познания в облати европийского искусства! Надеюсь, вы и меня приобщите к нему.

- Это не трудно, - уверенно ответила фрау Софи. - Было бы желание. Времени хватит, чтобы позагорать, и на все остальное...

Янгураз не стал уточнять про "все остальное" и снова уставился в окно.

- Красивая страна Германия, - сказал он. - Куда ни посмотри - везде порядок. Мне очень нравится здесь.

- Что вы собираетесь делать после войны? Вернуться на родину?

- Это во многом зависит от успехов Рейха. И потом я только начал учиться в Берлинском университете, сначала нужно закончить его.

Софи забросала его вопросами. Янгураз старался, чтобы его ответы нравились собеседнице. Пусть она не думает, что их знакомство скоро закончится, что их отношения не имеют будущего. Человек не знает, как обернется его жизнь, поэтому никто не станет обвинять и Янгураза, даже если он излишне обнадежит кого-то.

Его ответы фрау Софи пришлись по душе. А чтобы еще больше заинтересовать Янгураза Германией, она сказала:

- После победы жизнь здесь станет еще лучше. Мы будем отдыхать в самых красивых уголках планеты, у теплых морей, в тени кипарисов и пальм.

- А согласятся ли с этим тамошние народы?

- Каждому свое. Зулусы пусть обрабатывают землю, монголы пасут стада. Почему бананы с апельсинами есть могут только чернокожие или желтолицые? Разве мы не имеем на это права?

Янгураз постарался улыбнуться как можно щедро:

- Я вижу, вы тщательно проштудировали "Майн кампф" фюрера.

- Эту книгу мне подарили на свадьбу. Фюрер - рыцарь, он явился на свет, чтобы сделать наш народ счастливым. Герр Геббельс правильно говорит: все мы, должны молиться за здоровье фюрера.

- Странно, что в Германии даже молодежь ходит в церковь.

- Что же тут странного? А у вас разве не ходит?

- Комсомол воспитал ее в антирелигиозном духе.

- Странно, - в свою очередь удивилась фрау Софи. - Но какая разница для Бога между молодой и пожилой паствой? Разве вера от этого как-то меняется?

Но тут фрау Софи, вероятно, вспомнила, что пора и пообедать и принялась выкладывать на столик приготовленную в дорогу еду. Янгураз тоже достал свою провизию. Хотя фрау Софи и пыталась запретить ему:

- У меня еды хватит на двоих.

Янгураз все же выложил на столик свой кулек. Запив бутерброд соком, он продолжил:

- А для меня Бог - это женщина. Если она поклоняется Всевышнему, значит, через нее и я смогу приобщиться к Божественному. Мне только нужно найти свою Богиню, свою суженую.

- Значит, вы ищете ангела?

- Да нет. Это невозможно в военное время. Разве что случайно. А по правде говоря, мне еще рано думать об этом. Нелегко привыкать к чужбине, обживаться на чужой земле. Я думаю, мужчина прежде всего должен встать на ноги, а уж потом...

- Фрау Софи посмотрела на него с удивлением и восхищением:

- Браво! Вы рассуждаете как истинный немец. Не сомневаюсь, что такой человек, как вы, многого достигнет. Да хранит вас Бог от превратностей судьбы. Я всей душой желаю этого!

- Спасибо!

На привокзальной площади Анклама они сели в автобус следующий до Свинемюнда. Достигнув острова, автобус стал останавливаться чаще, то здесь, то там высаживая пассажиров. Янгураз смотрел на мелькавшие за окном высокие сосны, голубые заливы с золотыми пляжами и слушал пояснения фрау Софи. В ноздри вливался чудесный воздух, настоянный на хвойной смоле и йоде.

Восхитительная фрау Софи уже сняла свой толстый свитер и ее круглое плечико обжигало Янгураза, который, кстати, тоже снял свой пиджак и теперь наслаждался волнительными прикосновениями женского плечика. Автобус остановился почти напротив пансионата "Адольф Гитлер". Янгураз со спутницей прошлись по утопающей в цветах аллее и вручили администратору путевку фрау Софи. Вскоре они уже сидели в шикарном одноместном номере с толстым ковром на полу, кроватью, диваном, телефоном, платяным шкафом, зеркалом и душевой. В огромное окно светило солнце, так что загорать можно было не выходя из номера.

- Вот это пансионат! - выразил свое восхищение Янгураз. - Может поменяемся?

Софи довольная улыбнулась:

- Разве недостаточно будет приходить сюда в гости?

- Может и достаточно. А теперь надо будет отыскать и мой пансионат.

- К чему такая спешка? Днем мы можем отдохнуть здесь, позагорать на пляже. А к себе, я думаю, вы сможете пойти и вечером.

Увидев колебания Янгураза, она добавила:

- Мне лучше с первого же дня на пляже появиться в вашем сопровождении.

- Почему?

- Пусть знают, что я здесь с кавалером, не то замучают своими приставаниями. Мужчин тут много, в том числе и солидных, высокопоставленных чиновников. От них лучше держаться подальше, верно?

Янгураз не мог с этим не согласиться и остался. Он даже обрадовался, что так получилось. Осчаст-ливив шкаф своим костюмом и прочим одеянием типа галстука, он достал из сумки плавки, темные очки и был готов хоть сейчас оккупировать все здешние пляжи.

Выпив по стакану ананасового сока, они отправились загорать. Пансионат одной стороной выходил прямо к заливу, где на отменном пляже были расставлены шезлонги, раздевалки. Переодевшись, они с удовольствием растянулись на песке. Софи стала рассказывать Янгуразу историю Узедома.

- Этот остров лежит в устье реки Одер и является излюбленным местом отдыха всех немцев. Благодаря его

расположению на самом южном побережье Балтики вода в мелких заливах прогревается хорошо, на побережье достаточно золотистого песка, а высокие сосны надежно защищают пляжи от холодных ветров. Целебным хвойным воздухом и не надышишься. В летние месяцы здешние дома отдыха и санатории бывают переполнены отдыхающими. Здания на острове, как вы успели заметить, прочные, основательные и в то же время красивые. Узедом еще в двенадцатом веке получил статус города и его стали активно застраивать. Одна только церковь, построенная в готическом стиле, чего стоит! На острове сохранились величественные дворцы, древние замки-крепости, другие сооружения, молчаливые свидетели принятия здесь христианства еще в двенадцатом веке. Теперь в этих зданиях, памятниках архитектуры размещаются танцевальные залы, пивбары, кафе и рестораны... Мы завтра же начнем с ними знакомиться...

По правде говоря, Янгураз толком не слушал свою спутницу, он только пожирал ее глазами, такую привлекательную, манящую, свободную от одежды - на ней кроме узеньких плавок и узенького бюстгальтера ничего не было. Но фрау Софи ничуть не смущалась. На пляже принято ходить полуобнаженными, что в этом особенного? Поскольку вокруг были в основном пышнотелые дамы, только Софи своим стройным телом приковывала взгляды большинства мужчин. Ей, похоже, это нравилось и она испытывала удовольствие...

Янгураз оказался отменным пловцом и привел в восторг фрау Софи. Она тоже хорошо плавала, но заплывать далеко не решалась, о чем просила и Янгураза.

- Там вода холоднее, не дай Бог, судороги схватят!

После обеда фрау Софи предложила прогуляться по сосновому парку, что полезно для усвоения пищи, как считала она, стремясь во всем следовать режиму отдыхающих.

В парке гуляло много желающих подышать озоном. Они шли по мягким, усыпанным хвоей тропинкам, слушали пение птиц, наблюдали за вечно спешащими куда-то муравьями. Даже не верилось, что где-то недалеко отсюда идет кровопролитная война. Вот из-под сосновой ветки высунула свою мордочку любопытная белка - совсем рядом с тропинкой! Янгураз невольно остановился,

чтобы не спугнуть этого зверька и подольше полюбоваться им. Софи улыбнулась:

- Они почти ручные, не боятся людей. Отдыхающие их подкармливают. Красивый зверек, не правда ли?

А разве ты не красива? - подумал Янгураз. - Я же боюсь притронуться к тебе, как к этой белке, чтобы не спугнуть. Разве бывают минуты прекраснее этих, когда идешь рядом с тобой касаясь плечом твоего плеча?..

Выйдя из сосняка, они пошли берегом, наблюдая за полетом чаек. Время от времени одна из этих неугомонных охотниц камнем падала в воду, ныряя за неосторожной рыбешкой, слишком поднявшейся к поверхности воды. В случае удачи чайка тут же проглатывала добычу и садилась на воду и как утка раскачивалась на волнах или на берегу начинала раздирать острым клювом свою жертву и поедать ее...

- Какая красивая и какая хищная птица, - заметил Янгураз. - Жалко рыбу!

- Такими создал их Всевышний. Разве и рыбы в свою очередь не поедают тех, кто меньше и слабее их?

- Искупнемся еще?

- Можно.

Они пошли в пансионат, чтобы переодеться. В одном из залов Софи увидела пианино, и видимо, захотела что-нибудь сыграть.

- Развлечемся немного! - потянула она за руку Янгураза.

Не спрашивая ни у кого разрешения, она открыла крышку инструмента и принялась играть. Зал заполнился какой-то быстрой танцевальной музыкой.

- Что это?

- "Венгерские танцы" Иоганна Брамса. Нравится?

- Очень!

- Венгры - это одно из восточных племен, давно пришедших в Европу и осевших здесь. Может быть, их музыка похожа на вашу?

- И да, и нет. Трудно сказать.

- Брамс - немецкий композитор, но его наставником в свое время был один мадьяр, то есть венгр. И под его влиянием Брамс сильно увлекся народным творчеством венгр. Поехал в Венгрию, собирал там народные мелодии, напевы, изучал их особенности. Потом он брал один

из мотивов, обогащал его своей фантазией и создавал новые вариации.

- И кому принадлежит эта музыка - венграм или немцам?

- А кому хотите!

- И откуда у вас такая любовь к музыке? - спросил Янгураз.

- От мамы. У нее чрезвычайно тонкая душа, она может заплакать даже от пения церковного хора. В молодости она хотела выйти замуж за одного музыканта, но дедушка с бабушкой были против, потому что хотели выдать ее за богатого жениха.

Софи сыграла еще какие-то мелодии, но чувствуя нетерпение друга, остановилась и спросила:

- Достаточно?

- Преклоняюсь перед вашим талантом. Но мне пора идти. Нельзя забывать, что я в командировке. Я думаю, у нас еще будет возможность пообщаться.

- Зер гут!

По карте острова, висящей на стене в вестибюле, они без труда отыскали пансионат "Инзельхоф". Софи проводила Янгураза до самого корпуса, но входить отказалась. Впрочем, Янгураз не особенно и настаивал.

- Вы знаете мой телефон, - сказала она на прощание. - И помните, я приехала сюда, чтобы отдыхать вместе с вами!

Фрау Софи по пути обратно думала о Янгуразе. Странно, но этот парень из инородцев за короткое время не только завоевал ее доверие, но даже пробудил симпатию. После года траура ей хотелось сбросить тяжелый душевный панцирь, утешить себя обыкновенными земными радостями. И вот неожиданно Бог послал ей этого симпатичного молодого человека. Ну разве это не волшебство? Молодой, красивый, хорошо воспитанный и, главное, - какой отважный и галантный. Правда, к женщинам относится излишне осторожно, но это, наверное, из-за того приказа фюрера о защите расовой чистоты. Гм-м... Но ведь нельзя всех мужчин-негерманцев мерить одной меркой? Почему бы ей не сблизиться с этим человеком? И даже полюбить? Мужа уже не воскресишь, он был старше Софи на шесть лет, на фронте быстро дослужился до майора и геройски погиб. Хоро-

ший был человек, поэтому Софи больше года сохраняла траур по нему. Но жизнь продолжается, нельзя же жить только воспоминаниями о прошлом. Невозможно! После гибели мужа Рейх назначил ей приличную пенсию. В случае повторного замужества Софи эту пенсию может потерять. Это обстоятельство тоже удерживало ее от второго брака. Тем более, если допустить возможность гибели и второго мужа... Впрочем, сейчас истинные арийцы толпами по улицам Берлина не ходят - война. И все же... Женщина, познавшая любовь мужчины, не может долго жить монашкой. Значит, вполне естественно, если она заведет себе друга.. А герр Янгураз сильный, крепкий, хорошо сложенный молодой мужчина. Было бы глупо терять его. Софи правильно сделала, что приехала с ним в Узедом. Даже родители и дядя одобрили это ее желание отдохнуть в пансионате, подальше от Берлина. Ей нужно жить надеждой на лучшее будущее, но не отказываться от радостей жизни сегодня. Таково ее желание, ее стремление! Лишь бы это желание постоянно обрамлялось красотой...

* * *

В Семпене отдыхали тридцать легионеров, через две недели их сменяла следующая группа. Для них были организованы специальные курсы, где преподавали Гусман-мулла, Янгураз, Шамсир. Прибыли и другие деятели - руководители Татарского комитета, сотрудники газеты "Идель-Урал" и татарского радио, пожелавшие соединить работу по воспитанию легионеров с отдыхом в этом благодатном курортном месте.

Номера были двухместные, но Шамсир поселился один, чтобы было больше возможности пообщаться с Янгуразом. Ему нравился этот парень. Несмотря на молодость и кажущуюся неопытность, Янгураз сумел неплохо устроиться в Берлине. Кроме того, являясь официальным переводчиком шефа Бюро по связям с татарами, Янгураз был в курсе многих событий, столь важных для легионеров и Татарского комитета. Шамсир слышал, что с ним считается даже президент Татарского комитета Шафи Алмас. Да и посоветоваться нужно было с Янгуразом кое о чем.

Сразу же по приезде в Узедом Шамсир стал ждать Янгураза. Но его все не было. Усевшись на скамейке Шамсир занял наблюдательную позицию. Он беспечно покуривал сигареты и не дождавшись, шел на пляж, чтобы искупаться, а затем снова падал на скамейку, нетерпеливо озирая окрестности... Узедомские сосны напоминали родную тайгу, где затерялся его родной аул. Видневшаяся полоска моря казалась ему рекой Иртыш, на берегах которого прошли его детство и юность. Он не заметил, как мысли унесли его далеко отсюда, в сибирские леса.

От аула до Иртыша рукой подать. На берегу растут огромные, в два обхвата ивы, в тени которых покачиваются на воде привязанные к колышкам лодки. Прямо от края деревни начинаются поля засеянные пшеницей, рожью, ячменем. В полукилометре густой сосновый лес, а с другой стороны аула березовая роща, откуда вытекает маленькая речка, почти пересыхающая летом. По обе стороны речки луга, пастбища. Ближе к Иртышу - загон, куда сельчане в обеденное время ходят доить коров. И внутри деревни лес, да еще какой! А крапива здесь выше человеческого роста. Настоящие заросли! Закончив учебу в городе и вернувшись в аул, Шамсир первым делом скосил всю крапиву. Так началась его работа по облагораживанию родной деревни. Потом он обнес забором школьный сад, посадил цветы. Несмотря на обилие ягоды в лесу, Шамсир и в школьном саду посадил ягодные культуры. А еще он призывал односельчан выращивать картофель, лук, другие овощи, показывая им пример.

Сельчане издавна разводили скот, благо корма для него было предостаточно. Но никто не собирал грибы, словно не знал, как много их растет в тайге. Рыбу - да, ловили, но о засолке или сушке грибов даже не помышляли. Шамсир ревностно принялся устранять этот недостаток. Но самую большую благодарность он получил от женской половины населения за то, что первым догадался построить на реке мостик. Берег Иртыша в этом месте вроде бы невысок - от силы метра три, но представьте себе женщин, с утра до вечера таскающих воду с ведрами и вы поймете всю важность затеянного Шамсиром мероприятия. Шамсир недоумевал: как же до

сих пор никто в деревне не догадался сколотить мостик! Ладно, если бы леса не хватало, но кругом тайга! Правда, весеннее половодье здесь такое мощное, что порой по деревне приходится плавать на лодках. Но что стоит мужикам каждый раз после половодья обновлять мостик?!

Словом, Шамсир как мог окультуривал село.

Единственное, перед чем он спасовал - это грязь. После дождей по деревенской улице впору хоть на танке пробираться. Шамсир пробовал убедить мужиков вырыть по краям улицы отводные канавы. Но в этом случае из каждого двора на улицу через канаву должен был быть мостик. Такого расточительства средств и времени многие мужики не потерпели, и затея провалилась.. До сих пор, наверное, утопают в грязи. Прииртышская земля это тебе не узедомский песочек!

А как там его жена? Справляется ли с хозяйством? Нелегко ей в одиночку растить троих детей. Смогла ли достаточно накосить сена? Лишь бы сохранить корову - с ней от голода не умрешь. Может, и соседи иногда ей помогают?

... Янгураз появился лишь вечером.

- Тут у нас достаточно будет времени для общения. А сейчас мне нужно пойти к коменданту и выяснить план работы на завтра.

Янгураз ушел. Его такое ответственное отношение к работе, заставило Шамсира тоже подумать о завтрашнем выступлении. Однако в такой прекрасный вечер сидеть над текстом не хотелось и он вышел погулять.

Шамсир, хоть и держался как человек образованный, на самом деле он не успел в свое время получить высшее образование. Поступив в Уральский коммунистический университет, он еще на первом курсе свалился с тифом. Выздоровев попытался продолжить учебу, но тут из-за нехватки национальных кадров его временно направили на работу по комсомольской линии. И пошло-поехало: разъезды спецпредставителем по вновь организованным колхозам, потом женитьба, работа в школе. Впрочем, что можно было получить, учась в этом Комуниверситете? Во всяком случае, не знания по истории татарского народа. А здесь, в Берлине, он наткнулся на целый клад, целые сокровища исторической литературы, оставшиеся

в Берлине архив и библиотеку, созданного Гаязом Исхаки журнала "Милли юл" ("Национальный путь"). Старик-сторож, бывший сотрудник журнала, любезно разрешил пользоваться всем этим. Именно здесь Шамсир взял в руки книги, о которых на родине знал только понаслышке или не знал вообще. На родине не только читать, но и упоминать эти книги строго запрещалось. Чтение книг Гаяза Исхаки и его журнала привело в порядок разбросанные, запутанные мысли Шамсира. Запрещенные на родине произведения Атласи, Губайдуллина, Баттала, Худякова и других ученых помогли ему еще лучше представить трагедию своего народа.

Шамсир не стремился стать ученым, он больше склонялся к практической деятельности и радовался, что приобретенные в Берлине знания по национальной истории своего народа помогут ему лучше развернуть эту деятельность.

В Германии литературы много, но Шамсир не может ее читать из-за незнания языка. Но и это преодолимо. Шамсир благодаря наследию Гаяза Исхаки может подняться сразу на несколько ступенек на своем пути к знаниям. И как только умудрился Исхаки вывезти свои книги за рубеж! Теперь он, Шамсир, опираясь на его труды, сможет более эффективно вести работу с легионерами, а главное - сумеет лучше убеждать их, развеет те иллюзии, которые десятилетиями накапливались в их сознании.

Шамсира всегда слушают внимательно, и даже с некоторым удивлением. Его доводы, ссылки, примеры производят такое сильное впечатление, что легионеры невольно начинают задумываться. И пусть их пока двадцать-тридцать человек, пусть они все еще сомневаются в верности его слов, но семя брошено и должно дать всходы. Некоторые легионеры уже начинают задумываться: стоит ли с изменившимися взглядами и установками возвращаться на родину, если там, судя по всему, все остается по-прежнему, а может даже и хуже? Шамсир хорошо понимает чувства легионеров и не торопится нажимать, давить на них. Он только беседует, делится с ними теми или иными фактами, сведениями.

Погруженного в думы Шамсира вернул в реальность чей-то голос, напевавший протяжную татарскую песню. Он прислушался.

Соловей мой, что так грустно поешь?
Или клетка твоя ужасно тесна?
Иль печалишься о чем-то в жизни этой,
Как печалюсь о своем былом и я?
Я грущу на воле, ты - в клетке,
Я не в клетке, но душа моя словно в темнице...

Голос поющего был приятным, а песня задушевной. И все же Шамсир забеспокоился: как бы певец не повлиял плохо на легионеров. Отдыхаем на одном из лучших курортов Европы, а он, понимаешь ли, про какую-то клетку поет. Впрочем... Песня тут ни причем, когда душа тоскует, песня приходит сама по себе. И то верно: татарину порой весь мир представляется темницей. Сколько можно терпеть неволю? Песня хоть чуть-чуть, хоть ненадолго успокаивает душу. А может быть, поющий намекает и на сегодняшнее наше положение? Что и говорить, когда тяжело, мы нужны и русским, и немцам. Для достижения их целей. А сами держатся высокомерно, считают нас за людей второго сорта.

Да, только свободный человек может быть гордым. А чтобы добиться свободы, нужно долго и упорно бороться. Долго еще некоторые умники будут раздражать нас, намекая на бесправное положение нашего народа, повторяя при этом наглые утверждения псевдоисториков о диких и невежественных татарах.

Янгураз пытается успокоить нас, утверждая, что и среди немцев есть такие, кто уважительно относится к татарам. А может, они это делают чисто из политических соображений? Кто знает... Дескать, фон Менде еще десять лет назад напечатал статью о нашем Юсуфе Акчуре, проявив уважение к тому, кого якобы давно уже забыли на родине. Дескать, и другие труды Менде пропитаны духом уважительного отношения к татарам. Что ж, вполне возможно. Очень даже может быть. Но одно дерево ещн не лес. У любого народа всегда найдется свой чудак, свой чокнутый. Правда, фон Менде занимает ответственный пост, фактически стоит во главе дела. Разве какому-нибудь чокнутому стали бы доверять важный государственный пост?

- Будем знакомы,- обратился он, когда разыскал певца.- Я - Шамсир. Спасибо, браток, за песню. Ты про-

будил во мне столько мыслей и чувств, что сразу о них и не скажешь!

Он хотел сказать, что так много служил чужим, так много пролил крови, так часто слышал приказы на чужих для него языках и выполнял их, так устал от чужбины, что родные напевы, услышанные здесь, так всколыхнули душу, перевернули ее. Но он понимал, что нехорошо откровенничать с малознакомым человеком. Сочтут тебя либо простачком, либо хитрецом. Поэтому Шамсир удержался от излишних излияний и поменял тему разговора.

- После каменных домов Берлина, наверное, приятно оказаться на лоне природы. Здесь и воздух другой, и виды другие. Этот сосновый бор как райский уголок для меня, выросшего в тайге. Давно ли в легионе?

- Почти с самого начала. Была бы шея, хомут всегда найдется, никого не забудут, никому не позволят принадлежать самому по себе.

- Терпение нужно, браток, терпение. Все вершится по воле Аллаха.

Однако Шамсиру и самому не хватало этого ценного качества - терпения. Он уже в лагере для военнопленных понял, насколько может быть ничтожен, мал и беспомощен человек перед силой Бога. Понял он и то, как глуп и высокомерен бывает человек, отказавшийся от Бога, от веры. А ведь прежде, в свою бытность учителем и директором школы, он вынужден был, пусть и по распоряжению сверху, отлучать детей от веры их предков, рассказывать им о вреде и реакционной сущности религии. Да, он так и говорил им: "Религия - это опиум для народа", или: "Религия - это одна из форм мечтательного восприятия окружающей действительности". То ли от того, что часто повторял он подобные слова, то ли это проделки шайтана, но вскоре Шамсир сам почувствовал, что в нем самом погас огонь веры в Божественное начало. Может быть, эти чертовы марксисты правы в своих утверждениях, что религия пришла к человеку, когда он был особенно бессилен и ничтожен перед силами природы? В лагере для военнопленных, где человек особенно бессилен и ничтожен, наверняка для многих этот "опиум" стал спасением. Тьфу, тьфу, типун мне на язык! Совсем запутался в своих мыслях. Долго ли

так до греха? Лучше поблагодари певца за приятные напевы и поворачивай обратно!

- Когда я шел сюда на звуки песни, то думал о своей судьбе. Как отбившийся от стаи лебедь, плаваю в чужом озере. Видел я и охотничьих собак, и сети. Плавать в озере - что песню петь. В воде крыло не устает. В воздухе - собака не догонит. Чужому горю не печалюсь, чужому счастью не радуюсь я...

- О-о, да вы поэт, оказывается, абый!

- И лебедям, и нам нужны спутники жизни, браток. Всегда надо держаться вместе. Пусть долго звучит наша песня!

После этого Шамсир не торопясь пошел а сторону пляжа. Сосняк здесь был не густой, но там, где смыкались и темнели кусты, Шамсир наткнулся на двух легионеров, что-то оживленно обсуждавших.

-... В прошлом месяце мы сопровождали железнодорожный состав во Францию. Цистерны с бензином, кероси-ном. Ехали как на иголках. Перетряслись: англо-американцы бомбят, попади хоть одна бомбочка - пепла не соберешь. Но нам повезло, живы остались. Только во время одного из налетов шестеро наших легионеров смылись к маки - французским партизанам.

-А ты чего рот разинул?

- Я в паре с немцем был.

- Задушил бы его.

- Да не хочу я к маки. Бежать, так к своим, через Восточный фронт. Туда тоже отправляют оружие и боеприпасы. Решил подождать. Когда ближе к своим, спокойнее.

- А если не пошлют?

- Пошлют. Немцам сейчас солдат не хватает, они согласны и легионеров в караул послать. На пятерых легионеров одного немца, и айда! А мне теперь вроде доверяют, потому что к маки не сбежал. Поэтому и в дом отдыха отправили! В поощрение!

- А я готов и к маки переметнуться. Если американцы высадят десант, может быть, легче будет вырваться отсюда.

- Слушай, нам нужно в одной команде служить. Вместе и убежим. В Узедом постоянно приезжают на-

чальники. Скажешь кому-нибудь: так, мол, и так, хочу проявить себя на поле боя, бомб не боюсь...

- Дурак!.. Впрочем... Отчего не попробовать?

- Попробуй. С надежным товарищем бежать легче. Чем ходить здесь с клеймом предателя, лучше попытаться бежать...

Подождав когда они закончат, Шамсир вышел из укрытия и сказал:

- Ребята, такой опасный ход нельзя делать в одиночку, это опрометчиво. Надо думать и о судьбе остальных легионеров. Если уж бежать, то всем вместе. Однако такое время еще не пришло. А может предстоящая борьба принесет нам славу?

Застигнутые врасплох легионеры вскочили и быстро покинули поляну.

Шамсир запомнил их. Такие вот олухи и попадают впросак, сами в петлю лезут, - вздохнул он. - Что же с ними делать?

Да, они - потомки Волка, все еще мечутся, обложенные со всех сторон охотниками... Правда, создание легиона дало передышку вчерашним военнопленным, но надолго ли? Может, это только отсрочка смерти?

Легионеров посылают то на один, то на другой фронт, в самое пекло. Не то что одну молитву, хоть весь Коран прочитай, а из тисков войны не вырвешься. Но и бежать - не выход, далеко не выход. Многие из воен-нопленных даже не представляют, какая горькая участь ждет их на родине. Они до сих пор надеются на ми-лосердие Советов. Долг Шамсира - не отдать этих заго-ворщиков абверу, а постараться объяснить им, к каким ужасным последствиям может привести их бегство, вну-шить, доказать им, что социалистический рай, равнопра-вие социалистических наций, завоевания социализма - все это туфта, обман, в лучшем случае - пустая мечта. Шамсиру предстоит объяснить, что для достижения равноправия всех наций нужно прежде всего сломать коммуно-большевистскую машину насилия, а для этого следует объединиться с немцами. Правда, не просто будет объяснить те похожие моменты, которые наблюдаются в советском и фашистском тоталитарных режимах. Начнешь разоблачать коммунистов - наткнешься на нечто похожее у фашистов. А легионеры видят эти схожие

моменты, от них ничего не скроешь. На побег их подбивает, видимо, и надежда на то, что после войны в стране пройзойдут изменения к лучшему.

Шамсир и раньше объяснял, что такие изменения могут пройзойти, но только при помощи немецкого оружия. Он говорил им о бесчеловечности советского режима, о необходимости свергнуть его, для чего уговаривал участвовать всем легионом в войне против Советов. Он убеждал, что Германия обещает свободу национальным меньшинствам. Он говорил страстно, горячо...

Но когда немцы на Восточном фронте спотыкнулись об ожесточенное сопротивление, его пыл малость поугас. Теперь он и сам чувствовал себя псом на привязи: уверенность в силе хозяина поколебалась, но все равно он должен "лаять" по-прежнему. И никуда от этого не де-нешься. Некоторые, правда, и вовсе стараются освобо-диться от ошейников...

Когда он вернулся в свой номер, Янгураз просматривал конспекты своих лекций. Узнав от Шамсира о разговоре двух легионеров в кустах, Янгураз сказал:

- Завтра же нужно выяснить кто они. Ничего не говоря немцам! Во время занятий нужно объяснить этим бедолагам, что их ждет в случае побега.

12

Летом 1943 года в Татарском комитете и легионе "Идель-Урал" усилилась подпольная антигитлеровская деятельность. В результате из посланных на Украину и во Францию батальонов многие легионеры группами или в поодиночке перешли на сторону партизан. При таких обстоятельствах трудно было рассчитывать на верность Рейху остальных легионеров. В казармах то и дело находили просоветские листовки, призывающие бороться против фашистов. Абвер приложил все усилия, чтобы вычислить и схватить подпольщиков. Когда в августе прошли аресты зачинщиков, многие удивились: оказывается, подпольные антигитлеровские элементы сидели в таких вроде бы надежных прогитлеровских организациях, как редакция газеты "Идель-Урал" и татарское радио, культурно-пропагандистский взвод легиона. А

ведь это были люди, прошедшие через сито тщательного отбора!

В середине августа арестовали и тех сотрудников-татар, кто вызывал хотя бы мало-мальское подозрение, и на их место назначили людей, считавшихся верными Третьему Рейху. Среди таких назначенных оказался и Шамсир, недавно вернувшийся из Узедома.

Еще в Вустрауском лагере он успел познакомиться с некоторыми деятелями Татарского комитета, а также сотрудниками газеты и радио. Когда Шамсира определили на воспитательную работу в открытый лагерь Вустрау, он написал характеристики на некоторых своих знакомых. И надо же такому случиться, что все они до единого были арестованы за участие в подпольной советской организации. Пришлось держать ответ перед абвером за выданные характеристики.

"Человек - не арбуз, во внутрь не заглянешь, - не моргнув глазом ответил Шамсир. - Ни я, ни вы не можем дать гарантию, что данный человек до конца своей жизни будет придерживаться определенного кредо, тем более, что он до кончиков ушей напичкан коммунистической идеологией. Вспомните хотя бы партайгеноссе Рудольфа Гессе, который пользовался неограниченным доверием фюрера, и тем не менее инкогнито улетел в Англию и навел там такой шорох! Разве вы могли предположить такое?"

Допрашивавший Шамсира седоватый офицер абвера заметил:

"А вы находчивый человек."

"Я говорю это не для того, чтобы оправдаться, герр штандартенфюрер. Как человек, обладающий жизненным опытом, могу подтвердить, что некоторые так называемые идеалисты способны выкинуть такое, что иному человеку и в голову это не придет. Нормальный человек в нормальных условиях органически не способен на глупые выходки."

Работа над выявлением причин, приведших к созданию в центре Берлина подпольной организации под руководством татарского антифашиста Ахмета Симаева, в абвере на этом не закончилась. Последовало приглашение "на ковер" шефа Бюро по связям с татарами герра Унгляубе.

В сентябре Шамсиром неожиданно заинтересовались в более высоких кругах. Идя вслед за Унгляубе по длинным коридорам Министерства пропаганды, Шамсир еще не догадывался, что скоро встретится с самим Геббельсом. И только очутившись в огромной приемной со множеством телефонов, устланной коврами и заставленной цветами, он почувствовал, что предстоит встреча, вероятно, с Геббельсом. Не успел он задуматься над причинами такого вызова, как секретарь - молодой человек в штатском, но с военной выправкой - пригласил их в кабинет шефа.

Кабинет был просторный, богато обставленный. По середине стоял большой стол в виде буквы "Т", за которым сидел мужчина лет сорока пяти, с широким лбом, большим острым носом, бледноватым лицом. Он оторвался от папки лишь тогда, когда вошедшие поздоровались с ним. Ответив на приветствие, жестом пригласил вошедших присесть и снова уткнулся в папку. Острые живые глаза Шамсира сразу же узнали легендарного министра пропаганды, который своими пламенными речами будоражил сознание целых масс.

Йозеф Геббельс продолжал изучать папку, листая страницы или задерживаясь на какой-либо из них. Зоркий глаз Шамсира, сидевшего на расстоянии вытянутой руки от стола Геббельса, разглядел надпись на папке. Там было написано "Дело..." и далее следовала Карагаева фамилия. Шамсир даже успел разглядеть свою фотографию, в фас и профиль. Министр взглянул на фото, на Шамсира, наконец, захлопнул папку и усмехнулся:

- Ну, уважаемые господа, расскажите, успешно ли идет в татарских организациях борьба против большевистской бациллы? Или сами уже заражены этой бациллой?

Широкоплечий дюжий переводчик повторил вопрос для Шамсира по-русски. Унгляубе как бы оправдываясь произнес:

- Майн герр, все разносчики бациллы схвачены.

- Знаю. Но сами то вы не смогли их разоблачить. Смутьяны успели нанести Рейху немалый вред. А раз так, то надо думать, что Бюро по связям с татарами не сможет оправдать наше доверие, а легион "Идель-Урал" -

доверие вермахта. Надеюсь, вы понимаете, к чему я клоню?

Хайнц Унгляубе побледнел - что тучи над его головой сгущаются, он почувствовал уже тогда, когда стало известно, что влияние симаевской группы проникло и в легион. Если легион расформируют, то отпадет надобность и в Бюро. А для Хайнца это значит - Восточный фронт! В объятия смерти! О, Боже! Но ведь, с другой стороны, Симаев работал на радио, которое непосредственно относится к ведомству Геббельса. Может быть, всесильный министр и сам немного проникнется ответственностью и не даст делу большого хода? Как же ему ответить? Какие привести доводы, что ситуация не так страшна?

Шамсир еще в Вустрауском лагере слышал от образованных русских о той большой роли, которую доктор Геббельс сыграл в деле подъема национального духа германцев, о том, что он пользуется не только безграничным доверием фюрера, но и оказал на него известное влияние. Но одно дело слышать, другое - встретиться с глазу на глаз с самим Геббельсом! О возможности такой встречи Шамсир даже думать не мог! Автор романов и пьес, многочисленных газетных и журнальных статей, пламенных речей по радио, доктор Геббельс в Рейхе имел влияния больше, чем восточный министр Альфред Розенберг, считавшийся идеологом фашизма. Шамсир видел Розенберга в лагере Вустрау. Этот располневший мужчина прекрасно знал русский язык, но тем не менее ни разу не поинтересовался Шамсиром. И вдруг Карагаевым заинтересовался... сам Геббельс! Что побудило его? Рапорт того офицера-историка, который допрашивал раненого Шамсира в первый день плена? Или доклад абверовского штандартенфюрера? Предложение членов Комитета? Что он хочет услышать из уст Карагаева? Как бы ни было, Шамсир не из таких, кто теряется, пусть даже перед самим Геббельсом. Уж он то постарается выжать из этой встречи максимум полезного для легионеров, выскажет давно назревшие в нем идеи.

Приняв такое решение, он поспешил на помощь вконец стушевавшемуся герру Унгляубе.

- Герр рейхсминистр! - начал он, покосившись на переводчика. - Море не отвергает и малые реки. Германия

правильно поступает, что в борьбе против большевистской чумы привлекает на свою сторону и национальные легионы. Со временем они исполнят свой долг...

Министр с интересом слушавший его, тут же вставил:

- Но мы не можем ждать бесконечно. Рейх не потерпит измены.

- Человеку свойственно ошибаться. Что касается татарских легионеров, то они лишь вчера начали вытравливать из себя яд марксистско-ленинской идеологии. Германия еще не все сделала для того, чтобы вывести легионеров из затяжного запоя коммунистической утопией, чтобы поднять их на борьбу во имя национальных идеалов.

- Например, что не сделал Дойчланд?

- Шамсир почувствовав, что нащупал-таки нить беседы, уверенно продолжил:

- Когда русские завоевали Казанское ханство, в первую очередь полностью истребили самую передовую часть нации, кто мог бы возглавить национально-освободительную борьбу и вернуть независимость. Татары, сумевшие спастись от геноцида, на протяжении четырех веков подвергались жесточайшим гонениям, лучшие сыны народа преследовались, лучшие умы обрабатывались в духе служения русским, подкупались или уничтожались. Это был настоящий террор! После четырех веков варварской политики татары как нация необычайно ослабли, они вынуждены были ползать на коленях, в то время как другие свободные нации в своем развитии, шли вперед семимильными шагами. Пришедшие к власти большевики объявили свободу и равноправие наций, и бедные татары возрадовались, как малые дети, загорелись надеждой. Слабенькая свеча надежды словно мощный прожетор ослепила очи исстрадавшегося народа. Он верил и не верил. Точнее, верил не веря, потому что не видел больше никакой возможности выбраться из пропасти национального угнетения. Чуть-чуть ослабшую удавку на своей шее татары приняли едва ли не за счастье, несказанно радуясь созданию бутафорской Татарской автономии, которую по наивности приняли за факт воссоздания государственности. Начавшиеся в 1923 году сталинские репрессии против татар народ посчитал недоразумением, ошибкой. Очумелый от четырехвеко-

вого рабства народ поверил и в программу строительства коммунистического рая. После долгих бед и лишений он просто вынужден был проглотить эту сладкую конфету из сказок и грез. От беспрестанных инъекций обмана, причем почти желанных, появилась такая жесткая зависимость, что от нее не освободиться в одночасье. А вы хотели за несколько месяцев в корне изменить мировоззрение татар, у которых притупилось даже чувство национального самосознания, и создать из них легион, боеспособность которого не уступала бы вермахту...

Геббельс слушал скороговорку переводчика и с нарастающим интересом смотрел на Шамсира.

- Так быстро и легко цели не добиться, герр рейхсминистр, - продолжал Шамсир, постепенно входя в роль. - Вот вы руководимый фюрером, сколько лет потратили на то, чтобы подготовить и вдохновить на новые свершения героический немецкий народ, который заметьте (!) - никогда не знал рабства!

- Зер интересант! - кивнул головой министр.

- Так почему же вы думаете, что татар удастся бросить на войну против большевиков, предварительно не вытравив из их сознания тех же самих большевиков? Русские принесли нам вшей, научили пить водку, и объявили, что "принесли на Восток культуру!" Возможно, на Западе иная культура, и немцы готовы ею делиться? Почему Рейх не дает возможности легионерам поближе познакомиться с этой великой культурой, попробовать эту цивилизацию, как говориться, на зуб? Или вы боитесь, что если мы откроем для себя Баха, Бетховена, Вагнера, Гете и других великих немцев, то, чего доброго, слишком полюбим Германию и начнем считать ее своею? Естественно было бы поверить, что только подружившись с таким народом и вливаясь в его ряды можно скинуть с шеи ярмо русско-большевистского ига. Не жратва, табак или шнапс делают человека борцом, а пища духовная, вы это, господин рейхсминистр, знаете лучше меня. Но именно духовной пищи не хватает легионерам "Идель-Урала", вследствие чего упомянутая вами бацилла большевизма находит к ним свои лазейки. Ибо, как говорят у нас, если где-то нет коня, то запрягают верблюда или осла...

Тут Геббельс с сожалением воскликнул:

- Как жаль, что вы не немец!

- А я горжусь тем, что татарин.

- Это так. И все же, если бы вы были немцем, то смогли бы работать с нами в гораздо больших масштабах. Нам нужны именно такие как вы!

Герр Унгляубе, напряженно следивший за разговором, наконец, успокоился: Восточный фронт ему теперь не грозил. А Шамсир решился - была не была! - задать Геббельсу очень непростой и очень беспокоящий его вопрос:

- Герр рейхсминистр! Есть еще один очень больной вопрос, который вносит в душу легионеров сомнения и ставит в трудное положение пропагандистов. Возможно, в нем кроется и главная причина, толкнувшая некоторых татар на создание в Берлине подпольной организации.

- Что за вопрос?

- Рейх заверяет Татарский комитет, что в будущем будет создано государство Идель-Урал. В то же время вы обещаете власовцам восстановить "единую и неделимую Россию". Как же может возникнуть государство Идель-Урал при единой и неделимой России?

- Не занимаемся ли мы дележом шкуры неубитого медведя?

- У нас говорят: один корову доит, другой ее за рога держит. Надеюсь, понятно, что легионеры не горят желанием остаться лишь с рогами в руках. Мы уже обожглись на обещаниях большевиков.

- Камрад Карагаеф, говоря о "едином и неделимом" Русланде, нужно иметь в виду прежде всего ее исторические границы. И не забывайте, что по мере увеличения вашего вклада в победу будет увеличиваться и благосклонность к вам Рейха. Вам сейчас нужно думать только о том, как скорее приблизить победу. Знаете, почему фюрер так уважает финнов? Потому что за свою свободу они сражаются как рыцари. Как рыцари! Каждый сам должен добывать себе счастье.

Шамсир слышал, конечно, что министр пропаганды за словом в карман не лезет. Сейчас он убедился в этом самолично. "Историческими границами России" он ловко заткнул рот Шамсиру. Со стороны все выглядело убедительно, но сомнение все же не покидало Шамсира. Если бы сейчас перед Геббельсом сидел власовец, рейхсми-

нистр "пел" бы по-другому. На самом деле не особенно волнуют его и русские, и татарские интересы, но Русская Освободительная Армия несравненно сильнее и многочисленнее небольших национальных легионов, и в военном отношении для Германии весьма выгодно использовать ее против большевиков. Поневоле пообещаешь Власову "единую и неделимую". Понять это не трудно, но легче от этого не становится. Почему бы не попробовать вбить клин в такое фашистско-власовское сотрудничество? Как говорится, сунув голову под топор, обуха не боятся!

- Герр Рейхсминистр, - вкрадчиво начал он. - Я ничуть не сомневаюсь, что власовцы стремятся воссоздать "единую и неделимую" в границах 1940 года. Только это удовлетворит их амбиции. Но в таком случае Россия превратится в серьезного соперника Третьего Рейха. Сейчас власовцы сражаются за Россию без большевиков, а небольшевистская или добольшевистская Россия, как известно, в 1914 году напала на Германию. Вы учитываете это обстоятельство? Лучше надежный посох, чем коварный спутник. Татары же всегда противостояли России, а значит, были потенциальными союзниками Германии.

- О, зер интересант! Интересные мысли. Однако, татары служат в российских войсках!

- Не по своей воле, - тут же уточнил Шамсир. - Не кажется ли вам, что именно в силу указанных мной причин отношение Рейха к России и будущему Идель-Уралу не должно быть одинаковым?

- Бесспорно. После войны мы сможем найти справедливое решение этого вопроса.

- А вы не могли бы уже сейчас через прессу сказать об этом? Ваше выступление, во-первых, вселило бы надежду в сердца легионеров и сплотило бы их, во-вторых, закрыло бы последние лазейки для большевистской бациллы.

- Понимаю. Думаю, будет лучше, если эту мысль выскажет сам фюрер. Подождем!

Вот так ловко доктор Геббельс отклонил просьбу Шамсира. Словом, не дал поймать себя в ловушку. Шамсир невольно подумал: видимо, и власовцы, и легионеры нужны Германии, лишь как пушечное мясо. Татарин немало натерпелся от "справедливости" победителя. Но

сейчас продолжать спор с Геббельсом было бы также бесполезно, как плыть против течения или плевать против ветра. Поэтому Шамсир утихомирил свою извечно бунтарскую натуру и в дальнейшем отвечал на вопросы министра спокойно, точно, взвешенно, не забывая, впрочем, осторожно возражать там, где это было безопасно, и выдвигать некоторые предложения, выгодные и Германии, и легионерам. Он чувствовал, что понравился рейхсминистру своей независимой манерой суждения, своей смелостью, граничащей даже с дерзостью, наконец, своей прямотой и остротой мыслей. Во всяком случае, прощаясь, рейхсминистр даже привстал со своего кресла и протянул Шамсиру руку, изобразив на лице улыбку. И тут Карагаев увидел, как непропорционально велика голова Геббельса по сравнению с его тщедушным маленьким тельцем. Словно тоненький грибочек с большой шляпкой. И этот сморчок вдохновляет своими речами миллионы немцев! Поистине неисповедимы пути господни.

Шамсир долго сидел в приемной, ожидая, пока Геббельс и Унгляубе наговорятся тет-а-тет. Видимо, у этих двух истинных арийцев было что скрывать от русланд-тюркена.

Сидя на диване, Шамсир вновь прокручивал в голове свою беседу с Геббельсом. Он вспомнил, с каким сожалением министр произнес: "Как жаль, что вы не немец!" Выходит, Шамсиру для совершения грандиозных дел, мешает его ненемецкое происхождение. А в России Шамсиру мешает его нерусское происхождение! Странно: и там, и здесь татарину мешает одна и та же причина - что он татарин!

Последствия своего неугодного происхождения Шамсир ощущал и раньше, но после того, как это со всей прямотой тевтонца выложил ему сам министр пропаганды Третьего Рейха, Карагаев и вовсе пал духом. Нет, конечно, он никогда не оборвет пуповину, связывающую его с родной землей. Он обречен всю жизнь страдать за близких, переживать за родину, искать единомышленников среди таких, как он сам. Осознание этой обреченности здесь, в Германии, потрясло Шамсира. Он живо представил себе берега Иртыша и затерянную в тайге деревушку, увидел лица родителей, жены, детей... Это

видение с быстротой молнии пронзило его сердце, и Шамсир почувствовал, как предательски защипало у него в глазах, а к горлу подкатил комок. Внешне спокойный, но весь дрожа внутри, Шамсир здесь, в приемной Геббельса поклялся верности предкам, родителям, семье. Он не изменял им, и не изменит, но мосты для возвращения сожжены. И все это из-за непомерных амбиций и аппетитов двух дерущихся между собой чудовищ!..

В лагере Вустрау соседом Шамсира по нарам был простодушный, прямой, открытый и немного взбалмошный десантник по имени Рахим. На фронте этот крепкий парень попал в окружение, а затем и в плен. Фашистов он ненавидел всем сердцем, днем и ночью думал, как бы напакостить им, писал стихи, прославлявшие родину. Шамсир не питал симпатий к безрассудным, горячим парням, но все же ему импонировали в Рахиме честность, искренность, чувство обостренной справедливости. После Вустрау их дороги разошлись. Карагаев отправился в Радом, а Рахим - в Берлин, в редакцию газеты "Идель-Урал". Неистовый советский патриот, Рахим, конечно, сразу же вошел в подпольный кружок Симаева. Его неосторожные слова вызвали подозрение у абвера. Почувствовав это, Рахим уехал в Радом, откуда вместе с несколькими легионерами бежал к партизанам. Лишь через месяц стало известно об ужасной и нелепой смерти Рахима. Тех партизан разгромил карательный отряд немцев. Среди пленных оказался и крещеный татарин Петров, доставленный в Радом. Он и рассказал легионерам о кончине Рахима.

"Примерно месяц назад в наш партизанский отряд пришли пятеро сбежавших татарских легионеров, - вспоминал он. - Наши им не очень-то поверили, думали, что это подосланные шпионы. Начали допрашивать всех, тщательно, с пристрастием. Особенно придирались к одному парню по имени Рахим, который работал в Берлине. Горячий был парень - полез в драку, чтобы доказать свое, что он чист. Ну, и наши обозлились, и до смерти избили его.

"Зачем он так распалился? - думал Шамсир. - Чтобы доказать, что он не предатель? От Рахима этого можно было ожидать. Но разве не был он чист перед Родиной, как слезинка?"

Весть о гибели Рахима холодным обручем сдавила ему сердце. Ведь и он, Шамсир, способен на горячие чувства, и он любит родину, пишет стихи, пусть не такие талантливые, как были у Рахима. Но что делать, если родина стала для тебя мачехой и поджидает тебя со скалкой в руке? Если уж партизаны так неистовствуют, что же ожидать от НКВД?

Долго еще он пребывал бы в отрешенном состоянии, если бы вышедший от Геббельса герр Унгляубе не тронул его за плечо. Шеф не дал ему времени на раскачку и приказал сегодня же приступать к работе на радио.

Как выяснило гестапо, антифашистские листовки симаевцы печатали на пишущих машинках в татарской редакции Берлинского радио. Для выявления виновных все сотрудники редакции были арестованы. Чтобы передачи не прерывались, Татарскому комитету пришлось немало попотеть. Поскольку симаевцы были выявлены и в редакции газеты "Идель-Урал", возникла потребность в замене сотрудников и этой редакции. Поэтому Шамсир сразу же по приезде в Берлин с головой погрузился в работу. Янгуразу поручили помогать и газете, и радио. Через некоторое время невиновных сотрудников освободили и вернули на прежние должности.

Работа на радио не отличалась творческим началом. Получасовые передачи состояли из переводов с немецкого или русского плюс немного музыки. Такая однобокость удручала Шамсира. Ему пришлось на ходу осваивать навыки и оператора, и звукорежиссера, и диктора, но это не удовлетворяло его. В передачах почти не оставалось национального духа. Руководство не позволяло им работать самостоятельно. Шамсир завел было об этом разговор с Янгуразом, но тот предупредил его:

- Сейчас не время говорить об этом с немцами. Пусть уляжется шум вокруг симаевцев, позже видно будет.

- Наоборот, нужно ковать железо пока горячо. Можно даже сослаться на то, что неудовлетворенность условиями работы явилась одной из причин симаевщины.

- Москва же вообще не транслирует татарские передачи. Об этом прекрасно знает восточный министр господин Розенберг, считающий, что и так оказывает нам щедрую услугу, позволяя работать редакциям татарских

радио и газеты. Требуя большего, можно остаться и без малого.

- Большего?

- Не забывай, что в Берлине для нас, бывших военнопленных, открыли газету, журнал, организовали радиопередачи и даже создали хоровую капеллу. И теперь, когда немцы потерпели неудачу на Курской дуге, когда в Италии пал Муссолини, и неприятель вытеснил немцев из Африки и Италии, ты хочешь требовать чего-то большего? Будь реалистом!

Похоже, Янгураз рассуждал трезво. Этим летом немцы терпели поражение за поражением. Даже хваленые германские подлодки стали нести потери, так как флот и авиация англо-американцев научились обнаруживать их с помощью локаторов и топили их десятками. Такие промышленные германские города, как Киль, Дортмунд, Гамбург, ночью подвергались ударам английской, а днем - американской авиации. Северо-запад Германии на глазах превращался в руины. Геринг, еще недавно хвастливо бивший себя в грудь, ничего не мог противопоставить этим ударам. Когда в августе возле Пеневмюнде был срав-нен с землей завод по производству фау-снарядов - на-дежда и гордость фюрера - многие немцы и вовсе пали духом. Восемьсот тысяч из миллиона жителей Гамбурга остались без крова и средств для существования. Руко-водству Рейха из охваченных бомбежками районов стра-ны шли и шли письма с жалобами. Кто в такой обста-новке обратит внимание на жалобу какого-то азиата Шамсира? Разве что к ногтю его прижмут или взгреют для острастки.

Осенью Янгураз продолжил учебу в университете, а такие, как Сабанчи, продолжали тихонечко трудиться на своих заводах, фабриках и фермах, радуясь, что война, наконец-то обошла их стороной. Шамсир презирал их за такую позицию, он жаждал энергичной деятельности. Когда на родине ему дважды приходилось прервать учебу в Уральском комуниверситете, он воспринял это как веление судьбы. Теперь ему уже за тридцать, и он в плену, казалось бы, какая учеба в его теперешнем положении? Разве не хватало ему разных курсов, легких образовательных книг типа "В помощь ликбезу" да своего жизненного опыта? И потом: если он всерьез

увлечется наукой, кто же будет здесь заботиться о судьбе соплеменников?

Когда выяснилось, что батальоны легиона "Идел-Урал" непригодны для Восточного фронта, их разбросали по разным местам: во Францию, Голландию, Польшу, где они в основном несли караульную службу. Татарский комитет старался по мере возможности уберечь легион от такого распыления, вернуть доверие вермахта, и в этих целях еще более оживил культурно-пропагандистскую работу, посылая своих активистов в разные места дислокации легиона. Шамсира, например, послали в Польшу, в Познань, Краков, Ченстохов и другие города, где отряды легионеров несли охранную службу на военных заводах, стратегических мостах и других объектах. Нужно было провести большую воспитательную работу, чтобы уберечь легионеров от влияния польского сопротивления, удержать их от побега к партизанам. Кроме того, такое путешествие дало бы новые материалы для радиопередач.

13

Выйдя от Шамсира, Янгураз быстро договорился с комендантом пансионата: определил порядок занятий на курсах. На этом деловая часть дня завершилась, поэтому Янгураз не дожидаясь ужина, поспешил к Софи.

По дорогеИдя в пансионат "Адольф Гитлер", он думал о Шамсире, который явно хотел большего сближения с ним. С одной стороны, это льстило Янгуразу, а с другой - доставляло известную головную боль. Слов нет: они были единомышленниками, близкими по духу людьми. В то же время они невольно становились соперниками перед германскими властями. Шамсир был старше Янгураза на десять лет, имел житейский опыт, отличался смелостью и находчивостью, чем, несомненно, нравился руководству. Янгураз же имел перед ним одно неоспоримое преиму-щество: свободно владел немецким языком. Кроме того, он был такой обходительный, что при его незаурядном уме делало его еще более привлекательным. Наверное поэтому он в Бюро по связям с татарами превратился во влиятельного человека.

Являясь всего лишь переводчиком главы Бюро Унгляубе, Янгураз тем не менее, а может, именно поэтому пользовался особым доверием шефа, который часто советовался с ним по поводу тех или иных татарских деятелей или даже некоторых руководителей Татарского комитета. Хотя многие и недолюбливали Янгураза, считая его выскочкой - из грязи в князи, но вынуждены были считаться с ним. Не делая никому из них ничего плохого, Янгураз стремился сохранить свой пост и влияние, и поэтому не хотел, чтобы Шамсир в чем-то опередил или превзошел его, заслужив особое доверие Унгляубе или профессора Менде. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Конечно, он никому не открывал всех секретов, в том числе и Шамсиру, хотя и уважал его за неутомимую заботу о легионерах, за его деловитость и энергичность. Кроме учебы в университете, Янгураз выполнял неотложные поручения Унгляубе, занимался изданием немецко-татарского журнала, потому у него не оставалось ни сил, ни времени подобно Шамсиру ездить по другим регионам и делать многое для легионеров, Бюро, Комитета. Янгураз вынужден был полагаться на Шамсира, когда ему требовались те или иные сведения о легионерах. По правде говоря, он больше был озабочен укреплением своих связей в высоких германских кругах, нежели возней с легионерами. Неожиданно спасенная им фрау Софи позволила Янгуразу как бы одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Счастливый случай! По-другому он никак не смог бы даже на пушечный выстрел приблизиться к этому высокопоставленному семейству. При других обстоятельствах фрау Софи, возможно, даже не взглянула бы на какого-то татарина. А сейчас она увлеклась им, и, кажется, имеет на него серьезные виды.

Что Янгураз должен делать, чтобы чувства женщины не погасли, как бенгальские огни? Ведь не секрет: пожелай Софи, и она найдет себе для любовных утех любого из высокопоставленных арийцев, отдыхающих здесь. Значит, Янгуразу нужно больше стремиться к духовной общности, нежели телесной. Женщине, наверное, не захочется терять человека, который вызывает в ней не только физическое влечение, но и уважение, духовную близость. А если так, то Янгураз должен по возможности

сдерживать свою страсть. Сила настоящего мужчины заключается не столько в умении обладать телом женщины, сколько в умении найти ключ к ее душе. Восторги от удовлетворения полового инстинкта - прерогатива безусых юношей, а умение обуздать эмоции, сдерживать желания - это то достоинство, которое делает мужчину личностью. Непросто вырабатывать в себе это достоинство, но тем почетнее, ибо позволяет мужчине завоевывать в жизни новые высоты. Если Янгураз не хочет тонуть в воде и сгореть в огне, ему нужно воспитывать себя именно в этом плане. Слава Богу, Янгураз хорош собой, молод, силен, здоров, и у него должно хватить сил на обуздание своих страстей, во всяком случае до поры до времени. До нужного момента. И Янгураз, словно клятву, повторял: "Должно хватить! Должно хватить сил!"

Как и договорились по телефону, Софи встретила его на аллее перед пансионатом. Погуляв немного, они поужинали, потом зашли в одно из прибрежных кафе, чтобы выпить вина.

- Сегодня мне хочется немного опьянеть! - улыбаясь сказала Софи. - Здесь я чувствую себя птицей, вырвавшейся из клетки на свободу.

- Здесь можно не только насладиться свободой, но еще и хорошо развлечься, - поддакнул Янгураз. Было видно невооруженным глазом, что в этом пансионате отдыхали люди солидные, влиятельные. Из репродуктора лилась легкая музыка. Слышался шум волн, ритмично набегающих на берег. Воздух был насыщен йодом и запахами водорослей. На небе начинали мерцать звезды. На открытой площадке кафе чинно сидели отдыхающие, наслаждаясь благами мимолетной жизни. У Софи, вероятно, было такое же состояние, потому как она тихо сказала:

- Как хорошо, что вы догадались пригласить меня сюда!

- А без вас узедомские вечера потеряли бы как минимум половину своей прелести. Спасибо, что согласились приехать!

- Это я должна вас благодарить. А легионерам тоже понравился Узедом?

- Еще бы! Для них отдых в Узедоме лучший подарок перед отправлением на фронт.

- Почему вы так мало пьете? Не нравится вино?

- Я пьянею от одного вашего присутствия. Вы не только утонченная красавица, но и волшебница, из-под изумительных пальчиков которой может литься чарующая музыка.

- Преувеличиваете, майн гелиебтер, и все же приятно слышать.

- Мне не приходится прилагать особых усилий, чтобы хвалить вас, или льстить вам. Достаточно сказать лишь правду, что я и делаю. И потом... Вы только начали раскрываться.

- Вот как! - засмеялась фрау Софи. - Значит, мне еще придется постараться?

- Не придется, вы так прекрасны, так естественны, и вам все к лицу.

- Данке шен, вы - галантный кавалер!

Хотя Софи и выразила желание "немного опьянеть", особо не увлекалась спиртным. И все же выходя из кафе они прихватили с собой плитку шоколада и несколько бутылок пива и лимонад. Несмотря на возражения Софи, на этот раз заплатил Янгураз.

- Вы - гость, так нельзя!

- А у нас в гости с гостинцем ходят.

В номере они включили настольную лампу и посидели еще немного. Не валиться же сразу в кровать. Фрау Софи разлила по бокалам напитки и сказала:

- В номере тепло, вам будет жарко в пиджаке. И галстук, кстати, тоже можно снять.

Сняв пиджак и галстук, Янгураз подсел к столику, поднял бокал с пивом и весело произнес:

- Вот уж не думал, что когда-нибудь буду сидеть в таком шикарном номере да еще с берлинской красавицей!

- Сами виноваты! Вынесли меня из вагона, заключив в свои крепкие объятия...

- Вы все помните? - удивился Янгураз.

- Тогда я была в оцепенении от страха, и ни о чем таком и думать не могла, лишь подчинилась вашей воле. И только позднее я вспомнила все до мельчайших подробностей. И знаете... что интересно... Я только потом поняла, как мне было приятно находиться в ваших объятиях.

- О-о, ради Бога извините! Я хотел лишь успокоить вас.

- Сами виноваты в том, что достигли большего! - Софи лукаво улыбнулась и добавила: - Вот так вы пробудили во мне глубокое доверие. Поэтому я и согласилась приехать сюда.

Они сидели на диване вплотную друг к другу. Янгураз протянул свой бокал, чтобы чокнуться и сказал:

- За ваше счастье!

- А ваше?

- Счастье мужчины во многом зависит от женщины. Захотите - сделаете нас счастливыми, не захотите...

- Хочу!

Янгураз обнял ее за плечи:

- Какая вы хорошая! Только жаль, что в ближайшее время мне еще нельзя будет жениться.

- Да и я пока не спешу замуж.

Янгураз грустным голосом сказал:

- Значит, мы не сможем окунуться в море пылких чувств.

- Почему это не сможем? Мы же не в монастыре живем!

После этих смелых слов Софи и под воздействием ее чар все благопристойные намерения и клятвы, с какими шел сюда Янгураз, в мгновнеие ока растворились в океане нахлынувших чувств. Он еще крепче обнял Софи и зашептал:

- Действительно, почему?.. Только дело в том, что так уж я воспитан. По татарским обычаям парень не должен домогаться близости с девушкой, если не намерен на ней жениться.

Софи удивилась:

- Зер интересант. Даже если девушка сама этого хочет?

- Обычно девушки не хотят. Вернее, может, и хотят, но хранят невинность для будущего жениха.

- Может, это и хорошо. Но вы же не будете ждать от меня того же?

Этот игривый тон Софи смутил Янгураза. И теперь надо было делать одно из двух - либо сказать "нет" и подвести черту под их отношениями, либо от слов переходить к делу. Но тут Янгураз опять вспомнил о своих

клятвенных заверениях и снова разум начал возобладать над чувствами... Однако ведь ничто не чуждо живому человеку, в том числе и проявление любовной страсти. Только вот пришло ли время для выражения этой страсти? Нужно ли спешить?

- Может, вам покажется смешным, - неловко начал он, ругая себя самыми последними словами, - но я почему-то ценю духовную близость больше всего.

- А вы считаете, что мы еще не достигли этой духовной близости?

- Не знаю.

- Зачем же вы пригласили меня сюда?

- Чтобы подружиться с вами, чтобы открывать друг другу неизвестные миры.

Софи улыбаясь посмотрела на него:

- Что ж, у вас благие намерения. И я, кажется, уже готова к этому.

Почувствовав в голосе Софи издевку, Янгураз отбросил остатки своих сомнений и страстно поцеловал ее в губы. Они долго обнимались и целовались. Потом выскользнув из его объятий, Софи подняла бокал с пивом и сказала:

- Я хочу, чтобы вы также были счастливы!

Они снова долго и страстно целовались. Затем Софи приняла теплый душ, переоделась в легкий халатик и начала стелить постель. А Янгуразу она шутливо заметила:

- Здесь для вас нет ни отдельной комнаты, ни отдельной постели.

Янгураз выключил настольную лампу, разделся и подсел к Софи, которая все еще не решалась лечь. Обняв ее, он со сладостным трепетом почувствовал сквозь тонкое белье роскошное тело желанной и жаждущей любви женщины. Его последние сомнения улетучились прочь...

...В эту ночь полная луна смотрела на грешную землю сквозь пену мягких облаков, а соленые морские волны накатываясь на песчаный берег, старались меньше шуметь, словно хотели смягчить свое предосудительное отношение к грешному, но искреннему и пылкому опьяняющему чувству двух влюбленных в пансионате "Адольф Гитлер". Да и странным было бы обращать внимание на

этот маленький грех а то время, как вся земля покрыта грехами.

Днем Янгураз был занят с легионерами, а вечером исчезал, как полагал Шамсир Карагаев, по секретным делам. Об этих секретних делах знали только сам Янгураз и Софи...

Вернувшись из Узедома, он обнаружил письмо от Халимы. Девушка прислала ему все данные о себе и фотографии для паспорта, а также сведения о некоторых других девушках тюрко-татарского происхождения. От себя она приписала лишь "Здравствуй!" и "До свидания!"

Значит, обиделась. Не беда, получит паспорт и быстро забудет об обиде. Не Янгураз придумал этот мир, в котором испокон веков заведено: кому-то бублик, а кому-то дырка от бублика.

- Халима уже мечтает разгуливать по Берлину свободным человеком, - сказал Рамзи. - Она наша, не жалко и помочь. А ты словно окрылил ее. Действительно сможешь сделать паспорт?

- Постараюсь.

Янгураз на все вопросы Рамзи об Узедоме и легионерах отвечал осторожно, односложно, не впадая в подробности. Он все еще находился в плену бурных чувств фрау Софи, ощущая себя на седьмом небе от счастья. Заботы других людей казались ему мелочными, ничтожными. Прошло какое-то время, прежде чем он понял, что нехорошо так отдаляться от товарищей и сам заговорил с Рамзи:

- Знаешь, жалко, что в Узедоме не было Ишкая, - усмехнулся он. - Его анекдоты и шутки пришлись бы там как нельзя кстати.

- Ты его не собираешься переводить в Берлин?

- Действительно, почему мы забыли о нем? Он же в письме жаловался, что не с кем поговорить на родном языке. Янгуразу стало совестно, что, замкнувшись на собственных проблемах, он стал забывать товарищей по лагерю. Не пристало дипломированному медику убирать навоз в хозяйстве какого-то фермера. Да и по-немецки он, наверное, уже лучше говорит. Почему бы не определить его по специальности? Кстати, не мешало бы навестить Ишкая, ведь он сам приглашал, расписывая красоты альпийской земли. Тем более, что рядом ней-

тральная Швейцария, где, в случае чего, можно будет скрыться легионерам...

Сказано - сделано. И Янгураз купил себе билет на мюнхенский поезд на следующую субботу...

* * *

В апреле Ишкай добился-таки своего - фермеры по фамилии Крюгер взяли его к себе в работники на ферму, которая располагась в одной из альпийских долин.

По ночам его все еще мучили кошмары плена. Он просыпался в холодном поту и озирался вокруг, словно спрашивал: "Где я?" Потом он долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок и вновь переживая события, приведшие его к ужасам концлагерей. "Где, когда я допустил оплошность?" - мучился он вопросом.

Однажды санчасть, где служил Ишкай, прикрепили к штабу дивизии, после чего и начались скитания за штабом. Осенью они попали в окружение. Чтобы догнать линию фронта, шли каждую ночь меняя место дислокации, пытаясь найти лазейку сквозь немецкое окружение, двигаясь исключительно ночью, днем отсиживаясь где-нибудь в лесу.

На рассвете того дня, когда он попал в плен, санчасть спрятала свои машины в придорожной лесопосадке. Там же приютились и штабные офицеры. Немцы беспрестанно бомбили места, где могли спрятаться части окруженной дивизии. Едва двадцать-тридцать самолетов сбросив свой смертельный груз, разворачивались на свою базу, как на горизонте появлялись новые эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков. Неделями они хозяйничали в воздухе, в поисках советских самолетов. Кроме физического урона, фашистские стервятники наносили урон моральный, подрывая дух и так надломленных бойцов, с каждым днем все больше и больше терявших надежду на прорыв. После полудня воздушные атаки усилились, штурмовики на бреющем полете поливали из пулеметов лесок, где спряталась санчасть. Спустя немного времени послышался лязг гусениц: это пошли немецкие танки. Вскоре прервалась и связь со штабистами, засевшими в наскоро вырытых на рассвете окопах. И врачи, и санитары, и раненые почувствовали приближение неминуемой гибели. Вдруг откуда-то сзади прямо

на них градом посыпались разрывные пули, срезая ветви деревьев и вздымая фонтаном землю.

"Немцы! Мы окружены!"- крикнул кто-то.

Да, лесок оказался уже оцепленным. Началась паника. Вернее, она уже была и лишь усилилась. Для оказания сопротивления оставалось слишком мало оружия и боеприпасов, дивизия давно уже не представляла из себя цельную боевую единицу, поредели даже ряды штабных автоматчиков. В этот момент кто-то из штабистов дал команду: "По машинам!"

Шоферы выкатили машины из укрытий, и штабисты в мгновение ока погрузились кто в кабину, кто в кузов. Машины санчасти были забиты ранеными, поэтому Ишкай бросился к одной из штабных машин и успел залезть в кузов, втиснувшись в левый угол. Штабисты лежали ничком, закрыв голову руками. Справа распластались полковник и два молодых офицера. Машины с ревом выскочили на шоссе и помчались на восток, пытаясь вырваться из окружения и догнать фронт.

Окопы справа от шоссе уже были заняты немецкой пехотой, которая обрушила на маленькую колонну советских машин шквальный автоматно-пулеметный огонь. А над шоссе пролетали, едва не задевая телеграфные провода, штурмовики, в упор расстреливая колонну.

Машина, в которую запрыгнул Ишкай, тряслась от напряжения и мчалась с возможной и даже невозможной для нее скоростью. Нервы людей были напряжены до предела. Особенно неистовствовал полковник, который, выкатив глаза, орал шоферу: "Быстрей! Быстрей!"

И вдруг он затих. Разве убежишь от самолетов на машине? В кузове послышались стоны. Один из молоденьких офицеров хрипел, пытаясь выплюнуть изо рта кровь. Лязг танков, вой штурмовиков, разрывы бомб, пулеметная очередь, крики раненых и умирающих, чьи-то отчаянные приказы, цокание пуль о металлические части машины - все это слилось в единую страшную какафонию смерти и превратило мир в апокалипсис...

Ишкай при каждом вздохе прощался с жизнью. "Вот значит как я должен умереть!" - стучало в голове. Время для него как бы остановилось, растворившись в неимеющей граней катастрофе...

Вдруг машина дернулась и заглохла. В чем дело? Ранен шофер? Пробит мотор? В эту минуту стрельба стала стихать. Из кювета послышалась немецкая речь.

Ишкай не рискнул поднять голову. Может быть, враг оставит подбитую машину и покатит дальше на восток? А Ишкай тем временем незаметно выберется из машины и спрячется где-нибудь в кустах? Никто из лежавших в кузове не издавал ни звука: то ли убиты, то ли без сознания.

Вдруг из кювета, где засели немцы, раздался крик, вроде кто-то дал команду. Ишкай ничего не понял. Через минуту команду прокричали снова. Может, приказывают слезть с машины? Но Ишкай продолжал лежать. Прямо над его головой проносились штурмовики, но в машину уже не стреляли.

Не зная, что и кто в машине, немцы не осмеливались к ней подходить. В эту минуту кто-то кинул в машину зажигательную гранату, и машина тут же вспыхнула. От взрыва уши Ишкая заложило. Жар обдал его с ног до головы. Поняв, что промедление смерти подобно, он в ту же секунду - и откуда силы взялись? - выпрыгнул из машины, и тут же почувствовал упершийся ему в бок ствол автомата. Черноглазый молоденький солдат в редкими веснушками на лице быстро обыскал его, отобрав ремень с кобурой. Ни деньги, ни документы, ни другие личные вещи он не взял. Жестом и шепотом велел идти за ним в кювет, где они и залегли.

В кювете, в окопах, насколько мог охватить взгляд, вперемешку залегли немецкие и советские солдаты, дороги и обочины были забиты автомашинами, с которых то и дело начинали стрелять, на что немцы тут же отвечали автоматным огнем. Машина, на которой ехал Ишкай, сгорела на его глазах вместе со всеми, кто там оставался, убитыми и ранеными на его глазах. Остался лишь почерневший остов машины, шасси и покореженная кабина.

Среди советских пленных бойцов были раненые. Один из них, с залитым кровью лицом, все стонал: "Воды! Воды!" Ишкай своему конвоиру дал понять, что раненый просит пить. В ответ солдат с видимым сожалением потряс пустой флягой: нету, мол, воды, что поделаешь! И тогда Ишкай впервые подумал: "Смотри-

ка, и в них есть человечность!" Его удивление легко было понять: ведь до этого он только и слышал от политруков, что фашисты изверги, безжалостные оккупанты.

Вскоре стрельба вдоль дороги стала утихать. Один из немецких солдат вышел на середину шоссе и стал махать своей фуражкой, подавая какие-то знаки проносящимся над головой самолетам, после чего штурмовики взяли курс на другие квадраты и быстро скрылись из виду. Немецкие войска покатили дальше на восток, оставив лишь группы сопровождения для пленных. С этого дня Ишкай с другими пленными двигался на запад. Началась его лагерная жизнь с ее невообразимо тяжелыми, нечеловеческими условиями существования: Сольцы, Порохов, Рига, Тильзит, Берген-Белзак... Когда вокруг четверо из пятерых умирали от голода, холода, воспаления легких, тифа и других болезней, Ишкай сумел выжить. И вот теперь он в этом благодатном краю: у подножия Альп, на ферме фрау Крюгер.

Поместье, начинавшееся в километре от асфальтового шоссе, было сплошь покрыто густой зеленой травой. Вдоль дороги росли раскидистые деревья, от шоссе на ферму вела узкая дорога из мелкого гравия, посыпанная сверху песком. Дом от хозяйственных строений отделен живой зеленой изгородью. На территории поместья среди маленьких лесочков, где росли урема, березы, дубки и сосны, растилались аккуратно возделанные поля, неодинаковые по размеру, но одинаково любовно ухоженные. Немного южнее начинается склон. Там внизу густые леса с красивыми ровными зелеными опушками. Далеко на востоке белеют хребты Альпийских гор, а у подножия видна синяя гладь озера. А воздух здесь такой, что дышишь и не надышишься.

Почва в этих краях мягкая, но не очень плодородная, подзолистая. И все же хозяева собирали приличные урожаи овса, пшеницы, кукурузы, хотя главным занятием на ферме было животноводство. Здесь содержалось более тридцати голов коров и множество домашней птицы. Сам хозяин был на фронте, сына тоже недавно призвали, так что все заботы теперь легли на плечи фрау Гунды и ее дочери-подростка Ады.

Фрау Гунда воплощала в себе тип крепкой домови-той немецкой фермерши. На вид ей было не более сорока, она была здорова, сильна и немногословна. В первый же день она указала Ишкаю, где он будет спать, дала ему рабочую одежду и повела по животноводческим помещениям, объясняя его обязанности. В общем, ему поручалось ухаживать за коровами и птицей. Кроме того, был ряд обязанностей по дому и на поле. Весенний сев еще не начался. Некоторые поля нуждались в повторной вспашке и бороновании. В хозяйстве имелись маленький колесный трактор, сеялка, много другой техники, но выросший в городе Ишкай не знал, как обращаться с ней. Впрочем, фрау Крюгер сама превосходно справлялась с техникой, не особенно удивляясь неумехеост-арбайтеру: чего еще ожидать от дикого русландтюркена! Она объяснила и показала, как действует техника, и как ею управлять. Ей, конечно, и в голову не приходило, что этот татарин, несмотря на плохое владение немецким, во многом превосходит ее хотя бы потому, что имеет высшее образование и диплом врача.

Хозяйка была весьма рада дармовой рабочей силе. С первого же дня она стала хорошо кормить своего работника - какой же толк от голодного? Ее, кажется, ничуть не смущало, что в доме посторонний мужчина. Для нее это был не мужчина, а работник. Кроме того она, похоже, знала, как стращают пленных, прежде чем отдать их в работники. Если что - сотрут в порошок. Что-нибудь не так - повесят. Не до флирта под этим вечным дамокловым мечом. Если нарушишь какой-нибудь из пунктов обязательства, что подписал при выходе из лагеря, считай, что тебя просто уничтожат. Так предупреждал их фельдфебель. Ишкай лишь кивал головой, хотя не все понимал и лишь повторял : "Йа, йа, фирштейн!"

В первый же день пребывания на ферме Ишкай наладил сеялки, отточил лемехи плуга. Привыкший к советской безалаберности и нехватке всего, здесь он удивлялся изобилию разнообразной техники буквально для всех нужд. Ничего не надо было искать или "выбивать": все под рукой, умей только пользоваться. Вода в коровник подавалась автопоилками, корма - транспортерами. Процесс удобрения навозом тоже механизирован, а уж о дойке и говорить нечего. Молоко, надоенное утром или

вечером, тут же отвозится в специально отведенное место возле большой дороги - эту работу выполняет Ишкай. Специальная автомашина молокоперерабатывающей фирмы в определенное время приезжает к этому месту минута в минуту дважды в сутки собирает и увозит свеженадоенное молоко, оставляя лишь пустые бидоны. И так каждый день, как заведенный механизм.

На второй день Ишкай с фрау Крюгер заполнили мешки посевными семенами, погрузили их в тележку трактора и повезли в поле. Фрау Крюгер объяснила как наблюдать за сеялками, что делать, если они засо-рятся, а потом села на трактор и вывела агрегат в поле. Сев на этом поле они закончили в три дня. Но фрау, кажется, не собиралась кормить остарбайтера даром: то и дело давала поручения - покрасить что-нибудь или нарубить дров, или еще что. И все же он легко переносил физический труд на воле и на сытый желудок. По сравнению с лагерными лишениями эта жизнь казалась ему раем..

По нескольку раз на день фрау Крюгер, проходя мимо работника, щупала его мышцы и спрашивала: "Ну, как, зольдат, прибавляются силы? - И с удовлетворением замечала: - Гут, гут!" Была ли это простая забота о физическом состоянии работника, или подспудная тяга к мужчине - кто его знает?

Сама фрау Гунда была достаточно хороша собой. Эдакая розовощекая, полногрудая крестьянка, с пышними, словно две подушки, ягодицами. Каштановые вьющиеся волосы свободно спадали на плечи. Может, и не такой уж красивой она была, но изголодавшемуся по женской ласке Ишкаю даже огородное пугало в рваном платье и дырявом платке показалось бы первой красавицей. Во всяком случае фрау Крюгер была женщиной дородной, здоровой и крепкой. Однажды в жаркий июньский день она велела Ишкаю взять чем-то набитую сумку и повела его вдоль горной речки, пока не остановилась на открытой, залитой солнцем поляне. В сумке оказались коврик, зонтик, пляжные принадлежнос-ти и провизия. Фрау поручила Ишкаю расстелить коврик и приготовить трапезу, а сама шмыгнула за ближайшие сосенки, чтобы надеть купальник.

- Для здоровья полезно загорать, - сказала она. - Заодно и отдохнуть можно. Загорай и ты, зольдат!

Поляна со всех сторон была надежно окружена соснами и совершенно недоступна человеческому взору, но тем не менее Ишкай стеснялся раздеваться. Как он будет выглядеть в своих старых, да еще непомерно просторных трусах? Тем более перед такой справной женщинои?

А фрау как ни в чем не бывало улеглась на коврике, подняв к небесам набухшие соски упругих грудей, едва прикрытых красным полупрозрачным лифчиком. Такого же цвета узенькие трусики с трудом удерживали место соединения двух мраморных столбов, раздвинутых так, что были видны упрямо лезшие из полупрозрачной ткани каштановые волосики. Фрау своими голубыми глазками кокетливо взглянула на продолжавшего стоять в нерешительности работника и спросила:

- Ты еще не разделся? И не жарко тебе? Или ты не устал?

В этой Альпийской впадине действительно было жарко. Ишкай кромсал зубами травинку, не решаясь не то что раздеться, но даже взглянуть в сторону фрау. Что, если он польстится на эти женские прелести? Он еще помнил анекдоты времен Вустрауского лагеря. Немецкая женщина говорит якобы: "Муж мне так изменяет, так изменяет, что не знаю даже, какой из моих детей от кого!" Муж якобы никогда не остается в долгу. Ему говорят: "Фриц, ты куда смотришь? Твоя жена ведь со всем городом гуляет!" "Фи! - отвечает Фриц. - Тоже мне город: каких-то сто тысяч жителей."

Вот и думай после этого: шутка это, или есть в ней доля правды? Откуда знать обычаи чужого народа? А может она просто дразнит его, чтобы развлечься? Возможно от сытой привольной жизни, здесь на свежем воздухе взыграла кровь у фрау Крюгер и хочется ей острых ощущений? Ей-то хорошо, если что, она всегда сможет сказать: "Он меня изнасиловал!" А ты, Ишкай, за это будешь прилюдно предан смертной казни. Фрау за прелюбодеяние с неарийцем полагается тюремное заклю-чение, но если учтут ее заявление об изнасиловании, она скорее всего отделается испугом. Как никак, она в своей стране, где может найти и

помощь, и поддержку, а Иш-кай дал расписку в том, что даже пальцем не будет касаться арийских женщин.

А может быть, у немцев это обычное дело - мужчине и женщине загорать вместе? Действительно, что тут особенного? А что, если в голове у фрау вовсе нет никаких крамольных мыслей и это только Ишкай мучается всякими бесстыжими домыслами?

Он снова покосился на фрау. Она лежала на краешке ковра, специально освободив место для Ишкая. Вытянув руки, закрыв глаза, она блаженствовала под солнцем. Потом опустила руки, подняла голову и спросила:

- Ишкай, и ты на фронте в немцев стрелял?

- Не миловаться же идут на войну..

- А мой муж на Восточном фронте. Давно от него писем нет.

- Я тоже не могу написать домой письмо.

- У тебя осталась жена, дети?

- Я не успел жениться.

- Это хорошо.

- Почему?

- Одной безумной тревогой на свете меньше. Зольдату не надо спешить с женитьбой.

- А я и не собирался стать солдатом.. Фюрер со Сталином не поделили чего-то и началась эта заваруха!

- Сталин - коварный азиат! - гневно воскликнула фрау, вскочив со своего места. - Идиот! Он против прогресса Германии. Через коммунистов он постоянно пытается мешать нашему развитию!

- Не знаю, я - человек маленький, к политике отношения не имею. Нам внушали, что Гитлер - коварный и жестокий.

- Вранье! - уверенно возразила фрау. - Он желает счастья своему народу. Благодаря ему мы получили в кредит эту землю. И не только нам, он многим помог встать на ноги.

- Теперь на Востоке поболее земли раздают. Ваш муж с сыном тоже смогут получить.

Фрау Крюгер с недоверием посмотрела на остарбайтера. Серьезно говорит или с каким-то подвохом?

- А у вас там много пустующих земель?

- Много. А где не пустуют, так фюрер опустошит. Его войска уже дошли до Волги, где я родился и вырос.

Ишкай слышал, чем кончилось сражение за Сталинград. Интересно, что думает об этой битве фрау Крюгер?

- У вас холодно, - сказала фрау.- Наши зольдаты к холодам не привыкли.

- Сейчас там потеплело. А скоро, наверное, и жара наступит.

- И здесь жарко. А ты все не раздеваешься.

- У меня... трусы дырявые.

- Ах!.. Хи-хи-хи!..- засмеялась фрау. - Чего же ты дома не сказал?

- Я не знал, куда мы идем.

- Ничего страшного, не стесняйся, раздевайся, я... не буду смотреть, может быть...

"Может быть!" Ну, и женщина! Какая учтивость! Ишкай все же сел на коврик и стянул с себя рубаху. Дальше раздеваться не стал - лучше руку себе отрубить! Со смертью шутки плохи. А фрау Крюгер повернула к себе зонтик и снова растянулась на одеяле. Тело ее было еще белым, кроме рук до локтей и ног до колен, которые уже приняли бронзовый цвет. Талия не была тонкой, но вся ее ладная фигура дышала таким здоровьем и силой, что вызывала невольное восхищение. Ох уж этот фюрер со своим дурацким указом о расовой чистоте! Лежи теперь из-за него поленом... Ишкай, боясь поддаться соблазну, отвел, наконец, взгляд от женщины и стал смотреть в сторону гор.

Много ли нужно человеку для счастья? Совсем немного. Но он постоянно теряет чувство меры, стремится к чему-то большему, становится рабом своей алчности и в итоге теряет даже то немногое, что имеет. Да... Но, черт побери, когда в уединенном месте рядом с тобой лежит почти что обнаженная, такая аппетитная женщина и манит тебя своими прелестями, то кажется, это сам дьявол в женском обличьи искушает тебя, заманивает к себе очередную жертву. Какую же дать взятку этому дьяволу, чтобы уберечься от искушения?

Чтобы погасить в себе проснувшуюся страсть, Ишкай стал вспоминать фронтовые события. Сколько парней - кровь с молоком! - погибло в жерновах войны! Может, и муж этой фрау нашел кончину на заснеженных полях России? А Ишкай, слава Аллаху, загорает сейчас у подножия Альп, здоровый, руки-ноги целы, сытый, доволь-

ный. И вместо того, чтобы радоваться жизни, он чуть было не поддался искушению дьявола. Разве стоит подвергать свою жизнь опасности из-за этой располневшей фрау? Глупо! Придет день, если Ишкай, конечно, доживет до этого, и тогда такие возможности откроются, что голова закружится! Он не желает ничьей крови, не зарится ни на чью землю, ни на что чужое не претендует. Это факт! Но только и его пусть никто не трогает, не зарится на его жизнь. И все!

Ишкай, оглядывая окрестности, любовался природой. Альпы... Как интересно... И здесь снуют муравьи, жужжат шмели, кукует кукушка...У природы свои, вечные и мудрые законы, и только человек нарушает их, что неминуемо приводит к катастрофе. Разве это разумно?

Фрау Крюгер перевернулась на живот. Ей с одной стороны нравилась скромность остарбайтера. Зольдат поправился на ее харчах и она начала присматриваться к нему. Ишкай был красив: черные глаза, черные брови и волосы. Лицо овальное, лоб мысокий, маленькие уши, чувственный рот. Наверняка женщины на него заглядывались. Молодость! Она всегда красива. А Гунда, кажется, немного постарела, сдала. Она много работает, чтобы погасить государственный кредит. Хорошо, что ей дали этого работника. Раньше они с дочерью одни горбатились, а теперь основная тяжесть работ падает на остарбайтера. Гунде остается время и для отдыха. Хорошо бы к возвращению мужа погасить кредит и встретить его без морщинок на лице, с прежней пылкостью чувств... Да, должно быть именно так. Ее муж, сражающийся в хо-лодных краях Русланда, достоин того, чтобы вернуться в дом, где достаток и изобилие, и красивая верная жена. Она тоже вносит свой вклад в победу, производя молоко для солдат, для Рейха. Жаль, что эта война так затянулась. Польша и Франция дались много легче. Ладно, что дочка Ада подросла, по хозяйству помогает, не то одной Гунде туго пришлось бы. Да, вовремя дали им работника. Нельзя сказать, что он хорошо знает фермерское дело, в этом смысле он не стоит и ногтя ее мужа, но все же человек он исполнительный, старательный, все схватывает на лету. Спасибо и на этом. Все-таки работает лишь за харчи, денег платить ему не надо, а это боль-

шая экономия. Может, поощрить его, дав что-нибудь из старой мужниной одежды?

Странный этот остарбайтер. Послушный, исполнительный, но есть в нем что-то такое, чего Гунда не может понять. Может, это свойственное мужчинам чувство превосходства над женщиной? Или гордость, присущая только дикарям? Иногда он даже не слышит Гунду. Корова и то откликается на ее голос, а этот Ишкай временами будто глухой становится. Все думает о чем-то...О чем? Интересно, как повел бы себя ее муж при виде лежащей рядом полуобнаженной женщины? Говорят, что восточные мужчины темпераментные. Видно, этот остарбайтер не из таких. Или боится, или неопытен...

В первый день много не загорают - иначе кожа облезет,- прервала свои мысли фрау Крюгер,- встала и оделась. Кожа ее порозовела - может, Гунда все-таки перележала? Или этот зольдат ее сглазил?

Тем не менее фрау Крюгер довольно усмехнулась: настроение было хорошее, и оно не покидало ее весь день. Дома она приняла душ, повертелась перед зеркалом, осматривая, ровно ли загорела. В душе смутно шевелился какой-то соблазн, искушение, но она не хотела об этом думать. Гунда лишь знала, что женщина должна быть красивой и что ей еще рано стареть. Категорически рано!

Она перебрала мужнину одежду, выбрала пару старых трусов, маек, рубашку, брюки... Не маловаты ли они для Ишкая? Кажется, он покрупнее мужа. Может, посмотреть что-нибудь из одежды сына? Ведь сын вымахал здоровым малым. Жалко его одежду отдавать какому-то остарбайтеру, хотя работник, конечно, вдесятеро ее окупит. Нельзя же его в рванье выпускать на шоссе, куда он отвозит бидоны с молоком. И скотину ведь не только понукают...

Последняя мысль Гунде особенно понравилась и она довольно улыбнулась.

Что ж в этой одежде Ишкай, пожалуй, будет выглядеть настоящим франтом. Может, он чувствовал себя ущербным именно из-за отсутствия хорошей одежды? И поэтому боялся даже смотреть на Гунду? Если так, то нужно избавить его от этого чувства.

Погода у подножия Альп может меняться по нескольку раз в день. Сначала вроде бы ясно, потом с гор подует холодный ветер, небо затянет тучами, пойдет дождь, а через несколько часов снова засияет солнце.. Но Ишкаю жаловаться не приходится: работая на ферме, он всегда может укрыться от дождя, а в жару снимет рубашку и голый по пояс колет дрова, из артезианского колодца наполняет цистерны водой, возится в саду, в свободное время слушает радио - фрау разрешила пользоваться домашним радиоприемником. Берлинское радио часто передает речи Геббельса и романтическую музыку Вагнера. Ишкай раньше о Вагнере и не слышал. В студенчестве они танцевали под музыку Штрауса, ни одна вечеринка не обходилась без его вальсов.. А в Германии, видимо, больше ценят Вагнера, который "вдохнул новую жизнь в древние германские былины", "воплотил в своих произведениях национальный дух". Великий фюрер сказал: "Слушая Вагнера, я отчетливо чувствую ритмы древнего мира". В радиопередачах никогда не забывают упомянуть фюрера. Его вкусы - это как кредо. Ишкай хотел услышать новости с фронтов, но сколько не крутил ручку настройки, вестей с фронтов не было. "Черт бы побрал вашего фюрера с Вагнером!" - бормотал он.

Однажды ему пришло письмо, удивившее и его, и фрау Гунду. Письмо было из Берлина, адресовано ему, Ишмухаммеду Батталу. Кто и как узнал его адрес? Но в конверте было не письмо, а свежий номер газеты "Идель-Урал". Видно, кто-то из бывших солагерников послал. Ведь некоторые из них осели в Берлине. Он пробежал глазами газету и остановился на стихотворении неизвестного ему поэта. Оно называлось "Марш жизни". В нем были строки, которые тронули Ишкая за душу.

Вместе с солнцем трудилась,
Истомленная села к огню.
Штопает рубаху сына мать дорогая,
С каждым стежком
Мысли бегут обгоняя друг дружку.
Не отбиться от них.
"Пропал без вести!" "Пропал без вести"...
Что же такое? Что же такое -
Без... вести?

Отыщется, может, чтобы вернуться.
Письмецо б долетело...
Долги молитвы. Вздохи тяжки.

Ишкай городской парень, и мать его не в колхозе работает, но разве в этом дело? Разве она не тоскует, не льет по сыну слезы? Он живет здесь, у подножия Альп, живой и невредимый, но не может сообщить об этом домой. Может быть, он никогда не сможет дать знать о себе? Хваленые германские войска выбиты с Волги, и как бы ни кичился Геббельс, положение на фронте у немцев незавидное. О, судьба!

Мать полагала, что сын после окончания института женится, но Ишкая направили на работу в село. Из-за этого она очень переживала, как будто сына отправили на край света! То была еще не разлука, теперь мать, наверное, хорошо поняла это. Война все нарушила. Позорный плен - лишь продолжение этой войны, где он как щепка крутится в бушующем море. Да, он не смог пустить себе последнюю пулю в лоб и не рвался стрелять в других. Человек рождается не для того, чтобы убивать себя или себе подобных. Ишкай - врач, он должен жить сам и спасать от смерти других. Однако трудно на фронте с такими убеждениями...

- Зольдат, просыпайся, пошли!

Гунда снова повела его загорать, но на этот раз взяла с собой и дочь. С утра светило солнце, бодрящий воздух щекотал ноздри, заполняя каждую клетку организма. В такие дни и горный ветер не кажется холодным. С Альп стекает множество мелких речушек, которые впадают в Дунай, а потом в Черное море. От Черного моря не далеко до Дона, а там и Волга рядом, Астрахань... В мирное время это был хороший маршрут для путешествия. Но человек оставляет себе слишком мало мирного времени.

Дойдя до знакомой поляны, Гунда отослала работника на ферму, приказав прийти через два часа. Пусть унтерменш работает, когда господа отдыхают! Как все-таки приятно ощущать себя госпожой и иметь прислугу. Как не благодарить фюрера за такой подарок? Было бы совсем хорошо, если бы рядом были еще и муж, и сын. Хотя кто в таком случае будет защищать Германию и укреплять мощь Рейха?

Беспокоит долгое отсутствие писем от мужа и сына. Что поделаешь - нужно терпеливо ждать. Доктор Геббельс чуть ли не каждый день призывает соотечественников проявлять героизм. Как только Ишкай ушел, Гунда с Адой разделись, сняв и лифчики, отдав себя ласковым лучам солнца и животворному воздуху. Гунда и вчера хотела снять лифчик, но постеснялась Ишкая. Может, зря? Чего стесняться какого-то унтерменша?

Спустя некоторое время дочь захныкала:

- Фу-у-у! Как много здесь муравьев!

- Они не кусаются.

- Зато щекочут. И эти мухи!

- Не безрукая же, отгоняй.

- Может, поедим?

- Как хочешь.

- Дома у меня аппетита не было, а здесь появился. Пойду искупнусь в ручье и...

- Иди, иди! Только меня не беспокой!

Гунде не нравились капризы дочери. Она перевернулась на живот и подумала: "Дитя есть дитя. Как будто ей не шестнадцать исполнилось. В ее возрасте уже с парнями вовсю целуются, ведут самостоятельную жизнь."

Сама Гунда рано созрела и рано вышла замуж. Но она не сожалеет об этом. И детей вырастила, и привлекательность сохранила. Вот только некоторых радостей жизни стало меньше.

Аду мать не интересовала. Она освежилась в ручье, открыла термос с кофе, намазала хлеб толстым слоем джема и принялась уплетать за обе щеки.

- По-моему, в этом калаче не хватает тмина. Надо бы добавить... Мне сейчас и красной смородины захотелось.

- Скоро поспеют ягоды.

Ада снова стала отмахиваться от мух полотенцем, потом встала с одеяла. Муравьи ей, видишь ли, надоели. Слишком привередливая. Надо было только с Ишкаем прийти. Вчера он нет-нет да поглядывал на Гунду, и ей от этого, признаться, было приятно. Не скажешь, что остарбайтер. Мужчина он видный, пожалуй, даже покрасивее ее мужа. Он быстро поправился, набрался сил, с бидонами вон играючи управляется. А в мужниной одежде вовсе красавцем выглядит. Надо будет его на сенокос

послать. В горах есть нетронутые поляны, а мужчин мало, сено зря пропадает...

Городские женщины отдыхают на море, некоторые ездят даже на курорты Румынии, Болгарии, Италии, Франции. А фрау Крюгер вынуждена валяться на этой лужайке возле фермы. Как будто у нее две жизни! Где-то там, в теплых краях, люди загорают на золотых песках, купаются в прозрачном синем море, живут в шикарных отелях, обедают в ресторанах, веселятся в танцевальных залах. Там столько галантных кавалеров! Смотришь на такую жизнь в кино и только вздыхаешь от сожаления. Фюрер, конечно, обещает золотые горы. Но когда это будет? А Гунде уже сейчас хочется жить красиво, сегодня или хотя бы в этом году получить все радости жизни...

На следующий день фрау Гунда, оставив дочь дома, загорать пошла с Ишкаем. Она раскрытым зонтиком шла впереди работника. Ей нравилось изображать из себя госпожу.

На этот раз фрау Гунда не стала стесняться Ишкая и разделась при нем. Купальный костюм, то бишь узенькие трусики и лифчик, она надела еще дома. Она сбросила с себя легкое платье, танкетки и растянулась на одеяле, сказав работнику:

- Загорай и ты, зольдат!

Ишкай на этот раз не заставил себя долго уговаривать. К черту стеснительность! Впервые после плена появилась возможность отдохнуть по-человечески, так почему от нее отказываться? Он разделся и прилег на одеяло рядом с хозяйкой. Фрау с интересом осмотрела его и спросила:

- Ты... Перед войной кем был?

- Терапевтом.

- О-о! - удивилась Гунда, недоверчиво качая головой. - А ты об этом в лагере говорил?

- Говорил.

- И тебе не предложили работу доктора?

- Пока нет. Диплом ведь дома остался.

Гунда села и снова посмотрела на Ишкая:

- "Пока"? - повторила она. - Интересно. Значит, я доктора превратила в скотника и садовника.

Ишкай усмехнулся:

- Вы - волшебница. Мне эти специальности тоже очень нравятся.

Гунда, кажется, не поверила ему, но дальше задавать вопросы не стала. Она воткнула в землю зонтик, чтобы тень от него падала ей на голову и снова растянулась на одеяле. Потом сказала:

- А знаешь, я вчера и лифчик снимала. В нем я потею.

- Можете и сегодня снять. Я говорю это как доктор - телу полезен равномерный загар.

- Вот еще! Безбожник! Может, мне полностью раздеться?

- Можно.

- Бесстыдник!

- Меня можно не стесняться. Я же врач, и не раз видел обнаженных женщин. Я привык сдерживать желание или страсть.

- Ты что, не живой? Не мужик что ли? - Не дождавшись ответа, фрау Крюгер недовольно произнесла: - И такой тип должен считаться мужчиной? Наш фюрер говорит: "Нельзя лишать зольдата радостей жизни". Значит, и радости секса. Он говорит: "Если среди женщин находятся особы легкого поведения, это просто счастье для зольдата, приехавшего на отдых".

- Он, видимо, имел в виду немецкого солдата.

- А ты кому сейчас служишь?

- Госпоже Крюгер, - ответил Ишкай и расстегнул лифчик лежавшей на животе Гунды. Она тут же схватила его руку, и не зная, что делать дальше, рывком села, так что Ишкай невольно прижался грудью к ее спине. Он попробовал опереться о землю левой рукой, но почувствовав Гунду в своих объятиях, упал на одеяло, обхватив руками ее упругие груди и зашептал ей на ухо:

- Фюрер также говорит, что и женщин Рейха нельзя лишать радостей жизни. Если солдат хочет ласкать ее, не надо это запрещать.

- Йа?

- А чтобы не вспотеть, нам еще кое-что нужно снять.

- У-у! Какой ты хитрый!- захихикала Гунда, почувствовав прикосновение руки Ишкая ниже своего пупка.

"Будешь хитрым, когда ты сама этого хочешь!" - подумал Ишкай. Почувствовав, что Гунда просто притворяет-

ся, он не стал больше мучиться подбирая нужные слова. Не сдерживая своей страсти Ишкай целовал мочки ее ушей, одной рукой гладил груди, а другой - низ живота, пока тела их не слились воедино... Фрау Гунда не сопротивлялась, а только страстно целовала его, горячо шепча: "О-о, гелиебтер Ишкай !" Она уже не сомневалась, что этот остарбайтер пришел к ней, чтобы сделать ее счастливой. Из головы мигом вылетели и законы религиозной морали, и запрет нацистов на отношения с неарийцами.

Прелесть мужской любви уже через несколько дней принесла свои плоды: фрау Гунда переселила Ишкая в комнату своего сына, где стояла широкая кровать, а пол был застлан ковром. У окна стоял горшок с цветком, на стене висело огромное зеркало. Появился усиленный ужин, а к нему еще иногда и домашнее вино. Ночью Гунда надевала мягкие тапочки, накидывала на голое тело длинный халат и бесшумной походкой, как кошка прокрадывалась к Ишкаю. Рядом располагалась душевая и туалетная комнаты, так что дочь, если и проснется, не хватится своей мамаши. И потом: разве не может безутешная мать зайти ночью в комнату сына и поплакаться там? Ничего дурного в этом нет!

Однажды Ишкай случайно подслушал разговор фрау Гунды с дочерью:

" Мама, ты, кажется, чересчур добра с этим остарбайтером," - выговаривала дочь.

"Знаешь, ведь он культурный человек. Оказывается, он врач. Если бы не война, он никогда бы не попал к нам в работники. Ты заметила, какой он чистоплотный и аккуратный? И внешне он похож на европейца".

"Да, похож, - соглашалась Ада. - Но ведь он нам враг".

"Враг? Теперь он всего лишь военнопленный. Выполняет за нас всю тяжелую работу, разве это плохо? Или ты хочешь, чтобы мы отказались от него?"

"Не-ет, я просто так..."

Правильно рассуждала женщина. Не только днем, но и ночью Ишкай был в ее распоряжении. И он старался как только мог...

Но в начале августа события на ферме начали меняться. Фрау стала часто уезжать в ближайший городок, пропадала там в банках, конторах, что-то привозила

домой или увозила из дома скотину и птицу на бойню. Словом, забот у нее было много. Ишкай же заготавливал кукурузу на корм, помогал Аде мыть бидоны...

А фройлейн Ада хорошела день ото дня. Юность всегда прекрасна, но и глупа тоже. Глупая юность бурлит чувствами, жаждой наслаждения. Девушки вообще созревают раньше, чем их сверстники-парни. Не удивительно, что из-за отсутствия рядом юношей Ада начала заглядываться на симпатичного работника. Но что случилось с Ишкаем? Сытая привольная жизнь, совершенно не изнуряющая работа на свежем воздухе, кажется, усыпили его бдительность...

Как-то он перетаскивал бидоны с молоком к воротам. Вдруг из сада послышалось: "Ишка-ай!" И в тот же миг крупное яблоко ударилось ему в плечо. Он обернулся и хотел поймать яблоко, но не успел. Из-за деревьев во весь рот ему улыбалась фройлейн Ада. "Фанген зи!" - прыснула она и кинула второй плод. На этот раз Ишкай оказался проворнее и поймал яблоко. "Молодец!" - похвалила Адочка. Когда Ишкай стал мыть под краном яблоко, девушка, проходя мимо него, сказала: "И себя вымыть не забудь!" И направила струю воды на Ишкая. Облив его, она засмеялась и побежала в дом. И тут кровь закипела в жилах Ишкая. Зная, что в доме никого нет, он пустился вслед за юной хозяйкой, догнал, обнял и принялся страстно целовать ее. "О-о, нельзя, герр Ишкай," - зашептала девушка, млея от удовольствия и прижимаясь к парню. Еда без соли, а дружба без ласки пресны, говорят в народе. Ишкай нежно гладил плечи, спину, талию девушки, ягодицы... Он совершенно забыл, что у Ады есть мать и что она в любую минуту может вернуться. Гунда была старше Ишкая на десять лет, а ее дочь - моложе его на те же десять лет. Ада была сладка, как спелое яблоко. Гибкое, упругое тело, пухлые губки, в глазах детская восторженность! Щечки ее порозовели, мягкие руки вместо того, чтобы отталкивать обвились вокруг шеи Ишкая. "Как бы не согрешить!" - попробовал остудить свой пыл Ишкай, но куда там! От страсти его тело напряглось как струна, материя едва не лопалась от вздувшегося бугра любви. Ада остро ощущала это и ей нравилось. "Какой ты вкусный!"- шептала она. Попробуй разбери, кто оказался в роли дьявола-искусителя - Иш-

кай или Ада. "Нехорошо так, в коридоре, при открытой двери!" - мелькнуло у него в голове. Он поднял девушку на руки и понес ее в свою комнату. "О, какой ты сильный!" - шептала Ада, поощряя безумство Ишкая. Она словно опьянела от переполнявших ее чувств. Но в последнем акте занавес над счастьем опустился: девушка прошептала распаленному парню: "Ласкай, ласкай меня, герр Ишкай, но не лишай невинности!" В разгар страсти она смогла остаться истинной немкой! Ласкать... и оставить невинной? С ума сойти... Это все равно, что собирать мед, оставив соты целыми. Ишкай мигом отрезвел, руки его обмякли. Он резко отвернулся и бросился прочь из комнаты. Подальше от греха! И чего он так распалился, дурак? Ишкай сунул голову под кран и обдал себя холодной водой. Еле-еле взял себя в руки. А девчонке, кажется, понравилось это лихое приключеньице. С того дня она то и дело отиралась вокруг Ишкая, делая вид, что помогает ему. Но стоило возле них появиться какому-нибудь немцу, Ада тут же напускала на себя надменный вид и вела себя как госпожа, словно Ишкай и не человек вовсе, а какая-нибудь лошадь. Да, силен в немцах страх перед слухами да пересудами. Ишкай чувствовал, что и мать, и дочь тянутся к нему. Он оказался как бы между двух огней. Это было опасно. Если фрау Гунда что-то заподозрит, трудно даже представить, что она может сотворить от ревности. Поэтому Ишкай и написал письмо Янгуразу, намекая, что сыт по горло жизнью на ферме. Германия велика, не найдется ли ему работа в другом месте? Да и по-немецки он стал говорить довольно сносно. Может быть, удастся подыскать работу даже по специальности?

* * *

Фермерское хозяйство, где обосновался Ишкай, располагалось в Баварии возле городка Кемптен. Янгураз рано утром сошел с поезда и поехал в этот городок на автобусе, а затем взял такси до озера Баден. За этим озером начиналась Швейцария. Самый короткий путь в Швейцарию из Кемптена проходит через территорию Австрии вдоль восточного берега озера. Будет ли открыт этот путь, если наступят смутные времена - один Бог знает. Чтобы не вызвать у таксиста подозрений, Янгураз

сделал вид, что любуется горным пейзажем, озером. Не доезжая до пограничного контрольного пункта, он велел шоферу разворачиваться назад. Янгураз отлично понимал, что в случае поражения возможность легально перебраться в Швейцарию не гарантирована, останется надеяться только на горные козьи тропы.

Около полудня к ферме Крюгеров на великолепном легковом автомобиле подъехал хорошо одетый господин, что удивило не только Ишкая, но и фрау Гунду. Господин хорошо говорил по-немецки, но с Ишкаем объяснялся на каком-то незнакомом для хозяев языке, чем еще больше смутил простодушную фермершу. Мать с дочерью лишь поняли что нежданный гость не из простых остарбайтеров, а человек, судя по всему, очень важный. И действительно, он представился сотрудником Восточного министерства, разговаривал очень вежливо и держался с достоинством. Когда он стал расспрашивать фрау Гунду об их остарбайтере, она не знала, что и ответить. Похвалишь - возьмут и увезут его. Но и хулить работника не хотелось. Ада же глаз не сводила с молодого симпатичного гостя. Наконец, фрау Гунда догадалась пригласить их на чашку кофе.

Оставшись с Ишкаем наедине в его комнате, Янгураз усмехнулся:

- Думаю, что тебе грех на жизнь жаловаться. Как и мечтал: отдельная комната, еды вдоволь и даже две красотки под боком.

- Что толку что две? Я здесь один спину гну. Хозяйка даст мне работу, а сама уедет куда-то, возвращается только ночью. И так каждый день. Каждый раз привозит что-нибудь. А дочка знай восхищается: "Ах, какое красивое платье! Какое чудное кольцо! Это отец прислал?" "Отец, отец! - передразнивает ее хозяйка. - Если бы на него понадеялась, и тебя на свете не было бы!"

Янгураз засмеялся, но не особенно поверил словам Ишкая.

- Но не скажешь, что ты выглядишь изможденным. Наверное хорошо проводишь время с хозяйской дочкой?

- Воздух здесь такой, оздоровляющий. Не обратил разве внимания на хозяек - кровь с молоком! Как фаршированные курочки! Дочка, правда, еще несовершеннолетняя, ее лучше обходить стороной.

Янгураз и Ишкай поговорили о Татарском комитете, легионе "Идель-Урал", о Шамсире и Рамзи, обсудили положение на фронте. Потом Ишкай сказал:

- Здесь, конечно, жить можно. Но все-таки обидно имея высшее медицинское образование выполнять черную работу. Да и словечком не с кем перекинуться на родном языке.

- А татарские радиопередачи из Берлина не слушаешь?

- На какой волне? И в какое время?

- Вот тебе раз! И ты не знаешь этого! - укорил его Янгураз. - Ребята стараются там для таких, как ты, а он, видите ли, о татарском радио даже не слышал.

- Слушай, а ты не сможешь подыскать для меня работу по специальности в Берлине? Только не в легионе, конечно, на фронт я больше не хочу.

- Попробую. Но пока ты здесь, выведай тайные тропы, по которым можно уйти в Италию или Швейцарию. У нас есть парни, готовые кое-что продать и купить на той стороне, но только без таможенных формальностей, сам понимаешь. Но сделать это надо очень осторожно, чтобы никто не узнал.

Ишкай внимательно посмотрел на него и сказал:

- Не хотелось бы мне участвовать в этих сомнительных делах.

- Процент от сделки получишь и ты, и проводник. Ты пойми, мне тоже нелегко будет найти в Берлине хорошую работу для пленного офицера.

Янгураз озабоченно вздохнул, потом вынул из планшета журнал, главным редактором которого и являлся.

- Хозяевам тоже дай почитать, пусть знают, что мы за люди и чем дышим. Ну, ладно, я пошел.. Путнику нужно быть в пути.

- Как, разве ты не заночуешь?

- К понедельнику нужно успеть на работу.

- А я думал, мы посидим, поболтаем вдоволь. Кажется, и юной хозяйке ты приглянулся.

- Это в другой раз, когда времени будет побольше.

Ишкай проводил гостя до шоссе. Сев в попутную машину, Янгураз напоследок сказал:

- От того, насколько успешно ты выполнишь мою просьбу, зависит как скоро ты переедешь в Берлин. Но смотри - будь осторожен!

14

Германская военная промышленность выпускала огромное количество новейшей техники - истребители "Фокке-Вульф-190 А", "Хейнкель-129", танки "Пантера", "Тигр", самоходные артиллерийские установки "Фердинанд". Но несмотря на это начальник гитлеровского оперативного штаба Йодль предупредил военных: "Наше положение ухудшилось, возможен новый кризис". Вслед за этим пришло известие о предстоящей встрече в Тегеране Рузвельта, Сталина и Черчилля, которые якобы после открытия второго фронта на Западе должны договориться о будущем разделе Германии, в частности, передаче Польше земель Восточой Пруссии и территории близ реки Одер. Узнав об этом, фюрер пришел в ярость. Геббельс неистовствовал: "Германия разнесет в пух и прах союз большевиков и евреев!" Однако положение гитлеровцев изо дня в день ухудшалось, и Янгураз хорошо понимал это...

На фоне этих событий предстоящая встреча нового года не приносила особой радости. И все же нельзя было на людях показывать свое подавленное настроение. Поэтому Янгураз был рад предложению фрау Берны встретить Новый год вместе. К тому же он не забывал, что это предложение могло исходить от фройлейн Рины. Не зря же фрау Берна намекнула, что к ним на праздник придет и госпожа Эва с семьей. Что касается фрау Софи, то она уже предупредила, что Новый год будет встречать в кругу семьи. Халима благодаря усилиям Янгураза в конце ноября получила паспорт, ушла с фабрики и устроилась прислугой в одну богатую берлинскую семью. Так что в Новый год она должна прислуживать новым хозяевам, и при всем своем желании не сможет встретиться с Янгуразом. В начале зимы Янгураз несколько раз сходил с Халимой в кино, но домой приглашать не стал, потому как она не нравилась ему своим коммунистическим мировоззрением.

Однажды они даже рассорились можно сказать из-за пустяка. Пошли в кино, где сначала посмотрели фронтовую хронику об успехах германского оружия, а затем художественный фильм о любви фабриканта и простой работницы. На улице Халима стала возмущаться:

- Это сплошное вранье в духе Геббельса! Во-первых, немцы сейчас терпят на фронтах поражение, во-вторых, волк с овцой дружить не могут!

- Кого ты подразумеваешь под волком и овцой? - не понял Янгураз.

- Как кого? Фабриканта и работницу. Капиталист живет за счет рабочих, богатеет благодаря их труду. В условиях социального неравенства между представителями двух антагонистических классов не может быть никакой дружбы.

- Никогда не было, нет и не будет социального равенства. Поэтому и строительство коммунизма есть всего лишь утопия.

- Как это не будет? - удивилась Халима. - Я, что, всю жизнь должна вкалывать, чтобы обогащать кого-то?

- Разве мы разбогатели от того, что совершили революцию во имя всеобщего равенства? В чем мы превзошли немцев? Едим, одеваемся, и вообще живем гораздо хуже их, это же видно невооруженным глазом!.

- Мы только начали строить социализм! - возмущенно воскликнула Халима. - У нас все люди равны! А здесь кучка богатеев эксплуатирует сотни, тысячи людей. Между богатыми и бедными целая пропасть!

- Фу, какая слепота! Во-первых, в Германии хорошо живет не только кучка богачей, но и миллионы простых немцев. Зайди в их дома, посмотри, как они живут, понаблюдай за ними в общественных местах, прочисти, наконец, свои мозги от московской заразы. Или ты у себя в Донбассе была комсоргом, агитатором?

- А что?

- А ничего! Видимо, правильно говорят, что марксизм отупляет людей. Милая ты моя, владелец фабрики работает ничуть не меньше своих рабочих. Чтобы управлять предприятием нужны знания, опыт, организаторские способности, умение творчески мыслить. Не все люди имеют это. Поэтому утверждение: каждому - по способностям, совершенно верное.

Но Халима не хотела слушать доводы Янгураза.

- Капиталисту рабочий класс нужен только для извлечения прибыли! Он заинтересован в том, чтобы поменьше средств расходовать на нужды рабочих!- продолжала она.

- Бр-р-р!.. - передразнил ее Янгураз. - Марксизмом запахло. Но ведь у него нет будущего, Халима. Надо отказаться от социализма и строить национально-демократическое общество. Ты посмотри на немцев - они во всем опередили нас.

- А ты, оказывается, поддался фашистской пропаганде!

- И не мудрено. Ведь фашизм в нравственном отношении превосходит марксизм.

- Неправда, что народ в Германии живет лучше нас только благодаря заботам капиталистов. Это результат классовой борьбы!

- Ты заблуждаешься!

- Здесь только немцы привилегированная нация, другие народы для них - ноль. А в социалистическом обществе существует дружба между народами. В Москве проводятся декады национальных культур, театральные труппы выезжают на гастроли, издаются книги на разных языках.

-Фью! - присвистнул Янгураз. - Почему же в таком замечательном обществе, где процветает дружба между народами, закрыли татарские школы, запретили издание татарских газет в Донбассе? Если в СССР равноправие, почему печатанием татарских книг в Казани ведает Москва? Теперь татарских книг выходит втрое меньше, чем до революции. И ты считаешь это проявлением равноправия и справедливости?

- А почему ты видишь только плохое? Везде бывают временные трудности.

- А в Германии не бывают, что ли? Или не должны быть? Попробуй увидеть что-то хорошое в Германии. И вообще, вот что я скажу тебе, Халима: ты, как представительница господствующего класса, не унижай простого работягу Янгураза, а иди-ка домой одна!

Не успела девушка опомниться, как Янгураз резко развернулся и пошел восвояси. Он даже до метро не стал провожать свою спутницу, еще плохо знавшую Берлин.

Потом он осознал, что погорячился, но не особенно расстраивался и сожалел. Паспорт он ей сделал, с работой помог, ну и хватит, он не намерен дальше слушать большевистские бредни, у него на это просто нет времени. Не хватит и двух жизней, чтобы выдавить из душ людей коммунорабство. Горбатого могила исправит.

Янгураз решил, что больше не будет поддерживать связь с Халимой, если только она сама не станет звонить. Она все-таки позвонила. Поблагодарила его, что пригласил в кино, и ни словом не обмовилась о ссоре. Только сказала, что возвращаясь целый час плутала по городу.

Так тебе и надо! - подумал Янгураз и даже не стал высказывать девушке свое сожаление. Не пригласил он ее и на свидание, сославшись на свою занятость, поспешил закончить разговор.

Несмотря на приглашение фрау Берны, Янгураз решил накрыть стол и в своей квартире. Рамзи пригласил Таню с подругой. Устроившийся в Берлине врачом в Татарском комитете Ишкай тоже пожелал присоединиться к старой компании. Янгураз сходил в магазин к фрау Эве и накупил разных продуктов, прихватил три бутылки вина. А Рамзи сделал ходку на черный рынок, что на Александр-плаце, и купил бутылку турецкой водки. Фрау Берна занесла домашнее угощение. Пока девушки колдовали на кухне, мужчины обсуждали важнейшие события уходящего года.

- На нашем заводе не хватает квалифицированных рабочих, - сказал Рамзи.- Самых опытных отправили на фронт.

- Говорят, в нынешнем году с Западного фронта на Восточный было переброшено шестьдесят немецких дивизий. И все же они продолжают отступать. Почему это?

Янгураз не хотел в праздничный день говорить на грустные темы, но вынужден был как-то поддерживать разговор.

- Оказались слабыми итальянские и румынские войска. Советские части прорвали фронт именно на их участках.

- Но венгры-то, говорят, сражались неплохо, и их сломали. У Советов есть сила, они, видимо, приходят в

себя. Если еще и второй фронт откроется, то немцам не поздоровится. А что будет с нами тогда?

- Не паниковать, - ответил Ишкай на вопрос Рамзи. - Не надо раньше времени бить в гонг.

- У американцев силы не мерено, они только-только начали выпускать коготки, - заметил Рамзи. - Дядя Джо схватит Фрица за шиворот и...

- А мы-то здесь причем? - сказал Ишкай. - Мы всего лишь пытаемся сохранить свою жизнь.

Янгураз осадил его:

- Чекисты покажут тебе как сохранить жизнь, если доберутся. Они взгреют тебя так, как, пожалуй, и Фрица не взгреют. Повесят ярлык изменника родины и отправят в Сибирь на пожизненную каторгу.

- Это точно... В Сибири наши жизни будут стоить не дороже одной папиросной затяжки. Хорошо, если прямо здесь не расправятся,- согласился Ишкай..

- Хватит хныкать! Нашли время!- вмешался Сабанчи. - Давайте лучше о девушках поговорим.

- Да, да! - подхватил его Ишкай. - Янгураз, а почему ты свою красотку не пригласил? Теперь на наших девушек будешь пялиться?

- Подожди ты, - остановил его Рамзи. - Здесь есть одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что если Янгураз начнет приглашать всех своих девушек, места просто не хватит.

Тут Сабанчи рассказал о Рине, а Ишкай вдруг решил высказать свое мнение:

- Друзья! - сказал он. - Я считаю, что здесь собрались лучшие сыны татарского народа. Я бы сказал, люди высшего сорта. Талантливые, трудолюбивые, сильные духом, отважные, выносливые. Словом, во всех отношениях самые лучшие...

- Мы бы не выжили, если бы не были такими, - согласился Сабанчи. - Мы выкарабкались из ада, когда другие умирали как мухи!

- И тем не менее, - продолжал свою мысль Ишкай, - мы, кажется, не ценим самих себя в достаточной степени. Скажем, мы готовы удостаивать вниманием каждую немку. А ведь лучшие из немок отнюдь не рвутся в наши объятия.

- На заводе, где я работаю, какая-нибудь самая простая девка считает себя ровней мне, - поддакнул Сабанчи. - Разве может обычная чертежница составить мне пару, доценту, ученому?

- Вот-вот! Работая на ферме я тоже заметил, что обычная крестьянка, да еще старше меня на десять лет, держалась со мной как госпожа.

- Да, если бы их мужья не были на фронте, они бы на нас и не посмотрели, - усмехнулся Янгураз.

- Вот-вот, - гнул свое Ишкай, - поэтому мы не должны заблуждаться, ища себе пару среди немок. Они далеко не святоши!

- Вот ты, Рамзи абы, среди нас самый уважаемый человек, ученый. Скажи, что делает утром умная немецкая женщина?

- Ну... Готовит завтрак.

- Вот обжора! - прыснул Ишкай. - Умная немка по утрам умывается, одевается и идет домой!

Все дружно рассмеялись. На их смех из кухни заглянули девушки.

- Хорошо хоть, нашего языка не понимают, - сказал Рамзи. - Не то обиделись бы.

- А я за то, чтобы найти себе в пару татарочку, которая понимала бы тебя - заключил Ишкай. - Есть они среди остарбайтеров, от них в Татарский комитет приходят письма.

Тут из кухни девушки принесли горячие блюда. Мужчины прервали разговор и расселись за столом. Рамзи принялся энергично откупоривать бутылки с вином. Его Танечка разложила по тарелкам салат. Время приближалось к одиннадцати, до Нового года оставался еще час, но Ишкай решил, что пора произносить тосты.

- Какой прекрасный стол! Какие ароматы! Вот и прошел год жизни на немецкой земле. После мук плена мы немного оправились, пришли в себя. И вообще нам повезло: мы живы, здоровы, сидим за богато накрытым столом в то время, когда мир на глазах превращается в ад. Мы сумели приспособиться к новым условиям существования. Я далек от политики, но прекрасно понимаю, что не татары явились причиной этой ужасной бойни. Мы, как всегда, лишь жертвы и заложники войны. И впереди, и позади нас - ад, и даже этот относительно

мирный для нас год мы прожили как на вулкане. Хорошо бы, друзья, и в будущем не свалиться в зияющую пропасть. Что касается немцев, то позвольте рассказать один анекдот. Жена говорит мужу: "Дорогой, ты замечаешь, как подрос наш сын? У него уже пушок над губой. Пора бы тебе заняться его половым воспитанием. Поговори с ним как мужчина с мужчиной, объясни, что к чему. Ну, хотя бы с бабочек начни." Отец подзывает сына и говорит ему: "Слушай, Ганс, помнишь, как на прошлой неделе мы с тобой ходили в бордель?" "Помню, папа". "Так вот, сынок, бабочки тоже с этого начинают!"

Ишкай переждал, когда стихнет смех и закончил тост:

- Поскольку мы не бабочки, начнем с благополучного Нового года!

Выпив вино, все дружно принялись за еду. Рамзи решил поддеть Ишкая:

- Слушай, браток, там в Альпах ты бабочками не увлекался?

- Там не только бабочки, но и коровы были, дружище. Вот ты не приехал, а то и тебе досталось бы. Кстати, Янгураз, я там нащупал козьи тропы, как ты и просил.

Почувствовав, что Янгураз под столом наступил ему на ногу, он замолчал на полуслове. А пока никто ничего не понял, Янгураз подхватил:

- Помнишь, наверное, какие козы приходили ко мне на день рождения в Вустрауском лагере? Тогда Шамсир эфенди вдохнул в нас жизнь.

- Он такой: в огне не горит, в воде не тонет. Как дракон,- сказал Рамзи.

- Зато у нас есть девушки, чтобы украсить сегодняшний вечер, - заметил Ишкай. - Как бы мы ни скучали по сугубо мужским компаниям, без представительниц прекрасного пола неинтересно проводить такие вечера.

- Точно. Вечер без дам - словно суп без соли, - подтвердил Рамзи.

- Мужчина без женщины, как пистолет без курка, - присоединилась к разговору Таня.

Спустя некоторое время в дверь постучали. На пороге стояла фрау Берна.

- До Нового года остается пятнадцать минут! Прошу к нам вместе с гостями, герр Янгураз!

- Данке шен! Айн момент, сейчас придем. - Янгураз обернулся к товарищам. - Друзья, наш стол подождет. Давайте поздравим хозяев, они приглашают.

Друзья захватили шампанское и пошли в гостиную. За столом, кроме хозяев, фрау Эвы и ее семьи, были и другие гости. Хозяйка представила их, до полуночи оставалось всего чуть-чуть. Господин Фриц поднял фужер с шампанским и произнес:

- Господа! Вот и наступил 1944 год. Пусть он принесет всем нам спокойствие и счастье!..

И тут вдруг фрау Эва добавила по-татарски:

- Иминият! Бэхет! Мир, счастье!

Немецкие гости не поняли ее, а Янгураз и его товарищи были приятно удивлены. Когда звон бокалов утих, Янгураз спросил:

- Фрау Эва, я правильно расслышал? Откуда вы знаете татарские слова?

- Бэн тюркче кунышыерум, - сказала она по-турецки. - Я в свое время изучала турецкий язык, но сейчас уже подзабыла. Когда-то ведь закончила восточное отделение университета, знакома со Шпулером, Яшке и некоторыми другими вашими преподавателями.

Янгураз удивился:

- Как же так... восточное отделение университета, а теперь торговля?

- Это тема для отдельного разговора, - уклончиво ответила она. - Господа,- обратилась к гостям фрау Эва,- квартиранты фрау Берны и господина Фрица - русландтюркены, они сородичи турков..

- Мы из советских военнопленных. Но мы вовсе не друзья русских. Были призваны в Советскую Армию насильно,- пояснил Сабанчи.

Фрау Берна тоже не захотела оставаться безучастной:

- Наши квартиранты - не простые зольдаты. Герр Сабан - профессор математики, а герр Янгураз - сотрудник Восточного министерства.

- А я - врач, - представился Ишкай. - Наши девушки - студентки.

Он это сказал скромно, но с чувством собственного достоинства.

Фрау Берна стала потчевать гостей. Ровно в полночь фужеры снова наполнили. Все желали друг другу счастья

и пили шампанское. Веселье разгоралось. Янгураз в этот момент извинившись, сказал:

- Я только на минутку отлучусь!

Он пошел в свою комнату звонить. Поздравив фрау Софи, начал набирать второй номер. Тут в дверь постучали:

- Разрешите?

Это была Рина. Она проворно проскользнула в комнату и вплотную подойдя к Янгуразу спросила:

- А что ты здесь делаешь? Кому звонишь?

- Послушай, узнаешь.

Рина, наверное, думала, что он звонит какой-нибудь девушке. Но услышав в трубке мужской голос, кажется, успокоилась. И все же поинтересовалась:

- Кто это?- шепотом спросила она.

Янгураз прикрыв ладонью трубку сказал:

- Тише, с шефом разговариваю!

Через пять минут они снова были в гостиной. Все внимательно слушали Сабанчи, который любил подчеркивать. что далек от политики:

- ...Наши предки были искусными ювелирами. Они изготовливали красивые украшения: кольца, браслеты, серьги, женские нагрудные украшения, еще тысячу лет назад начали чеканить свои монеты, первыми в Европе стали плавить качественный чугун. Они открывали учебные заведения, собирали книги, но обо всем этом в Западной Европе почти ничего не знают...

Увидев вошедшего Янгураза, Рамзи пояснил:

- Я здесь отвечаю на вопрос гостя, правда ли, что татары до сих пор едят сырое мясо?

Застолье продолжалось. Пришел черед Янгуразу произносить тост.

- Уважаемые господа! - начал он. - Хочу выразить сердечную благодарность хозяевам за любезное приглашение к праздничному столу. Благодаря им мы познакомились с замечательными берлинцами и удостоились чести вместе встречать Новый год. Мы успели достаточно хорошо ознакомиться с жизнью Рейха, воочию убедиться, что здесь живет талантливый, трудолюбивый народ. Но и в словах господина Сабана есть доля правды. Такие великие личности, как Авиценна, Аль-Фараби, Кул Гали и многие другие известные мыслители и поэты не

случайно родились на Востоке. Восток издревле считался центром высокоразвитой культуры, передовой науки, достижения которой дошли и до наших предков. Сейчас у некоторых народов модно сравнивать свои небольшие открытия с открытиями титанов мысли, таких как Авиценна или Фараби. Но это все равно, что муху сравнивать со слоном. Смешно просто! Однако надо признать, немецкий народ, руководимый фюрером, ценит и уважает достижения других народов. Подтверждением этому служит журнал "Deutsch-Tatarische Nachrichtenblatt", основанный в Берлине по инициативе Восточного министерства. Я радуюсь тому, что дружба между нашими народами крепнет, тем более, что у нас много общего, и я желаю всем счастливого Нового года!

- Данке шен!

- Однако вы - дипломат! - похвалила его фрау Эва.

Возбужденный вином и щедрым угощением, а особенно присутствием девушек, Сабанчи воспользовался моментом и решил поведать гостям некоторые факты:

- А знаете ли вы, как переводятся на русский язык слова "гельд, капузе, хосе, струиф"? Это значит: "Деньги, башлык, штаны, чулок!" И слова эти заимствованы из татарского языка. А это значит, что до сближения с нашими предками русские не знали этих вещей!

- Мой отец был обыкновенным скорняком, - сказал Ишкай. - Но он читал эпические произведения на восточных языках, написанные еще до того, как в Западной Европе была распространена письменность. На персидском он читал наизусть целые отрывки, мог анализировать произведения.

Вайзеры и их немецкие гости только слушали эти умные разговоры и не встревали в них. Им, видимо, было достаточно того, что фрау Эва была неплохо осведомлена в восточных вопросах. Большинство гостей, может быть, не очень и верили словам этих русландтюркенов, поэтому они с облегчением вздохнули, когда внимание всех переключилось на еду. В честь кулинарных способностей фрау Берны был произнесен отдельный тост. Гости присоединились и к словам госпожи Эвы, пожелав благополучного возвращения мужей с фронта. Когда гости поднялись из-за стола, часы показывали уже второй час ночи.

- А сейчас милости просим к нашему столу! - пригласила всех фрау Эва.

- Спасибо, но уже поздно, - ответил Сабанчи.

- Да и вам нужно отдохнуть,- присоединился Ишкай. - Нас много, не хочется вас беспокоить.

- Нет, нет, Новый год встречают всю ночь, - настаивала фрау Эва. - Прошу вас!

Рамзи, Ишкай, их девушки и даже фрау Берна отказывались. Но фрау Эва с мужем хотели продолжить застолье. Особенно настойчиво приглашали Янгураза. Ри-на не вмешивалась, но по ней было видно, что она очень хочет, чтобы Янгураз принял приглашение. Он согласил-ся - во многом из-за того, чтобы пролить свет на прош-лое этой загадочной фрау Эвы, да и Рину в такой вечер не хотелось обижать отказом.

...Просторный зал. У стены стоит украшенная игрушками и разноцветными электрическими гирляндами искусственная елка.

В центре комнаты - массивный стол на толстых крученых ножках. Его тут же раздвинули и покрыли белоснежной скатертью. А пока женщины расставляли угощения и напитки, Янгураз принялся осматривать комнату.

Стены увешаны картинами, а старинное пианино, буфет и специальные полочки на стенах уставлены хрустальными вазами и фарфоровыми статуэтками: балерины, всадники, альпинисты и просто фигурки обнаженных мужчин и женщины. "Музей!" - подумал Янгураз. А на картинах изображены Альпы, луга, озера, праздные господа, отдыхающие на лоне природы, обнаженные красотки, мужчины с атлетической внешностью... Похоже это были копии картин итальянских мастеров, имена которых Янгураз смутно помнил из энциклопедических томов.

- Ну, господа, Новый год в Дойчланде уже наступил, пусть он принесет нам новые радости! - произнес тост хозяин дома, - Пусть каждый достигнет своей цели!

- Йа, данке шен!

Отпив шампанского, Рина спросила Янгураза:

- А у вас как встречают Новый год?

- Раньше Новый год у нас встречали в день весеннего равноденствия - двадцать первого марта. Назывался он

Навруз, что в переводе с персидского означает новый день. Проводились народные гуляния, игры, все пели, плясали, загадывали и отгадывали загадки, гадали... В двадцатых годах большевики запретили этот праздник. Теперь Новый год у нас встречают как и у вас, только вместо вина пьют чай.

Рина еще что-то хотела спросить, но мать прервала дочь на полуслове:

- Может, что-нибудь сыграешь, доченька?

Девушка выйдя из-за стола села за пианино, полистала ноты и что-то найдя заиграла. Она начала тихо, потом ударила по клавишам, извлекая громкие аккорды, заполняя комнату набирающей силу музыкой. Зачарованный музыкой Янгураз невольно подумал: "Уж не послушать ли великолепную игру Рины пригласили его?" А если так, то поступили совершенно правильно. Она играет превосходно. А если учесть ее молодость, она, пожалуй, играет ничуть не хуже фрау Софи, а может, даже лучше. В последние месяцы дружба с Софи, совместный отдых на острове безусловно привнесли в жизнь Янгураза много радостных и приятных минут. Он старался проводить с Софи все свое свободное время. Ему льстило, что молодая женщина тянется к нему. Устраивало и то, что она никогда не требовала от него ничего такого, что ограничивало бы его свободу. Хотя Янгураза и обижало, что Софи видит в нем лишь любовника. Он очень хотел, чтобы Софи завела разговор о помолвке, хотя сам он в данный момент не был готов к этому. А его отказ мог привести к размолвке... И все же... И все же Янгураз очень хотел, чтобы Софи сделала намек на укрепление их отношений! А может она недооценивает его? Или считает его недостойным себя? Ведь она благородного происхождения... Это, конечно, импонировало ему, но для себя он считал совершенно недопустимым будучи неженатым молодым человеком просить руки женщины, которая была замужем и имеет ребенка. Терзаемый этими догадками и домыслами Янгураз никак не мог принять какого-то определенного решения.

Рина продолжала играть. Звучала легкая мажорная музыка. Закончив она спросила:

- Почему никто не пел? Я ведь играла песню о зеленой елке и Деде Морозе.

- Наверное, потому, что мы как следует не промочили горло, - ответил герр Вайзер и снова разлил по бокалам шампанское. - Ну, Эва, может, у тебя есть что сказать?

- Я хотела бы услышать татарскую песню. Интересно, она похожа на турецкую?

Янгураз стеснялся петь, но в то же время не хотел показаться перед Вайзерами совсем уж бесталанным.

- Так вдруг?.. - задумался он. - Что бы мне спеть? Ну, хорошо, попробую спеть песню татар, попавших в плен в Первую Мировую войну:

Пилил я березу, пилил я березу,
Теперь от нее головешки остались.
Грудь тоской разломило.
Коротка оказалась
Жизнь моя
на сторонушке милой.
Ох, как ветер треплет,
ох, как ветер треплет
Волосы мои с головы сорвать хочет.
Будто горючие слезы
С туч небесных проливаются ...

Янгураз перевел на немецкий язык последний куплет песни. Рина прыснула со смеху, потом объяснила:

- Извините, герр Янгураз, наверное, не "вильд", а "винд". "Вильд" это дикая птица.

- Да, правильно, "винд" - это ветер.

- Ох уж эти девушки, всегда найдут над чем посмеяться, - словно оправдываясь сказал герр Вайзер. - Вы пели проникновенно, данке шен. Мои родственники тоже на фронте, и я ничего не знаю об их судьбе.

- О-о, такая лирическая песня! - присоединилась фрау Эва. - Такая содержательная! В Дойчланде многие не отделяют татар от монгол, представляя их узкоглазыми и кривоногими азиатами.

- Возможно, европейцы думают, что у нас еще и рога растут?!

- Да, многие заблуждаются.

- И русские постарались, насочиняли про нас страшные небылицы, чтобы оправдать свои зверства по отношению к нам.

- Охотно верю. Я помню, как университетские преподаватели говорили нам о татарах как о самом культурном народе из всех тюрков.

Янгуразу было лестно слышать это.

- Да, еще до революции мы выступили в роли наставников многих родственных народов.

- Татары когда-то правили Россией. И это не удивительно, если все они были такими же, как вы.

- Фрау Эва, а почему вы перешли в торговлю?

- Вышла замуж за этого господина, - кивнула она в сторону мужа. - Меня направили в наше консульство в Турции. Но для мужа там не нашлось работы. Я уже ждала ребенка. Так и прервалась моя карьера не начавшись. А чтобы ребенок был всегда под присмотром, нужно было найти работу рядом с домом. А потом привыкла к торговому делу, да и доход от него побольше.

- Эва, - вмешался муж, - соловья баснями не кормят.

- Да-да, сейчас я принесу горячий кофе.

Богатый стол и французский ликер располагали к непринужденной беседе. Чтобы сделать приятное Янгуразу, фрау Эва сказала ему:

- Еще я помню, что в университете нередко упоминали имена Юсуфа Акчуры, Садри Максуди. Если не ошибаюсь, они ваши соплеменники?

- Совершенно верно. А один из наших писателей до войны жил здесь в Берлине и издавал татарский журнал.

- Зер интересант!

- А теперь, дорогие соседи, позвольте мне откланяться. Вы чрезвычайно гостеприимны, я желаю вам счастья в новом году.

- Еще рано, не спешите.

- Товарищи, наверное, заждались меня. Да и вам надо отдохнуть.

Янгураз пожелал хозяевам спокойной ночи и стал одеваться. Рина вышла его провожать. У ворот она с некоторой обидой в голосе сказала:

- Вы сегодня только со взрослыми разговаривали.

- Почему же пораньше не одернула?

- У этих взрослых разговоры никогда не кончаются!

- А ты так здорово играла! Окончательно покорила меня!

- Правда?

- Ты талантлива и достойна счастья. А это черное кашемировое платье тебе очень идет, так и хочется обнять тебя. Если бы мы потанцевали, я смог бы это сделать.

- У-ух, этих взрослых! Только и знают, что сидеть за столом и болтать. Но ведь сейчас мы вдвоем. Одни!

Янгураз обняв девушку потянулся к ее губам. Рина словно весь вечер только этого и ждала, всем телом прильнула к нему. От нее веяло юностью, свежестью, целомудрием.

- А почему вы перестали приглашать меня на прогулки? - спросила она после поцелуя.

- Неудобно.

- Что неудобно?

- Я живу у твоей тети. И твои родители меня хорошо знают. Если им не понравится, что я за тобой ухаживаю, отношения с ними могут испортиться.

- Наоборот, они будут только рады, что я дружу с таким хорошим молодым человеком и успокоятся.

- И потом... я ведь не офицер.

- Отец говорит, "во время войны лучше не дружить с офицерами?"

- А сама как думаешь?

- Разве обязательно быть офицером, чтобы вместе проводить вечера? И потом, мне нравится, как ты говоришь по-немецки. Так мягко, иногда кажется немного смешно. Только ты на меня не обижайся, ладно?

- Ну вот! Она надо мной будет издеваться, а я не должен обижаться?

- А я не издеваюсь над тобой. Мне просто интересно.

- Тебя не потеряют? Может, зайдешь? И одета ты легко, как бы не замерзла.

- А мне не холодно... в твоих объятиях

Воздух был влажный, небо покрыто тучами и тем не менее, фонари погашены, окна домов занавешаны... И только снег белел на улицах. Но город еще не спал - то из одного, то из другого дома доносилась музыка, люди, кто парами, кто группами гуляли по ночным улицам.

Рина наклонилась и взяв комок снега, бросила его в Янгураза:

- До свидания, Дед Мороз! - засмеялась она и побежала в дом.

Не отряхивая снег, Янгураз долго смотрел ей вслед. Напрасно, кажется, он сторонится этой девушки. Душа Рины еще не взбаламучена разными приключениями и похождениями, первая девичья любовь, говорят, особенно чистая, глубокая. Разве плохо, что она тянется к Янгуразу? Рина ни с кем не помолвлена.

15

Где-то в середине марта Шамсир в Татарском комитете встретил Янгураза и отвел его в сторону.

- Хочу по секрету кое-что тебе сообщить. Помнишь, я говорил, как в Узедоме подслушал разговор двух легионе-ров, рвущихся перейти на сторону Советов?

- Да.

- На следующий день я узнал их имена и посоветовал соответствующим лицам не отправлять их на Восточный фронт. Один из них, по имени Самат, сейчас в Берлине, говорят, ходит лечиться к Ишкаю. Но это ладно, подозрения не вызывает, естественно, что заболевший человек должен лечиться. А как понимать его встречи с твоей Халимой и Сабанчи? Когда и где они познакомились? О чем разговаривают?

- Ты сам их видел вместе?

- С Халимой Рамзи - да. О его встречах с Халимой известно из достоверных источников.

- А что у тебя вызывает подозрение?

- Халиму я не знаю, - Шамсир глубоко затянулся сигаретой. - Но что представляют из себя Рамзи и Ишкай, для нас не секрет. Политика якобы их не волнует. Как же! Еще как волнует. Но они хотят быть умнее нас. Они советы не ругают, наверняка в случае победы надеются вернуться на родину. Не дай Бог, если они попытаются создать какую-нибудь группу вроде симаевской.

- Не может быть. Рамзи на это не отважится. Ему же известно, что симаевцев приговорили к смертной казни..

- Доверяй, но проверяй. Не мешало бы выяснить их намерения. Мы уже погорели из-за своей неосторожности, и не должны забывать, что вокруг нас могут быть заблуждающиеся или подстрекатели.

- Это верно, - сказал Янгураз, подумав о просоветских взглядах Халимы. - Неужели Сабанчи способен забыть добро, что я ему сделал?

- Есть люди, которые думают, что все им должны помогать. И потом... Ты слишком занят работой в Бюро, журнале, учебой, поэтому можешь и не знать всего того, что делают другие.

- Например?

- Хотя бы Ишкая. Вы с ним друзья, он бывает у тебя дома, а сам ухлестывает за твоей Халимой.

- И на здоровье! Халима свободная девушка. Но ведь у Ишкая есть еще какая-то украинка.

- Да, аппетит у него дай боже! Ты добился для Халимы паспорт, нашел работу, чтобы ею воспользовался Ишкай? Не зря ли старался? Кстати, и для него работу ты нашел, не так ли?

- Я должен был им помочь.

- Должен? Тебя никто не заставлял это делать, и не мог заставить. Надо хотя бы ценить за помощь. Короче, я тебя предупредил, а остальное - твоя забота.

- Спасибо!

После этого Шамсир пригласил Янгураза в пивбар. Там зашел разговор о событиях в Польше. Советы наступают, судьба легиона не ясна, а фронт уже подступает к Белостоку, где проживают и местные татары.

- В случае опасности я думаю переправить легионеров, желающих остаться на Западе, в Швейцарию, а когда все утихнет, отправить в другие страны.

- Ай-яй! Согласятся ли на это в Швейцарии? Разве она может нарушить принцип нейтралитета?

- А я думаю провести их нелегально.

- Нелегально можно провести пять, ну десять человек, но не целый легион или же роту. Знаешь, я давно озабочен одной проблемой - на ком будут жениться наши эмигранты? Не растворятся ли среди местных народов?

Янгураз разговаривал с Шамсиром, а сам думал об Ишкае и Халиме. И без Шамсира он уже знал, за кем увивается Ишкай. Из-за Софи у него не оставалось времени на Рину, а на остальных он вовсе махнул рукой... Но после разговора с Шамсиром задумался: действительно, неужели он старался для этого ловеласа Ишкая? Ладно, если он намеревается жениться на Ха-

лиме, а если нет? Янгураз не хотел, чтобы Халима стала жертвой любовной интриги. Она, конечно, до сих пор настроена просоветски, но это не значит, что со временем ее нельзя будет вылечить от этого. Кому только не пудрили мозги эти большевики! А вот знакомство Халимы с другой заблудшей овечкой, Саматом, может принести ей неприятности.

Вся забота Рамзи - постараться вернуться на родину и оправдаться перед Советами. Значит, он солидарен с Саматом. Ишкая же толком не поймешь - то он заводит разговор о том, как ценится на Западе специальность врача, то намеревается вернуться, чтобы стать опорой оставшихся дома родителей. Халима во что бы то ни стало хочет вернуться на родину, хотя понятие родины для нее очень растяжимо. Все для нее родина, и Донбасс тоже!

Через некоторое время Янгураз пригласил Халиму вместе провести выходной. Несмотря на то, что снег расстаял было холодно - дул пронизывающий холодный ветер. Янгураз с Халимой немного погуляли, а потом зашли в кафе. Сев за один из пустующих столиков, Янгураз начал расспрашивать Халиму как она устроилась на новом месте.

- И чего ты вспомнил обо мне? - с обидой в голосе спросила она. - Зачем теперь спрашивать о моем житье-бытье, если месяцами не звонишь?

- Ты не горячись, ладно? Так уж получается, когда втягиваешься в работу, да еще командировка за командировкой. Где шеф - там и я.

Заметив подошедшего официанта, Янгураз спросил спутницу:

- Что закажем?

- Я сыта, заказывай для себя!

- Опять! Нельзя же так. Раз зашли, надо что-нибудь заказать.

Он сделал заказ и продолжил:

- Кроме того, я сдавал экзамены в университете. Я вовсе не оправдываюсь. И еще: даже если нет работы, я сам нахожу ее.

- Поэтому ты такой влиятельный?

- Возможно. А ты похорошела, свобода пошла тебе на пользу. У свободного человека и взгляд другой!

Голубое кашне и голубой берет были к лицу Халиме. Щеки ее порозовели от ветра. А в глазах какая-то грусть, отчужденность.

Принесли заказ, как раз в этот момент зазвучали колокола ближайшей церкви, заполняя звоном все пространство.

- Ну вот и еда освятилась священным звоном. Отведаем, что Бог послал. Ты в Бога веришь?

- Помню несколько молитв. Мама совершала намаз и меня старалась научить.

- А большевики, перед которыми ты преклоняешься, закрыли четырнадцать тысяч мечетей, построенных татарами, почти всех мулл и муэдзинов отправили в тюрьмы и ссылку. Якобы за антисоветскую деятельность, за так называемое религиозное одурманивание людей. По меньшей мере десять тысяч представителей нашего духовенства были отправлены в Сибирь. Такая вот свобода в твоей хваленой Советской стране. А здесь церкви - слышишь, как работают? И народ здесь высоконравственный, религиозный.

Халима молчала, не зная, что ответить. Возразишь - развернется и уйдет, как в прошлый раз. А ей хотелось еще немного посидеть в этом уютном кафе. Разумеется, если захотеть, можно прийти сюда и без Янгураза. Но разве это интересно?

Он ей понравился еще при первой встрече в Тиргартене. Орлиный нос придавал ему гордый вид. Халима еще тогда решила понравиться ему и никому не отдавать. Но для того, чтобы не отдавать, нужно сначала привязать. Вначале Халима думала, что он особенно не увлечен ею потому, как она - остарбайтер. Поэтому, получив паспорт, она надеялась на перемены в их отношениях. И что? Она свободная, живет и работает в столице Рейха, чем обязана все тому же Янгуразу. Но вместо того, чтобы сблизиться, он вовсе отдалился от нее. Может, у него есть своя девушка?

Мучимая сомнениями, она в свободное время стала посещать Татарский комитет, в надежде встретить там Янгураза. Даже если не увидит его, может услышит что-нибудь о нем.. Есть повод заговорить, проявив интерес к журналу...

Колокола смолкли и Янгураз поменял тему разговора.

- Теперь, когда ты свободная, есть, наверное, время ходить в Татарский комитет?

- В Берлине мне больше и ходить некуда, наших ведь только там можно встретить.

- Конечно. Есть там ребята, бойкие на язык Один врач Ишкай чего стоит - любого Янгураза за пояс заткнет.

- Рамзи абы уже доложил?

- Ну и как, помогают лекарства доктора?

- Иногда и теплое слово лучше всякого лекарства.

- Ну, на слова Ишкай не скупится. В теплом слове и Самат, кажется, нуждается. Или он сам мастак их...

- Откуда ты все знаешь? - удивилась Халима.

- С Ишкаем мы вместе находились в Вустрауском лагере, а с Саматом отдыхали в Узедоме. Парни бывалые, с ними можно дружить. Ишкай, наверное, не то что я, после кино до самого порога провожает?

Халима продолжала удивляться: откуда он в курсе всего? Нет причин скрывать прогулки с Ишкаем, и все же она не хотела, чтобы об этом знал Янгураз. Вот тебе и чужой город! Оказывается, тут может быть известен каждый твой шаг. Халима некоторое время ничего не могла сказать, будто во рту у нее вместо сладкого пирожного оказалась горькая редька.

- Да, Ишкай абы не бросает человека на полпути только из-за того, что тот имеет собственное мнение о некоторых вещах.

- А Самат, наверное, готов проводить и до Донбасса.

- Не знаю. Если будет такая возможность, я и в провожатом не буду нуждаться. А ты сам кого провожать намерен?

- Еще не решил.

Теперь Янгураз не сомневался, что предупреждение Шамсира оказалось верным. В то же время он понял, что если между ними и существует какой-то сговор, то выяснить о нем вот так, сразу, он не сможет, а только настроит Халиму против себя. Давление может возбудить в ней отрицательную реакцию, тем более у такой своенравной особы.

Халима вспомнила свои встречи с Ишкаем. Да, они виделись несколько раз. Или она должна сидеть целый год взаперти, дожидаясь приглашения Янгураза? Только она скоро поняла, что с Ишкаем у нее ничего не

получится - глаза у него как у кота блудливого, и шутки какие-то скабрезные. Смеется над немцами: мол, любят интрижки, а сам, кажется, готов их перещеголять. Дескать, на Западе это не считается распущенностью, а принимается как норма. Как будто любовь основана только на физическом влечении! Да, Ишкаю не хватает воспитанности, какая у Янгураза, поэтому и охладела она к этому ловеласу. Только не дай Бог, если узнает об этом Янгураз. Стыдно! Зачем ему, увлеченному политикой и другими серьезными делами, знать о всех похождениях Халимы?

Холодный ветер многих заставил заглянуть в кафе на огонек. Официанту работы прибавилось, но это никак не сказалось на его ловкости и грациозности. Из репродуктора лилась негромкая музыка. Янгураз обрадовался, узнав знакомую мелодию, и спросил Халиму:

- Тебе нравится это произведение?
- Какое произведение?
- Я имею в виду музыку
- А-а. Ничего.
- Ничего?!. - усмехнулся Янгураз. - Ты не принижай так Бетховена. Эта пьеса - жемчужина мировой музыки.

Янгураз рассказал о пьесе все, что знал от фрау Софи и был чрезвычайно рад, что смог показать себя человеком осведомленным, открывающим Халиме мир искусства. Да, постоянно общаясь с Софи он многое узнавал о музыке и это еще больше возвышало ее в глазах Янгураза. В то же время он искренне пожалел Халиму. Да, нелегко дочери простого шахтера приобщаться к высокому искусству. А Янгураз должен держаться культурных господ, иначе ему не выбиться в люди...

- А почему ты так преклоняешься перед немцами? - отвлекла его от мыслей Халима.

- Знаешь, перед войной я был в Москве на выставке достижений народного хозяйства. Была экскурсия и по городу. Водя нас по Кремлю, какая-то беззубая экскурсовод принялась вовсю чернить татар, они, мол, и Кремль несколько раз поджигали, и людей в плен брали, море крови пролили, и пятое, и десятое. Однако великий русский народ каждый раз заново отстраивал Кремль, возводил прекрасные дворцы и так далее и тому подобное. Ладно, если бы она была тактична и объективна, но

ведь она совершенно незаслуженно называла татар самыми грубыми словами. Тогда мне показалось, что в группе все воспылали ненавистью к татарам. В то время я не понимал политической подоплеки всего сказанного, но психологически я был просто подавлен. И я начал задумываться над тем, что есть родина, отечество, что это за общность "советский народ". И если у русских и татар одна общая родина, то зачем сеять вражду между ними, вызывать ненависть у одного народа к другому? А если так, разве русские не грабили, не жгли Казань? Не они ли истребили все мужское население Казанского ханства и увели женщин в рабство? Однако, в Казани экскурсоводы об этих зверствах русских умалчивают. В СССР татары с раннего возраста начинают твердить о равноправии всех наций и народов. Где же это равноправие, если уже Конституцией все республики разделены на три категории - союзные, автономные и автономные области. Соответственно определены и права коренных народов этих республик и областей. Например, из-за своей автономии татары не имеют права создать свою Академию Наук и поэтому не могут по-настоящему готовить своих ученых, так как в Татарстане им негде будет работать. А за пределами республики они не смогут работать во благо своего народа. И такое неравноправие наблюдается во всех сферах жизни. Скажем, татары не имеют права объективно освещать историю своего народа. А чего стоит демографическая колониальная политика Московского правительства, направленная на вытеснение малочисленных народов и переселение на их исконные территории других, главным образом представителей славянских народов. Москва присваивает себе не только плоды труда покоренных народов, но и их территории. Как бы не старалась советская пропаганда сбить нас с толку, скрыть от нас правду, ясно одно, что СССР - преемница Российской империи и является отвратительным по своей сути колониальным государством. Коль Германия взялась сокрушить это уродливое имперское образование, почему бы нам не проявить солидарность с ней?

- Но ведь это - измена родине, - возразила Халима.

- Нет! Империя не является родиной для татар, и Германия не воюет против татарского государства. Для каж-

дого народа родина это земля, где он сформировался как нация, то есть его этническая территория. Ее у нас отняли. Мы создали легион "Идель-Урал" для того, чтобы возродить свое государство на этой территории. В случае победы Германии мы не должны оставаться в стороне, как бесхозное стадо. Мы должны получить возможность возродить свою государственность. Для этого мы приняли решение сражаться в единых рядах с немцами! В политике нет понятия любви или нелюбви, а есть понятие общности интересов. С немцами нас связывает именно общность интересов. Легионеры взяли в руки оружие не ради пачки папирос или плитки шоколада, а во имя борьбы за национальную идею.

- И давно ты так начал думать?

- Правда в СССР была спрятана за семью замками. Носители национальной идеи эмигрировали, а тех, кто остался, уничтожили или посадили в тюрьмы. Нам не разрешали изучать славную историю своего народа. Всю правду о прошлом татар я начал узнавать только здесь, в Германии.

- Может не только в Советском Союзе, как ты утверждаешь, но и здесь тоже обманывают?

- Нет, немцы объективны. Им ни к чему чернить или хвалить только коммунистов или только антикоммунистов. Немецкие ученые не искажают историю, изучают истинное положение вещей и дают объективную оценку. Это легко увидеть, если сравнить разные источники.

- А если немцы не выполнят своего обещания построить татарское государство?

- Выполнят, потому как мы сможем оказать им поддержку в преодолении сопротивления русских. Народы запада придерживаются принципов гуманизма и умеют трезво мыслить. По советским законам, попал в плен, значит изменил родине, предал ее. А по американским, если солдату грозит гибель, он во время отступления, чтобы спастись, может даже бросить свое оружие. В Советской же армии все наоборот! Не расставайся с оружием до самой смерти! Оружие дороже жизни! На западе попасть в плен обычное дело, есть даже взаимодоговоренность заботиться о военнопленных. Словом, Советская система во всех отношениях отличается своей бесчеловечностью, поэтому ее нужно уничтожить!

- Ты так уверен в своей правоте, что можешь поколебать веру других.

- Я думаю, правильнее будет сказать - вернуть заблуждающихся к их истинной вере. Впрочем, я буду рад, если смогу заставить кого-нибудь хотя бы задуматься. Человеку не так просто отказаться от своих убеждений, впитанных с детства.

Может это действительно так? В случае триумфа Германии станет ясно насколько был прав Янгураз. А если Германия потерпит поражение? Тогда придется скитаться на чужбине, а о родине останется только мечтать. Нет, Халима этого не вынесет! Она желает жить на родине, пусть даже в положении рабыни. На чужбине невозможно сохранить свою национальность. Нет, нельзя отрываться от родных корней. Интересно, что думает об этом Янгураз?

Но с ним Халима не стала делиться своими мыслями. Да и зачем? Он уже не сможет свернуть с однажды избранного пути. Зачем же сыпать соль на раны? Зачем бередить его душу? Чтобы оттолкнуть и окончательно потерять его, единственного человека, кто протянул ей руку помощи здесь?

На этот раз Янгураз проводил ее до метро. А на прощание сказал :

- Среди наших джигитов есть разные мечтатели. Ты только запомни: чем подальше будешь держаться от сомнительных личностей, тем лучше сохранишь свою голову.

После обеда Янгураз сел писать статью для журнала. Когда позвонила Рина, он дал знак взявшему трубку Рамзи, сказать что его нет дома. Сегодняшный вечер он обещал провести вместе с фрау Софи.

16

В конце апреля Берлин всегда красив. Пробуждается природа после зимней спячки — начинают цвести фруктовые деревья, зеленеть аккуратно подстриженная живая изгородь. А улицы заполняются разнаряженными женщинами. Гулять в такую пору одно удовольствие! Несмотря на неприятные известия с фронтов, весной 1944

года в столице Рейха еще кипела жизнь. Именно в эту пору Ишкай Баттал получил письмо из Баварии.

Обосновавшись в Берлине, он перед Рождеством послал поздравительную открытку фрау Гунде, где сообщил, что устроился хорошо, работает по специальности в престижном месте. В конверт вложил и свое фото, на котором был запечатлен в приличной одежде. Написал он скорее из бахвальства - хотел показать, кем он был на ферме и кем стал здесь, в Берлине. То ли желая убедиться в этом сама, то ли по другой причине, фрау Гунда не замедлила появиться в столице и побывать у Ишкая.

А теперь пришло письмо от фройлейн Ады. Она сообщала о своем приезде в Берлин. Были указаны день, час прибытия поезда, номер вагона. И была просьба к герру Ишкаю встретить ее. На конверте почему-то стоял штемпель города Регенсбурга, хотя от их фермы ближайшая почта находилась совсем рядом... Странно, почему из Регенсбурга?

Как врач Ишкай получил хотя и маленькую, но отдельную комнату в многоэтажном доме. Спасибо президенту Татарского комитета Шафи Алмасу. В комнате было все необходимое, даже цветы и частичные удобства - отдельный туалет с умывальником.

Хотя он и похвастался перед Крюгерами, зарплата у него была небольшой, приходилось экономить. Поэтому Ишкай стал ломать голову, чем угостить гостью. Как назло, он перед этим несколько раз ел в бесталонной столовой на Александрплаце, и теперь у него в кармане было совсем пусто. Талонов, чтобы есть сытно, не хватало, на них давали капустную похлебку да еще что-то несущественное. В Берлине с продовольствием стало хуже. И вздумалось Ишкаю хвастаться перед Крюгерами! Теперь и Ада узнает его истинное положение. И чего ей вздумалось ехать в Берлин? Мать, конечно же, не сказала ей о своей поездке. Может, у Ады какое-то дело в Берлине?

Подумав, он решил направиться в редакцию татарского радио. У Шамсира просить в долг, наверное, бесполезно - он почти все спускает на любимое пиво. Если встретится Янгураз, он, пожалуй, и обедом сможет угостить. У него не один источник доходов. Есть у Ишкая и

повод пойти на радио - проверить здоровье сотрудников. Может кто-нибудь одолжит ему денег.

Татарская редакция Берлинского радио располагалась в одной комнате рядом с редакциями других народов Востока. Войдя в редакцию, Ишкай поразился убогой обстановке. В большой комнате стоял длинный стол с пятью стульями. На столе - пишущая машинка и телефон. На подоконнике в беспорядке лежали газеты и журналы. Словно солдатская казарма, а не редакция. Да, ухудшающаяся обстановка из-за участившихся бомбежек сказывалась во всем... Когда Ишкай зашел в редакцию, один из сотрудников сидел за машинкой, другой переводил с русского на татарский сводку новостей. Шамсир с Янгуразом сидели у окна и что-то читали.

Друзья шумно поздоровались. Потом Ишкай со всей деловитостью заявил:

- Так, ребята, я пришел проверить ваше здоровье. Все ли вы в состоянии бегать за девушками? Раздевайтесь по пояс!

- Что за новости?

- Чего это нас вспомнили? Или на фронт сватают?

- Шеф велел, - ответил Ишкай. - Говорит: "Ребята выполняют ответственную работу, нужно заботиться об их здоровье". Хотя на вид вы хоть куда!

- Пусть бы он позаботился о повышении жалованья.

- Это вы ему сами скажете. Мое дело - осмотреть, послушать, вылечить, если надо, освидетельствовать.

И не мешкая, приступил к делу.

- Порядок! Все в норме! Хоть завтра на фронт!

- Типун тебе на язык!

- Да ты что?

- Мы здесь нужней.

Завершив осмотр Ишкай позвал Янгураза в коридор. Закурив папиросу, спросил:

- Ну, какие новости? У вас ведь самая свежая информация.

- На юге враг захлебнулся. На востоке линия фронта продолжает сокращаться. Если там положение как-то стабилизируется, кое-кто намерен предложить сепаратный мир.

Ишкай взглянул на помрачневшее лицо Янгураза и усмехнулся:

- Плохи, значит, дела у врагов Рейха. Прямо как у меня. Моя лодка тоже села на мель.

- Почему?

- В следующее воскресенье ко мне приезжает гостья, а в карманах ветер гуляет.

Ишкай рассказал о письме Ады.

- Зачем тебе эта фройлейн? - удивился Янгураз. - Не хватает тебе здешних красоток?

- Хватает. Только я ведь Аду не приглашал. Не знаю, что она задумала. И потом, ты же сам говорил, что полезно укреплять связи с немцами. Забыл?

Тут в коридор высыпали и другие сотрудники.

- "Казино" ждет! Пошли! - сказал Шамсир Янгуразу и Ишкаю.

В здании "Казино" была расположена столовая Министерства пропаганды, к которой были прикреплены работники радио. Как по приказу открывались двери грузинской, казахской, узбекской редакций, сотрудники которых тоже спешили на обед в "Казино".

Зал для эмигрантских редакций вмещал одновременно человек двадцать. Здесь было и пианино, на котором иногда одна русская женщина играла для посетителей.

Обед не был богат. На талон давали капустную похлебку, картошку с маленьким ломтиком колбасы и ячменный кофе. Ишкай не ошибся - Янгураз угостил его обедом. Видимо услышав татарскую речь входящих сотрудников, пианистка неожиданно заиграла татарскую музыку - известную песню "Тяфтиляу". Но странно, что очень скоро слова песни сменились. Ишкай впервые слышал их. Пианистка объявила: "Плач пленной Сююмбеки". И пела чисто по-татарски! Забыв об обеде ребята слушали затаив дыхание.

Сколько лет сижу я одна в заточении.
Пища моя - хлеба кусок да плошка воды.
Слезы горя глаза застилают,
Сердце горит,
Только слышны стоны ...

Когда женщина кончила петь, какое-то время в зале стояла гробовая тишина. Первым обрел дар речи Шамсир:

- Вот она, судьба нашей нации! Рабство, унижение. Даже наша царица стала жертвой жестоких захватчиков!

- Слушай, вряд ли эта женщина русская. Может, она из крещеных татарок? - высказал предположение Гали.

- Во всяком случае, не из тех, чьи предки увезли нашу царицу в позорный, тяжкий плен, - сказал Янгураз. - Хорошо бы прокрутить эту песню на радио. На нашей многострадальной родине никто, наверное, и не слыхивал эту песню. Там мы совсем превратились в иванов не помнящих родства.

- Сердце татарина и так израненое, каждая клеточка ноет, - сказал Ишкай. - Так ведь, Шамсир абы?

- Та-ак...

- Поэтому, может, не стоит лишний раз бередить его израненую душу.

- Уподобимся страусу, который в минуту опасности зарывает голову в песок и думает что его не видно?

Кто-то из парней решил поменять тему.

- Как тебе наш кофе, Ишкай эфенди?

- Настоящим кофе и не пахнет. Это бурда...

- Ха-ха-ха, а ты думал, что в Берлине заживешь как барин? Не надо было покидать сытную жизнь на ферме.

- Ишкая счастье не покинет. Только хозяйку проводил, как на смену ее дочь едет.

- Да ну, вас! Посекретничаешь с одним, через минуту уже все зубоскалят. Думаете, легко ублажать немецких красоток?

- Не думаем. Завидуем твоей ловкости. Молодец! - сказал Шамсир. - Пусть среди нас хоть один счастливчик будет. Мой вклад в твое счастье невелик, но все же марок десять выделю. Держи! Не позволим нашему доктору опозориться перед немецкой курочкой, ребята!

Дали денег Ишкаю и другие - кто три, кто пять марок. Янгураз сунул ему в карман пятнадцать марок.

- Век не забуду, ребята, спасибо!

- И за нас постарайся - чтобы искры летели!

- Не забудь на свадьбу пригласить! - сказал Шамсир. - Вот только не одобряю, что ты тут некоторым подружкам изменяешь.

- Я даже не знаю с чем едет сюда эта фройлейн. У меня тоже не одни амуры на уме. Разве есть возможность завести серьезные отношения с соотечественницей? Нет!

- Ладно, ладно, не оправдывайся, ты везде успеваешь.

Распрощавшись с товарищами, Ишкай зашел в магазин "Хирти", что неподалеку. Для него это был не просто магазин, а целый музей. Чего только здесь нет! Одежда, украшения, ткани, ковры, посуда, инструменты и еще многое другое. Смотри, любуйся, выбирай, были бы деньги, да еще специальные талоны на некоторые товары. Магазин большой, светлый, многоэтажный. Продавцы предупредительны и готовы выполнить любую твою просьбу. Как-то Ишкай заходил сюда с Халимой. Осмотрев все отделы, купил спутнице карандаш для бровей. Он, конечно, хотел бы купить что-нибудь и побольше, но что поделаешь, если с финансами у тебя не густо.

Впрочем, подарок не оказал нужного воздействия. То ли Ишкай был чересчур нетерпелив, то ли еще что, словом, чем-то он напугал Халиму, и она стала сторониться его. Самолюбие Ишкая, конечно, было задето. Как это так? Украинские девушки, работающие на шоколадной фабрике, сами липнут к нему. С ними, пожалуй, проще и лучше. Болтай себе байки, тискай их за мягкие места, целуйся, ходи в зоопарк глазеть на обезьян или павлинов - и все мерзости этого жестокого мира хотя бы ненадолго забудутся. Разве этот мир сам не похож на огромный зоопарк? Зачем осложнять жизнь разговорами о судьбе родины, о героизме, отваге и рассуждениями о других высоких материях? Пока Ишкай не готов к серьезным чувствам и поступкам, здесь его судьба зависит от чужой воли, и не пристало ему, наподобие бабочки, кидаться на свет костра. Разве сейчас время брать на себя ответственность за кого-то, связывать с кем-то свою судьбу? А Халиме нужны именно серьезные отношения, настоящая дружба, как говорится, с прицелом на будущее. Нет, он к этому не готов. И в то же время он не хочет как Шамсир сторониться женщин и посвящать себя солдатским будням.

Недели две назад он в Тиергартене познакомился с татарскими девушками, работающими на той же шоколадной фабрике. К ним присоединилось несколько парней-татар. И тут началось... Зазвучали татарские песни, частушки. Ишкай, как обычно, сыпал анекдоты да шутки.

"Две девушки-немки читают киноафишу и с сожалением вздыхают. Одна говорит: "Не пустят нас. Фильм только для совершеннолетних". Другая говорит: "А я все равно не смогла бы пойти. Ребенка не с кем оставить".

Парни расхохотались. Ишкай продолжал: "Ганс приходит в роддом и в окно кричит жене: "Покажи мне сына!" Та отвечает: "Еще не разрешают." "Как его самочувствие?" - спрашивает он. "Хорошо, орет во всю" "А на кого похож?" - интересуется папаша. "Ты его все равно не знаешь", - отвечает благоверная.

Ребята снова рассмеялись. Ишкай был доволен. Он даже не заметил, как пролетел выходной день. Со всех сторон парка доносилось пение то украинцев, то поляков, то русских, но Ишкай их совершенно не слышал. Крохотный пятачок, где расположилась группа татар, казался маленьким островком в безбрежнем океане и казалось, что чужие песни могут заглушить их пение. Но татарские песни не поддаваясь никакой буре звучали себе и звучали. Потом парни проводили своих спутниц до метро. Девушки спустились в подземку и словно провалились куда-то... Глаза Ишкая заволокло слезами.. Ему показалось, что земля проглотила девушек и вместе с ними и песни, которые они пели. Навечно! Ведь никто из этих татарских девушек здесь, на немецкой зем-ле, не имеет никакой надежды на будущее. Они - словно щепки в бушующем море. Ишкаю вовсе не хотелось быть такой щепкой. Конечно, не один он переживал такие чувства. Парень по имени Самат, которому особенно понравился веселый нрав Ишкая, когда они остались одни, сказал:

- Будь мы на родине, могли бы сколько угодно веселиться.

- Родины нам не видать.

- Да мы и сами ничего не предпринимаем, чтобы увидеть ее.

- А что предпринимать?- спрсил Ишкай.

Не успели они далеко уйти от метро, как объявили воздушную тревогу. Народ бросился к ближайшим бомбоубежищам. Ишкай с Саматом тоже побежали в укрытие, ориентируясь по стрелкам, нарисованным на стенах. Большой подвал многоэтажного дома вскоре наполнился

людьми, и тут же послышался грохот разрывающихся бомб, стрекот зенитных пушек.

- Янки обезумели, здесь же нет ни одного военного завода!

- Они жаждут нашей крови.

- Они всегда смотрели на Германию как на соперницу!

Слушая эти реплики, Самат сказал:

- Посмотри-ка на них! Когда война задышала им в затылок, они вспомнили о справедливости.

- Они еще натерпятся.

Когда Ишкай переехал в Берлин, ему тут же предложили должность военного врача в легионе. Еле отбрыкался. Он боялся не ужасов войны, а того, что ему придется повернуть оружие против советских солдат. Утверждения, что советские войска есть уродливое порождение сталинизма, не сломило его волю. Ишкай не хочет носить клеймо изменника родины. Даже в случае победы Германии.

Однако схватка двух хищников проходила не по сценарию Геббельса. Советы стали теснить фашистов. Южный фронт тоже приносил Рейху хлопоты, это понимали и сотрудники радио, хотя вслух не говорили. Да и нельзя было говорить. В последнее время бомбежки Берлина резко участились. Приходилось прятаться не только днем, но и после наступления темноты. Находиться в германской столице стало небезопасным. Куда смотрят "соколы" Геринга? Поневоле с тоской вспомнишь тихую ферму Крюгеров у подножия Альпийских гор. Поэтому Ишкай и прислушался к словам Самата. После отбоя воздушной тревоги он вернулся к начатому разговору:

- Что ты намерен делать?

- На Восточный фронт сейчас очень опасно подаваться, лучше на Запад. Присоединившись к французским маки, в дальнейшем с их помощью мы сможем скинуть ярлык изменника. А если там откроется второй фронт?

- Двум смертям не бывать. Возможно, американцы окажутся более милосердны.

- Когда ты собираешься ехать туда?

- Завтра. Но скоро я опять вернусь в Берлин за татарскими газетами и журналами.

- Тогда и ко мне в Комитет зайди.

Они разошлись каждый в свою сторону. Ишкай еще не пришел к какому-то решению. Но в предложении Самата он увидел реальную возможность спастись. Если он изъявит желание поехать во Францию военным врачом, добиться своего будет нетрудно.

* * *

Гостью, прибывшую утренним поездом, Ишкай встретил с букетом флоксов. Ада еще больше похорошела, округлилась. Сквозь тесный голубой свитер торчали упругие девичьи груди. В голубых холщовых брюках, спортивных туфлях, с подстриженными по-мальчишечьи волосами, в тонкой куртке и с сумкой через плечо Ада напоминала пастушку, вышедшую в луга.

- Доброе утро! А я тебя из окна увидела! - улыбаясь сказала она. - Какой ты важный - в шляпе, при галстуке!

- Утром прохладно, - сказал Ишкай, протягивая ей цветы. - Тем более сегодня еще дождь обещали. Ну, добро пожаловать в Берлин! Дай-ка я чмокну тебя.

Она церемонно протянула было руку, но Ишкай, сделав вид, что не понимает, обнял ее и поцеловал в щечку.

- У-у, какие у тебя колючие усы. Щекочат.

- Я для этого их и отрастил.

На вокзале людей много, и никому нет дела до них. Наверное, поэтому, Ада повела себя свободней, и тоже поцеловала Ишкая.

- Как в кино, да? - спросила она с довольным видом.

- Да. Ты возвращаешься после отдыха в Сицилии, а я с нетерпением жду тебя на вокзале. Вот только багажа не вижу.

- Ох! Забыла!

Она кинулась обратно в вагон и вскоре появилась с черной матерчатой сумкой.

- Это ты во всем виноват! - в шутку рассердилась она. - Как увидела тебя в окно, так обо всем забыла. Держи! Хорошо еще, что мы не успели далеко отойти.

- Чудно, - сказал Ишкай, любуясь ею. - Ты из дома? Как там?

- Как тебе сказать? - уже с посерьезневшим видом сказала девушка. - Отец так и не вышел из госпиталя, не смог поправиться... От брата давно вестей нет. А я учусь в Регенсбурге, о моем приезде сюда мама не знает.

- Вот как...Жаль. Прими мое соболезнование.

- Да, несладко нам.

Они пошли по платформе и через тоннель вышли на привокзальную площадь. Город просыпался. Утро выдалось солнечным. Машины поливали цветочные клумбы, пешеходы нескончаемым потоком шли на трамвайные и автобусные остановки. Ишкай закурил, стараясь выпускать дым в другую сторону от спутницы, а сам все посматривал на Аду. Жалея ее и в то же время восхищаясь, он произнес:

- Ты такая красивая!

- Правда? А мы... Мы никак не думали, что война принесет семье такое горе. Ужас!

- Скоро все кончится. И забудется. Раны заживут и мы начнем новую жизнь.

- Ты это серьезно говоришь? Удивительно! - Ада остановилась. - И когда же это будет?

- Когда войска Рейха разгромят врага. А ты сюда приехала по делам?

- Да.

- В Берлине впервые?

- Была на экскурсии, еще когда в школе училась. Только почти ничего уже и не помню из той экскурсии.

- А теперь тебе куда?

- А куда хочешь! Может, для начала подкрепимся?

- Тогда пошли ко мне.

- Не спеши. Не беспокойся, у меня есть дорожные карточки, зайдем куда-нибудь, посидим. В Берлине я хочу отдохнуть как следует.

Ишкай улыбнувшись покачал головой и бросил окурок в урну. Потом взял Аду за руку.

- Пошли!

Рестораны были еще закрыты, и они зашли в придорожное кафе, где им предложили салат, сосиски с тушеной капустой. И, конечно, кофе. И все.

- Поедим здесь?

- Да, - ответила Ада. - Мне хочется пить!

Им принесли апельсиновый сок. Утолив жажду, Ада с интересом принялась рассматривать большие фотографии на стенах. Кафе было не самое шикарное, но выдержано в духе времени. На снимках были изображены и военные парады, и выступающий фюрер в разных

ракурсах, и спортсменки в коротких юбочках, и офицерская свадьба - словом, разные картинки из жизни Рейха. Насмотревшись, Ада с удовлетворением заметила:

- Здесь интересно!

Она выглядела как человек, наконец-то добившийся своего, удовлетворивший свое любопытство.

- Особенно красивы эти вьющиеся растения, - поддержал ее Ишкай.

- Какие у тебя черные усы! Ты что, их красишь?

- Обязательно. Надо же перещеголять кота.

Ада засмеялась. Потом посерьезнела:

- А ты теперь всегда будешь жить в Берлине?

- Пока - да. Но если пригласишь, могу приехать к тебе в Регенсбург. Там не бомбят?

- Нет.

- А где ты учишься?

- На курсах. Изучаю сельскохозяйственные машины. Ведь теперь вся работа лежит на нас с мамой. Нового остарбайтера сейчас вряд ли дадут.

- Да, работы у вас много. А в Берлин по какому делу приехала?

Ада сделала вид, что не расслышала вопроса, как-то загадочно посмотрела на Ишкая и принялась вертеть вилкой.

- Остывает, давай есть, - сказала она. - А я думала, в Берлине можно и попировать.

-Как?

Ну, побогаче.

- А... В последнее время с продуктами стало хуже. Но в ресторанах еще можно попировать. Были бы талоны и деньги.

- А знаешь, что я тебе привезла? В той сумке все для тебя! Смотри!

Ишкай, увидев яблоки и мясные консервы, воскликнул:

- О-о, действительно, целое состояние!

- Я еще хотела привезти шублиг, но побоялась, что по дороге испортится.

- А что это такое?

- Деревенская колбаса. Собственного приготовления.

- Спасибо и за это!

Выйдя из кафе, Ада сказала:

- Теперь показывай мне Берлин! Слушай, а ты здесь вспоминал меня?

- Все время.

- А почему не писал?

- Неудобно как-то. Думал, матери твоей не понравится.

- А ты мог не подписывать. Мама не вскрывает адресованные мне письма.

- Откуда мне было знать? И в голову не пришло.

Беспечно болтая, они пошли к центру города. Улицы ровные, аккуратные, много зданий оригинальной архитектуры, и все же Ишкаю Берлин не нравился. То ли от того, что здесь преобладает серый цвет, то ли от того, что высокие здания закрывают солнце, но этот город напоминает ему тюрьму... И только Унтер ден Линден словно вдохнул в него жизнь. Широкая и светлая, с высаженными по обеим сторонам липами, эта улица сохранила всю прелесть живой природы. Не зря ее название в переводе означает "Под липами".А когда липы цветут их сладковатый аромат распространяется на весь город. И так уже триста лет! Особую же прелесть и торжественность улице придает цветник, что перед музеем. В Астрахани мало высотных зданий. Улицы неасфальтированы, но зато мягко ступать. А еще родной город Ишкая большую часть года утопает в солнечных лучах, а в Берлине солнечных дней меньше, значительно меньше, конечно...

Пока гуляли выяснилось, что у Ады никаких дел в Берлине нет, кроме как повидаться с Ишкаем. Конечно, она могла приехать сюда даже если бы Ишкай здесь не жил. Провинциалке всегда хочется посмотреть столицу. Некоторые и в зарубеж выезжают. Только Ада не скоро еще вырвется из своей приальпийской фермы. А из Регенсбурга в Берлин приезжать удобно. Ночным поездом можно в понедельник к утру вернуться обратно.

А чем занят здесь Ишкай? Кого лечит? Неужели сам купил этот костюм? Да, коричневый цвет ему к лицу, теперь он выглядит как настоящий господин. И собой хорош - чер-ные волосы, зачесанные назад, черные брови. Наверное, он нравится берлинским девушкам. Что, боится с ними дружить? Чепуха, пусть не врет. Аде нравятся такие, как он, здоровые, высокие парни.

Сильные парни. А герр Ишкай кроме того еще и доктор. У-ух, какой кавалер! Вот если бы еще немцем был...

А Ишкай был погружен в свои думы. Фройлейн приехала к нему, значит, в ее душе есть чувства. Она такая юная, страстная, так и просится в объятия. Что позвало ее в путь - сумасбродная юность или просто отсутствие более достойных кавалеров? Ишкаю так и хочется стиснуть ее в своих объятиях, поцеловать, но не загубит ли он этот нежный цветок? Ведь Ада еще словно невылупившийся птенец. Ослепленная страстью, она может забыть обо всем. Ишкай помнит тот случай на ферме. Она приехала в Берлин, значит, страсть все еще бурлит в ней. Но Ишкай не должен делать неверных шагов, воспользовавшись ее чувствами. Если бы можно было сделать ее верной подругой, надежным товарищем, а не только партнером в постели. Германию со всех сторон теснят враги. Может получится, что Ишкай станет метаться в поисках надежного убежища. Куда, к кому тогда он приткнется? Впрочем, Самат подал ему хорошую мысль.

Янгураз интересовался Баварией, ферма Крюгеров со временем может стать для него вполне надежным убежищем, а Ада составить хорошую пару.

И фрау Гунда, наверняка, не станет противиться. Мать ни за что не захочет видеть дочь в объятиях Ишкая. Она возненавидит его, проклянет как развратника.

В квартиру Ишкая они пришли ближе к ужину. Он заранее приготовил для гостьи угощение - бутылку белого вина, вашеронский сыр, картофель, маргарин и кое-что еще. Поэтому сразу стал готовить на стол..

Ада, увидев его маленькую комнату, усмехнулась, а потом сбросила туфли и растянулась на тахте.

- Ах, либер Ишкай, я так устала! В поезде толком и не поспишь.

- Поспи здесь. Когда все будет готово, я разбужу тебя.

- А ты кóнсервированное мясо разогрей,- сказала Ада. - Быстрее будет.

Но Ишкай не стал слушать ее, принялся колдовать на кухне. Ада встала, чтобы помочь ему. Лицо ее раскраснелось, она села за стол и заявила:

- Мне жарко!

- Сними свитер.

- А у меня под свитером ничего нет.

- Возьми мою рубашку.

Ада повернулась к нему спиной и стала стягивать с себя свитер. Ишкай, протягивая рубашку, не выдержал и обнял Аду, такую желанную, пахучую, с блаженством ощущая в руках упругие мячики ее грудей.

- Ой-ей, мы так не договаривались! - воскликнула она.

Ишкай начал целовать ее обнаженное плечо.

- О-о, майн херц!

Ада повернулась к нему, обвила руками его шею, и они долго,долго целовались...

- Герр Ишкай, ты думаешь кормить меня обедом?

- Обязательно!

Надев рубашку Ишкая и засучив рукава, Ада сказала:

- Как она мне велика! А к нам посторонний человек не зайдет?

- Нет. Почему ты спрашиваешь?

- Просто... Думаю, может, нам и рубашки снять?

- Можно.

И тут Ишкай вспомнил приальпийскую поляну, где они загорали с фрау Гундой, страстные ночи, проведенные с ней... А еще он вспомнил своего набожного отца, который не раз предостерегал его от греха. Да-да, греха, именно греха! Одно дело хозяйка-вдова, но совсем другое дело - ее непорочная, невинная дочь! Связь с ней это вопиющее нарушение шариата, что приведет к наказанию, и дух набожного отца проклянет своего беспутного сына. Значит, Ада - запретный плод! И ты, Ишкай, не должен притрагиваться к этой девушке.

А Аде, все еще не решающейся снять рубашку сказал:

- Знаешь, по-моему, обед удался на славу. Хорошо бы пригласить в гости какого-нибудь хорошего человека.

- Кого?

- Помнишь того молодого человека, который приезжал меня проведать?

- Да.

- Зовут его Янгураз. Ему очень понравилось ваше хозяйство, вы с мамой. Он хотел бы еще раз поехать к вам. А без меня ему будет неудобно это сделать. А здесь вы можете возобновить знакомство, поговорить, он будет рад. Ну как, пригласим?

- Как хочешь. Но пока он придет, обед остынет. А мне есть хочется.

- Он живет недалеко. Янгураз - что надо парень. Когда приедешь в следующий раз, у тебя в Берлине бу-дет еще один хороший знакомый. Я сейчас позвоню ему.

Ишкай уже начал склоняться к предложению Самата вернуться на родину, поэтому решил, что неплохо будет свести Аду с Янгуразом. Как говорится, добром ответить на добро! Янгураз будет постоянно жить в Берлине, кроме того, у него есть право беспрепятственного передвижения по всей стране. С Адой они смогут встречаться хоть в Баварии, хоть в Берлине, а если полюбят друг друга, для них не будет никаких препятствий.

Поняв, в чем дело, Янгураз обещал прийти вечером

- Ну как? - спросила гостья.

- Придет вечером. Он согласен, если обед придется разогревать. Просто в данный момент он занят.

- И прекрасно! - сказала Ада. - А мы пока отдохнем одни.

Поев, Ада с блаженством растянулась на тахте. Хотя вино и добавило ей смелости, все же брюки она сняла под одеялом. Ишкай побоялся обнажаться полностью и разделся только по пояс. На узкой тахте можно было уместиться, если только лечь прижавшись друг к другу. Едва они так улеглись, как Ада горячо зашептала:

- Я хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной!

- А сколько их у тебя должно быть?

- Как это "сколько"?

- Ты же определила меня "первым". Значит, подразумеваешь, что будут еще?

- Глу-упый! - приподняв голову и облокотившись на руку сказала Ада. - Знаешь, на наших курсах... Ну, в общем, я там, кажется, единственная девственница. У всех уже были романы, так интересно слушать об этом.

Ишкай прижал ее к груди:

- Ада, ты ничуть не хуже их. Ты очень, очень красивая, ласковая. Не надо спешить, у тебя все еще впереди!

- Сегодня я не буду ограничивать тебя, как тогда, на ферме, - зашептала Ада.

- Не будем спешить. Кончится война, вернутся с фронта парни. Кто-нибудь из них полюбит тебя. И ты подумаешь: "Зачем я тогда связалась с каким-то русланд-

тюркеном?" Любовь - это не спорт, милая, а умение найти единственного, кто будет тебе дорог, и быть с ним счастливой всю жизнь. Достойные тебя кавалеры пока на фронте, поэтому ты тянешься ко мне. Я не хотел бы воспользоваться твоим временным увлечением.

Ада приподняла голову и с удивлением посмотрела на Ишкая:

- Нет! Я не хочу никого ждать! Мне приятно находиться в твоих объятиях! Я знаю - ты хороший человек.

- Но я же не могу пойти с тобой в церковь! Да и ты вряд ли согласишься принять ислам.

Ада резко сунула голову под его руку и притихла. Немного спустя Ишкай приподнялся, чтобы взглянуть на ее лицо: оно было мокрым от слез.

- Ты что, обиделась на меня?

- Нет... Да... Все так сложно...

Ишкай снова обнял ее, поцеловал ее прекрасные, мокрые от слез глаза, стал гладить ее тело. Ада, видимо, действительно устала с дороги, потому что вскоре крепко заснула.

Ишкай был рад, что сумел побороть свою страсть. Он осторожно встал с постели, которая была слишком узка для двоих. Даже не просыпаясь, девушка почувствовала, что на тахте стало просторнее, свернулась калачиком и погрузилась в еще более глубокий сон. Ишкай любовался ею и думал: "Да, она ведь мне как сестренка, только начавшая жить, только что распустившийся цветок. С ней надо обращаться нежно, беречь ее!"

Ишкай разбудил Аду лишь незадолго до прихода Янгураза. Девушка умылась, потом они заново накрыли стол. Янгураз пришел с тортом и букетом цветов. Протянув букет гостье, он сказал:

- Красивое тянется к красивому. Это - вам!

- Данке шен!

- Ишкай - счастливец, раз к нему приезжает такая обворожительная фройлейн.

- Ада приехала по делу, - решил уточнить Ишкай. - А ко мне зашла по пути. Я рад и этому. Я хорошо жил у них на ферме. Никогда не забуду, как Ада угощала меня яблоками.

- Ну, как там, спокойно? Я все еще помню ароматный чудесный кофе фрау Гунды. У нас говорят, что вкус от одной чашки кофе сохраняется во рту сорок лет!

Ада не стала рассказывать, какое несчастье постигло их семью. Она даже немного растерялась от того, как свободно и непринужденно держится Янгураз, как по-дружески и в то же время очень деликатно разговаривает с ней. Да, сразу видно, что он истинный джентльмен, вращается в высшем свете. Ада же - простая фермерская дочь, заботы которой обычно не простираются дальше ухода за скотиной и работы на сельхозугодьях. Ишкай тоже внимательный и вежливый, но как-то по-иному. А этот господин утонченный. Даже чашку кофе он предусмотрительно пододвинул Аде, поставил перед ней тарелочку с кусочком торта. А когда ел, то не забывал нахваливать:

- Даже от одного прикосновения нежной девичьей руки любое кушанье становится необыкновенно вкусным!

Ада же сидела и думала, не опухло ли ее лицо от сна и слез? Она поймала себя на мысли, что хочет понравиться этому молодому господину. Ей стало стыдно и она густо покраснела.

Разлили остатки вина.

- Ну, за встречу! - произнес Ишкай. - Ты, Янгураз, кажется, хотел еще раз съездить в Альпы. Если поедешь, можешь заночевать у них!

- У нас места много, приезжайте! - поддержала его Ада и снова покраснела.

- Спасибо, фройлейн, раз так, то обязательно приеду. В свою очередь, приглашаю вас в гости. Вы еще долго будете в Берлине?

- Через два часа уезжаю.

- О, какая жалость! Впрочем, я дам свой адрес и телефон.

Время за разговорами прошло так быстро, что Ада не заметила, как пришел час расставания. Молодые люди проводили ее на вокзал. Ишкай на последние деньги купил Аде флакончик французских духов, а Янгураз вручил ей апельсиновый сок и плитку шоколада. Ада была взволнованна, разговаривала мало, и только из вагона с чувством помахала друзьям рукой. Ах, если бы

однокурсницы видели, какие блестящие кавалеры ее провожают! Лопнули бы от зависти! Просто чудо!

Когда поезд скрылся из виду, Янгураз протянул:

- Да-а-а!.. Вот так го-остья! Как спелая малина! Есть в тебе, Ишкай, что-то такое, что притягивает девушек!

- Эта ягодка не для меня предназначена. Пусть она достанется тебе. Не зря же я пригласил тебя в гости, чудак!

17

Прошло не так уж много времени после отъезда гостьи, как до Янгураза дошла неожиданная весть: Ишкай в числе легионеров добровольно отправился военным врачом в Нормандию. Странно, что перед отъездом он даже не попрощался с Янгуразом, не позвонил ему. Если учесть, что туда же отправился и Самат, подбивавший других, возможно, и Ишкая, на бегство из легиона, нетрудно догадаться, что они задумали податься к маки. Случаи перехода легионеров к маки были и раньше и здесь нечему удивляться, в особенности если допустить высокомерное, недружелюбное отношение к ним немецких солдат. Прояснить обстановку, провести разъяснительную работу среди немецких солдат, с этой целью в начале июня и отправился Янгураз в Нормандию.

Волнение его немного улеглось, когда он санчасти отыскал Ишкая. Еще не сбежал! Если, конечно, действительно задумал. На радостях Янгураз даже уговорил командира батальона отпустить Ишкая позагорать с ним на берегу моря.

День был ясный. От прибрежнего песка поднимался жар, как от печки. Синее, чистое небо простиралось так высоко, что если лежа на спине долго смотреть вверх, начиналалась кружиться голова. А если повернуться на запад, то за синевой можно было различить едва заметную полоску горизонта. Там приток Сены вливается в пролив Ла-Манш, а еще дальше, немного южнее, наверное, перекатываются волны Атлантического океана. Приток Сены сам похож на море, его воды тихо соединяются с проливом.

Ишкай разделся и с удовольствием растянулся на горячем песке.

- Хорошо! - воскликнул он. - Кто бы мог подумать, что судьба закинет нас с востока Европы на далекий запад!

- Да еще в такое место, где обычно отдыхают только французские толстосумы! - добавил Янгураз. - Пусть наши джигиты ценят это, ведь и Татарский комитет, и Татарише лейтштилле немало постарались, чтобы уберечь легионеров от ужасов Восточного фронта и перевести их на службу в этот благословенный край! Здесь спокойно, скоро и виноград поспеет.

- Интересно, послали бы нас сюда, если бы тот батальон не перешел на сторону партизан?

- А мы уже тогда поддерживали идею отправки легиона на Запад, чтобы уберечь наших джигитов от бессмысленной гибели на фронте.

- Но скоро и Нормандия может превратиться в кромешный ад. Говорят, не сегодня-завтра здесь может высадиться англо-американский десант.

Янгураз сел и всем телом повернулся к товарищу:

- Они уже давным-давно собираются да все никак не соберутся. Все кормят Сталина обещаниями открыть второй фронт. И потом: когда повсюду воюют, даже один день такой привольной жизни посчитаешь за счастье.

- И это верно. Еще совсем недавно мы кормили вшей и умирали от голода и холода в концлагерях. А служба в легионе другое дело.

- Конечно, - подхватил Янгураз. - Здесь лучше, чем даже в Польше. Смотри, какие красавицы пересыпают песочек!

На пляже, как и в мирное время было оживленно, хотя загорающих было не так уж и много - в основном женщины и дети. Мужчины, главным образом, немецкие солдаты и легионеры, собирались группами, но между собой почти не общались.

После того, как целый батальон легиона "Идель-Урал" на Восточном фронте перешел к украинским партизанам, гитлеровцы отказались от использования оставшейся части в качестве отдельного воинского формирования. Триста легионеров отправили в Нормандию и по двадцать человек распределили в немецкие батальоны. Такие, как Самат, попав в минометный взвод, таскали боеприпасы.

А стреляли только немцы. Что касается Ишкая, в санчасти он был единственным татарином. Из-за такого тесного контакта немецкие солдаты к легионерам относились вполне дружелюбно и у последних не было причин жаловаться. Тем не менее Янгураз посчитал не лишним напомнить немецким командирам о важности мирного сосуществования.

Приезд Янгураза и обрадовал, и озадачил Ишкая. Еще в Берлине он почувствовал повышенное внимание к себе. Может Самат по неосторожности ляпнул что-нибудь лишнее? Во всяком случае, почуяв неладное, Ишкай счел за лучшее поскорее покинуть Берлин.

Янгураз привез легионерам журналы, газету "Идель-Урал".

А может он собирает материал для этих изданий? Или приехал, чтобы отдохнуть в разгар лета - когда еще согреется вода в Балтийском море у острова Узедом. Говорят, на Востоке ситуация осложнилась. Что не говори ведь уже июнь 1944 года... А может в Татарише лейтштилле плохи дела? Вон ведь куда пошел Янгураз! Еще в лагере Вустрау было ясно, что он далеко пойдет. Парень он образованный, осторожный, да и умеет приспосабливаться...

- Как думаешь, Атлантический вал немцев действительно неприступен?- спросил Янгураз.

- Откуда мне знать? Вам сверху виднее. Германские войска зарылись, как кроты, вдоль канала Иссигни.

- За вас я спокоен. В Берлине думают, что главные бои развернутся у залива Па-де Кале. Полоска суши тянется не более тридцати километров. Немцы усиленно закрепляются. Нам нужно добиться, чтобы легионеров туда не послали.

В это время сверху послышался характерный гул. Армада американской авиации летела бомбить Германию. Роем проносились самолеты - наверное, не меньше ста машин. Через Францию в Германию летел караван смерти.

- Сейчас здесь безопаснее,- заметил Янгураз.- Так что считай, вам всем повезло. Мы должны уберечь наших парней от бессмысленной смерти, чтобы вернуться живыми и невредимыми и построить государство Идель-Урал.

Ишкай уже не первый раз слышал подобные слова, поэтому сейчас решил промолчать. Янгураз же думал, как все таки прояснить ситуацию и потому решил зайти с другой стороны.

- Как настроение у наших джигитов? Нет больше желающих побрататься с французскими маки?

Вот, оказывается, что интересует гостя!

- Не знаю, здесь легионеры рассредоточены среди немцев, они даже собраться вместе не могут. Достаточно мы лезли в пекло защищая чужие интересы, пора бы заботиться о своих душах. Надоело таскать из огня каштаны для кого-то.

- И это верно. Но нельзя и у немцев вызывать подозрения, злить их.

- Вот мы валяемся здесь,- сказал Ишкай.- Кто мы? Где наша страна? Если мы останемся навечно на этой земле, кто об этом узнает? Кому и для чего мы нужны? Кто наш враг и кто наш друг?

Стремление отдельных легионеров перейти на сторону советских или польских партизан, их поиски контактов с французскими маки поставили в трудное положение деятелей германского Бюро по связям с татарами. Гитлеровцы, терпящие в последнее время поражение за поражением, вовсе не хотели пригревать у себя за пазухой змею. Или расформировать национальные легионы, или очистить их от подстрекателей и бросить, наконец, в бой - таков был приказ сверху, короткий и суровый. Если приказ не будет исполнен, настанут мрачные дни и для сотрудника Бюро Янгураза Утяганова. Вот почему он хотел лично съездить к легионерам, покопать их изнутри, узнать настроение, остудить горячие головы. Герр Унгляубе одобрил его намерение.

— Я же знаю тебя как великого шутника,- усмехнулся Янгураз.- Что произошло с тобой? Пойдем окунемся еще разок, морская вода, говорят, целительна.

В этой части залива берег пологий, песчаный, дно тоже песчаное, что делает купание удобным и приятным. Недалеко от берега на красных буйках написано: "Осторожно, мины!" Поэтому купающиеся далеко не заплывают. На берегу Янгураз вновь вернулся к начатому разговору.

- Ты прав,- сказал он.- И русские, и немцы используют нас в своих интересах. Но надо учитывать и то, что немцы не наносили нам такого вреда, как русские. И потом не забывай, мы до сих пор едим немецкий хлеб. Несмотря на то, что мы с оружием в руках сражались против, они не убили нас. Наверное, надо ценить милосердие?

- В лагерях мы дохли как мухи.

- Они никак не ожидали, что уже в начале войны захватят в плен аж четыре миллиона советских воинов, потому и не заготовили в достаточном количестве продовольствия. Когда положение прояснилось, они стали и кормить, и одевать пленных. Вот и мы встали на ноги.

- Зато сами немцы что-то стали спотыкаться.

- Потерпи, у Германии еще есть силы, если в скором времени они закончат работу над созданием чудо-оружия, неизвестно еще, кто победит в этой войне.

- Что это за чудо-оружие?

- Ракеты. Фау-1, Фау-2 могут лететь за сотни километров и производить большие разрушения. А новое оружие будет еще страшней.

- У американцев разве нет такого оружия?

- Видимо, нет. В противном случае их шпионы не кружились бы вокруг секретных объектов.

- Кажется, один из таких объектов они уже нашли и бомбят.

- Но он расположен так глубоко под землей, что его невозможно полностью вывести из строя. Поэтому нам не следует раньше времени рвать с немцами. Хорошо бы сдерживать ретивость наших легионеров, готовых смазать пятки. Немцы не из тех, кто теряется. Наполеон, как известно, в 1807 году разгромил немцев. Конечно, это тяжело подействовало на побежденных. В это время один видный немецкий ученый по имени Иоган Фихте в своей лекции по философии в Берлинском университете читает "Обращение к германской нации". Он говорит: "Романские народы, особенно французы - деградирующая раса. Немцы, рано или поздно, вновь встанут на ноги... Немецкий язык - самый чистый и самобытный язык... Под влиянием немцев начнется новый период истории. А руководить всем будет элита, свободная от уз нравственности".

Эта речь окрылила, вдохновила побежденных немцев и они постепенно окрепли духом. Говорят, прозорливость Фихте и на фюрера оказала большое влияние.

- А хорошо иметь "элиту, свободную от уз нравственности"?- спросил Ишкай.

- Для нас самое важное - запомнить — история запечатлевает взлет то одного, то другого народа,- продолжал Янгураз, словно не слышал вопроса. - Когда-то Наполеон покорял соседние страны, а ныне Гитлер является хозяином Франции. Из этого можно извлечь следующий урок: сегодня татары угнетены русскими, завтра положение может в корне измениться, если мы неустанно будем бороться, если будем заодно с сильными народами.

- Только пока они используют нас в своих интересах.

- Чтобы защитить себя татары должны кому-то помогать. Возвращаясь к Фихте, замечу еще вот что: после смерти его дело продолжил Гегель, который своей диалектикой оказал очень сильное влияние на Маркса и Ленина.

- Вижу, ты в Берлинском университете времени даром не теряешь.

Янгураз вдруг переменил тему разговора:

- Наш общий знакомый Самат тоже здесь?

- Да, в минометной роте.

После обеда Янгураз посетил штаб батальона, расспросил о легионерах, потом в сопровождении офицера отправился в роту, где служил Самат. Штабист собрал перед посланцем из Берлина всех бойцов и еще раз объяснил положение на фронте.

- Войска фатерланда продолжают громить врага на Востоке,- говорил он.- На линии Нарва-Псков-Орша-Яссы уничтожены десятки советских дивизий. Переброска наших сил из Италии на Аппенинский хребет дала нам стратегическое преимущество для поражения врага. В Нормандии и Фландрии мы соорудили мощный Атлантический вал. Абер хиир... Вдоль пролива Ла-Манш наша оборонительная линия еще недостаточно сильна. Мы готовы сбросить англо-американский десант в море, но должны обеспечить надежные укрепления.

Солдаты слушали его невнимательно, видно было, что они устали от войны. С Восточного фронта продолжали поступать неутешительные вести, поэтому солдаты не

придавали значения речи штабного офицера. По словам легионеров, в надежность оборонительной линии трудно было поверить. Огневые точки не укрыты бетонными колпаками, оборонительные валы не вырыты в несколько рядов. Роты не укомплектованы полностью, в них много пожилых или чересчур юных бойцов, поэтому и дисциплина страдает, приказы выполняются не точно. Солдаты еще не совсем оправившиеся после госпиталей, и вовсе стали сомневаться в фюрере - настоящий вождь не заставит солдат воевать по пять-шесть лет, а молниеносными ударами покончит с врагом в короткое время.

Офицер цитируя Геббельса пытался вдохнуть отвагу в сердца усталых солдат:

- В Рейхе создается чудо-оружие. До тех пор, пока оно не будет готово, мы должны сдерживать врага здесь. С помощью нового оружия мы быстро сделаем капут русским и американцам. Хайль Гитлер!

Но солдаты слабо и вразнобой подхватили офицера. Всем, кроме легионеров, было приказано разойтись по своим объектам, после чего штабист объявил, что выступит представитель Бюро по связям с татарами.

- Дорогие легионеры!- начал Янгураз.- Сейчас мы находимся далеко от Волги и Урала. Но и здесь мы взяли в руки оружие во имя нашей родины. Священный долг каждого честного человека - жить на родине и приумножать славу своего народа. Однако для татар, для народов Идель-Урала отчизна давно уже стала мачехой. А для десятков тысяч соплеменников, попавших в германский плен, она стала вдвойне мачехой. Вы хорошо знаете: Советы сгноили в тюрьмах, отправили на верную гибель лучших представителей нашей нации, отобрали их имущество, осквернили их имена. Наши мечети превратились в очаги безбожия, наш народ стал бесправной скотиной, задарма работающей в колхозах. Отношение Сталина к военнопленным вы знаете - все они считаются "предателями, изменниками". Нам тоже дорога земля предков, но мы дали слово вернуться туда не через советские тюрьмы и каторги, а через разрушение жестокого коммунистического режима и обретение национальной свободы. Мы объединились в легион, чтобы вместе с немцами сокрушить бесчеловечный режим Со-

ветов. Я хочу прочитать стихотворение одного нашего легионера:

"Где наши ханства, где наши герои,
Бесстрашно встречавшие любое нашествие?
Слава имен их в победах,
Где наше знамя свободы?..
Не к лицу народу усталость.
Всегда и везде ожидание сраженья.
Раб чужих себя хоронит.
Да сохранит надежда и заблудшего!"

В довершение скажу: фюрер сделал возможным создание татарского легиона для основания государства Идель-Урал, открыв путь для претворения в жизнь наших национальных чаяний. Значит, мы должны геройски сражаться против нашего общего врага. Да, мы вынуждены сражаться за свободу вдали от родины, но от этого смысл борьбы не меняется!

Янгураз раздал легионерам привезенные газеты и журналы, а когда сопровождавший его офицер ушел, поговорил с некоторыми легионерами наедине, в том числе и с Саматом.

Рота, где находился Самат, располагалась на передней линии укреплений, а минометный взвод - в предместье города Иссигни. Самат вырыл себе ров у ворот одного из домов и прятался там, охраняя миномет и мины. От того, что он ежеденевно расширял и углублял укрытие, оно превратилось в довольно надежное убежище.

Узнав, что Янгураз решил заночевать среди легионеров, командир роты выделил ему плащ-палатку.

Медленно клонилось солнце к закату, отражаясь на поверхности реки, словно накрывая ее перед сном тонким розовым одеялом. Янгураз взобравшись на дерево долго любовался морским пейзажем.

Англо-американские самолеты и пятого июня продолжали бомбить германские военные базы, объекты Фау-1, средства транспорта и связи. Бомбардировки длились уже несколько недель, в результате чего грузооброт между Германией и северозападной Францией уменьшился как минимум на семьдесят процентов. Немцы к бомбардировкам привыкли и воспринимали их как обычное явление. В море и воздухе англо-американские силы достигли полного превосходства, так что германские кораб-

ли и самолеты прекратили даже разведывательные рейды. На донесения немецких агентов из Англии о подготовке вражеского наступления не обращали особого внимания, потому что об этом начиная с апреля сообщали беспрестанно.

Почему бы в такой "спокойной" обстановке командующему группой "Б" Западного фронта генерал-фельдмаршалу Роммелю именно шестого июня не поехать на отдых к своей семье в родной город Ульм, что на юге Германии? И почему бы командующему седьмой немецкой армией в Нормандии генералу Дельмангу не провести штабные учения за двести пятьдесят километров к югу от Ла-Манша, приостановив на время военные приготовления? Если противник сосредотачивает войска в районе пролива Па-де Кале, то оттуда до Нормандии - сотни километров, вот пусть и проявляют бдительность те, кто находится рядом.

Янгураз, спавший в укрытии с Саматом, проснулся от мощных взрывов. Не было еще и полуночи. Янгураз с тревогой посмотрел на жерди, покрывавшие убежище: они дрожали от взрыва тяжелых бомб, сверху сыпались комья земли. Снаружи раздавался топот ног, немецкие ругательства, стоны. Видимо был ранен солдат, охранявший миномет. Янгураз не решался выглянуть из убежища. Вместе с Саматом они тревожно вслушивались в завывания самолетов. Казалось, у противника их было несметное количество. Все побережье ходуном ходило от взрывов. Длившийся более часа авиа-налет не был похож на обычную бомбардировку. Самолеты беспрестанно, плотными рядами сменяли друг друга, утюжа побережье. Вскоре и город Иссигни и его предместье были охвачены огнем - об этом говорили красножелтые всполохи на небе. Спустя некоторое время бомбы стали падать реже, но вражеские самолеты продолжали лететь от пролива на юго-восток.

- И так каждый день?- спросил Янгураз.

- Такого еще не было.

Немцы полагали, что в их тыл забрасывают десант. На рассвете обнаружилась новая опасность: взобравшись на дерево Янгураз увидел в море множество кораблей и барж. Вскоре морская артиллерия обрушила на немецкие

позиции беспощадный огонь, и Янгураз кубарем скатился в укрытие Самата.

Американские пушки стреляли фосфорными снарядами, от которых оставались огромные воронки, а все, что могло гореть, тут же загоралось. Теперь становилось понятно, почему так часто могли сменятьсч вражеские самолеты - они поднимались с палуб кораблей.

Огонь был настолько плотным, что передовая линия немецкой обороны оказалась быстро смятой. От того, что часть войск, в том числе рота Самата, отправилась на уничтожение парашютного десанта, морскому десанту, высадившемуся в половине седьмого утра возле города Иссигни, практически никто не оказывал сопротивления, тем более что морская артиллерия по-прежнему утюжила немцев, не давая передышки. Англо-американские десантники выходили из воды, мокрые по пояс, и бесстрашно бросались вперед, продвигаясь все дальше и дальше, в то время как морская артиллерия переносила огонь на вторую и третью линию немецкой обороны. И все же в городе произошел жестокий бой. Рота Самата не смогла помочь соратникам - до кораблей минометы не доставали, а стреляя по городу, можно было угодить по своим.

К обеду солдаты, посланные на уничтожение парашютного десанта и отступившие солдаты собрались возле минометчиков. Ряды поредели, легионеров тоже стало меньше. Раненых отправили в санчасть. Бойцы не ели ни утром, ни в обед. Фелдьфебель лихорадочно распоряжался:

- Запрягите фермерскую лошадь, погрузите минометы, мины и отступайте! Шнель!

Приказ выполнить не успели - рядом стали разрываться снаряды морской артиллерии. Запряженную телегу пришлось спрятать под навесом каменного амбара, а минометы установить на старом месте. В это время появился унтерофицер и приказал Самату рыть окоп и прикрыть правый фланг, а Янгуразу, как штатскому, посоветовал убраться подальше. Стрельба усилилась, снаряды падали почти беспрерывно. Дым, пыль застилали глаза, казалось, что наступила темнота, хотя до вечера было еще далеко. Это было настоящее светопреставление!

- Мать твою!- выругался Самат.- Нас, похоже, ожидает могила! Останетесь живы - передайте весточку моим, Янгураз эфенди!

- На войне такие минуты бывают,- хладнокровно заметил Янгураз.- Ты нагибайся пониже, когда копаешь. Ну-ка, дай мне лопату!

Самат обрадовался передышке и отполз в сторону передохнуть.

- И где же хваленые танки и авиация у немцев? Фюрер хвастается и грозится, а вся тяжесть ложится на наши лопаты и винтовки.

Янгураз не слышал его. Теперь он уже раскаивался, что остался здесь, однако без наступления темноты выбраться отсюда немыслимо. Его поразило, что уже в первый день высадки десанта противник задействовал такое огромное количество военной техники. Ясно, что Рейху трудно будет остановить наступление.

В это время заработал и миномет Самата, посылая в сторону Иссигни мину за миной. Бой только разгорался, стрельба не утихала. Мимо них, пригибаясь, протрусили в санчасть раненые бойцы с передней линии обороны, в их числе было несколько легионеров. На их место побежал запасной немецкий взвод. Минометная поддержка была явно недостаточной. И в эту минуту один из офицеров скомандовал:

- Американские танки идут! Отступаем!

Минометчики словно этого и ждали, бросили оружие и поползли назад. Среди них был и Янгураз, подхвативший карабин одного из раненых бойцов. Куда отступать? Вокруг ни одного укрытия! Стреляли из пушек и пулеметов, не утихала морская артиллерия, и не было возможности ни похоронить павших, ни оказать помощь раненым.

Метров через двести они остановились. Выяснилось, что американских танков было всего два, и они уже выведены из строя панцирьфаустом - противотанковым гранатометом. Как стало известно об этом, взвод Самата быстро вернулся на исходную позицию. Поскольку немецкая пехота отбила вражескую, минометы остались целы и можно было продолжать стрельбу. Натиск врага усиливался с каждым часом, силы защитников таяли. Немецкая сторона, видимо, все еще пребывала в заблуж-

дении, думая, что главный удар союзники нанесут со стороны Па-де Кале, а десант высаженный в Нормандии воспринимала как маневр для отвода глаз. А англо-американское командование уже шестого июня против двух немецких дивизий в районе притока Сены бросило восемь дивизий для нанесения удара с моря и воздуха. В полдень стало ясно, что главный удар будет нанесен со стороны Ла-Манша, но без разрешения фюрера нельзя было пускать в ход танковые дивизии из резерва главнокомандующего Западным фронтом. Гитлера будить не решались и он спал до трех часов дня, прежде чем ему сообщили о вражеском десанте. Только в пять часов вечера было получено разрешение и две немецкие танковые дивизии были брошены в Нормандию. Но время было упущено, не могло быть и речи, об уничтожении англо-американского десанта. И все же подход этих двух танковых дивизий дал передышку потрепанным немецким частям, в том числе и роте Самата.. Отступив, они остановились в лесу на отдых, наконец, досыта поели, поспали. После нескольких месяцев "мирного" фронта разразившийся шквал вражеского огня вызвал необычайное нервное напряжение немецких воинов, они почти обезумели под непрерывном обстрелом с моря, суши и воздуха. Однако их отдых оказался весьма коротким. Дополнительных сил оказалось маловато, они понесли значительные потери, и роту Самата уже на рассвете разбудили для подготовки к контратаке.

Дальше Янгуразу нечего было здесь делать - ясно и так, что при такой заварухе легионеры ни к каким маки не убегут. Все задуманное он выполнил и даже продемонстрировал легионерам, что он не какая-нибудь трусливая крыса. Но теперь его интересовало, смогут ли немцы отразить удар. Не ошибается ли Янгураз, произнося перед легионерами зажигательные речи? Воз-можно ли вырвать легион из когтей смерти здесь, в Нормандии?

Не найдя ответа на эти вопросы, он решил остаться еще на некоторое время.

Пехота двинулась на рассвете, вслед за ней на некотором отдалении пошли на новый рубеж и минометчики, держась друг от друга на расстоянии семи-восьми метров. Снаряжение было тяжелым. Янгураз с фельдфебелем замыкали шествие. Фельдфебель беспокоился за

жизнь сотрудника министерства, боясь, что понесет наказание в случае его гибели и еще раз предупредил Янгураза об опасности ситуации... Но тут враг опять обрушил шквальный огонь. Два минометчика получили ранения. Самат вовремя плюхнулся со всем своим снаряжением на землю, быстро дополз до придорожной канавы и спрятал голову в зарослях травы. Когда морская артиллерия перенесла огонь дальше, фельдфебель скомандовал:

- Форвартс! Вперед!

Минометчики побежали, пригибась и петляя. Когда они достигли американской позиции, противник уже успел отступить, а немецкая пехота это место прошла. Янгураз, стараясь не отставать от товарищей, бежал наступая на мертвых и раненых. Раненые стонали, прося о помощи, но санитарной команды все еще не было.

Американцы немного отступили, а немцы принялись закрепляться на новом рубеже. Каждый копал себе окоп. Но морская артиллерия начала обстреливать новые позиции противника. Немцы удивлялись, как комадование могло перепутать Па-де Кале с Ла-Маншем. Они ругали американцев и проклинали фюрера за то, что он не послал в Нормандию достаточное количество войск. Теперь немцы не боялись, что и легионеры понимают по-немецки и что кто-то из своих может настучать. Огонь вражеской артиллерии уничтожил все, кроме страха за жизнь.

Минометы были установлены и нацелены, оставалось только ожидать нового наступления. К этому времени была проведена телефонная связь к пунктам наблюдения. Наступило относительное затишье, напряжение спало. Но это продожалось недолго. Вражеская артиллерия снова смертельным огнем обрушилась на немецкие позиции. Потом пошли в атаку танки и пехота противника. За два дня боев с десантом в роте погибли семь из двадцати татарских легионеров, а среди раненых был и Самат. Погибших хоронили наскоро, на некоторых могилах даже не успевали ставить таблички с именами. Раненных отправили в санчасть, чудом оставшиеся в живых к вечеру отступили и окопались на новой линии обороны.

Осколком снаряда зацепило плечо и Янгуразу. Добравшись до санчасти, он удивился обилию раненых. Еще больше поразил его факт бомбежки санитарной части. Ишкай был тяжело ранен, и голова, и тело его были забинтованы. Он ждал отправки в тыловой госпиталь. Увидев Янгураза, он с трудом произнес:

- И ты?.. И тебя?..

- Меня не опасно: в плечо.

- Я...я..

Ишкай тяжело дышал. Янгураз намочил носовой платок и смочил раненому губы. Ишкай, наконец, смог произнести:

- Радуйся, я не успел... убежать к маки...

Янгураз промолчал. Сердце его разрывалось на части при виде Ишкая, еще недавно такого здорового, веселого и жизнерадостного.

Через некоторое время Ишкай снова открыл глаза и прошептал:

- Путь закрыт... До родины и привет не дойдет... Мы заблуждались...

- Не терзай себя так, дружище. Мы выбрали самый правильный путь из возможных.

- Второй фронт... А тебе уж... Бавария...

Янгураз еще раз смочил губы друга водой. Из его разрозненных фраз он понял, что хотел сказать Ишкай: "Тебе, Янгураз, можно спастись только через Баварию".

- Мы туда вместе поедем, дружище!

- Нет. Я же доктор...Знаю свое состояние. Крюгерам привет... Ада - тебе...

Ишкай закрыл глаза. Янгураз подождал немного: может, друг еще что-нибудь захочет сказать? Но тот молчал.

- Слышишь, мы поедем туда вместе!

Но Ишкай его уже не слышал: видимо, потерял сознание. Янгураз спросил подошедшего фельдшера:

- Он скоро поправится?

Фельдшер посмотрел на Ишкая:

- Этот? Безнадежен. Операцию не перенесет.

Поняв, что уже ничем не сможет помочь другу, Янгураз решил уехать отсюда немедля. На повороте он оглянулся на раскидистый каштан, под сенью которого раз-

местилась санчасть и с горечью подумал: "Это дерево живет пятьсот лет. А Ишкаю не было и тридцати".

Отчистить костюм от окопной грязи он еще успеет. Надо быстрее убираться из этого проклятого места. До шоссе он прошагал еще километров десять, а там подсел в кузов машины, возившей боеприпасы на передовоую. Ночь была звездной, лунной, но в душе Янгураза царствовала темная ночь беспросветная, затянутая грозовыми тучами.

18

Вернувшись из Франции, Янгураз пытался найти утешительные ответы на мучившие его вопросы. Конечно, он не показал коллегам вида, что рас-строен событиями на фронте. Но когда советовался с профессором Менде о подготовке проведения первой годовщины выхода "Германско-татарского бюллетеня", не преминул затронуть некоторые больные вопросы.

-На фронте у многих все меньше и меньше остается веры в победу,- сказал он.- А ведь наше положение вовсе не такое уж плохое. Взять только производство товаров народного потребления... В Союзе и в мирное время не было такого изобилия. А теперь, когда все силы бросили на производство оружия и вовсе, наверное, голод и нищета.

- Не надо слушать паникеров,- ответил профессор.- Солдат передохнет немного и снова как лев будет сражаться за фатерланд, за фюрера. А вот как чувствуют себя легионеры?

- Их беспокоит приближение Восточного фронта к границам Германии. Но мы стараемся объяснять, что все это временное явление. Доктор Геббельс показал нам хороший пример. Мы собираемся отпраздновать годовщину нашего журнала в Узедоском доме отдыха. Туда приедет новая группа пропагандистов.

- А они понимают, что национальная свобода татар, их политическое будущее зависят от успеха германского оружия?

- На чью же еще помощь может надеяться татарин после четырех веков русского ига? Здравомыслящие ле-

гионеры давно поняли, что немцы являются единственной силой, способной изменить нашу судьбу.

- Есть, наверное, и такие, кто недопонимает этого?

- Да, есть. Вернее есть сомневающиеся. Их волнует судьба родных и близких, оставшихся под пятой русских. Разве наш журнал не нацелен на то, чтобы развеять сомнения, укрепить национальное самосознание?

Фон Менде не был многословен. Он одобрил предложения Янгураза, дал кое-какие советы, пожелал хорошо отметить годовщину журнала.

- Вы хорошо выступали в Грайфсвальдте и Радоме. Продолжайте в том же духе.

Из этой встречи Янгураз понял: у профессора Менде тоже настроение было не из лучших, и ему, вероятно, из-вестно больше, чего не знает Янгураз. Но он не хотел говорить своим подчиненным ничего лишнего. А что же остается делать Янгуразу? Приготовить еще одну речь, которая понравится профессору? Да, нельзя останавливаться на полпути, коли решил дать взятку дьяволу. Эта взятка нужна, чтобы спасти жизнь не только его, Янгураза, но и многих тысяч его соплеменников, чтобы иметь возможность продолжать борьбу за свободу татар!

"Все, что создает наш народ, все его прекрасные порывы остаются внутри, не находя выхода, поэтому мы до сих пор не были известны мировой общественности. До сегодняшнего дня Европа смотрела на нас сквозь призму официозной русской историографии..."

Такими словами решил начать Янгураз свое выступление, приуроченное к юбилею "Германско-татарского бюллетеня". Немного подумав, он уверенно продолжил писать свое выступление.

"Большевики задушили свободную прессу, передав ее в руки бессовестных политиканов, превратили ее в километры лжи и пустых обещаний. Неудивительно поэтому, что нам не посвящались страницы западноевропейской прессы, а произведения наших историков и писателей не переводились на европейские языки..."

Пока Янгураз позабыв обо всем писал свое выступление, в дверь постучал Рамзи и сказал:

- Позвонила Халима. Передала тебе привет. Кажется, она скучает по тебе.

Янгураз нехотя оторвался от бумаги:

- Не до нее мне сейчас, ей Богу!..

- Да ты не обижайся. Весь мир человеческий держится на любви. Да и грех тебе жаловаться, дела у тебя идут хорошо.

- А то, что легионеры переходят к партизанам? За это по головке не погладят.

- Уж как ты ни проповедовал, как ни агитировал! Ты свое дело сделал. Ослу ведь все равно, что ему подстелят: солому или ковер. Если кто-то из легионеров и не внял твоим словам...

- Есть и другая сторона вопроса,- прервал его Янгураз.- Перешедшие к партизанам легионеры на родине могут рассказать, кто занимался пропагандой среди них. Тогда подвергнутся репрессиям моя семья, родственники. Ведь я был надеждой и опорой родителей. А сейчас превращусь в источник их бед? Что тогда?

- Да, опасно лезть в политику, не знаешь где потеряешь голову.

Решив попить чай, они перешли на кухню. Стены комнаты толстые, окна забиты листовой жестью. Тепло. Тихо. На Рамзи был только майка и видно было, как окрепли его бицепсы. В его спокойствии Янгураз вдруг почувсвовал какую-то недосказанность, вернее, укоризну в свой адрес: "Мол, сам виноват". Раздраженный этим чувством, он сказал:

- А вот ты в политику не вмешиваешься, умеешь избегать опасных ситуаций, словом, умник эдакий. Между тем, работаешь на оборонную промышленность Германии, за что в Москве чекисты наверняка приготовили для тебя "Почетную грамоту" и медаль.

Рамзи поставил на стол чашку и посмотрел на товарища.

- А что я должен был делать? Нашел кого упрекать! У меня и так часто кусок в горле застревает, кошмары по ночам снятся. Бывает, что никого ни видеть, ни слышать не хочу. Я даже начал бояться, что сойду с ума. На родине и у меня близкие люди остались. Если раньше они гордились родством с доцентом, то что они будут думать обо мне, когда узнают о моей жизни в Германии? Если из-за меня на них тоже обрушатся репрессии? Голова моя полна тяжелых дум, если бы ты знал...

- Что ж тогда ты все время о девушках толкуешь?

- Так ведь и они наши люди. Несчастные, пригнаны сюда насильно. В этом мире парень и девушка созданы для того, чтобы утешать друг друга...Слушай-ка, друг, у меня есть бутылка шнапса, давай расслабимся а?

- Как хочешь.

Рамзи быстренько принес из своей комнаты бутылку, разлил спиртное по чашкам. Потом почувствовав себя более раскованным, проникновенно сказал:

- Слушай, Янгураз, среди всех, кого я знаю, ты превратился в самого близкого человека, от тебя у меня нет секретов, мы с тобой больше года живем под одной крышей. Еще в Вустрауском лагере Шамсир навязывал мне политику, но я противился как мог. В Берлине меня звали к себе симаевцы, но я и им не поддался.

- А сам говоришь: "От тебя секретов нет".

- Я не только себя, но и других не хотел ставить в трудное положение. Пусть каждый сам отвечает за себя, так будет справедливо. Пусть меня не тянут ни влево, ни вправо, я должен идти той дорогой, которую нахожу для себя приемлемой. А если подумать, то даже не верится, что самая безобидная и с виду безопасная тропа может привести к пропасти. Только я начал по настоящему жить на родине - арестовали отца, как врага народа. И жизнь пошла наперекосяк. А здесь только-только прошел огонь и воду, вроде бы наладил свою жизнь - а будущее опять не предвещает ничего хорошего...

- Не надо раньше времени лить слезы, прощаться с надеждой.

- Не знаю. Мне, видно, не дано быть таким, как ты несгибаемым. Давай, выпьем за то, чтобы нам удалось спастись от этих несчастий!

Закусив хлебом, Янгураз задумался, а потом с усмешкой на лице посмотрел на товарища:

- По-твоему, те, кто лезет в политику, решительные или, как ты сказал, несгибаемые борцы и способны на все? Наверное, есть такие. А может быть, они просто хотят спасти себя и своих товарищей от гибели, и для этого вынуждены подстраиваться то к одним, то к другим.

- Возможно. Я ведь никого не обвиняю.

- У тебя и права-то нет обвинять, потому что ты благодаря именно таким людям выжил, обрел почву под ногами, хорошо устроился. И не только ты, многие. Я го-

тов хоть свинью назвать зятем, лишь бы спасти жизнь наших ребят

- О, Боже, я же ничего вам не говорю! Когда весь мир взбудоражен...

- Да, не говоришь, но и не задумываешься особенно над тем, какой клевете и хуле будут подвергнуты такие, как я, если в скором времени пройзойдут резкие перемены!

Голос радио прервал их беседу, опять объявили воздушную тревогу. Рамзи мигом кинулся в свою комнату, натянул рубаху, взял какую-то книгу и побежал в бомбоубежище. Янгураз особенно не паниковал, но все же не стал долго задерживаться, и погасив свет, отправился вслед за товарищем.

Цокольный этаж дома был хорошо приспособлен для укрытия: в чистом просторном помещении стояли скамейки, на столе - питьевая вода, имелась аптечка, свечи, журналы с цветными иллюстрациями, даже Библия и Евангелие. Кроме хозяев и постояльцев, сюда часто приходила семья фрау Эвы: то ли из желания вместе переждать опасность, то ли просто из родственных чувств.

В 1944 году редко какая ночь в Берлине обходилась без тревоги, так что в убежище приходилось сидеть часами. За это время обитатели убежища еще более сблизались. Рамзи обычно брал с собой какую-нибудь техническую литературу и углублялся в чтение с помощью словаря. Янгураз беседовал с жавшейся к нему Риной. Когда налет затягивался, Рина клала голову ему на плечо и немного дремала - старшие Вайзеры уже привыкшие к этому, не удивлялись и считали естественной дружбу между молодыми людьми. Когда в середине лета одетая в короткие шорты Рина не стесняясь родителей прижалась к нему своими полными голыми ногами, он почувствовал себя неловко, но постепенно успокоился. Чего скрывать - ему были приятны прикосновения полной свежих чувств юной девушки.

И на этот раз Рина, воспользовавшись разговорами взрослых, прошмыгнула ближе к Янгуразу и усевшись рядом, принялась расчесывать волосы.

- Доброй ночи! Я уже легла было спать,- сказала она.- На, подержи-ка зеркало!

- Слишком не старайся, не на танцы же собралась,- пошутил Янгураз.

- На танцы? Слушай, ты видишь во сне танцы? Нет? А я вижу. Вчера снится мне сон, будто я пошла на какой-то вечер. Сначала меня хотел пригласить на танец Пауль, ну, просто замучил приглашениями. Тоже мне, офицер! Я уже не знала, как от него отвязаться, и вдруг откуда ни возьмись, появляешься ты в роскошном костюме, с бабочкой. Такой весь красивый - широкий лоб, орлиный нос - ну, точь в точь как наяву! Не замечая Пауля, ты поклонился мне и пригласил на танец. Мы кружились под твой любимый вальс Штрауса "На берегах голубого Дуная". О-о, а потом знаешь, что ты сделал? Скажу тебе на ухо: ты обнял и поцеловал меня! О, как ты меня поцеловал! Йа, йа, я это почувствовала. И было так неожиданно, что я от волнения проснулась.

- Ты испугалась?

- Ужасно!- улыбнулась Рина.- Ты всегда такой серьезный и сдержанный, а во время танца так распалился от страсти, так крепко обнял меня! Удиви-тельно!

- А каким я тебе нравлюсь: таким как во сне или наяву?

- И так, и так. Впрочем, во сне ты был такой страстный, зо херц хафт, такой по-рыцарски решительный! О-о, чудо!

Фриц Вайзер слушал радио. Фрау Берна и фрау Эва были заняты своими разговорами. Никто не прислушивался к разговорам Янгураза и Рины. Рамзи, как обычно, читал книгу. Вообще-то Рину вовсе не беспокоило, что кто-то может услышать ее и это удивляло Янгураза.

- Нам, наверное, действительно надо сходить на танцы.

- Давно пора! Я уже закончила гимназию. И потом... Хочется, чтобы меня кто-нибудь крепко-крепко обнимал!

- Кто например?

- Кто меня любит.

И Рина вскинула на Янгураза сияющие глаза, что он даже не нашелся, что ответить ей. Видя смущение парня, Рина засмеялась, а потом положила ему на плечо свою прелестную головку и закрыла глаза.

Янгураз хотел обнять ее за гибкую талию и поцеловать не во сне и не во время танца, а прямо здесь, в

убежище, и каждой клеткой почувствовать ее упругое тело. Сердце гулко застучало, кровь прилила к вискам. Янгураз с трудом осознал, что находится в убежище, где сидят и родители Рины, и ее родственники, и взял себя в руки. Ни в коем случае нельзя было показывать, что он взволнован, возбужден. Ведь тут находились не только расположенные к нему фрау Берна и фрау Эва, но и Фриц Вайзер, уж он-то неизвестно как относится к русландтюркену. И все же не столько обстановка убежища заставила Янгураза напрячь волю, сколько пресловутый закон фюрера о сохранении чистоты арийской расы. Рина - не фрау Софи, познавшая любовь мужчины и тянувшаяся к Янгуразу не только как к своему спасителю, но и как к любовнику. Фрау Софи через своего дядю сумела помочь даже Татарскому комитету в получении из Министерства дополнительной одежды и про-довольственных талонов. Однако хорошего понемногу. Янгураз не должен слишком предаваться чувствам и ста-вить под угрозу свою жизнь, он еще не потерял инстикт самосохранения...

Старшие Вайзеры оглянулись на смех прильнувшей к Янгуразу Рины и улыбнулись, покачав головой: "О, молодость!" В это время где-то совсем рядом разорвалась бомба, отчего помещение задрожало, лампочка замерцала и ослабла. Рина испуганно спросила:

- Герр Янгураз, могут ли бомбы пробить крышу и разорваться внутри?

- Не думаю. Потолки над нами толстые, в несколько этажей. И потом... Враги больше нацеливаются на военные объекты.

- Доктор Геббельс не так говорит. Еврей Рузвельт и пьяница Черчилль ненавидят немцев и поэтому стараются уничтожить густонаселенные города Германии. И фюрер так же объясняет жестокость авианалетов. А Черчилль вообще словно не человек, а шакал!

- И как Черчилль Бога не боится?- поддержала дочку фрау Эва.- Ведь первая заповедь христианства - не убий!

- Может мы совершили много грехов?- вмешалась фрау Берна.- В Библии написано, что Бог карает только грешных.

- Бог учит нас добру,- сказала фрау Эва.- Соблюдать пост, раздавать милостыню - жить по законам справед-

ливости. Интересно, где-нибудь в мире сейчас придерживаются этих заповедей?

- Человек, видимо, не может извлекать уроков из прошлого,- искренне сожалея вздохнула фрау Берна.- Вспомните святого Товита: оставив праздничный стол, он не подчинился приказу государя и осмелился похоронить одного беднягу, умершего на улице. В результате он ослеп. Но никогда из-за своего несчастья не жаловался ни на Бога, ни на людей, терпеливо переносил превратности судьбы, не переставая поклонялся Всевышнему и проявлял милосердие к ближним. Даже когда его ограбили, он по возможности помогал соплеменникам. Разве жизнь Товита не напоминает человеку, что только добром можно победить зло. А Черчилль совсем распоясался!

- Не только Черчилль,- заметил герр Вайзер.

- Разве ты не слушаешь свое радио, Фриц?

- Слушаю,- усмехнулся герр Вайзер.- Однако надо же слушать и твои умные слова.

- Спасибо. Я это для молодых говорю. Они пока не читают ни Библию, ни Евагелие. Так вот: этот ста-рец Товит за свою святость удостоился милости Божьей - прозрел и счастливо дожил до 158 лет, окруженный сыновьями и внуками.

- В то время милостивый и всемогущий Бог вряд ли создавал бомбы.

- Фриц, слушал бы ты свое радио!

- Сейчас только в одном Берлине из-за приказа Черчилля каждую неделю гибнут тысячи немцев,- сказала фрау Эва.

- Бог еще накажет Черчилля за гибель людей - творений Божьих,- заявила госпожа Берна.- Велика сила Господа.

- Да. Божьей милостью сотворены земля, небо, облака... Так, кажется, говорил царь Соломон?

- Да, так.

Герр Вайзер выключил радиоприемник и решил подключиться к разговору.

- А какого-то палача-убийцу Черчилля не может остановить!

- Типун тебе на язык, Фриц! Как можно такое о Боге?! Лопочешь, не знаешь чего, а сам-то Библию в руках

не держал. Черчилль - это дьявол!- рассерженно воскликнула фрау Берна.

- Может Богу просто не стоило создавать дьявола?

- О Боже, какие грешные мысли тебя посещают!- вконец рассердилась его супруга. - Насосешься пива в баре и черт-те что городишь!

- Разве мне нельзя высказывать свое мнение?

- Грех навлекаешь на себя! Грех - как змея, жалит наверняка, но убивает не тело, а душу!

- Ладно тебе, Берночка, ведь он просто подтрунивает над тобой,- улыбнулась фрау Эва.

- А он все одновременно делает - и шутит, и всерьез говорит,- не унималась женщина.- Кто может сосчитать песчинки в море, капельки в дожде, дни в вечности? Кто может измерить высоту неба, необъятность земли, глубину мысли? Все это создано Богом! Разве можно сомневаться в его могуществе?

Янгураз тоже не ожидал, что хозяйка так рассердится на мужа. Недаром она каждое воскресенье прилежно ходит в церковь. Может к такой набожности привели ее вечные тревоги за сыновей?

Рина с интересом слушала разговоры взрослых. Не желая их прерывать, она зашептала Янгуразу:

- Но ведь и дядя Фриц прав, зачем нужно было создавать этого Черчилля? Сиди теперь целыми часами под землей из-за этого дьявола.

Янгураз незаметно обнял ее за талию и сказал:

- А если бы не Черчилль, разве мог бы я каждую ночь видеться с такой замечательной девушкой?

Старшие Вайзеры из-за спора и вовсе забыли о молодых. Рина посмотрела в глаза Янгуразу и тихо спросила:

- Тебе это нравится?

- Еще как! Жизнь загадочна: счастье одних иногда может зиждеться на несчастье других.

- О, а ты - философ! - еще больше прижалась к нему девушка.

Ее серые глаза ласково блестели, от волос шел какой-то волшебный аромат. Кажется, она успела надушиться. Значит, заранее готовилась к встрече в убежище? Возможно! Янгураз обрадовался этому открытию, но виду не подал.

- А я назвал бы тебя ангелом, да боюсь,- шепнул он ей.

- Почему?

- С ангелом я никогда не смог бы сидеть так близко!

Рина подняла на него сияющий взгляд и нежно проворковала:

- Дурачок! Мы еще будем близки с тобой, как никогда!

Раздался сигнал об окончании воздушной тревоги. Все облегченно вздохнули и поднялись с мест. При расставании Рина спросила:

- Значит, в Халлешесторе?

- Да,- ответил Янгураз.- Я позвоню тебе.

19

В конце июля Янгураз с Шамсиром выехали в Узедом. В доме отдыха Татарского комитета они вместе с представителями легиона "Идель-Урал" собирались отметить первую годовщину "Германско-татарского бюллетеня". Прошлогодний отдых на острове для Янгураза был незабываемым. А чего добились татарские активисты?

Янгураз ехал уже по знакомой дороге и не смотрел в окно. Он перебирал в памяти события прошлого года.

Узедом напомнил ему о счастливых днях, проведенных вместе с фрау Софи. После этой поездки они часто встречались в Берлине: ходили в театр, кино, кафе, рестораны, и в такие дни Янгураз обычно оставался у Софи на ночь. Их дружба крепла, любовь еще больше разгоралась. После длительного траура Софи будто стремилась наверстать упущенное. Теперь у Янгураза не оставалось времени на Рину и Халиму, хотя он и не выбрасывал их из головы. Кроме того, много времени отнимали работа, учеба, командировки. Янгураз был рад дружбе с фрау Софи, кроме любви он получал от нее превосходные уроки по немецкому языку, знакомился искусством, обычаями и традициями немцев. Любовь, начинавшаяся так робко, теперь расцвела пышным цветом. Фрау Софи знала, что она не из первых красавиц, и что Янгураз красивее и виднее многих мужчин вокруг и что она сама открыла его для себя. К тому же

ей импонировали его страстность, сила. Янгуразу же нравилось богатство души, щедрость и гостеприимность фрау Софи. Как-то раз, когда они находились у нее дома, зазвучал сигнал воздушной тревоги. Фрау Софи сидела у Янгураза на коленях и не торопилась бежать в укрытие, хотя в коридоре, на этажах послышались торопливые шаги людей.

Янгураз с тревогой спросил:

- Бомбоубежище далеко отсюда?

- Нет, но я вовсе не горю желанием бежать туда,- ответила она, продолжая обнимать его.- Когда ты рядом, я не боюсь ничего.

- Но это же опасно,- пробовал уговорить ее Янгураз.

Но она не выпускала его из своих объятий:

- Ненавижу этих англосаксов!- заявила она.- Днем и ночью сбрасывают бомбы. Варвары! Я уже давно задумала уехать из Берлина в более безопасное место, но встретила тебя и теперь не хочу с тобой расставаться! Только ты удерживаешь меня здесь.

Для Янгураза это было открытием. Он тихим голосом спросил:

- А куда ты хотела уехать?

- В Швейцарию. У меня уже давно вещи сложены. И дом для меня готов. А ты можешь уехать со мной?

- Пока нет. Хотя и кажусь свободным, но на самом деле связан договором.

- А хотел бы уехать?

- В данное время для меня это весьма трудный вопрос.

- Нужно решать свою судьбу, пока не поздно.

- О нас думают другие.

- Ты хоть знаешь, к чему идут события?

Засвистели городские зенитки, послышались и взрывы бомб. Янгураз. поглаживая фрау Софи по спине, крепко прижал ее к груди. Он был взволнован признанием этой замечательной женщины. Она поделилась с ним своими самыми сокровенными мыслями и даже вызвалась помочь. Какое счастье, что такая благородная, щедрая душой женшина встретилась Янгуразу на его жизненном пути.. Словно в подтверждение его мыслей, фрау Софи сказала:

- Скоро здесь может случиться непоправимое. Я хочу оставить тебе свой адрес в Швейцарии.

- Зачем спешить? Ты же не в самые ближайшие дни уезжаешь?

- Нет. Но нельзя дожидаться, когда хлынут толпы беженцев...

Шамсир, сидя за столиком купе, что-то писал на бумаге, а потом все зачеркивал, снова писал и снова зачеркивал. Он пытался сочинить стихотворение, хотя и понимал, что у него нет поэтического дара. Но желание его было настолько велико... Он подбирал нужные слова, рифмуя их и пытаясь вложить в них какой-то особый смысл. Наконец, стихотворение было готово. Шамсир переписал его набело и прочитал Янгуразу:

"Видели мы и красную Москву,
И дьявола, и кровопийц-чекистов.
Под огнем пушек, борясь со смертью,
Мы пришли к тебе, Гитлер.
Хотим справедливости и милосердия,
Хотим сломить большевиков.
Освободить из рабства свой народ,
Обрести свободу"...

- Мне кажется, мысль не закончена,- сказал свое мнение Янгураз.- Начало хорошее, но чтобы напечатать это стихотворение в нашем журнале, нужно придумать хорошую концовку.

- Я понимаю, но как ее придумать? Голова у меня что-то не очень соображает. Вернее, соображает, но боюсь высказать то, что у меня на душе.

- Почему?

- Кажется, наши надежды не оправдываются, дружище. Во-первых, тот, кому мы доверились, по-моему, оказался дьяволом. Во-вторых, и это самое печальное,- этот дьявол теряет силы...

- Но у нас не было выбора, не было другого пути. Сейчас поздно отступать, да и невозможно.

- Знаю. Именно поэтому я и мучаюсь. Что сказать легионерам, ждущим от нас веского слова, совета, напутствия?

- Мы не будем портить им настроение. К тому же фюрер обещает чудо-оружие.

- А что, если я так закончу стихотворение так:

"И сегодня нужно бороться,

Чтобы вырваться из-под пяты Москвы.
Национальное знамя опущено и не может
Реять в небе родины.
Но мы исполним нашу клятву,
Чтобы свободным стал наш народ!"

- Это гораздо лучше! До вечера еще доработаешь.

В Свинемюнде члены Татарского комитета и представители легиона "Идель-Урал" постарались как можно более торжественно отметить первую годовщину "Германско-татарского бюллетеня". Легионерам особенно понравились выступления Янгураза и Шамсира. Правда, прибывший сюда долечиваться после госпиталя минометчик Самат был мрачнее тучи, рядом с ним сидел Рамзи Сабанчи. Янгураз забеспокоился: хотя Рамзи приехал в дом отдыха благодаря протекции Янгураза, тем не менее все еще отшивается вокруг Самата. Что их связывает? В их компании только Халимы не хватает. Хорошо, что Янгураз не взял ее сюда!

В своем выступлении он акцентировал внимание легионеров на отсутствие в Советском Союзе свободной прессы. "Права и свободы, записанные в Основном законе СССР - это сплошное очковтирательство,- говорил он.- А нужно это для укрепления власти тирана Сталина и его клики. Большинство русских газет и журналов находятся под сильным влиянием шовинистических кругов, они не устают повторять, что именно русские принесли культуру татарам, туркестанцам, кавказцам, калмыкам и прочим "диким народам".

Шамсир свое выступление начал с освещения в советской прессе национальных проблем, где искаженно и несправедливо отражается культура нерусских народов. В связи с этим он на конкретных примерах показал, как резко отличается содержание "Германско-татарского бюллетеня" от публикаций, полных лжи, советской прессы. Его выступление было подкрелено стихотворением собственного сочинения.

Но легионеров больше всего поразили факты о выселении сталинистами с родных земель целых народов. Они недоуменно спрашивали:

- Неужели правда, что балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары выселены с родных земель?

- Истинная правда! Их выселили в течение одних суток, это был настоящий геноцид, ведь почти половина людей умерли в дороге. Из достоверных данных германской разведки известно, что окруженным вооруженной охраной, им даже не разрешили взять ничего из своего имущества. По сравнению с этим преступлением несвобода печати, про которую говорил Янгураз эфенди, просто детские шалости. Ведь народ, не имеющий своей родины, обречен на вымирание. На свете нет преступления более жестокого!

- А что случилось с их мужчинами, которые были призваны в советскую армию?

- Они давно выявлены и отправлены вслед за соплеменниками.

После торжеств Янгураз с Шамсиром продолжили отдых в Узедоме. Днем они торчали на пляже, вечером сидели в каком-нибудь пивбаре, размышляя о том, как уберечь от гибели легионеров, переправить их в более безопасное место. Наедине они уже не демонстрировали приподнятый дух.

- Мы еще храбримся, но сдается мне, что это наш последний отдых в Узедоме,- сказал Шамсир.- Фронт уже подкатился к Восточной Пруссии.

- Но все сказанное нами на собрании, вовсе не от того, что мы петушимся и бравируем. Надо было открыть глаза легионерам, познакомить их с жестокой реальностью советской жизни. Если выселяют целые народы, не жалея ни детей, ни женщин, ни стариков, то что ждет на родине наших легионеров, которых Сталин давно записал в предатели? Пусть хоть задумаются они.

У Янгураза не было желания говорить о положении на фронтах, но и беседу не хотелось прерывать. Шамсир человек надежный, сильный, на многое способен, вместе с ним легче будет искать пути спасения. Хотя не стоит забывать и о предложении фрау Софи...

Однако Янгураз ни словом не обмолвился о предложении фрау Софи, перевел разговор на другое:

- Как ты думаешь, не ожидает ли и казанских татар участь крымских? Антипатия Сталина к татарам выразилась в обвинении Султангалеева в "национализме", в репрессиях против наших лучших соплеменников. В 1929, 1937-1938 годы много татар бесследно исчезло в

застенках НКВД. Если бы я не учился в Берлинском университете и не познакомился в Татарском комитете с нашим ученым-историком Ягфаровым, не узнал бы всего этого. А истина такова, что просто мороз по коже дерет! Доносы, слежка, ссылка, каторга, тюрьмы, убийства!!

- От дьявола всего можно ожидать. Зачем теперь ему татары, когда выяснилось, что и без них он сможет одержать победу? Только вот волго-уральских татар так много и разбросаны они по всей стране. Чтобы отправить их в Сибирь понадобятся тысячи железнодорожных составов. Разве что приостановить войну?

- Значит, до конца войны нас не тронут?

- Если в тылу перемрут оставшиеся пять миллионов татар Сталин и ухом не поведет. Но наше трудолюбие еще понадобится, чтобы восстанавливать разрушенную экономику страны. Это обстоятельство может удержать Сталина от крайних мер в отношении татар.

- В последнее время я только об этом и думаю. Наши мысли совпадают!

- Но от него добра не жди.

- Добра?!- удивился Янгураз.- От дьявола? Уже сейчас он своим зверством и неисчислимыми преступлениями превзошел всех русских царей вместе взятых. Никто не имеет права лишать народ родины! Это может только палач от рождения. Сталин раньше Гитлера понастроил концлагеря, тюрьмы, где замучил миллионы своих сограждан и этим показал свою звериную суть.

- Выселяя целые народы с их исконных земель, Сталин доказывает, что не зря занимает русский престол. Он претворяет в жизнь мечту русских колонизаторов, великодержавных шовинистов - уничтожить все малочисленные народы. Это ни что иное как взятка дьяволу.

- Какой подонок! И этот подлец смеет приклеивать нам ярлык "предателя"! Странно устроен мир: одного человека убил, и ты - преступник, убил миллионы людей, и ты - национальный герой, гений!

Пока Шамсир с Янгуразом беседовали, передача по радио прервалась и диктор объявил о неудавшемся покушении на фюрера. "Коварные путчисты организовали заговор против фюрера. Но их черные намерения не удались. Фюрер жив! Заговор раскрыт. Скоро фюрер сам выступит об этом по радио"...

Покушение на Гитлера, которому поклоняется вся Германия?.. Покушение, исходящее от самих же немцев!

В пивной стало шумно, все обсуждали новость, ругали заговорщиков, произносили тосты за здравие фюрера. Первым в себя пришел Шамсир.

- Значит, лодка дала течь,- прошептал он.

- Ты посмотри вокруг, как эти люди радуются, что фюрер остался жив. Неужели они так перед ним преклоняются?

- Они все еще не понимают, что пришел конец третьего Рейха.

- Только нам нужно быть осторожными,- сказал Янгураз.

- Ты прав. Опасность рядом, смерть ходит по пятам. Спокойно, сердце!

Покушение на Гитлера взбудоражило всю страну. Янгураз с Шамсиром вынуждены были раньше времени покинуть Узедом и вернуться в Берлин, который гудел как растревоженный улей. Здесь арестовывали всех, кто вызывал мало-мальское подозрение, будь то крупный военный или представитель знати. Арестованных ждал либо расстрел без суда и следствия, либо тюрьма или концлагерь. Оперативно исполнялись давно вынесенные смертные приговоры. Были казнены и симаевцы, почти год томившиеся в тюрьме.

Несмотря на дождливое ноябрьское утро Янгураз проснулся, как обычно, в шесть часов. Дождь шел всю ночь - в такую погоду хорошо спится, но Янгуразу почему-то не удалось выспаться, голова была тяжелой. Он потянулся на широкой кровати из карельской березы, стараясь прогнать сон: "Ты здесь не на даче, чтобы нежиться", мелькнуло у него в голове и он вскочил. Энергично сделал зарядку. Дождь идет? Очень хорошо. На улицу тянуть не будет. Можно посидеть, подготовиться к сдаче еще одного экзамена. Нужно досрочно закончить второй курс. С фронта поступают нерадостные вести: Болгария и Румыния вышли из войны, Финляндия сдалась, Франция освобождена. Советские войска громят Восточную Пруссию. Так и жди вторжения врага на основную территорию Германии. Когда же, наконец, изготовят обещанное чудо-оружие, способное изменить ход войны? Перелом ожидается, но в какую сторону? Глав-

ное быстро закончить университет, думал Янгураз. Но быстрое приближение фронта спутало все карты. К тому же увеличилась нагрузка на работе. Мысли о службе терзали душу и отнимали время.

В конце октября его вызвал профессор Менде, поинтересовался состоянием пропагандистской работы в легионе. Потом протянул две газеты:

- Здесь есть два постановления, касающиеся татар. Переведи их, а газеты верни.

Это была газета "Правда" с опубликованным постановлением ЦК ВКП(б) "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации". На первый взгяд это был безобидный документ, даже с претензией на научность. Зато напечатанное в казанской прессе постановление Бюро Татарского обкома ВКП(б) носило явный след московского нажима. Постановление называлось "Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-иследовательского института". С каждой строкой этого документа сердце Янгураза сжималось все сильней. Он представил себе поредевшие ряды татарских писателей, ученых, деятелей искусства. Снова на них возводятся обвинения, поклепы, клевета. Преследуя цель духовного геноцида татар, партийные функционеры обвиняли творческую интеллигенцию Татарстана в восхвалении роли Золотой Орды, в издании эпоса "Идегей", имеющего якобы антирусскую направленность, в постановке на сцене спектаклей "Идегей" и "Джирен-Чичэн", во включении в школьную программу произведений, воспевающих период Казанского ханства, наконец, обвиняли и... в изучении наследия прошлого (!), которое отражает борьбу татарских ханств против славянских государств! Было ясно, что "высокие обвинители" сделают все, чтобы нанести еще один мощный удар по татарской интеллектуальной элите, запугать, отвратить от изучения собственной истории, окончательно сломать национальный дух. Ведь это политика духовного геноцида волго-уральских татар! Раз трудно выселить со своих земель многомиллионный народ, значит, нужно задавить его духовно!

Значит, Янгураз избрал единственно верный путь. Борьба Татарского комитета и легиона "Идель-Урал", пусть и не приведшая к победе, оправдывает себя. Пони-

мая, что эти два постановления нужно как можно красноречивее прокомментировать в газете "Идель-Урал" и в "Германско-татарском бюллетене", Янгураз перевел их за один день. Пусть на родине и рта раскрыть нельзя против бессовестных партийных органов, но здесь Янгураз даст им справедливую оценку и со всей беспощадностью разоблачит их!

В Комитете он встретил Халиму и показал ей газеты с опубликованными в них постановлениями.

- Ну, комсомолка-активистка, что ты на это скажешь? И после этого ты будешь молиться за Москву?

Девушка не отрывая глаз от постановлений, признала:

- Да, плохо это. Но как ты не понимаешь, ведь там наша родина. Из-за того, что все там плохо, нельзя же как сорванный листок всю жизнь кружиться по чужбине. И на родине еще произойдут перемены, и там нужны будут борцы.

- Борцы? Ну да, покажут они тебе борьбу. Попробуй вернись, быстро до тебя доберутся.

Может, погуляем?- предложила Халима.- В Тиергартене сейчас особенно красиво: золотая осень.

Янгураз согласился. Действительно, он долго сидел в кабинете и теперь неплохо бы прогуляться по свежему воздуху.

В парке было много детей, женщин с детскими колясками. Садовники в зеленых фартуках возились на цветочных клумбах или убирали с тротуаров пожелтевшую листву.

Янгураз со спутницей гуляли вдоль Шпрее, вдоль небольших прудов, озер. Парк обширный, его за один день не обойти. Янгураз больше молчал и это не нравилось Халиме. Когда они сели на одну из скамеек, она сказала в сердцах:

- Кажется, ты, кроме как о политике, ни о чем другом говорить не можешь.

- А о чем ты хочешь поговорить?

- Скажем, о том, что ты собираешься делать после войны?

- Это в конечном счете опять связано с политикой, которую ты терпеть не можешь.

- А мои знакомые на заводе ждут не дождутся прихода наших. Хотят вернуться.

- Скатертью дорожка. Опять в лагерях будут жить.

- А мои хозяева боятся прихода Советских войск.

- Тебе не трудно у них? Работы, наверное, много?

- Хватает. Убираюсь, стираю, за детьми присматриваю, иногда готовлю. Им нравятся татарские перемячи.

- А меня ими не угостила.

- Тебе не только ко мне в гости прийти, позвонить и то некогда.

- Как отнесутся хозяева к моему приходу?

- У меня своя комната, я сама по себе, они в мои дела не вмешиваются. Кроме того, они иногда уходят, тогда я остаюсь одна.

- Видишь, ты ругаешь немцев, а они тебе доверяют, даже отдельную комнату предоставили.

- А мне все равно не хочется никому прислуживать.

Халима прислонилась к нему, взглянула на плывущие облака и вздохнула:

- Взобраться бы на облако, улечься там, а на родине спрыгнуть. Почему чудес не бывает?

Янгураз же думал о фрау Софи. Вот она без всяких облаков может уехать куда угодно, потому что свободна как птица. Да и повод есть: будто бы лечиться едет. Фрау Софи не из первых красавиц, Халима, пожалуй, красивее ее. Но Янгураз привык к фрау Софи, нет, он искренне к ней привязался. Видимо, только свободный человек, предки которого не знали рабства, может быть таким привлекательным, раскрепощенным, гордым, духовно богатым. А душа татар нынче полна боли, татарин почти всегда подавлен, печален. Янгуразу стало жалко и себя, и Халиму, и он, расчувствовавшись, погладил девушку по голове. Халима, все еще глядевшая на облака, сказала:

- Сейчас я бы хотела начать жизнь сначала.

- Как?

- Я и сама точно не знаю как. Но это ты на меня повлиял своими речами? А что бы ты сделал, будь у тебя возможность начать жизнь сначала?

- Исходя из существующей ситуации я уже сделал свой выбор и не вижу причины раскаиваться в этом.

Халима посмотрела на него с удивлением:

- Ты или очень сильный, или очень упрямый, или честолюбивый. А вот я все думаю, правильно ли я жила до этого и что мне делать дальше? Для тебя все ясно, я даже завидую тебе.

Янгураз улыбнулся и встал:

- Сейчас самое верное - пойти домой. Пошли!

Халима словно что-то ждала от Янгураза и потому вовсе не собиралась уходить. Но девичья гордость не позволила ей показать это и она покорно зашагала рядом со спутником. Сильный духом Янгураз покорял ее, и в то же время вызывал в ней чувство досады, недовольства. Он не нуждается в Халиме, она это чувствует и страдает. За несколько часов, проведенных вместе, он ни разу не обнял, не поцеловал ее. Может в нем еще не проснулся мужчина, а может у него есть девушка?

И на этот раз они расстались у метро.

В конце ноября фрау Софи собралась уезжать. Как и договорились, Янгураз пришел пораньше, до прихода других провожающих, помог упаковать багаж. Затем они выпили кофе, немного вина. А потом... потом, конечно же, были страстные поцелуи, крепкие объятия и... Продолжая ласки, фрау Софи шептала:

- У тебя есть мой адрес. Не откладывай отъезд на последний день! Для меня ты подарок судьбы. Я буду ждать тебя!

- Солдат подчиняется приказу. О твоем предложении я буду помнить. Спасибо!

На этот раз им не пришлось долго оставаться наедине. Провожать Софи, которая уезжала с ребенком, пришли отец, мать, сестра, другие родственники. Герр Бранд приветливо поздоровался с Янгуразом, представил его родственникам. На вокзал они поехали в двух машинах. Перед посадкой в поезд Софи уже по-родственному поцеловала Янгураза в щеку и прошептала:

- До свидания, мой герой!

Янгураз постеснялся родственников и не стал отвечать тем же.

Когда поезд скрылся из виду герр Бранд предложил Янгуразу подвезти его до Татарского бюро.

- Наша Софи - романтичная натура,- сказал он.- Она, кажется, окончательно влюбилась в вас.

Янгураз вежливо и скромно ответил:

- Спасибо, что вырастили такую замечательную дочь. Хорошо, что она уехала, пока тут еще относительно спокойно.

Проезжая по улицам Берлина Янгураз услышал знакомую мелодию "Элизе". Тоска охватила его сердце. В памяти всплыли и другие мелодии, которые играла Софи. О, какие это были чудесные, незабываемые минуты! Повторятся ли они когда-нибудь снова?

В начале декабря он получил от нее долгожданное письмо. В конверт была вложена фотография. Софи с дочкой стояли на пороге виллы. Сзади них голубое озеро и горы с белоснежными вершинами. Софи в знак приветствия махала рукой. Янгураз смотрел на свою подругу, укрывшуюся от кошмаров войны на маленьком острове мира и благополучия в центре Западной Европы, и испытывал чувство нежности, тоски и, пожалуй, зависти.

А в это время яростное сопротивление "бесноватого" фюрера на всех фронтах привело Германию на грань катастрофы. В атмосфере всеобщего отчаяния и озлобления милое письмо из тихой Швейцарии вызвало у Янгураза бешенную жажду жизни и возбудило желание во что бы то ни стало вырваться из этого ада. Самое главное - ни при каких условиях не поддаваться унынию, искать выход из любой ситуации. В этом он и поклялся себе.

20

С начала февраля Янгураз и Рамзи старались чаще слушать передачи "Би-би-си". О Ялтинской встрече Рузвельта, Сталина и Черчилля говорили как о главных новостях. На этой встрече решалось будущее Германии, а это значит, что будет затронут и вопрос о военнопленных, остарбайтерах, а также о национальных легионерах. Берлинское радио очень скупо освещало ход ялтинской конференции, выдавая ее за сговор евреев и большевиков, за очередной враждебный шаг по отношению к Рейху.

- Если так, то очень скоро будут читать отходную нацизму,- сказал Рамзи.- Раз доктор Геббельс не нашел ни-

чего лучшего, чем глушить передачи "Би-би-си", значит, дела плохи.

- Ты радуешься?

- Нет, но, кажется, фюрер потерял чувство меры. Если налопаться яблок, то обязательно набьешь оскомину. А США, Англия и СССР - это тебе не яблоки, их за один присест не проглотишь...

Янгураз не хотел ни возражать Рамзи, ни соглашаться с ним, он просто хотел спокойно послушать радио. В последнее время Сабанчи хлебом не корми - только дай поучить кого-нибудь уму-разуму. И все его разговоры вокруг Геббельса, как мошкара вокруг фонаря. Рамзи научился ловко разоблачать доктора и фюрера и получал от этого удовольствие. Но только что толку держать кулак в кармане? Или он хочет показать себя таким всезнающим, сообразительным, прозорливым? Зачем тогда просил у Янгураза помощи? Не любил Янгураз таких людей, которые надоедают всем своей ученостью, а чуть что - бегут искать помощи. Хоть бы не мешал слушать радио!

- И у США, и у Англии, и у СССР силы немерено. Какой же ты фюрер, да еще великий, если не мог заранее учесть это?

Янгураз раздраженно заметил:

- Обычно побеждает не сильный, а умный. Важнее не грубая сила, а мастерство.

- Значит, у фюрера и того, и другого маловато. Это же надо - развязать войну, когда в тебе умишка размером с кулак! Да, не зря наши предки говорили: умей войти красиво и выйти счастливо!

- Может, они совсем другое имели в виду?

- Интере-есно! Слушай, а для чего мы завтра приглашаем Шамсира?

- Он сам хочет прийти.

- Может, и девушек пригласим?

- Не до них, сейчас другие проблемы.

- Вот чудак! Как это не до них? С девушками и посидеть приятно, они любую вечеринку украсят. Человек находит радость в том, что не сдерживает чувства.

Рамзи встал, и напевая песню подошел к окну:

- Оказался ты в чужом краю,
Как у пропасти на краю.

За постылым столом
В горле хлеб стоит колом.

- Чего это ты распелся?- недовольно спросил Янгу-раз.

- Ах, мой друг! Мы молодые и пропадаем здесь на чужбине. Сказал бы, что свободы не хватает, но ее и на родине немного было.

- По твоему настроению не скажешь, что ты пропадаешь.

- Настроению? Что ты знаешь о моем настроении? Внутренняя боль может и не проявляться внешне. Снаружи - веселый, а изнутри - тоска гложет, тревога рвет на части. Хорошо еще, что девушки ублажают тебя, с ними забываешься хоть ненадолго. И что удивительно - они сами виснут у тебя на шее. Свободных джигитов здесь мало, может, поэтому красавицы спешат в наши объятия?

Телефонный звонок прервал его разглагольствования. Рамзи взял трубку и протянул ее Янгуразу:

- Это тебе.

- Кто?

- Кто же еще...Та самая нежная пташка, что любит ворковать с тобой. Какой прелестный голосок, ей-Богу!

Янгураз не ждал звонка Рины, потому что утром только виделся с ней в магазине. Девушке хотелось погулять.

- Завтра - воскресенье, не надо рано вставать,- пояснила она. Так что мы сможем хорошо провести сегодняшний вечер. Мои подружки рассказали об одном чудном ресторане, где подают французские деликатесы.

- Не поздно ли сегодня?

- Не-ет. И потом может случиться, что мы еще долго не увидимся.

- Почему?

- При встрече расскажу.

Янгураз быстро переоделся. Рамзи усмехнулся:

- Никак твоя красотка не может жить без тебя?

- Ты сказал фрау Берне о предстоящей вечеринке?

- Да. Я у нее попросил еще немного посуды.

- Ты поспешил. Фрау Берна, видимо, уже рассказала Рине. В таких случаях, сам знаешь, девушка может забеспокоиться.

- Ревнует? Значит, любит. Но не опасно ли волочиться за немецкой девушкой?

- А кто волочится?

Рина, одетая в легкую куртку, поджидала Янгураза на улице. Город уже был погружен во мрак, и только фары автомобилей иногда прорезали темноту. Снег на тротуарах расстаял, а в воздухе пахло весной. Рина была, кажется, чем-то возбуждена.

- Знаешь, в том ресторане подают вкуснейшие блюда! Салат из ананасов, жареные грибы, потом... блюдо "А ля Ришелье", пудинг по-орлеански, шербет с ванилью. Ну и, конечно, нормандское вино и приятная музыка! Пойдем?

Янгураз знал, что такие экзотические блюда будут стоить недешево. Деньги у него были, но он хотел придержать их на черный день.

- А почему мы должны идти туда обязательно сегодня?

- В Берлине участились бомбежки, трудно сказать, что будет завтра. На днях я могу уехать.

- Куда?

- Это неважно. Важно, что сегодня я смогу подольше побыть с тобой. Дома меня не ждут.

- Почему?

- Родители уехали в поместье отца, приедут только завтра.

Янгураз облегченно вздохнул:

- Знаешь, у Шиллера есть строки. За точность не ручаюсь, но смысл их таков:

"Юность, юность, что может быть лучше тебя?
Влюбленным и шалаш кажется дворцом!"

- Какая у тебя память! Завидую!

- Знаешь, мы оба молоды, к тому же ты живешь не в шалаше, а в шикарных апартаментах. Разве нам не лучше будет у тебя дома, чем в ресторане?

- Но у нас нет ни салата из ананасов, ни жареных грибов.

- Это не беда. Мы найдем что-нибудь повкуснее ананасов!

Янгураз притянул Рину к себе и поцеловал ее. Девушка не сопротивлялась, а на его поцелуй ответила тем же. Они совершенно не замечали прохожих. Им было хорошо вдвоем. Янгураз гладил ее выбившиеся из-под берета волосы:

-Какие у тебя пышные волосы и как они вкусно пахнут! Можно опьянеть!

- А тетя Берна не зря хвалит тебя: ты на самом деле такой ласковый!

Янгураз взял Рину под руку и они пошли по улице Анклам. После малоприятного разговора с Рамзи ему хотелось расслабиться, отвлечься от грустных мыслей. Сейчас был дорог каждый час мирной жизни. Он шел рядом с Риной и думал: почему бы не отдаться во власть чувств, забыв о нависшей опасности? Ведь и Рина хочет того же!

- У вас есть пластинки Вагнера? Скажем, "Полет валькирий"?

- Не помню. Мне он не особенно нравится.

- Мне нравятся и "Венгерские танцы" Брамса. Хочу с тобой потанцевать под эту музыку.

- Йа? А куда мы идем?

- Дойдем до конца улицы и повернем обратно. Надо же подышать свежим весенним воздухом. Потом я зайду домой, захвачу бутылку вина, правда, не нормандского, но тоже неплохого.

- О-о, нет, не надо, герр Янгураз, ты угостишь им фройлейн, которые завтра придут к тебе в гости.

- Они придут со своим угощением. А я хочу угощать только одну фройлейн - тебя, но ты же не приходишь к нам в гости.

Рина резко остановилась и уставилась на Янгураза. В темноте она не видела выражения его лица и все же прильнула к нему. Этот невесть откуда появившийся русландтюркен разговаривает с ней стихами Шиллера, знаком с произведениями немецких композиторов, которых и Рина то толком не знает. Как можно не дружить с таким редкостным кавалером? К тому же он такой красивый, высокий, сильный. Рине нравятся именно такие. И по-немецки он говорит все лучше и лучше. Ах, если бы он еще смелее ласкал ее... Янгураз нравится не только тете Берне, но и маме. Только они просят вести себя более сдержанно, пока не кончится война, пока не отменят этот чертовый закон о защите чистоты расы. Но еще важнее, чтобы Янгураз вышел из пекла войны живым и невредимым. Тогда его будет ждать прекрасная карьера. В Дойчланде всегда высоко ценили образованных людей.

Такие как он и карьеру сделают, и семью прокормят. Можно не сомневаться, что Янгураз приложит все усилия, чтобы остаться и обосноваться в Германии. Рина верит в это, как верит и ее мать. Одно только беспокоит: тогда на Янгураза и другие девушки будут заглядываться, будут стараться заполучить его. Поэтому надо покрепче привязать его к себе, обласкать так, чтобы он думал только о ней. Приручить и не потерять! Тем более, что после этой кровопролитной войны мужчин будет не хватать. А герр Янгураз, по правде говоря, получше многих истинных арийцев - серьезный, трудолюбивый, культурный, воспитанный. Тетя Берна все время напоминает об этом. Впрочем, Рина и сама это видит и понимает...

Янгураз уже был в доме у Вайзеров и знал, что живут они в большом достатке. Но его больше удивило то как Рина быстро накрыла богатый стол. Она повязала фартук с зеленым узором и так ловко начала сновать между электроплитой и шкафами, что у Янгураза мелькало в глазах. Она быстро открыла датское консервированное мясо, немецкие овощные консервы, банку итальянского компота. В мгновение ока она в никелерованной кастрюльке разогрела мясо, выставила в хрустальных вазах груши и замороженные ягоды, соленые грибы в красивой фарфоровой тарелочке, бутылку французского шампанского. Янгураз и не предполагал, что единственная дочь состоятельных родителей может быть такой ловкой в домашних делах. Можно подумать, что она с самого рождения только ими и занимается.

- Рина, я удивлен и восхищен тобою. Мужчина, решивший связать свою судьбу с твоей, никогда не будет голодать!

- Спасибо. Я стараюсь.

Похвала была приятна Рине. Ведь она очень хотела понравится своему кавалеру.

Просторная кухня, обклеенная светлыми обоями. Белый кухонный гарнитур. На стенах вьющиеся цветы. На окнах металлические жалюзи и шторы желтого цвета. От стены до плиты длинный стол, по краям которого стулья с высокими спинками. На стенах гипсовые лепные картинки и что интересно - фрукты и ягоды на них натурального цвета. В застекленных навесных шкафчиках

фарфоровая и хрустальная посуда. Словом, кухня не только уютная и удобная, но и красивая. Но самое главное ее украшение - сама Рина. Ее белокурые волосы ниспадали на кружевной воротничок белой блузки. Сережки при каждом повороте головы начинали сверкать словно утренняя роса на солнце. Пока Рина накрывала стол, Янгураз любовался ею. Через тонкую ткань блузки выпирали округлые девичьи груди. Брючки кофейного цвета обтягивали упругие ягодицы. Все в Рине говорило о ее зрелости и влекло Янгураза...

Наконец, Рина вскинула на Янгураза свои синие глаза:

- Ну, дорогой гость, как будто все готово.

Она села напротив.

- С таким богатым столом никакой ресторан не сравнится. Я готов был довольствоваться и чашкой кофе.

- Возможно, после этого мы еще долго не сможем увидеться. Так что сегодня надо погулять на славу.

Янгураз разлил по бокалам вино, один бокал протянул хозяйке и сказал:

- Я не собираюсь тебя терять. Куда бы ни уехала, всюду найду тебя.

- Зачем?

- Ты нежна как только что распустившийся цветок, чиста как первый снег, ты сама невинность. Ты, словно душистый липовый мед, который, как говорят татары, можно пробовать только маленькой серебряной ложечкой! Ну, скажи, разве допустимо потерять такую девушку?

Рина слушала Янгураза млея от удовольствия.

- Кто научил тебя так красиво говорить?

- Разве не ты, дорогая? А может что-то и от родителей досталось.

- Значит, они у тебя умные.

Девушка взяв в руки бокал подошла к Янгуразу.

- Я хочу сесть рядом с тобой.

Они стоя чокнулись. А потом Янгураз обнял, поцеловал девушку и с улыбкой прошептал:

- Мне теперь никаких кушаний и напитков не надо. Я сыт и пьян!

- Тебе что, не нравится, как я готовлю?

- Так нравится, что язык можно проглотить, но твои губы нравятся больше всего. Они такие вкусные и ароматные!

Рина вся светясь от радости погрозила пальчиком

- Какой ты хи-итрый!

Немного поев, они перешли в зал и завели патефон. Янгураз захотел сам выбрать пластинку. И здесь ему очень пригодились уроки фрау Софи. Поставив пластинку Бетховена, он заговорил о нем, как о чем-то давно ему известном:

- После такого королевского угощения хорошо бы послушать "Лунную сонату". Приятно отдыхать под спокойную музыку. Если бы я был Бетховеном, посвятил бы эту сонату не фройлейн Гвиччарди, а тебе.

- Кто такая фройлейн Гвиччарди?

- Джульетта Гвиччарди? Это девушка, в которую был влюблен Бетховен. Но она не удостоила великого композитора своей любовью!

- По-моему, вовсе не обязательно человеку быть знаменитым, чтобы удостаиваться любви.

Янгураз обнял девушку.

- Ты просто умница! Может фройлейн Гвиччарди тоже так рассуждала? Я же считаю, что для Рины нужен такой человек, который обладает самыми лучшими качествами.

- Почему?

- Не потому ли ты отвергла Пауля, что он не обладал такими качествами?

- Он глуп как осел! К тому же он пучеглазый коротышка.

На столе возле патефона горело лишь бра и потому дальние уголки зала были окутаны таинственной темнотой. Янгураз с Риной танцевали медленный танец в центре зала. Ему было хорошо, но Рине почему-то не нравилась "Лунная соната":

- Фу, заснуть можно! Поставим что-нибудь другое!

- Мне нравится. Когда я обнимаю тебя мне любая музыка по душе.

- Ты это искренне говоришь?

- Конечно. Но раз тебе не нравится, поставим Вебера. Его пьеса "Приглашение к танцу" быстрая и ритмичная.

- Может, лучше Штрауса?

- Потом поставим и Штрауса. Вебер звучит реже, хотя его музыка нежная, вдохновлющая, чарующая.

Фройлейн не стала противиться, чувствуя, что в музыке гость разбирается гораздо лучше нее. Они ставили пластинку за пластинкой, танцевали вальс, фокстрот, потом, устав, упали на диван. Вернее, Рина села на колени Янгуразу и принялась обмахивать себя носовым платочком. Янгураз нежно гладил плечи, талию девушки, пьянея от ее податливости.

Рина, перестав обмахиваться, спросила:

- Ты остаешься в Берлине?

- Похоже, что да. А ты куда едешь?

- В деревню, пятьдесят километров отсюда. Там живут родственники отца. Тихое, уединенное место. Если оставлю адрес, напишешь?

- Спрашиваешь!- обнял девушку Янгураз.- Может, даже в выходные приеду в гости. Если не забудешь меня.

- А ты хочешь, чтобы я была твоей?- вдруг спросила Рина.

В ответ Янгураз обнял ее еще крепче и стал страстно целовать. Рина, еле вырвавшись из его объятий, погрозила ему пальчиком:

- У-у-у, знаешь, ты кто? Ты - восточный пират, приехал, чтобы соблазнять немецких девушек. Я боюсь тебя!

Девушка выбежала из зала, а Янгураз засомневался: не переусердствовал ли он своими ласками, не испортил ли все дело? Не оттолкнул ли Рину? Ведь она еще совсем ребенок. Что если по своей наивности она обо всем расскажет матери и фрау Берне? Что тогда? Говорит же Рамзи, что для нас и остарбайтеров достаточно, тем более, что они сами липнут. С фройлейнами опасно связываться, во всяком случае рукам поменьше воли надо давать.

Но вскоре Рина вернулась держа в руках одеяло, подушку, простыни и пижаму для гостя:

- Герр Янгураз, время уже двенадцать часов ночи. Если захотите искупаться перед сном, вход в ванную из коридора.

- Наверное, я должен вернуться домой?

- Нет, я боюсь ночевать одна, если ты ляжешь в соседней комнате, я буду спать спокойно.

- Чудеса да и только!

Янгураз с облегчением вздохнул и пошел мыться. Пока он наслаждался в ванной, его постель была уже готова. Но Янгураз, помня конфуз произошедший в первую ночь в доме у фрау Софи, не спешил ложиться. Убедившись, что Рина закончила убирать со стола и легла в своей комнате, он тихо вошел к ней. Она ничуть не удивилась, более того немного пододвинулась, освобождая место. Янгураз быстренько нырнул к ней под одеяло. Горячее тело девушки через тонкое белье словно обожгло Янгураза и заставило биться его сердце сильно-сильно. Он принялся страстно целовать Рину. Она ничуть не сопротивлялась, а напротив и всем телом прижалась к нему. Когда Янгураз стал ласкать ее увереннее и настойчивее, Рина прошептала:

- Майн фройнд, а ты, действительно, не пират?

- Вроде бы нет. Просто я слышал, что в рай ведут восемь ворот. Я же ищу девятые...

Рина прикрыла его рот своей ладошкой:

- Тсс! Может, не ты один хочешь в рай?

- Тогда в чем дело? Зачем сдерживать себя?

- Не спеши!- Рина отвела от себя его руки.- То, что Богом предназначено для тебя, все равно будет твоим. Но только не сегодня, понимаешь? Не сейчас!

- Когда же?

- Я клянусь сохранить себя для тебя пока не кончится война,- прошептала Рина.- А ты обещаешь жениться на мне?

- Конечно!

Рина засмеялась.

- А ты на обещания не щедрый, их из тебя надо клещами тащить.

Янгураз просто обомлел от ее рассудочности. Откинулся на спину и, почувствовав, что стал сильно потеть, опустил одеяло до пояса. Рина же, словно желая успокоить его, зашептала:

- Ты здоровый и страстный, и мне это очень нравится. Но только пока я не готова к некоторым ласкам. Не обижайся на меня.

- Вот я и хочу помочь тебе. Знаешь, композитор Вагнер влюбился в девушку по имени Козима, которая была младше его на двадцать четыре года. Она не сопротив-

лялась Рихарду, опьяневшему от любовной страсти. А поженившись они жили счастливо и очень любили друг друга. Мы же по возрасту почти ровесники и нам легче понять друг друга.

Рина, вероятно, знала эту историю и потому отреагировала спокойно:

- Да, но мы, кажется, не ведем разговор о женитьбе. - Она поцеловала Янгураза в щеку и продолжила: - Ты удивительно темпераментный! Есть у тебе еще одно качество, которое нравится мне. Ты волевой человек, можешь обуздать в себе даже дикую страсть! Ты - рыцарь! Я не сомневалась в этом и раньше, а теперь еще больше убедилась, иначе не стала бы приглашать тебя домой, да еще когда нет родителей.

Янгураз резко встал, застегнул пижаму и хотел уже уходить, но Рина остановила его:

- Нет-нет, найн,- сегодня мы должны спать вместе. Я еще никогда не спала в объятиях мужчины. Сегодняшную ночь я хочу провести в твоих объятиях!

- А что прикажешь делать мне? Сгореть и превратиться в пепел, да?

- Ну же, Янгуразик! Пожалуйста не спеши! Я буду ласкать тебя всю ночь. Если хочешь, сними пижаму.

...Для влюбленных эта ночь не была похожа на все остальные. Она прошла в каком-то полусне, полудреме. Рина сдержала свое слово - ласкала Янгураза, скользя своими мягкими пальчиками по всему его обнаженному телу. Янгураз, пылая от страсти, еле сдерживал себя, чтобы диким зверем не наброситься на нее. Для него это была ночь великого испытания. Утром качающейся походкой, словно пьяный, ушел он от Рины. В душе ощущалась какая-то неудовлетворенность, даже жалость к себе. Проспав до обеда как убитый в своей холостяцкой квартире, Янгураз проснулся с ясной головой, бодрый и в хорошем настроении. Слава Аллаху, не поддался он искушению дьявола, устоял, выдержал и перед Риной остался чист, как стеклышко. Никто не сможет обвинить его в совращении немецкой девушки. Фрау Берна и фрау Эва по-прежнему будут добры и дружелюбны с ним, может даже еще более добры, чем раньше. А их дружба с Риной теперь станет еще крепче.

Вечером Рина позвонила сама и изъявила желание встретиться. Янгураз ждал гостей и хотел объяснить ей, что не скоро освободится. Но телефон внезапно оборвался. Янгураз не особенно расстроился. Похоже, это был последний звонок Рины перед отъездом из Берлина...

21

Янгураз хотя и предчувствовал, что вечеринка может и не удастся, не сомневался, что ее нужно провести. О многом надо поговорить. И пусть к компании присоединится Халима - хватить ей одной ходить. Тем более нет уже Ишкая, который мог бы утешить ее. Хорошо, что Самата послали на Западный фронт - этот сомнительный тип лишь сбивал с пути Халиму. Да и обещал приехать Шамсир. А фрау Берна и не подумает, что Халима - подруга Янгураза, решит, что она пришла с Шамсиром. Возможно, это будет последняя вечеринка в Берлине: фронт с двух сторон наступает на столицу Рейха.

Халима принесла перемячи собственного приготовления. Шамсир, как всегда, притащил любимое пиво. Рамзи с Таней решили приготовить украинский борщ.

Водрузив в центр стола бутылку шнапса, Рамзи воскликнул:

- Сегодня у нас женщины и вино! Эх, тряханем Берлин!

- Его и без нас трясут,- заметила Халима.

- Не будем портить застолье политикой! Хватит уже! Как вам нравится мое варево?

Шамсир попробовал борщ:

- Правду говорят, что в двадцать лет человеком правит чувство, в тридцать - талант, в сорок - интеллект. У тебя открывается талант!

- Вот это правильно, спасибо, Шамсир. До интеллекта мне еще далеко.

- Не унывай, глупости в тебе осталось величиной лишь с верблюжье ухо,- сказал Шамсир.

- А это много?

- Как сказать... Если по сравнению с туловищем верблюда...

Янгураз и Рамзи засмеялись. А Шамсир продолжил:

- Человек набирается ума с возрастом. Вы, наверное, замечали, как тянет людей дотронуться до скамейки, где написано: "Осторожно, окрашено!" Странное существо - человек. Скажем, если мы требуем от кого-то верности, то не открываем перед ним все свои тайны, заставляем его надеяться на что-то.

- Правильно!- подхватила Халима.- Вон Геббельс без конца твердит: "Мы победим!" На Берлин наступают со всех сторон, а большинство немцев продолжает верить этому доктору и на что-то надеется.

- Он горазд пудрить мозги,- подтвердил Рамзи.- По правде говоря, доктор Геббельс может очернить даже саму грязь. Такого обманщика, вероятно, еще не знало человечество.

Янгураз молча слушал разговор и подливал в стаканы пиво, в рюмки - шнапс. Шамсир решил разговорить друга:

- Ну, а ты, толмач, что скажешь? Ты лучше нас знаешь секреты немцев. Что они говорят про Ялтинскую конференцию?

- А что они могут сказать... Мое начальство давно поняло, что Гитлер проиграл. Правда, они осторожны в высказываниях, как мы не орут на каждом углу. А вообще надеются, что победители скоро перессорятся и тогда Германия снова возродится, поднимется из руин.

- Да,- выдохнул Шамсир папиросный дым.- Нет будущего у нации, которая не верит в собственные силы. А немцы верят, значит, рано или поздно вновь поднимутся.

- Но им здорово врезали по морде, и не так еще накостыляют. Так бывает, когда берешься за неправое дело.

- Ты, Халима, все еще мыслишь по-большевистски. Ведь большевики говорят одно, а делают другое, прямо противоположное. Например, в области предоставления свобод... Истина сама по себе не решит проблемы, за нее нужно бороться. Истине тоже надо помогать.

- Ну вот снова в политику,- недовольно сказал Рамзи.- Встречаемся раз в два года, и все равно за свое: и утром, и днем, и вечером. Обнимая женщину тоже о Ялтинской конференции будете говорить?

- Хорошо, если у тебя есть кого обнимать,- заметил Шамсир.- А я вот надеялся на польских татар, да ничего не вышло.

- А помните, как мы пели в вустрауском лагере? Как будто вчера это было.

- Эх, с тех пор столько воды утекло, что щука на сосне могла вырасти.

- Все куда-то посрывались,- сказал Рамзи.- Вот и завод, где я работаю, переводят в Дрезден. Скоро и Таня туда поедет.

- Везет ей. Там не производят оружия, потому его не бомбят. По крайней мере, пока...

- Наверное, архитектуру берегут, не хотят такую красоту разрушать,- высказал свое предположение Янгураз.

- Немцы все делают обдуманно.

- А Берлин по сравнению с Парижем - все равно, что идеально устроенная казарма,- продолжил Янгураз.- Сначала мы восхищались германской столицей. Действительно, по благоустроенности она не уступает другим городам. Но все же здесь ощущаешь какое-то унылое однообразие, отсутствие вкуса. А Дрезден - это совершенно другое - музыка в камне!

- Говорят, что Рим и Милан красивее Парижа. Хорошо бы побывать там...

Тут Рамзи подмигнул Халиме и запел песню на мотив мунаджатов:

- Не дуй ветер, подожди ветер,
Не срывай лепестки цветов.
Пока сам не испытаешь,
Не знаешь, рок твой каков.

Эх, ребята! Скоро кончится война, хорошо бы живыми и здоровыми вернуться домой, собраться всем вместе и посидеть от души. Выпьем за это!

- Шалишь, профессор мой дорогой,- усмехнулся Шамсир.- Надо же, ученый, а ума не нажил.

- А что?- возмутился Рамзи.- Я здесь в политику и не собирался лезть.

Халима попыталась его защитить:

- Он прав, кого только не брали в плен! Не могут же быть виноватыми поголовно все. На родине все проверят, многих простят.

- А куда ты денешь высказывание Сталина: "У нас военнопленных нет, а есть только изменники"!

- Ну, Шамсир абы, он это сказал, наверное, для того, чтобы солдат старался не попадать в плен, как бы предупреждал солдат. А после войны Сталин наверняка проявит милосердие к тем, кто пережил ад концлагерей.

- Ах, эта извечная наивность татар!

- Что хотите, говорите, а я поддерживаю Рамзи абы!- продолжала Халима.

- Ну, а мы за что пьем, Янгураз?

- За свободу нашего народа!

- Вот это хорошее пожелание. Правда, выполнить его теперь будет очень трудно и непросто. Ведь свобода достается только тем народам, которые умеют бороться с оружием в руках. Борьбы без жертв не бывает, свобода не дается легко. Если ты отошел от борьбы и ждешь от кого-то помощи и милосердия, то никогда не увидишь свободу.

- Надо же быть реалистами,- возразил Рамзи.- Кто такие татары? Тут даже такую мощную нацию, как немцы, скрутили в бараний рог и читают ей заупокойную в Ялте: мол, армия разоружается или распускается, военное оборудование изымается или уничтожается. Я собственными ушами слышал по радио... Кроме того, якобы, Германии предстоит возместить ущерб, нанесенный другим странам... Такие вот дела!

- Да, выбранная нами опора рухнула, если поискать, рано или поздно можно будет найти и другую. Если в небе нет луны, то есть звезды.

Рамзи не хотел продолжать спор с Янгуразом и сказал:

- Да, у сильного день как день, у слабого - день как ночь. - Потом он снова перевел разговор:- Угощайтесь, друзья! Вон у нас сколько райской водицы!

Халима переводила Тане смысл высказываний, не забывая исподтишка наблюдать и за Янгуразом. Она чувствовала, Янгуразу не понравилось, что она поддержала Рамзи, и боясь расстроить и без того некрепкие отношения с ним, решила поддакнуть:

- Мне тост Янгураза тоже понравился,- сказала она, поднимая бокал пива.- От Янгураза я многое узнала - о ситуации на родине, о судьбе нашего народа. Но миро-

возрение человека не может измениться мгновенно.В особенности когда он многое еще не знает. Так что это не повод, чтобы расстраиваться.

Янгураз одобрительно кивнул головой и продолжил уже несколько в другом ключе:

- В последнее время я изучал труды Николая Бердяева. Это известный русский философ.

- Я тоже кое-что из его работ читала в библиотеке Исхаки,- сказал Шамсир.

- Так вот, этот философ,- продолжил Янгураз,- пишет, что великая империя не должна своих граждан превращать в бесправных существ, иначе она распадется.

- Это действительно так,- подтвердил Шамсир.- Если бы в нашей стране существовала свобода, особенно свобода национального самовыражения, разве стали бы мы здесь создавать легион "Идель-Урал"? Но для Бердяева предпочтительнее не только сохранить целостность империи, но и раздвинуть ее границы, поэтому он и мечтает отнять у Турции пролив Дарданеллы и город Стамбул. Все его помыслы направлены на укрепление Российской империи.

- Но ведь он ратует за свободу некоторых угнетенных народов, например, поляков,- сказал Янгураз.

- Хотя он наполовину татарин, отнюдь не ратует за свободу татар,- возразил Шамсир.- Попробуй заговори с ним о свободе для евреев, финнов или армян - завопит сразу...

Незнакомая фамилия заинтересовала Рамзи и Халиму.

- В нем действительно есть татарская кровь?

- Он действительно известный философ?

Янгураз ответил с видом знатока:

- Его произведения переведены на многие европейские языки. Словом, он известен всей Европе. Кроме того, он основал какие-то академии, был редактором журнала. По материнской линии он из рода Кудашовых. Кажется, и отец его не лишен татарской крови - об этом красноречиво говорит фамилия - от татарского "бирде", означает "дал".

- Тогда почему мы его не знаем?

- Что толку даже если бы и знали?- сказал Шамсир. - Все его помыслы - лишь немного облагородить бесправную империю. Все он делает во имя единой империи -

Великой России! И не удивительно, что этот полутатарин, растерявший все, что было в нем татарского, продавший себя чужому народу, превратился в его яростного защит-ника, готового лизать пятки своему хозяину и с радостью исполнять его прихоти!

- Неужели и о нас на родине думают также?- в задумчивости сказал Рамзи.

- Да нет же!- начал горячиться Шамсир.- Даже дураку понятно,, что мы здесь не для того, чтобы укреплять и расширять Германскую империю! Нам вообще не нужна никакая империя! Мы создали легион лишь для того, чтобы попытаться освободить наш народ от большевиков, колонизаторов и с этой целью объединились с немцами. Ясно как день, что у гитлеровцев иные цели, но ведь они и нас не лишают надежды. Вот та-ак... И еще, друзья, я видел удивительный сон. Будто сел мне на плечо удод и говорит: "Ты - из рода Хузра Ильяса, то есть, ангела-хранителя, не поддавайся на обман даджалов - мифических злых существ, появляющихся перед концом света, не сворачивай с избранного пути, твое счастье впереди!" Удивительно! Я, конечно, не очень-то верю в сны. Когда проснулся, лишь усмехнулся: "Курице всегда просо снится". И все же есть в этом сне что-то поучительное, а?

- Интересно,- ответил Рамзи.- Удод не на всякого садится. Как объяснял мой отец, Хузр Ильяс - ангел, творящий только добро. Если ты не выдумал, то сон, конечно, может оказаться вещим.

- Что-о? Я выдумал? Нашел, что сказать, ты, лошадиный рог. Я никогда не лгал и не буду лгать.

Янгураз с улыбкой подождал, когда друг успокоится, и сказал:

- Друзья, я не зря вспомнил Бердяева. Конечно, он великодержавник, выразитель интересов русских и татарского в нем и под микроскопом не найдешь. Действительно, он ратовал за присоединение некоторых областей Турции и Австро-Венгрии к России и даже натравливал современников на Восток, предупреждая о "монгольской опасности".

Рамзи поинтересовался:

- Он все еще жив?

- Жив. Раньше преподавал в одном из берлинских институтов, затем обосновался во Франции. Будучи в Париже я проходил мимо его дома, правда, об этом узнал лишь позже, в Берлине. Бердяев не какой-нибудь мелюзга-разночинец, а сын известного дворянина, всю жизнь занимался своим образованием. Но за распространение революционных идей его отчислили из университета и сослали куда подальше. А после революции вчерашние единомышленники и соратники вышвырнули его из страны.

- Смех и грех!- воскликнул Рамзи.

- Какой там смех, это трагедия. Думаете, почему я его сегодня вспомнил? В его трудах много неприятного для нас, но есть и много ценного. Бердяев беспощадно разоблачает марксизм, особенно российских революционеров, которых у нас в стране считают чуть ли не пророками. Я прочитал одну его книгу на немецком языке и удивился: кому нас заставляли поклоняться? Шарлата-нам!

- Ты объясни: кого же все-таки он и как разоблачает?- не выдержала Халима.

- Он? Он... сейчас, я прочитаю вам кое-что из моего конспекта.

Янгураз достал из тумбочки толстую тетрадь в черной обложке и принялся ее перелистывать. Несмотря на узкий круг друзей, Янгураз был одет как на парад: тщательно отутюженный костюм, галстук, лакированные туфли. Волосы набриолинены и зачесаны назад. Рамзи же был в спортивных штанах, желтой рубашке с засученными рукавами, видно было, что на кухне в основном возился он. Шамсир был в парадной форме, Он терпеливо смотрел, как Янгураз листает тетрадь.

Наблюдая за собравшимися, Халима отметила, что Янгураз любит щегольнуть. Не ускользнуло от ее внимания и то, что Янгураз старается пустить пыль в глаза. Все это ей не очень импонировало. Но не могла она не признать, что он действительно образован, эрудирован и воспитан. А его самовлюбленность, наверное, можно объяснить необычайной молодостью. Да и работает Янгураз не где-нибудь, а в Восточном министерстве. Со временем, может он и изменится. Вот только где тогда будет Халима, сможет ли общаться с ним? Хотелось бы ей увидеть, как

Янгураз добьется еще больших успехов. И еще... она хотела бы быть близкой с ним...

В это время в дверь постучали. Это была фрау Берна. Она приветливо улыбалась:

- Добрый вечер, герр Янгураз! У вас, кажется, гости?

- Да. Заходите, присоединяйтесь к нам! Наверное, мы расшумелись?

- Нет-нет,- сказала хозяйка, пройдя в комнату. Увидев Шамсира в форме штурмбанфюрера СС, она немного стушевалась, но тут же нашла нужные слова.- О, какая благородная компания! Гутен абенд!

Госпожа Берна, увидев в комнате лишь двух девушек, осталась довольной, значит, герр Янгураз без пары. Рина, конечно, обрадуется, узнав это. Она протянула Янгуразу коробку, перевязанную ленточкой:

- Если бы Рина не напомнила, я бы забыла о ваших гостях. Она просила передать вам этот торт.

- Большое спасибо! Прошу вас, присоединяйтесь к нашей компании!

- Ах, какая жалость, я сейчас варю суп и не могу отлучиться.

- А вы приходите, когда закончите,- сказал Рамзи.- Приходите вместе с мужем.

- Данке шен! Приятного вечера вам, господа!

У дверей фрау Берна шепнула Янгуразу:

- Там есть записка от Рины! Она сегодня хотела видеть вас вечером. Жаль...

Янгураз не смог придумать ничего лучшего и вручил хозяйке живые цветы, стоявшие в вазе и сказал:

-Вы, фрау Берна, все время приходите с угощением, ну, а мы подарим вам красоту!

К ленточке торта была прикреплена записка:

"Герр Янгураз!

Когда вы прочитаете это послание, меня уже не будет в Берлине. Буду ждать вас по воскресеньям.

Приятной вам вечеринки! Целую.

Рина..."

В конце был написан и ее деревенский адрес.

Халима спросила:

- Кто эта Рина, почему она о вас так заботится?

- Наша продавщица,- поспешил выручить друга Рамзи. - Если заранее заплатишь ей деньги, можешь получить хороший гостинец.

Янгураз сунул записку во внутренний карман пиджака и снова принялся листать тетрадь. Ему было приятно внимание Рины, но друзьям не стал этого показывать. Рамзи же подумал, что фрау Берна сама купила торт, чтобы проверить, кто пришел в гости. Хотя, может быть и в самом деле торт от Рины.... Поди знай...

Наконец Янгураз нашел нужный отрывок:

- Вот, слушайте! "Один фанатик по фамилии Нечаев сочинил "Кодекс чести революционера". Для достижения революционных целей он хочет всю Россию покрыть сетью маленьких, но с железной дисциплиной революционных ячеек, которым все будет позволено. Он говорит, что для революционера нравственно все, что идет на пользу революции. Позднее эти же слова повторил Ленин. Выходит, что такие, как Ленин и Дзержинский, растоптав законы человеческой морали, развернули самую бесчеловечную деятельность. Маркс сочинил сказку о пролетариате. Ленин сделал революцию "во имя Маркса", хотя шел вразрез некоторых его высказываний о развитии человеческого общества. Не только революционеры среднего уровня, но и вожди революции имели низкий культурный уровень. Ленин был некомпетентен в области философии, искусства, духовной культуры. Да, он много читал, изучал, но не систематически, он не имел глубоких знаний. Ленин считал хорошим все, что идет на пользу революции, и плохим все, что идет ей во вред. Ленин - не демократ, он волю большинства ставил ниже воли избранного меньшинства. Он отрицал всякую свободу в партии и этот принцип распространил на всю Россию. Большевики создали полицейское государство. Большевики - это третье явление русской великодержавности. Первое - Московские цари, второе - империя Петра Первого..."

Янгураз захлопнул тетрадь и сказал:

- Даже по этому отрывку из моего конспекта вы, наверное, поняли образ мыслей Бердяева.. Все свои мысли он строит последовательно, доказательно. Познакомившись с его трудами, я глубже познал трагическую ситуацию в стране. Ясно как день, что необходимо бо-

роться с бесчеловечным режимом большевиков. Только не на родине, там для этого нет условий, нет возможности.

- Здесь были условия и чего мы добились?- спросил Рамзи.- Сдается мне, что и фюрер останется у разбитого корыта.

- Это случилось из-за того, что ты не участвуешь в борьбе,- ответил Шамсир и в шутку, и в серьез.- Тебе лучше быть холуем большевиков? Все время повторять: "Ладно. Хорошо. Будет сделано!"

Но Рамзи не хотел принимать в свой адрес даже полушутливое обвинение:

- В Германии нет большевиков, но и здесь мы не приобрели свободу. Куда не пойди, везде слежка, контроль. Наша хозяйка и сегодня пришла посмотреть, что за "фрукты" здесь собрались. Не прибавилось свободы и от того, что наши легионеры сотнями гибли на Украине и в Нормандии. А мы сами в каком положении? Мы же как Харут и Марут, сбившиеся с пути. И сейчас нам осталось только ждать, кто и когда придет по нашу душу...

- Ну-ну, ишь, разошелся!- остановил его Шамсир. Не я велел тебе идти в плен. Судьба у тебя такая. Опять-таки, не я тащил тебя за собой из лагеря. Значит, другого пути, чтобы остаться живым, ты не нашел. И потом... среди присутствующих здесь нет никого, кто бы превозносил Германию до небес!

- Выход из лагеря открывал нам пути для новой борьбы,- поддержал Шамсира Янгураз.- Во-первых, сообща с немцами противостоять большевизму, во-вторых, выступить против силы, стремящейся окончательно подмять и раздавить татар; в-третьих, дать фюреру взятку нашей кровью для будущей свободы татарского народа.

- Да нужна ему твоя взятка! Фюрер шел только своей дорогой, хотя ему и противостояло полмира. А с нами он только заигрывал.

- Посмеялся упавший над поскользнувшим. По-твоему, мы олухи царя небесного, обманутые и сами во всем виноваты? Если ты такой умный, почему же не открыл нам глаза еще два года назад?

Шамсир сверлил глазами Рамзи. Халима испугалась, что вечеринка может превратиться в ссору и попыталась отвлечь мужчин:

- Хорошо Тане, она не понимает наших разговоров. Поэтому и аппетит у нее отменный. А у нас все слова да слова!

Все как по команде принялись есть. Потом Янгураз отхлебнул пиво и сказал:

- Не надо бояться остого слова. Возможно обе стороны в чем-то правы. Но сейчас мы не должны копаться в прошлом, а должны думать о буду-щем. Разве не для этого мы собрались здесь?

- Действительно, нужно подумать о будущем. Когда весь мир встал на дыбы, мы не можем по-прежнему бежать трусцой...

- Нет, ты скажи сейчас,- перебил его Шамсир.- Почему ты, такой весь из себя умный, не открыл нам глаза еще два года назад?

- Да не приставай ты!.. Как-то в старые времена уговаривали одного принять ислам. "Даст Аллах, посмотрю", отвечал тот. "Да Аллах давно дает тебе такую возможность, и только Дьявол тебя удерживает!"- говорят ему. А тот гнет свое: "Я на стороне сильнейшего". А мы с вами, очевидно, посчитали сильнейшим Дьявола. В то время действительно, не было ясно, кто победит.

- То-то оно!- сказал Шамсир с видом победителя.- Легко быть умным задним числом. Мы были как зерна, между жерновов. И мы старались предпринять все, чтобы не превратиться в пищу для чьего-то желудка. В какой-то мере нам удалось это сделать. А так, то история не сможет нас ни обвинить, ни опозорить.

- И все же лучше бороться на родине,- сказал Рамзи.- Древние не зря говорили: пастуха, бросившего стадо, волк оставит без мяса; мужчину, бросившего родину, чужбина оставит без потомства.

- Опять двадцать пять!- возмутился Янгураз.- Как будто мы по своей воле оставили родину. А что касается немецкого плена, скажу не колеблясь: мы выбрали единственно правильный в этих условиях путь. Однако, верно говорят - как седина вбирает в себя молодость, так судьба вбирает в себя жизнь. И все же не надо слишком отчаиваться, до конца еще не ясно, как повернется наша

судьба. Сказал же один мудрец, судьба - это котел с событиями, но о событиях узнаешь лишь тогда, когда приподнимут крышку котла.

Рамзи посмотрел на часы:

- Может, послушаем последние новости? Самое время.

Радио включили на малый звук. Все сидящие в комнате не были равнодушны к сообщениям "Би-би-си". Наконец поймали нужную волну и сквозь глушилки зазвучал голос диктора. Всегда бдительный Янгураз шикнул на Рамзи:

- Т-сс! Потише!

- Проклятый доктор не дает слушать!

Но вот стал различим голос русской редакции "Би-би-си". Как и ожидалось, первыми шли вести о ходе Ялтинской конференции.

"В Крыму успешно продолжается встреча лидеров трех великих держав. Стороны договорились полностью разгромить германский милитаризм и нацизм... Националистическая партия Гитлера, все ее организации должны быть распущены, а ее законы - анулированы. Предполагается полностью покончить с фашистским влиянием на общественную жизнь, культуру и экономику. Германия будет оккупирована и поделена на американскую, английскую и советскую зоны..."

Перейдя к событиям на фронте, диктор сообщил об успешном развитии наступления союзных войск, начатого восьмого февраля, о переносе военных действий на германскую территорию:

"По причине уничтожения нашими самолетами германских авиасооружений, ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2 теперь не могут подняться в воздух. Реактивные самолеты, на которые Геринг возлагал большие надежды, новые подлодки с электродвигателем, на которые возлагал не меньшие надежды гросс-адмирал Дениц, не могут участвовать в боевых операциях из-за нехватки топлива - аэродромы и порты, где сосредоточены самолеты и подлодки, подвергаются беспрестанным бомбежкам нашей авиацией и уничтожаются. Союзные войска уже приближаются к Рейну. После занятия советскими войсками Верхней Силезии, Румынии, Венгрии Германия вынуждена каменный уголь производить - в пять раз, сталь - в шесть раз

меньше, чем в прошлом году. Рур в развалинах. Немецкие танковые дивизии из-за нехватки топлива стоят. Советские войска сейчас находятся в семидесяти километрах от Берлина, на днях они перейдут в новое наступление..."

- В семидесяти километрах! Уму не постижимо! Ведь советские танки могут достичь Берлина через два-три часа!- взволнованно сказал Рамзи.- А тут некоторые все еще делают передачи по Берлинскому радио, выпускают журналы и газеты, славя фатерланд. Мы ведь уже в жерле вулкана!

- Ты забыл сказать: да еще пишут опасные стихи!- усмехнулся Шамсир.- Ну, а теперь послушаем Берлин.

Берлинское радио, как всегда, повторяло речь Геббельса.

"Фюрер заявил, что уже в этом году в нашей жизни пройзойдут резкие перемены. Сила нашего вождя в том, что он заранее предвидит перемены и глубоко верит, что они осуществятся. Фюрер знает вплоть до часа начало решающих для нас перемен. Судьба посылает нам этого великого человека только для того, чтобы мы стали свидетелями чуда, когда для Германии настанут грандиозные перемены - как внутренние, так и внешние..."

- Все ясно,- сказал Рамзи.- Этого балаболку можно и выключить. Знаете, попугай - очень красивая птица, и хвост у него шикарный, вот только головка крошечная.

- Понимаю, что ты хочешь сказать,- отозвался Шамсир.- Я доктора Геббельса не только видел, но и не раз беседовал с ним. Я бы не сказал, что у него маленькая голова. Туловище - да, неказистое, и ростом он невелик. Геб-бельса нельзя назвать и глупым. Дурак не написал бы столько романов и пьес. Но беда в том, что этот человек фанатично предан фюреру.

- Фанатизм, кажется, не от большого ума?

Желая как-то остудить Рамзи, Янгураз предложил:

- Друзья, может, попросим Шамсира прочитать нам какое-нибудь стихотворение?

- Просим!

Все замолкли. Шамсир откинулся на спинку стула, уставился на желтый абажур под потолком и начал:

- Лес шумит могучий,
Лес шумит дремучий.

Словно затянуло горестною шалью
Мрачное предчувствие беды...

Вдруг он остановился. Потом сказал:

- Не получается что-то, ребята. Давайте-ка выпьем рома, не для показа же его выставили.

Янгураз извинился, что забыл обязанности хозяина, откупорил бутылку и наполнил рюмки. А Шамсир вдруг задумался, замер в своих мыслях, словно путник в клубах пыли от проехавшей машины.

Какие стихи он может читать собравшимся за этим столом? Если бы человека делали поэтом те строки, в которых он пытается выразить сокровенные мысли, переполняющие его сердце чувства! Вот он представляет оставшихся на родине детей, жену, годами не получающую от него вестей, и губы его шепчут: "Из твоих черных, как смородина, глаз текут горячие слезы, сердце ноет, а лицо от горя пожелтело". Потом он начинает скорбеть по сво-ей судьбе: "Я - несчастный сын татарского народа, тер-пелив к трудностям, напевая свои грустные песни, пла-ваю в море горя".

Но разве эти строки уместно читать сейчас здесь? Нельзя, упаси Аллах нагонять тоску на друзей, и так уже хлебнувших горя. Шамсир не мыслитель. Да, он как мог, наставлял легионеров, но никому из них не желал зла. Если он ошибался, его должны были поправить более опытные. Еще тогда...

Поняв, что от него до сих пор ждут стихотворения, Шамсир прогнал мрачные мысли и поднял рюмку:

- Друзья, один мудрец верно сказал, что и великие слова забываются, остаются лишь великие дела. Я, вероятно, не смогу найти для вас таких слов, которые пролились бы бальзамом на вашу душу, окрылили бы вас. Мы уже много говорили здесь, даже чересчур. Не будем в обиде друг на друга. Споры рождаются, видимо, от общего желания найти истину, справедливость. Если даже мы не найдем их, не стоит обижаться друг на друга. Раз птица счастья не бросила нам хотя бы перышко, бесполезно сетовать на судьбу. Однако не забывайте, что у татарина есть одно прекрасное качество - умение в любых обстоятельствах, даже самых тяжелых, сохранить работоспособность, любовь к ремеслам, к созидательному труду. Эти качества все равно спасут нас. Не под-

даваться, друзья! Не унывать! Вот за это я и предлагаю выпить!

После этого разговор стал более приземленным. Когда девушки стали прибирать со стола, Шамсир отвел Янгураза к окну, снова закурил и сказал:

- Людей, с которыми общаемся, можно разделить на три группы. Первые - как болезнь, они никогда не бывают нужны. Вторые - как лекарство, иногда в них появляется потребность. Третьи - как пища, без них жить нельзя. Я бы не стал, Янгураз, включать тебя в первые две группы.

- Спасибо, Шамсир абы.

- Скоро, очень скоро нам нужно будет вместе решать свою судьбу. Татарские радиопередачи почти прекратились.

- Но не надо чересчур поддаваться влиянию "Би-би-си", возможно, они нарочно сгущают краски.

- За себя я особо не волнуюсь,- ответил Шамсир. - Я же рассказывал тебе, как выбирался из Варшавы. Если будем действовать сообща, возможно, удастся спасти побольше наших друзей.

- Комитет еще будет работать, его переведут немного западнее от Берлина, где нет бомбежек. Я уже завтра по типографским делам поеду а Потсдам. Весь февраль буду там.

- Значит, скоро Татарише лейтштилле переместится на запад?

- Да. Хотя Берлин постепенно превращается в руины, в глубине души я все еще не хочу верить в поражение Германии. Конечно, я далек от того, чтобы верить в чудо-оружие фюрера.

- А что говорят твои начальники?

- Как я понял, они надеются, что англо-американцы умерят свой натиск, из страха распространения по Европе большевистской чумы. Может, будет достигнуто какое-нибудь перемирие и война закончится.

- Немцы спасутся, а что делать нам, легионерам? Если после Ялтинской конференции потребуют репатриации военнопленных?

- Фон Менде советует нам в случае опасности выдавать себя за турков и проситься в Турцию, вернее, требовать отправки в Турцию. Но это пока секрет.

- Понимаю.

- Мы уже посоветовали в отделениях легиона подготовить необходимые указания. Самое главное - не растеряться, быть готовым к любой ситуации.

Шамсир глубоко затянулся папиросным дымом и бросил окурок в пепельницу. Потом разлил по рюмкам остаток рома и протянул одну Янгуразу.

- Будем здоровы. Нам придется перепрыгивать не через одну пропасть.

Шамсир осушил рюмку. Янгураз лишь пригубил.

К ним подошел Рамзи и, чувствуя, о чем идет разговор, сказал:

- Я пока здесь остаюсь, не знаю, когда переведут в Дрезден. Таня будет работать там, в безопасности. Она - из Западной Украины, дочь состоятельных родителей. У них закопаны деньги - старинные золотые монеты. Как только минует опасность, мы с ней уедем в Туркестан, обоснуемся там.

- Почему именно там?- удивился Шамсир.

- Там мне легче будет найти преподавательскую работу, все-таки родственный народ.

- Тебя уже не отговорить. Смотри сам.

Гостей проводили до метро.

Халима почему-то не спешила спускаться в подземку. Узнав, что Янгураз с Шамсиром скоро уедут на запад Германии, она испытывала чувство душевной тревоги, будто без Янгураза она останется совершенно одна, как Робинзон на необитаемом острове. Берлин, конечно, большой город, даже сейчас в нем много народу. Но когда рядом с тобой нет ни одной родной души, что делать, куда деваться? Ее подруги по заводу уже эвакуировались вместе с предприятием в южную часть страны. Ее хозяева тоже собираются уезжать из Берлина в более безопасное место. Они готовы, правда, оставить ее одну в квартире в качестве охранника. Охранника! Халима не знала, что делать, и хотела посоветоваться с Янгуразом.

Но главная причина почему она не спешила домой, и боялась в этом признаться даже себе - это нежелание расставаться с Янгуразом... А если еще точнее - ее тайная любовь к нему.

Как только Шамсир спустился в метро, Рамзи с Таней развернулись назад, к улице Анклам. Халима с Янгуразом решили немного прогуляться, но так как были легко одеты, очень скоро холод стал донимать их. И только тогда Халима обнаружила, что забыла в гостях свою шерстяную кофту.

- Все вы виноваты,- пожаловалась она Янгуразу.- Беспрестанно болтали да болтали. Совсем заболтали меня, вот и потеряла я голову. Наверное, и от выпивки жарко стало.

- Не беда, пойдем обратно.

Когда они вошли в кватиру, Рамзи с Таней уже заперлись в своей комнате. Янгураз, как гостеприимный хозяин, пошел кипятить чай. Халима с удовольствием согласилась посидеть, погреться чайком наедине с Янгуразом, о чем она давно мечтала! Особенно ей понравилось, что Янгураз снял пиджак и галстук - так он вроде стал ближе. Ей нравились его аккуратность, точные движения, сноровка, с которой он накрывал стол. Не одобряла Халима только его тесные контакты с немцами и то, что он все критикует порядки на родине. Но сейчас они не касались никакой политики. Халима действительно настолько продрогла, что даже не помогала Янгуразу накрывать на стол, а предпочла сидеть у горячей батареи.

- Тебе, думаю, не стоит уезжать из Берлина,- сказал ей Янгураз.- Хозяева тебе доверяют, и очень хорошо. А при бомбежках всегда можно укрыться в убежище.

- Вы все уедете, а мне одной оставаться? От тоски можно умереть!

- Мы - солдаты, и тебе, девушке, с нами будет трудно, да и опасно. Потом мы, может быть, вернемся в Берлин, так что тебе, безусловно, лучше остаться.

Когда кончили пить чай, часы показывали уже полночь, на метро надежды не было.

Халима забеспокоилась, но Янгураз не придал этому значения. Он засомневался - на самом ли деле она забыла кофту или оставила ее специально... В самом деле, не может же девушка сама напроситься на ночлег. Янгураз давно чувствовал, что Халима не равнодушна к нему, но сам не хотел сближаться с ней, потому что не мог принять ее комсомольских взглядов. В последнее время, правда, она немного освободилась от большевист-

ской идеологии, но теперь Янгураз был занят собственной судьбой и ему даже в голову не приходило хоть как-то обнадежить девушку. Халима - не такая зрелая женщина, как фрау Софи, а чистая, непорочная девушка, тем более соплеменница, достойная дружбы и уважения. Грех вступать с ней в интимные отношения!

Все произошло из-за этой самой вечеринки. В комнате кроме единственной кровати из карельской березы, не было больше места. Словом, пришлось им поделить постель. Янгураз был осторожен, сдержан, но в конце концов он же не из карельской березы! Обнял, поцеловал девушку. Может быть, дело этим и ограничилось бы. Но Халима жаждала ласки, она не ждала от любимого ни клятвенных заверений, ни признаний в любви. Она желала только его объятий, его ласк. Все произошло само собой. Чем становиться чьей-то жертвой в этой страшной кровавой карусели, Халима сочла за счастье отдаться любимому человеку. И будь что будет. Остальное - в руках Аллаха и на совести возлюбленного.

22

В конце февраля часть Татарского комитета и Бюро по связям с татарами, а также большую группу сотрудников, связанных с ними организаций перевели в городок Беверунген, что в двухстах пятидесяти километрах к юго-западу от Берлина. Здесь, где еще не было бомбежек, началась новая жизнь этих организаций. Несмотря на все прибывающих из северных и западных областей страны беженцев, здесь пока сохранялась спокойная обстановка и неизменный порядок. Действовали церкви, работали кинотеатры, рестораны, магазины, в гостиницах было полно народу. Хотя у некоторых наблюдалось подавленное состояние, Янгураз с Шамсиром до последнего продолжали работать, чтобы как-то поддержать свой дух. Шамсир пытался собрать воедино разбросанные части легиона в одном месте, чтобы перебросить их на юг Германии. Янгураз как мог помогал ему. Вместе с тем в условиях разлада работы и уменьшения числа сотрудников Восточного министерства, он

старался собрать материалы для очереднего номера журнала, одновременно сдать экзамены за второй курс университета. Успев сдать некоторые экзамены досрочно, он своим упорством и способностями вызвал удивление даже у преподавателей.

В середине марта в его гостиничном номере появился Рамзи. После той вечеренки его Таня уехала в Дрезден.. Однако уже через два дня пришла страшная весть: союзная авиация разбомбила Дрезден, где к тому времени скопилось немало эвакуированных оборонных предприятий. Город с прекрасной архитектурой практически сравняли с землей. В числе многочисленных жертв оказалась и Таня. Для Рамзи это был страшный удар. Он сник, ушел в себя, стал мрачнее тучи. Увидев Янгураза как всегда обложенного рукописями и бумагами, он покачал головой:

- Все еще ерундой занимаешься? И как у тебя башка соображает? Как твой ум воспринимает всю эту канитель? На что ты надеешься, для чего стараешься?

Янгураз спокойно усмехнулся и предложил гостю стул, спросил:

- Рамзи абы, ты не забыл еще стихи Тукая?

- Содержание некоторых помню, но наизусть не знаю.

- Тогда я прочитаю тебе всего две строчки.

"На свете каждый нытик не умрет,
Не каждый заблудившийся исчезнет."

Бери пример с поэта. Не считай себя безнадежно заблудшим.

- Но мы не только заблудились. Мы погрязли в дерьме. Сейчас надо думать только о том, как отсюда выбраться.

- Знаешь, Рамзи абы, я не считаю себя ни заблудшим, ни погрязшим.

- Откуда у тебя такое упрямство, когда советские танки уже ломятся в Берлин?- вскипел гость.- Над головой у нас сгущаются тучи, под ногами разверзлась земля, а ты...

Янгураз снова ответил ему стихами Тукая:

- "Если тяжко, терпи, не показывай, что силы ушли,
Чего не случается с молодым джигитом!"

Рамзи рассердился, вскочил со стула и теребя усы начал ходить по комнате туда и обратно. Весь его вид и

даже волосы, подстриженые ежиком, говорили о его душевном смятении, беспомощности. Он посмотрел на Янгураза как на умалишенного и сказал в сердцах:

- Да кончай ты языком трепать, упражняться в словоблудии. Знаешь, здесь не Берлин, наши парни изменились на глазах, носятся с какими-то идеями, планами. Даже те, кто в Берлине были ультранационалистами, здесь собираются отказаться от прежних своих взглядов, ждут прихода советов.

Рамзи посмотрел в окно, закрыл форточку и перешел на шепот:

- Знаешь, есть такие, кто готов вас с Шамсиром схватить, чтобы передать советским властям. Я хотел сказать об этом и Шамсиру.

- Ну, так скажи!

Янгураз и сам чувствовал, что среди легионеров началось брожение, вызванное близким концом Германии. Поэтому он спокойно отнесся к словам Рамзи, не стал спрашивать имен заговорщиков - сейчас их, должно быть, так много, что бесполезно спрашивать. Янгураз желал одного - чтобы гость как можно скорее ушел, не мешал работать.

- Может, и тебе пора меняться?

- Рамзи абы, я продолжу начатый путь и мне ни к чему меняться. Я никогда не дамся советам живым. Останусь на Западе.

- Тебе не жалко родителей? Думаешь, что не будешь тосковать по родине?

- Жалко. Думаю, буду.

- Тогда давай вместе думать, как снять с себя вину, избежать наказания!

- Если бы существовало независимое Татарское государство, я не колеблясь принял бы любой режим этого государства, лишь бы он обеспечивал единство, независимость и безопасность моего народа. В таком случае я без сомнения вернулся бы на родину. Но, подчиняясь режиму своего государства, я бы оставил за собой право свободно мыслить. Я бы не противился, если бы меня судил мой народ по законам моего государства. Но такого не будет. Сегодняшний Татарстан - это марионеточная республика Сталина, почти ничем не отличающаяся, скажем, от обычной российской области. А я не

желаю над собой суда Москвы, законы которого по сути беззаконны. И потом... Как ты хочешь избежать наказания? Ну, ответь мне!

Рамзи вдруг как-то странно оживился, сел ближе к Янгуразу, привычным жестом хотел пригладить волосы, но вспомнив, что подстрижен, невольно сунул руки в карманы. Потом не отрывая от собеседника своих глаз, начал говорить:

- Теперь мы знаем, что симаевская группа, начав подпольную борьбу против фашистов, поступила неразумно. Симаевцы практически сами отдались в руки палачей. Споткнувшись на виду у всех, они раньше времени погибли. А сейчас самое подходящее время для создания подпольной организации. Мы, несколько единомышленников, уже приступили к этой работе. Если и ты к нам присоединишься...

Янгураз перебил гостя:

- Какая еще к черту организация? Какая борьба? Вы же ни на что не способны, кроме как связать нас с Шамсиром и сдать советам. Но разве для этого нужна организация? Ох, бедолага ты! Вы там все с ума посходили?

- Не кипятись,- несколько растерянно сказал Рамзи.- Разве я могу причинить тебе какой-нибудь вред? Как можно иметь зуб против того, от кого ничего, кроме добра, не видел? Я только хотел помочь тебе...

- Рамзи эфенди, ни ты, ни тебе подобные помочь мне не смогут. Мы все находимся в одинаковом положении, вот только дальше пути наши могут разойтись. Ты мечтаешь попасть на родину и вымолить прощение. А я хочу избежать лап НКВД, остаться на Западе и продолжить борьбу за свободу нашего народа, быть готовым к любым жертвам!

- Сгоришь в аду!

- А ты? Эх, Рамзи абы, не представляешь ты, к сожалению, что ждет человека в России, служившего Германии. Хочешь спасти свою шкуру, лепеча энкэвэдэшникам что-то вроде: "Я ничего плохого не делал. В плену находился, сидел тихо-мирно, политикой не занимался." И думаешь, в НКВД поверят твоему лепету? Не будь наивным ребенком! Этим церберам будет вполне достаточно

и того факта, что ты работал в Германии. Большей вины и не надо!

Рамзи помолчал, потом встал и сказал:

- И все же подумай над моим предложением. Я же приходил с добрыми намерениями. Янгураз тоже встал, чтобы проводить гостя.

- Бесполезно доказывать фанатикам, что они заблуждаются,- сказал он.- Потому что они сами хотят заблуждаться. Я вас не выдам, но впредь с такими предложениями ко мне не заявляйтесь.

- Не будешь ли раскаиваться потом?

- Никогда. Я вот тебе удивляюсь. Все твердил: " Ни политикой, ни военными делами не интересуюсь". А теперь собираешься не просто участвовать, но быть в центре политического заговора. Где логика?

- А ты дерзкий,- сказал Рамзи уже на пороге.- А логика такова: обстоятельства изменились. В то время занятие политикой в Татарском комитете означало бы стремление сделать карьеру. Вы с Шамсиром с такой целью и встали на этот путь. В случае победы Германии вы, конечно, стали бы как минимум министрами в задуманном государстве Идель-Урал. Вы и готовились к этому. А теперь обстоятельства коренным образом изменились.

Янгураз промолчал, понимая, что в словах Рамзи есть и доля правды. Внешне он оставался спокойным, но визит Рамзи выбил его из колеи. Янгураз долго сидел за столом, безуспешно пытаясь сосредоточиться над учебниками. Да, они ошиблись, делая ставку на немецкое оружие, но они ничуть не ошиблись, встав на путь национально-освободительной борьбы. У татар есть право на создание своего государства, и если Россия отняла это право, разве не могут они начать национально-освободительную борьбу и для достижения своих целей объединиться с могучим союзником? Жаль, что союзник этот оказался недостаточно сильным, но это - уже судьба, от нее никуда не денешься. Раз у татар не хватает собственных сил избавиться от ига, значит, и в будущем они должны опираться на помощь извне. Чтобы эту помощь найти, нужно прежде всего рассказать всему миру о татарском вопросе, найти сторонников и единомышленников. Это наш священный долг, требующий от

нас тяжелого и долгого труда. Этот долг невозможно выполнить у себя на родине, где ты будешь находиться во власти вечных душителей свободы твоего народа. Компартия и НКВД, не жалевшие миллионы людей для достижения своих целей, прихлопнут тебя как назойливого комара. Чего стоит один только 1937 год, унесший жизни тысяч и тысяч лучших сыновей и дочерей татарского народа! Гибель носителей национальной идеи должна была, по мнению большевиков, превратить татар в толпу послушных манкуртов, лишенных идеала. Хорошо еще, что горсточке интеллигентов удалось скрыться за границей, чтобы оттуда неустанно разоблачать злодеяния большевиков и рассказывать о трагической участи угнетенного татарского народа. Теперь это поколение эмигрантов постарело, им нужна энергия молодых, которые смогли бы принять у них эстафету национально-освободительной борьбы.

Для карьеры? Да, в татарском комитете были и карьеристы. Может, и Янгураз не всегда был идеален. Но в целом их движение не было таким, каким описал его Рамзи. Борьба не приносит быстрой победы, прежде, чем добьешься успеха, ты должен пройти через множество препятствий, проявить недюжинную силу воли, решительность, отвагу. Особенно это касается национально-освободительного движения. А если ты хочешь жить для себя, быть свободным, как песчинка на ветру, тогда найдешь тысячи причин чтобы отказаться от борьбы и проживешь трутнем лет семьдесят-восемьдесят, и даже больше. Но разве это жизнь? Прислуживать чужим и отворачиваться от проблем своего народа? Нет, такая жизнь Янгуразу не нужна ни за какие блага! Ни за какое золото! Он не согласен жить как навозный жук, как "премудрый пескарь". Он - человек! Ему нужна свобода мысли, свобода слова, возможность жить в общении с такими же, как он, людьми!

А карьеру делают и на родине. Стоит только донести на кого-то, предать, подлизаться к начальству - и можно подняться хоть до министра! Однако у такого человека нет ничего своего - ни своего слова, ни мнения, всю жизнь поет он чужую песню. Разве это не то же самое, что погрязнуть в дерьме? Нет уж, господин Рамзи, такая судьба ненужна Янгуразу. У Тютчева есть строки:

"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить."

Можно понять царского приспешника, желавшего поднять престиж своего народа, но его слова не соответствуют действительности и могут вызвать разве что улыбку. Это ни что иное, как идеализация народа, утопия.

Немцы тоже любят себя идеализировать. Но они хоть свое слово подкрепляют делом. Немцы - народ трудолюбивый, практичный. После Первой Мировой войны казалось, что для возрождения разбитой Германии понадобится как минимум сто лет. Громадные контрибуции совсем разорили страну. Но Германия поднялась буквально за несколько лет, и не просто поднялась, а стала еще более мощной державой, чем была. Да, немцы - сильное и стойкое племя, может, поэтому они держатся слегка высокомерно с другими народами. А как они любят порядок! Считают, что Бог создал их для наведения порядка во всем мире.

Значит, немцы вскоре снова станут на ноги и удивят мир своей мощью, как удивили после Первой Мировой войны. Немцы не ждут манны небесной и не витают в облаках. Они трудятся как пчелы. Народ, имеющий с немцами тесные связи, рано или поздно от этого только выиграет.

Выйдя из своего номера, Янгураз в коридоре наткнулся на Шамсира. Он не изменял своим вкусам - нес в сетке несколько бутылок пива, чем вызвал улыбку у Янгураза. Они зашли в номер, сели за стол. Янгураз рассказал о Рамзи.

- И ты, конечно, как всегда спокойно слушал этого идиота?- разволновался Шамсир.- Не послал его подальше?

- Каждый решает свою судьбу по-своему.

- Но разве теперь он не собирается вмешиваться в нашу судьбу? Ты хоть узнал, кто точит на нас зубы?

- Нет.

- Смотри, будет поздно, когда попадешься в сети.

- Я готов встретить их с оружием в руках.

- Этого мало. Они своими советско-большевистскими замашками могут расстравить других легионеров. Ты еще долго собираешься сидеть в Беверунге?

- А что?

- Скоро я поеду в Берлин. Сюда могу и не вернуться. Немцам сейчас не до нас. Каждый заботится о себе сам. Я уже предупредил некоторых надежных людей.

- Верно, фон Менде тоже собирается бежать на юг страны. Советовал и наш актив перевести туда.

Они попили чай и обсудили планы на будущее.

- В начале апреля я тоже поеду в Берлин,- сказал Янгураз.- Надо зайти в Министерство, университет. Я почти все экзамены за второй курс сдал досрочно.

- Да, ты не терял здесь времени зря.

- Я постараюсь найти тебя в Берлине. Сообщишь фрау Берне свой адрес.

- У тебя хоть кто-то есть, кто принимает тебя как родного сына. Эти немцы, кажется, видят в тебе зятя.

Янгураз, разбирая на столе свои бумаги, сделал вид, что не слышит. Шамсир заметил:

- Ты пока оставь эти бумаги. Скоро тебе понадобятся совсем другие знания и другие навыки.

Перед отъездом из Беверунга Янгураз еще раз поговорил с Рамзи. На этот раз доцент не уговаривал его вступать в их организацию.

- Браток,- сказал он,- давай договоримся, если кому-то из нас удастся вернуться на родину, дать весточку родным.

- Я тебе уже сказал о своих планах,- ответил Янгураз.- Интересно, в какую тюрьму или в какой лагерь тебя там упекут?

- Не шути так...

- Я не шучу, а беспокоюсь о твоей дальнейшей судьбе. Может, сам или кто-нибудь из товарищей дадите мне знать? Скажем, пошлете мне весточку в Баварию на ферму, где работал Ишкай?

- Какую весточку?

- Чтобы я знал, лес ты рубишь или, скажем, уголь добываешь. И на сколько лет осужден?

На глазах Рамзи выступили слезы. Он молча пожал Янгуразу руку и пошел восвояси.

Было начало апреля. Природа пробуждалась ото сна, в воздухе пахло весной. Народ весь высыпал на улицы. Но в этом оживлении не чувствовалось радости. Все озабоченные и серьезные с чемоданами и баулами в руках спешили куда-то. Янгураз попросил у хозяина гостиницы железный ящик, сложил туда важные на его взгляд бумаги и с наступлением темноты закопал его в саду, запомнив место. Оставшиеся вещи сложил в чемодан и взял с собой.

На станцию Янгураз отправился под вечер. До отправления Берлинского поезда оставалось еще десять-пятнадцать минут. Возле вокзала он неожиданно встретил старого знакомого Самата. Того самого легионера-минометчика. При тусклом свете привокзальных фонарей было видно его вечно хмурое, злое лицо. Самат вышел навстречу Янгуразу, будто специально подожидал его.

- Акулы хотят исчезнуть?- спросил он.- В Берлин?

Янгураз не собирался отвечать. Но вдруг вспомнил предостережение Рамзи, и попробовал свести разго-вор к шутке:

- А мелкая рыбешка остается в Беверунге?

- Ты тоже должен оставаться здесь, смотри у меня! Я пришел за тобой.

Шутит или всерьез говорит? Янгураз взял чемодан в левую руку, при этом правой незаметно нащупал оружие - пистолет был на месте.

Вокруг не было ни души. Выходит, знали, что он уезжает и за ним следили. Интересно, один пришел этот олух или с дружками? Рядовые легионеры в тылу оружия не имели, но кто знает...

Времени на раздумья не оставалось, и Янгураз протянул Самату свой чемодан.

- Ну, что ж, ладно. На, подержи.

То ли от того, что рядом послышались голоса, то ли Самат подумал, что без багажа Янгураз никуда не денется, но чемодан взял. Этого мгновения Янгуразу было достаточно, чтобы выхватить пистолет.

- А сейчас, овца паршивая, если хочешь жить, марш на платформу!

Увидев в его руках пистолет, Самат побледнел, растерялся.

- Ты что, земляк, я же пошутил. Езжай куда хочешь, ради Аллаха.

И тут прогремел выстрел. Стреляли откуда-то сзади. Пуля насквозь пробила левое плечо Янгуразу. Он мигом обернулся, но в темноте не смог увидеть стрелявшего, тем более мешали деревья. Самат швырнул чемодан в сторону и бросился бежать. Янгураз не должен был упускать его. Первым же выстрелом попал Самату в ногу. Бедолага упал. К месту происшествия прибежал патруль.

- Стреляли со стороны сада, - крикнул им Янгураз.- А в другого я выстрелил, вон лежит.

Один из патрульных побежал в сад, остальные отнесли Самата в комендатуру. Обоим оказали медицинскую помощь.

На расследование происшествия ушло немало времени. Янгураз отстал от своего поезда. Стрелявшего схватить не удалось - он скрылся в темноте. Самат упорно отрицал свою вину, пытаясь выставить себя жертвой клеветы. Оперативное расследование в условиях войны было проведено по-немецки - быстро и четко. Янгуразу разрешили продолжить путь. Самата тоже отпустили. Янгураз, двольный благополучным исходом происшествия, не требовал наказания..

Для раскрытия преступления надо было бы назвать и Рамзи Сабанчи, но Янгураз не сделал этого. Он не отрицал до конца возможности участия Рамзи в нападении, затруднялся утверждать и обратное.

В Берлин он приехал вечером. Вайзеры встретили его как родного сына, обеспокоились по поводу ранения. Янгуразу не хотелось рассказывать правду, и он сослался на один из фронтовых боев.

- Вы, наверное, теперь навсегда у нас останетесь?- с надеждой в голосе спросила фрау Берна.

- Нельзя. Пока это невозможно.

- Как же? Вы ранены, должны лечиться, да и война идет к концу.

- Неизвестно, в чьих руках окажется Берлин. А я не могу рассчитывать на милосердие большевиков.

- Понимаю,- кивнул герр Вайзер.

- Но вы можете взять фамилию Вайзер. Ведь не секрет, что Рина относится к вам с симпатией. Поженитесь.

Немецкий у вас теперь превосходен. Никто не заподозрит в вас татарина.

Янгураз был тронут такой заботой. Лицо его просияло. Он от всего сердца поблагодарил хозяев и спросил:

- Рина еще не вернулась?

- О-о, нет, на днях и Эва уедет в деревню, чтобы дождаться конца войны.

- Вот видите, как меняются события,- сказал Янгураз. - Я тоже, как все утихнет, вернусь в Берлин. Ведь вы стали для меня такими близким, дорогими людьми!

- А мы думали, что вы насовсем вернулись,- погрустнела фрау Берна.- Ах, майн Гот, эта война кажется бесконечной!

- Может, наш квартирант кофе попьет?- заметил герр Вайзер.

- О, да,- всполошилась фрау Берна.- Сейчас приготовлю!

Янгуразу пришлось поужинать вместе с хозяевами. Спросил у них и о Шамсире.

- Неделю назад он говорил, что скоро уедет из Берлина,- сообщила фрау Берна.- Обещал позвонить, но до сих пор не слышно.

Потом Янгураз зашел в свою комнату, сложил в чемодан все, что нельзя было брать с собой, и отнес его вниз, в убежище. Попросил хозяев сохранить чемодан до его возвращения.

Фрау Берна только обрадовалась этой просьбе - значит их постоялец действительно хочет вернуться.

- Не только вещи, но и квартира будет ждать вас в целости и сохранности. Только бы остаться живым и невредимым. К сожалению, Берлин разрушается на глазах.

- Да, ужасно. Война - это катастрофа.

Утром он первым делом пошел в университет, но не встретил никого, кто ему был нужен. Аудитории были пусты, студенты записались в гитлерюгенд и ушли защищать Берлин, на кафедрах дежурили лишь технические сотрудники пожилого возраста. Они удивились, увидев здорового молодого человека, пришедшего сдавать экзамен в такое неподходящее время.

Граф Штомати, сменивший господина Унгляубе на его посту, тоже собирал чемоданы. Расспросив его о работе,

сотрудниках, Янгураз узнал, что шеф Татарского комитета находится в Равенсбурге.

- А Карагаев должен быть в Карлсбаде или Фуссене.

- А что же делать мне?

- Как можно скорее уехать из Берлина. Сейчас выехать из города трудно, нужно специальное разрешение.

Для сотрудников Министерства удостоверения были уже приготовлены. Граф Штомати заполнил одно из них на имя Янгураза и вручил его вместе с деньгами.

- На два-три месяца этих денег хватит. Встретимся в Баварии.

Когда на станции Ангальтер Банхов Янгураз брал билет до Равенсбурга через Карлсбад, кассирша его предупредила:

- Только много вещей в дорогу не берите, не то в вагон не залезете.

Вернувшись домой Янгураз несколько раз звонил Халиме, но безуспешно. Где она может быть? Не уехала же из Берлина?

. Вечером пошел в магазин попрощаться с фрау Эвой. В перерывах между наплывом покупателей Янгураз рассказал ей о своих делах, сообщил о своем отъезде.

- Жалко что нет Рины в Берлине,- сказала хозяйка.- Она надеятся, что вы приедете к ней в деревню.

- Не получается, фрау Эва. Передайте ей от меня сердечный привет. Сейчас у солдата нет времени на личные дела.

- Да-да, понимаю. Вам действительно нужно быстрее уезжать отсюда, чтобы остаться живым.

- Буду жив - обязательно найду вас.

- Данке шен. Подождите, я вам дам немного продуктов. Время трудное, мало ли что в дороге может случиться.

Когда Янгураз попрощался и вышел из магазина, то не выдержал и обернулся. Фрау Эва все еще стояла у окна и махала ему рукой. Сердце Янгураза сжалось от тоски, на глаза навернулись слезы. Ему казалось, что он навсегда прощается с этой удивительной женщиной, ставшей для него такой родной. Впрочем, как и он для нее. Дай нам силы, Всевышний!

Дома он начал перекладывать продукты из пакета в чемодан. Фрау Эва щедро одарила его на прощание! В

пакете было с десяток вареных яиц, колбаса, десять бутербродов с маслом, несколько пачек сигарет, бутылка вина, несколько мясных и рыбных консервов. Янгураз своей радотью поделился с фрау Берной:

- Как она добра! Ведь я ей не родственник и не друг семьи. Вы уж, пожалуйста, передайте фрау Эве от моего имени огромное спасибо.

- Зер гут!- сказала хозяйка. - Эва - добрейшая душа. Она все может. Я очень рада.

- Мне даже неудобно стало.

- Не беспокойтесь. Вайзеры искренне желают вам доб-ра, только и всего.

Чемодан оказался по размерам больше, чем надо. С таким в вагон вряд ли протиснешься. Янгураз уже хотел идти в магазин, чтобы купить чемодан поменьше, как вошли фрау Берна и фрау Эва.

- Собираетесь?

- Да.

- Я принесла вам продовольственные карточки на месяц. Кто знает, может там, куда вы едете, не удастся сразу получить карточки,- сказала фрау Эва.

- Спасибо огромное, я и так ваш большой должник.

- Не беспокойтесь об этом. Может, еще чего надо?

- Да нет... Вот только в магазин схожу, куплю чемодан поменьше.

- Возьмите наш, у нас много чемоданов,- предложила фрау Эва и, видя, что Янгураз никак не решится, вышла и через несколько минут принесла небольшой новенький кожаный чемодан светлокоричневого цвета. Как раз такой, какой нужен был Янгуразу! Он не хотел принимать такую дорогую вещь. Видя нерешительность молодого человека, обе фрау чуть ли не в один голос спросили:

- Может вам не нравится?

- Лучше бы какой-нибудь похуже, попроще...

Женщины рассмеялись, пожелали ему счастливого пути и удалились.

Янгураз взял лишь самое необходимое: один костюм, по паре брюк и рубашек, пару ботинок и провизию. Пока он готовился к отъезду наступила полночь. Воздушной тревоги не было, и все же Янгураз не мог спать спокойно. В последнюю берлинскую ночь ему снились роди-

тели, родственники, ставни родного дома в деревне. При виде до боли знакомых лиц он просыпался, потом долго ворочался. Наконец, встав раньше времени, включил радио.

Берлинское радио снова злорадствовало по поводу кончины "главного еврея" и смертельнего врага Германии - президента США Рузвельта. "Би-би-си" сообщало, что Вена оккупирована советскими войсками, что союзные армии разворачивают наступление в Северной Германии, на юге идут успешные бои в направлении Дрездена и Нюрнберга...

Янгураз вздрогнул, будто его ужалила оса, и лихорадочно дрожа достал из кармана карту Германии. Надо спешить! Уезжать, пока не поздно! Он может остаться в берлинском "мешке"! Пока еще Дрезден и Нюрнберг находятся в руках немцев, нужно воспользоваться безопасным коридором и бежать к швейцарской границе. Если жив еще тот старик, которого нашел Ишкай, который может перевести его через границу...

Станция Ангальтер Банхов напоминала растревоженный муравейник. Янгураз поначалу и не верил, что сможет залезть в свой вагон. Благо, в его руке был только один небольшой чемодан. С трудом он протиснулся в вагон. Эх, если бы не рана. Пассажиры, многие из которых не так давно считали за счастье хоть раз побывать в столице, теперь были безумно рады, что покидают ее. "Майн Гот!"- с облегчением вздохнули они, когда поезд тронулся.

На следующий день в Карлсбаде Янгураз сошел с поезда в Карлсбаде, надеясь найти Шамсира, о чем сожалел не раз. Он так и не узнал, где же находится его друг. В штабе Русской Освободительной Армии Власова кроме двух офицеров не было никого - большая часть штаба переехала в город Фуссен. Продолжать путь было сущее наказание. Карлсбадский вокзал напоминал цыганский табор: тысячи беженцев осаждали поезда. Большинство - военные, и все стремились в Мюнхен. А поездов было мало и все переполненные. Неужели Янгуразу суждено остаться здесь и попасть в лапы НКВД? Нет-нет, он должен найти выход!

Янгураз смело зашел к начальнику вокзала, показал свое командировочное удостоверение и попросил:

- Мой господин! Пожалуйста, помогите мне уехать первым же поездом!

Начальник не стал подробно изучать удостоверение, он увидел лишь печать министерства и протянул:

- Министриум... Скоро в нужном вам направлении будет поезд, но он для военных, вам там места не будет. Впрочем, обратитесь к офицеру.

Янгураз нашел этого офицера, предъявил ему удостоверение и повторил свою просьбу. Офицер тоже обратил внимание на штамп министерства и сказал:

- Поезд придет через два часа, тогда и подойдите ко мне.

Слово свое офицер сдержал - втиснул Янгураза в вагон. Там было тесно и душно. Среди военных было немало гражданских лиц, в том числе женщин. Одна из них, молодая дама, сказала офицеру, положившему руку на ее плечо:

- Герр офицер, вы не могли бы для своей руки найти более подходящее место?

- Конечно, мог бы. Но, к сожалению, я на следующей станции выхожу.

Все, кто слышал этот диалог, прыснули со смеху. Офицер-шутник действительно сошел на следующей станции. Солдат, стоявший рядом с Янгуразом, заметил:

- Ох, уж, эти женщины, вечно чем-то недовольны. Одна, например, жалуется подруге: "Ах, голова болит! Сегодня не спала как следует, легла между двумя и тремя". Подруга участливо говорит: "Понимаю, милая, понимаю, между двумя тяжело, тем более, если они молодые и энергичные".

Снова раздался смех. Солдатский юмор немного поднял настроение усталых воинов Рейха, но не надолго. Вскоре поезд остановился посреди голого поля. Оказалось, американские самолеты разбомбили железную дорогу. Пассажирам пришлось до следующей станции идти пешком. Пятнадцать километров! Дошли, сели на другой поезд, а через три-четыре станции ситуация повторилась. Потом еще. Прошел день, ночь, снова день и снова ночь... С великими трудностями добирался Янгураз до юга страны. Как пригодились ему продукты сердобольной фрау Эвы!

На одной из станций кто-то принес в вагон газеты. Они почти целиком были посвящены дате двадцатого апреля - дню рождения фюрера. Поздравительную статью написал, конечно, доктор Геббельс. Он писал также, что жестокие бои продолжаются, что Германия готовится к решающему удару, что победное сражение произойдет возле Берлина. Янгураз исподтишка наблюдал за пассажирами, желая узнать, какое впечатление произведет на них статья Геббельса. Однако никто не спешил высказывать свое мнение. Не зря, видимо, Гитлер среди образованных людей особенно ценил Геббельса. "Единственный оратор, от речи которого я не засыпаю, это - Геббельс!"- говорил фюрер. Видно, Геббельс загипнотизировал не только своего любимого фюрера, но и тысячи, миллионы обывателей, обрушивая на них потоки газетного красноречия.

При каждом удобном случае Янгураз в станционных медпунктах менял повязку на ране. Наконец, через неделю мытарств он достиг Равенсбурга, где намеревался найти Татарский комитет. Город, опоясанный рекой и каскадом прелестных озер, утопал в зелени. Янгуразу, однако, было не до красот природы. Тем более, когда ныла рана. Он горел желанием скорее найти шефа Татарского комитета. Янгураз надеялся, что он поможет перебраться через швейцарскую границу. Ведь шеф был еще и достаточно богатым человеком, кроме того, в Швейцарии у него должны были быть знакомые, которые могли бы помочь пересечь границу. Если удастся попасть в Швейцарию, можно будет рассчитывать на помощь фрау Софи, по крайней мере, хотя бы на первое время. Конечно, перебраться будет очень не просто, потому что именно к швейцарской границе устремились толпы беженцев, спасающихся от смерти.

Но человек, которого искал Янгураз, давно уже находился в Швейцарии.

Согласно древней легенде, волчица - прародительница татар. Может и вправду так? Поскольку именно сейчас Янгураз чувствовал себя волком, которого окружили со всех сторон охотники. Куда податься? С востока прут советы, с запада - англо-американцы. Кольцо сжимается. На севере тоже каждый день идут бои. Единственная надежда - это уголок возле границы маленькой Швейца-

рии. Но это нейтральная страна не спешит с объятиями встречать беженцев из Германии и других стран. Да и возможности у нее ограничены. Что же делать сейчас многочисленным национальным легионам, организованным гитлеровцами? Дома легионеров ждет верная смерть, тюрьма или ссылка.

Измотанный дальней дорогой и вконец отчаявшийся Янгураз решил хотя бы немного передохнуть на ферме у Крюгеров. Он поймал попутную машину, которая высадила его совсем рядом с их домом.

Ада хлопотала по хозяйству. Обернувшись на лай собаки, она увидела гостя и тотчас узнала в нем того красивого господина из Берлина, с которым виделась у Ишкая. Стесняясь своей рабочей одежды, она тем не менее радушно пригласила гостя в дом.

- Вот кто к нам пожаловал! Проходите, прошу вас! Фермеры, как видите, копаются в земле. Когда мамы нет, все заботы ложатся на меня. Вы посидите, я скоро освобожусь, займусь вами.

- Рад видеть вас в хлопотах. Значит, все у вас хорошо, вы живы-здоровы. Может, помочь вам?

- О, нет, спасибо, я сама справлюсь.

Янгураз поставил чемодан на землю и сел на скамейку возле крыльца. Здесь было хорошо. Деревья покрылись нежной зеленью, многие успели зацвести. Янгураз узнал цветы форцисиен, памятные ему еще по лагерю Вустрау. Эти желтые, почти без запаха цветы пробудили в его душе глухую тоску.

Во дворе на веревке висело выстиранное белье, рядом стояли вымытые бидоны. Овчарка, раздраженная приходом незнакомца, все еще надрывалась от лая. Янгураз поднял скамейку и переставил ее на другое место, откуда собака не могла видеть его. Свежий деревенский воздух, аромат фруктовых деревьев, зеленая трава и голубизна неба умиротворяюще действовали на усталого путника. Он задремал, а проснулся от чьего-то прикосновения.

- Извините,- сказал он, увидев Аду,- кажется, я заснул. Прошла неделя, как я покинул Берлин. Дорога была трудной, много пришлось идти пешком.

- Вы искупайтесь, а я приготовлю поесть.

- Спасибо! Не могу отказаться. Боюсь, что вам придется и рану мою перевязать.

- Как это случилось?

- На западном фронте. Теперь уже не страшно, рана понемногу затягивается.

Пока он наслаждался купанием в ванной, Ада вычистила его костюм, приготовила медикаменты. Подождав, когда гость выйдет из ванны, она не торопясь, тщательно обработала и перевязала рану. Когда они сели за стол, вернулась фрау Гунда. Радушно поприветствовав гостя, она присоединилась к трапезе.

За столом разговор зашел о последних событиях в стране, о жестокости врагов Германии. Хотя Крюгеры постоянно слушали радио, им хотелось услышать берлинские и фронтовые новости из уст Янгураза. Конечно же, спросили и об Ишкае...

- На западном фронте с ним случилось несчастье. Бомба разорвалась рядом с санитарной палаткой. Ишкай в это время оказывал помощь раненым.

Для Янгураза было неожиданным, что известие о гибели Ишкая расстроит и мать, и дочь. Фрау Гунда даже вышла из комнаты. Ада от огорчения перестала есть. Потом увидев, что гость от усталости валится с ног, она повела его в комнату, где жил Ишкай. Как только голова Янгураза коснулась подушки, он провалился в сон и проспал до обеда следующего дня. Ада несколько раз входила в комнату, встревоженная чересчур долгим сном гостя, но не будила его. После сна, умывшись и покушав, Янгураз почувствовал себя заново рожденным. Теперь он мог более обстоятельно поговорить с хозяевами.

- И что вы намерены делать дальше?- поинтересовалась фрау Гунда.

- Дела плохи. Хорошо бы уехать из Германии. Но куда? Многие хотят перебраться в Швейцарию, но им, конечно, не позволят этого сделать.

- Вас могут преследовать?

- Несомненно.

- Кто-нибудь знает, что вы здесь?- спросила Ада.

- Никто не знает. Я искал нужных мне людей и в Берлине, и по дороге сюда, но так и не нашел. Всюду столпотворение, дороги забиты отступающими войсками, госслужащими.

Ада выжидательно посмотрела на мать. Видимо, пока он спал, они долго ломали голову, спрашивая себя, зачем же приехал этот господин и что он намерен делать дальше.

Янгураз продолжал:

- Когда государство трещит по швам, каждый человек заботится лишь о себе, о своей безопасности. Трудное пришло время.

Фрау Гунда даже не знала, что сказать этому господину, еще недавно работавшему в министерстве в Берлине. Другое дело Ишкай. С ним все было проще, ведь его к ним определили государственные власти. Вот если бы он вернулся... Хотя в Берлине он изменился - его уже невозможно было представить в роли простого работника. А все же он был для Гунды своим, почти родным. После смерти мужа она была бы рада, если бы Ишкай хоть иногда приезжал к ней в гости. А этот господин такой молодой, аристократичный, и по-немецки говорит не хуже коренного берлинца. Ада с него глаз не сводит. Ох, девочка моя!

После обеда Янгураз осматривал хозяйство Крюгеров. Ада с удовольствием рассказывала и водила его по их обширному владению. На живописной поляне возле горного ручья они решили отдохнуть. И тут Ада решилась:

- А вы не хотите пожить у нас, пока все не утрясется?

- Не хочу доставлять вам неудобства. Да и фрау Гунда не согласится.

- Она не будет против. Знаете, ведь тогда, в Берлине, Ишкай не зря нас познакомил. Он хотел, чтобы мы подружились. Стало быть, в трудную минуту я должна вам помочь.

Янгураза тронула бесхитростность доброй девушки.

- Спасибо! Об этом надо будет хорошенько подумать. Я отлично отдохнул у вас, набрался сил. Нужно еще раз попробовать отыскать друзей, соратников - они должны быть где-то в этих краях. Если у меня ничего не получится и усилия мои окажутся напрасными, я вернусь к вам.

- Приезжайте! Возвращайтесь! Я...- Ей хотелось сказать, что она будет ждать его. Она встала и развела вокруг руками: - Смотрите как у нас красиво! И есть где спрятаться в случае чего.

- Да, очень красиво. И вы с мамой такие славные. А теперь мне нужно отправляться в путь.

- Вечером неудобно. Лучше уходить утром. Тем более, что ваша одежда, которую я выстирала, еще не высохла.

Янгураз согласился с ней и остался на ферме еще на одну ночь. А до этого он помогал Аде управляться со скотиной. Девушке было приятно, что такой господин, да еще раненый, не чурается крестьянской работы.

Утром Крюгеры снабдили его провизией и проводили в дорогу.

- Вашему другу Ишкаю мы уже не сможем помочь,- сказала фрау Гунда.- Но вы... возвращайтесь к нам без колебаний!

- Спасибо! Я никогда не забуду дни, проведенные у вас. Если не смогу приехать, напишу письмо.

В городке Брегенз он неожиданно встретил знакомую женщину-узбечку, работавшую в Туркестанском комитете. Поздоровавшись, он с нетерпением спросил:

- Сестричка, есть ли здесь татары? Не встречали ли кого-нибудь?

- Не встречала. Здесь только профессор Менде и несколько туркестанцев. Они в отеле "Альп". Вы - Янгураз эфенди Утяган?

- Он самый.

- Еще в Берлине вас разыскивала одна татарская девушка. Не встретив никого из ваших, она попросила меня передать вам эту записку.

- Спасибо! Да отблагодарит вас Аллах!

Янгураз сунул в карман сложенный вчетверо листок бумаги и поспешил в отель "Альп". Профессор Менде казался ему теперь ангелом, который проведет его в рай по тонкому, как волосок, мосту Сират. Профессор не бросит его, найдет способ помочь.

Увидев Янгураза, фон Менде удивился:

- Вы приехали сюда один?

- Да.

- А где остальные?

- Некоторые остались в Беверунге. А Карагаев, говорят, отправился сюда, в эти края.

- У вас есть какие-нибудь документы?.

- Паспорт, студенческий билет.

- Ну-ка... У-у, дорогой, здесь везде написано: "Родился в СССР". С такими документами вас запросто могут отправить обратно. Что же мне с вами делать?

- Наверное, нужен какой-то другой документ.

Фон Менде свой номер-люкс временно превратил в кабинет. Не такой, как в Берлине, конечно, но и здесь стояли мягкое кресло, двухтумбовый письменный стол, шкаф с застекленными дверцами. Профессор вынул из ящика стола какой-то бланк со штампом и печатью Берлинского университета. Оставалось только заполнить его и поставить подпись.

- Думаю, лучше записать вас татарином, уроженцем Татарстана, студентом Берлинского университета. Если не будет аббревиатуры "СССР", новые власти, возможно, не станут придираться.

Получив согласие Янгураза, профессор приказал сидевшему в глубине номера человеку заполнить бланк соответствующим образом.

Вскоре справка была готова. Профессор подписал ее и отдал Янгуразу.

- Брегенз могут занять французы,- сказал он.- Вам лучше отправиться в зону, куда приедут американские войска. Скажем, в район Инсбрука.

Янгураз попрощался с профессором и вышел на улицу. Он шел вдоль озера Баден. Брегенз, живописный тихий городок, выглядел безмятежным, где войной даже не пахло. Здесь было много отдыхающих и беженцев. Они заполонили рестораны и даже приресторанные садики. Люди внешне были веселы, сыты, беззаботны. Или только так казалось? О, Аллах, что ты нам еще готовишь?

Янгуразу, конечно, хотелось подольше поговорить с профессором о своей дальнейшей судьбе и о многом другом. И только увидев у дверей толпу таких же, как он, страждущих, он решил быть кратким. И все же с новым документом он чувствовал себя увереннее. Деньги есть, продовольственные карточки в кармане. Почему бы не посидеть в каком-нибудь ресторане?

В садике одного из ресторанов Янгураз увидел знакомого немецкого офицера, который в Берлине по роду своей службы был связан с редакциями газеты "Идель-Урал" и татарских радиопередач. Офицер тоже узнал

Янгураза, но заговаривать с ним не спешил. Янгуразу пришлось самому подойти к нему, поздороваться:

- Кажется, вы знали Шамсира Карагаева?

Офицер встал с места:

- Да, знаю, он мой друг. Я жду его. Вчера он оставался в Фуссене. Мы договорились с ним податься в Египет или Уругвай.

- Значит, он сюда приедет?

- Должен. Если встретите его, скажите, что Курт ждет его в этом отеле.

Но Янгураз посчитал опасным надолго задерживаться в Брегензе. В тот вечер он на поезде отправился в Инсбрук. Шамсир - мужик тертый, из воды сухим вылезет, а раненому Янгуразу нужно было заняться собственной судьбой.

Профессор Менде оказался прав: Инсбрук заняли американские войска. Без всякой стрельбы и боев. Янгураз из своего укрытия в горах наблюдал, как они спокойно, по-хозяйски входят в город. Потом он попробовал найти того старика, знакомого Ишкая, который согласился было быть проводником через швейцарскую границу. Оказалось, что его несколько месяцев назад арестовали немцы.

В Инсбруке для многих война закончилась в первую неделю мая. И только Янгураз ходил неприкаянным, днем прятался в горах, а ночью - в отеле. Впрочем, не он один здесь прятался.

В Инсбруке было много остарбайтеров русских и украинцев. Они готовились к возвращению домой и ждали прихода советских офицеров.

Скоро их на американских грузовиках стали отправлять в Польшу. Покончив с этим делом, начали регистрировать рабочих и всех лиц нероссийского происхождения. Всем таким лицам было приказано явиться в городскую комендатуру.

С замирающим от страха сердцем Янгураз пошел в управление комендатуры и зарегистрировался как "турецкий студент". Увидев, что регистрация прошла гладко, он успокоился и через два дня снова пошел, чтобы попросить работу. Секретарь объяснил, что это не в его компетенции и посоветовал обратиться к самому коменданту.

Янгураза принял плотно сбитый розовощекий американский капитан.

- На каком языке можете говорить?

- На турецком, немецком, немного на русском.

- Ладно, будем говорить по-немецки... Какая у вас просьба?

- Мне бы работу какую-нибудь.

Капитан оглядел Янгураза и вдруг рассмеялся. Веселый, значит, вот только Янгуразу совсем не понравился его смех. Что смешного в его просьбе? Мышке - смерть, кошке - веселье.

- Паспорт или какое-нибудь удостоверение есть?

Янгураз протянул ему университетскую справку.

- А паспорт?

- В отеле остался.

Капитан внимательно прочитал справку и улыбнулся.

- Так. Значит, вы - татарин. То есть из России. А почему выдаете себя за турка?

"Попался!" - екнуло сердце у Янгураза. Он побледнел, на его широком лбу резко обозначились морщины. Эх, ему ведь сразу не понравился этот комендант! Все, это конец. Что же... Собравшись с духом, он ответил, с трудом ворочая враз пересохшим языком:

- Так нужно было. Не хочу возвращаться в Россию. Там слишком хорошо. Рай. Даже солнца два. Одно - природное. Другое - Сталин. От двух светил мне слишком жарко будет.

Комендант внимательно слушавший "турка", вдруг сно-а рассмеялся. Нет, захохотал, как сумашедший. Потом встал и подошел к нему:

- Я - американский немец. До войны, получив высшее образование, занимался изучением Советского Союза. Отлично знаю проблему национальных отношений в СССР. Хорошо знаком и с профессором Менде, чья подпись стоит на вашей справке. Верю, что вы студент, однако нужно выяснить, чем вы занимались во время войны, где работали.

"Или пан, или пропал!"- подумал Янгураз и рассказал всю правду. Слушая его, капитан ходил по кабинету из угла в угол, а потом сказал:

- Я так и думал. Как увидел подпись профессора Менде, сразу предположил, что вы - осколочек этих национальных легионов, сформированных гитлеровцами.

Янгураз стоял прикусив тонкие губы, и смотрел на капитана так, словно выслушивал судебный приговор.

- Не бойтесь, я понимаю ваше состояние,- продолжал комендант.- Мне известно о борьбе вашего народа, о вашей работе в Берлине, о вашем движении. Я и раньше интересовался подобными вопросами. Если вы подробнее, шире расскажете о вашей деятельности в Берлине, вопрос ваш, пожалуй, решится.

Он позвал секретаря и приказал:

- Выпишите этому господину справку, удостоверяющую, что он турок и работает в комендатуре.

Когда секретарь вышел, он снова обратился к Янгуразу:

- Пока для вас работы нет. Не разнорабочим же определять. Питаться есть на что?

В жилы Янгураза снова потекло тепло.

- Пока есть, но было бы хорошо, если найдется работа. И потом... Сюда приезжают советские офицеры, чтобы собирать своих сограждан и отправлять их на родину. И вы обязаны им помогать. Могу ли я быть уверенным, что меня не тронут?

Капитан улыбнулся:

- Не беспокойтесь, пока я здесь, никто вас не тронет. Я предупрежу военную полицию.

У Янгураза словно гора с плеч свалилась. Он снова почувствовал себя человеком. Капитан, вручив ему справку, написанную на английском языке, напомнил:

- Итак, вы будете приходить ко мне. Там и о работе поговорим. О'кей?

- О'кей!

В приподнятом настроении, окрыленный надеждой Янгураз вышел из комендатуры. Он шел по улице и без страха смотрел по сторонам. Его взгляд зацепился за блестевшие на солнце заснеженные верхушки гор. На западных склонах снег был голубым, а на восточных - серебристым. Где-то там, в голубой дали остались Волга, Урал, которые Янгураз уже никогда не увидит. На юго-западе, сравнительно недалеко отсюда у подножия гор живет фрау Софи. Она и адрес свой оставила. Из газет

Янгураз знал: не только Берлин, но и земли гораздо западнее его, в том числе и местечко, куда отправили Рину, находятся в зоне советской оккупации. Значит, и Рина, и Халима теперь так далеко от Янгураза, словно на другой планете. Здесь у него единственная надежда и опора - этот американский немец, капитан армии США, комендант Инсбрука господин Кюн.

Янгураз полез в карман, чтобы еще раз посмотреть выданную им справку. Рука нащупала записку, которую вручила ему узбечка. О, Аллах, совсем забыл о ней!

"Дорогой Янгураз!

Сколько не пыталась найти тебя в Берлине, не удалось. Это письмо пишу в нескольких экземплярах, чтобы раздать его знающим тебя людям. Возможно кто-нибудь из них увидит тебя.

Теперь я поняла, где должна быть родина татар. Постараюсь обосноваться в Татарстане. Думаю, к беременной женщине будут снисходительны. Если родится мальчик, назову его Ирек - Свобода. А фамилию ему хочу дать - Уразов. Когда он вырастет, может продолжит твою борьбу.

Если не сможешь вернуться на родину, дай о себе весточку по следующему адресу...

Я тебя никогда не забуду.

Халима."

От смелой натуры всего можно ожидать, но этого от Халимы даже знавший ее Янгураз не ожидал. Она поедет на его многострадальную родину? Возможно ли это? И кем она там будет, Господи? Еще одним рабом империи?

Янгураза словно оглушило. Ноги его ослабли, в ушах звенело. Тело горело, он прислонился к стене какого-то дома, не видя ничего вокруг из-за выступивших слез. Нет, не сможет она вернуться на его родину! Из лагеря ее не выпустят даже на свидание с близкими людьми. Почему, почему она не захотела этого понять бедненькая, родненькая?!

Значит, сама судьба велит ему продолжать борьбу за разрушение большевистских лагерей, за уничтожение всего этого огромного смердящего лагеря. Нет такой силы, которая вечно попирала бы человеческий дух. Время собирать камни и крушить казалось бы намертво сцементированное, время создавать на сцене истории новые

события, рождать новых героев должно наступить. Может и у них есть песня еще не спетая, но которой уже суждено прозвучать на сцене истории?

Янгураз не хотел возвращаться в отель. Он пошел в горы, начинавшиеся прямо в городе, чтобы развеяться и привести в порядок свои мысли. Вскоре горная дорога разделилась надвое: та, что пошире и получше вела к Кемптену, где находилась ферма Крюгеров. Другая, поуже, каменистая, местами узкая, как козья тропа, уходила в сторону Швейцарии. Сзади - длинный, предлинный путь в Америку. Янгураз постоял немного и присел на один из больших валунов. Ему нужно было подумать, какую из этих дорог выбрать, какая из них надежнее. Он еще не знал, что судьба его приведет в Гамбург, где он закончит юрфак университета, что потом он станет гражданином США и организует татарские передачи на радиостанции "Голос Америки", а затем в Мюнхене с Шамсиром создаст татарскую редакцию радиостанции "Свобода", что как ученый примет участие в нескольких международных конференциях и в то же время не переставая будет продолжать борьбу за национальное освобождение своего народа; наконец, он еще не знал, что на склоне лет ему доведется приехать в родную Казань гостем Первого Всемирного конгресса татар.

Казань - Мюнхен,
1995 - 1999.

МОЖНО ЛИ ПОДКУПИТЬ ДЬЯВОЛА ?

Спрашиваю у своих русских знакомых (между прочим, людей образованных, десятилетиями живущих в Казани и считающих себя знатоками национальной культуры), слышали ли они о таком татарском писателе - Тауфике Айди?

Пожимают плечами... переспрашивают - не тот ли Айги? Нет, тот Геннадий, живет в Чувашии и не имеет к Айди никакого отношения... Наконец, сдаются. А чем, собственно, он знаменит?

Ну, хотя бы тем. что это - известный татарский прозаик, очеркист, публицист, автор романов, повестей, рассказов и документально-публицистических эссе. В недавно подготовленном к изданию биобиблиографическом указателе 650 его публикаций в газетах, журналах, сборниках и отдельными книгами на 17 языках СНГ и дальнего зарубежья. Книги Т.Айди вызывают многочисленные отклики, о них спорят, говорят, иной раз горячо дискутируют... В том же указателе отмечены около 150 рецензий и печатных откликов на произведения писателя. Сейчас издается на татарском языке одиннадцатитомное собрание избранных произвелений Т.Айди. Восемь томов уже вышли в свет...

Причина же почти полной неизвестности писателя среди русскоязычных читателей проста: до сих пор Т. Айди на русском практически не издавался. Это его первая книга на русском языке.

* * *

Классик татарской литературы Гумер Баширов, выступая на одном из съездов писателей Татарстана, говорил, что основная беда многих наших литераторов в слабом знании жизни. "Какова их биография? Она укладывается в нехитрую схему: ясли-детсад-школа-вуз-редакция..." Что же касается Тауфика Айди, то его жизненный путь никак не укладывается в такую схему.

Родился будущий писатель в "столице торфяного края" - поселке Туголесский Бор, затерянном среди Шатурских болот в Подмоскоье в 1941 году, в семье

сезонных рабочих. После окончания семилетки и библиотечного техникума перепробовал множество профессий: был и каменщиком на стройке., слесарем, затем аппаратчиком на химическом заводе, и бригадиром во вневедомственной охране, и библиотекарем, и учителем, и методистом в Доме народного творчества, и литературным консультантом, и сотрудником редакций газет и журналов.

Объездил всю страну, тогда еще единый многонациональный Советский Союз. А затем, когда открылись границы, побывал во многих странах как ближнего, так и дальнего зарубежья. Но ездил он не просто как путешественник, одержимый лишь жаждой новых впечатлений, а как пытливый исследователь, дотошный журналист. Его интересовали не красоты природы или архитектурные памятники, а прежде всего люди - представители татарского народа, раскиданные судьбой по самым отдаленным уголкам земного шара.

После каждой такой поездки он приезжал, переполненный впечатлениями, с толстыми, разбухшими от запи-сей блокнотами, и, по его собственному признанию, не мог не писать: материал сам просился на бумагу, сам подсказывал и сюжет, и композицию...

* * *

Начало творческого пути Т.Айди относится к 60-м годам. Тогда в татарских изданиях для детей появляются его первые рассказы и эссе, написанные просто, живо и увлекательно. Однако в Союз писателей в 1982 году принимали прежде всего как "взрослого" писателя.

Но это был еще период пробы сил. Он пробует себя в детективном жанре (повесть "Круг", 1978), в жанре исторического романа ("Жало змеи", 1990). Обращается к критике и к художественному переводу, и к жанру публицистики. Но по настоящему находит себя в жанре художественного очерка. Его зримо и ярко написанные художественные портреты наших земляков, представителей татарской диаспоры, живущих в разных концах страны, в течение почти двух десятков лет регулярно публикуются в татарской периодической прессе, выходят и отдельными книгами: "Всюду желанные" (1984), "Волшебная сила" (1987), "Что стало с нами" (1991) и другие.

Невозможно перечислить всех героев документально-художественных очерков Айди. Это и народные артисты СССР - певец Ришат Абдуллин (Казахстан), артистка театра драмы Марзия Даутова (Азербайджан), балерина Галия Измайлова (Узбекистан) и композитор Латыф Хамиди, и писатель Асгат Мухтар, и художники Чингиз Ахмаров, Ахмет Китаев, Файзрахман Аминов. А чтобы назвать всех крупнейших ученых, внесших огромный вклад в развитие мировой науки и ставших героями его очерков, потребовалась бы не одна страница убористого текста. Всех этих весьма своеобразных, непохожих друг на друга и очень интересных людей объединяет одно: они представители татарского народа,, рассыпанного по всему СНГ, по всему земному шару...

* * *

Предлагаемый вниманию русскоязычных читателей новый роман Т.Айди "Взятка дьяволу" на первый взгляд также носит документальный характер. Однако, используя воспоминания участников отечественной войны, автор широко обращается приему худлжественного вымысла. Благодаря этому в романе воплощены вполне типические обстоятельства и типические характеры.

Сильная сторона романа в том, что писатель нигде не грешит против истины.

Как человек, много лет изучавший борьбу наших соплеменников в тылу врага, могу подтвердить: да, так или примерно так вели себя многие из тех, кто оказался в плену.у немцев.

Новизна авторского подхода в том, что Т.Айди прослеживает судьбу тех, кто оказался по ту сторону линии фронта. Причем, не боролся с врагом, как Муса Джалиль и его соратники, а напротив, сотрудничал с ним, то есть являлся коллаборационистом. Как главный герой романа Янгураз не просто учится в годы войны в Берлинском университете, но и является активным сотрудником Восточного министерства Розенберга, бывает на приеме у важных чиновников, тщательно, с карандашом в руках изучает "Майн кампф" и ездит по лагерям для военнопленных, разъясняя эту книгу и идей гитлеризма.

Что ж, видимо, настало время понять, что двигало такими людьми, как они собирались в схватке двух мед-

ведей ("дьяволов") - Гитлера и Сталина - не просто уцелеть, но и извлечь максимальную выгоду для своего наро-да, своей национальной государственности и культуры. Известная народная мудрость гласит: понять - значит. простить. И действительно, автор настолько проникается образом мыслей своего мечущегося героя, что не только прощает, но и оправдывает его, полагая, что иного выхо-да у него не было.

Я лично не разделяю такую всепрощенскую позицию и считаю, что подкупить дьявола - невозможно. Однако, допускаю, что возможны и другие точки зрения. Пусть читатели сами делают выводы из прочитанного...

Рафаэль Мустафин.

Айди Т.
А30 Взятка дьяволу. Роман. Перевод с татарского Г. Садыковой. Казань, "Аваз", 2000. - 360 стр.

В годы Второй мировой войны десятки тысяч татар попадают в плен. Созданный в Германии Татарский комитет из числа военнопленных татар организовывает легион "Идель-Урал" для борьбы с Советами.

Что есть родина? Изменники кто они? Что это за страна Германия? Почему татары вступают в легион? Были ли они изменниками? Каковы были отношения татар-военнопленных с немцами? На эти и некоторые другие вопросы ищет ответы автор этого произведения.

Редактор А. Сагди.
Художник Н. Хаджиахмет.
Корректор А. Айди.
Формат 84x108/32. Гарнитура балтика. Условн. п. л. 11,6.
Тираж 3000. Заказ К-198.
Издательство "Аваз". 420043 Казань, а/я 104.
Издательская лицензия 0219 (18. 12. 1997)
ГУП "Полиграфическо-издательский комбинат".
420503, Казань, ул. Баумана, 19.

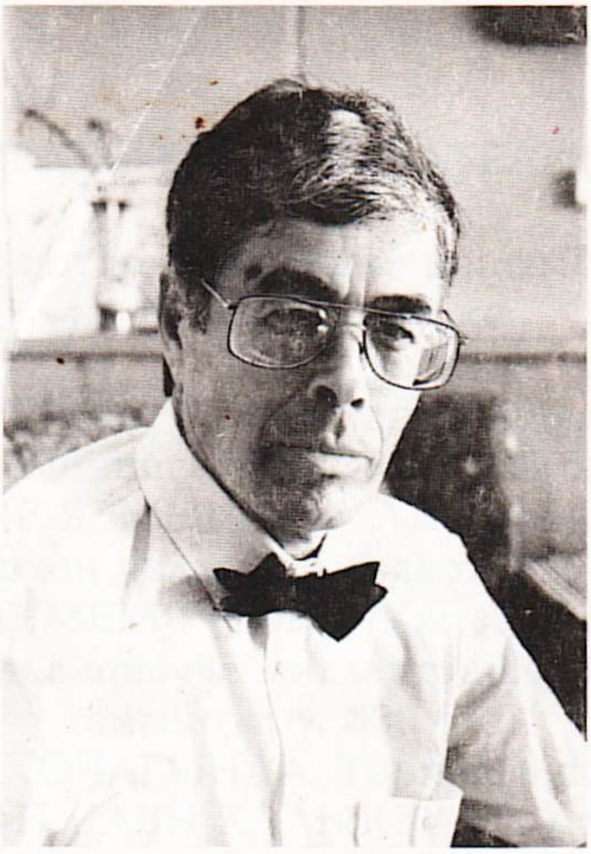
УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

В продаже имеются следующие книги Тауфика Айди на татарском языке:

ОҖМАХ УТРАВЫ. Болгарстан, Кыбрыс, Молдова, Румыйниягә сәяхәтләр. 320 бит.
ЙӨРТӘ БЕЗНЕ ЯЗМЫШЛАР. Алмания, Эстония һәм Әстерхан якларына сәяхәт. 320 бит.
"АҺ, ТУГАН КАУМЕМ ГАЗИЗ". Кытай, Русия төбәкләре, Үзбәгестанда яшәүче милләттәшләребез белән таныштыру. 336 бит.
КАРДӘШЛӘР КОЧАГЫНДА. Төркиягә сәяхәт. 384 бит.
"БЕЗ БАТЫРГАН САЕН КАЛЫККАН". Атаклы татарлар турында хикәяләр. 352 бит.
ЕЛАН УГЫ. Роман. 1920 елгы Бохара вакыйгалары. Чекистлар эше. 400 бит.
ИБЛИСКӘ РИШВӘТ. Роман. Татар хәрби әсирләре 1943-1945 елларда Алманиядә. 376 бит.

В этих книгах кроме отражения различных сторон жизни названных стран и регионов, широко освещается татарская диаспора, а также культурные связи Поволжья и Приуралья, в особенности Татарстана, с другими народами..

Эти книги можно приобрести в магазинах Таткниготорга.



Татары-легионеры в Польше и Франции. Берлинское радио вещает по-татарски. В столице Германии издается газета “Идель-Урал”. Геббельс принимает пленного офицера-татарина. Фрау Софи и фройлейн Рина влюбляются в Янгураза...

Неизвестные для нас события в Германии. Новый взгляд на врага. Простое оказывается сложным. Где же истина?..